This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

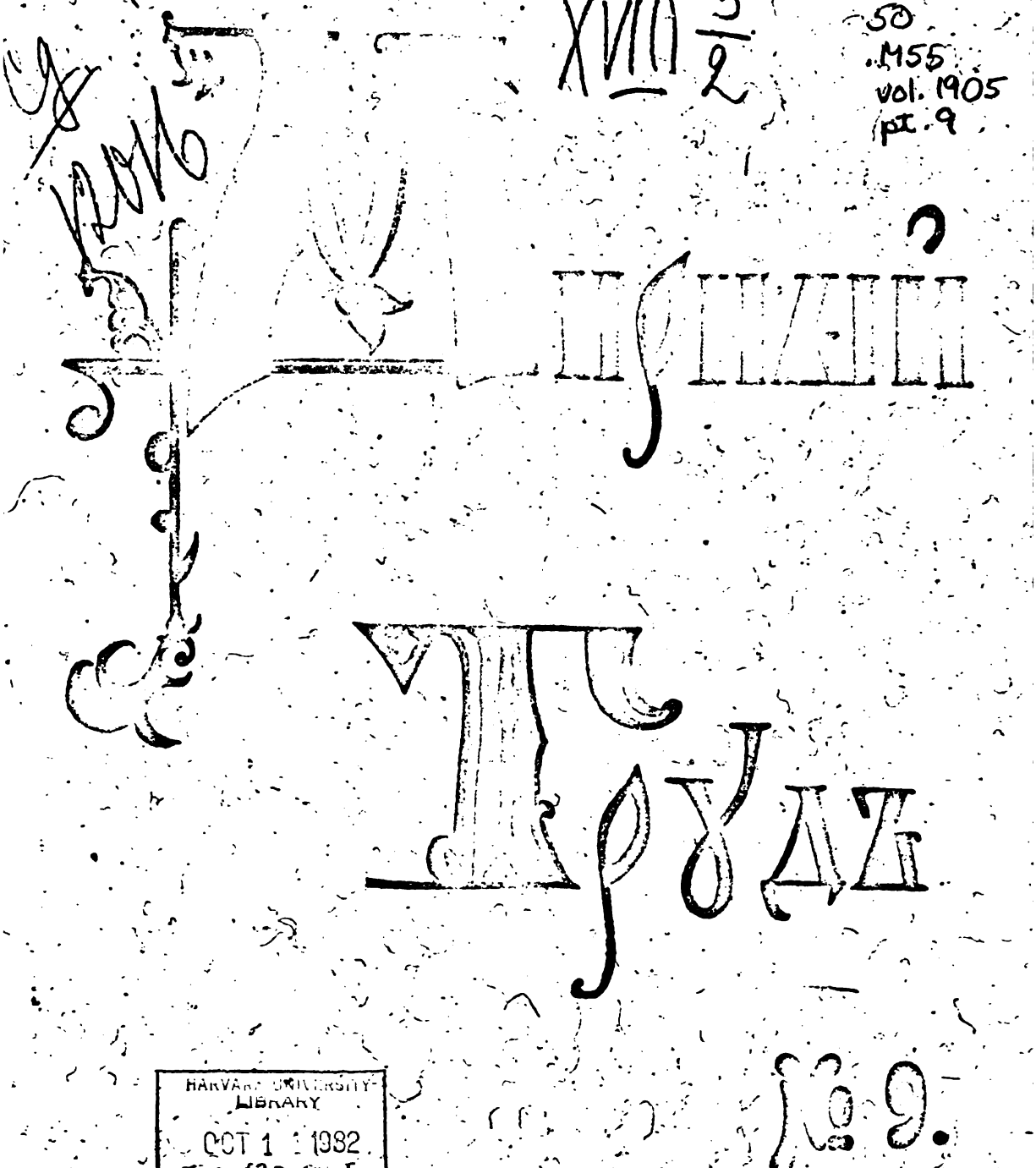
WID-LC
AP
50
.M55
Vol.1905
Pt.9

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Bund
1905
9

XVIII 3/2

A
WID-L-C
AP
50
.M55
vol. 1905
pt. 9



HARVARD UNIVERSITY
LIBRARY
OCT 1 1982
FAS 130 Prad.c.

1905.

Годъ I и II. **МИРНЫЙ ТРУДЪ** Годъ I и II.

повременное научно-литературное и общественное изданіе.

Въ „Мирномъ Трудѣ" за I-й годъ были помѣщены, м. п. проф. А. С. Вязигина Отъ редакціи. „Два слова о культѣ новизны". „Ѳ. И. Фортинскій". „Итоги перваго года". Клеменса Юноши повѣсть „Черное болото". А. Игнатьева „Былинка". Проф. И. В. Нетушила „Этика въ дисциплинѣ". „Миѳологическія теоріи". М. Кайсарова „Шутка" разсказъ. Киплинга „Вильгельмъ завоеватель". В. Харціева „Ученіе А. А. Потебни о народности и національности". Проф. С. Соловьева „В. Гюго" и „Послѣдній Миннезингеръ". Ладислава-Струвэ-ицкаго „Цыновскій бѣсенокъ". П. Каменскаго „Въ поискахъ христіанъ на Западѣ". Н. Гернэ-скаго „Происхожденіе нѣкоторыхъ особенностей національнаго характера англичанъ". М. Бичъ-Лубенскаго „Дядя изъ кальяты" святочный разсказъ. О. Петрова „О средней школѣ". А. Каута Рядъ замѣтокъ. Беллетристическія новости. Обозрѣніе журналовъ. Дѣятельность Обществъ. Библіографія. 5 книжекъ журнала за I-й годъ предоставляютъ собою томъ въ 1976 стр. очень убористаго шрифта, высылаемый Г.г. новымъ подписчикамъ за два рубля съ пересылкой.

Въ „Мирномъ Трудѣ" за II-й годъ помѣщены, м. п., „На Руси" ром. и „Кащей" сказка въ 4 д. кн. *Д. П. Голицына*. „Въ Сочельникъ" и „Старая усадьба" *С. Тулаева*. „Врачебная тайна" и „Бытовыя картинки" *П. П. Олевича-Гненко*. „Оскорбленіе" пов. и „Изъ жизни бывшаго гимназиста" *М. Кайсарова*. „Капитанъ-баба" *Ив. Вѣрунина*. Стих. Св. Ф. Пестрякова, В. Иванова, М. Савинова, Ф. Берга, В. Уманова-Каплуновскаго и др. „Провиденціальныя задачи и конечныя цѣли Россіи", „Таинства и обряды православной церкви" и „Памяти В. Л. Величко" *Епископа Стефана*. „Изъ записной книжки русскаго Монархиста" и „Мистика, идеалы и поэзія Русскаго Самодержавія" *Н. Черняева*. „Взглядъ Ренана на чудеса и пророчества въ евангельской исторіи" Проф. *Т. Буткевича*. „Днѣпровскіе пороги и устройство судоходства на нихъ" Проф. *В. Альбицкаго*. „Праздникъ рус. самосознанія" *П. Хорсова*. „О замѣнѣ иностранныхъ словъ русскими" *М. Савинова*. „Памяти В. Л. Величко", „О поэзіи Ѳ. И. Тютчева", „О литературныхъ заслугахъ гр. А. К. Толстого", „Необходимость Самодержавія для Россіи" *М. Бороднина*. „О необходимости измѣненія системы образованія и воспитанія медиковъ" *Е. Дюкова*. „Предпріимчивость русскаго человѣка", „Восточные вопросы", „Основныя черты англійской политики въ XVIII вѣкѣ", „Изъ исторіи Крымской Кампаніи" Проф. *П. Буцинскаго*. „Къ вопросу о зависимости настроенія нашей школы отъ умственнаго и нравственнаго состоянія самого общества" Проф. *М. Демьянова*. „Кантъ какъ великій учитель нравственности" *Н. Страхова*. „Славянскія извѣстія" и „Степанъ Радичъ о русскомъ самодержавіи" *І. Микша*. „Санитарныя нужды нашей арміи на маньжурскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій" Д-ра. *В. Вицинскаго*. „Мѣсто А. С. Хомякова въ исторіи рус. народнаго самосознанія" Пр. *В Завитневича*. „Мелкая земская единица" кн. *М. Шаховского*. „Необходимость преобразованій", „По поводу пребыванія Царя въ Харьковѣ", „Обновленіе", „О настроеніи русской молодежи", „Надежда Россіи", „Мнимая спасительность парламентаризма", „По поводу студенческихъ безпорядковъ", „Отвѣтъ Вѣстнику Европы" *А. Каута*. „Политическія мечты русскаго патріота" *Ф В.* „Тайное ученіе" и „Крестъ во спасеніе" *В. Задонскаго*. „В Л. Величко", „Опасныя стороны новаго закона о бракѣ", „Россія и революція" Проф. *А. Вязигина*. „Д. С. Мережковскій, какъ переводчикъ „Медеи" Еврипида" и „Несостоятельность обвиненій, взведенныхъ г. Меньшиковымъ на рус. народъ" Проф. *Я. Денисова*. „Замѣтки націоналиста" и „Письма съ Дальняго Востока" *М. Павловскаго*. „Отъ Севастополя до Портъ-Артура" *В. В. Звѣрева* „Значеніе М И. Глинки въ исторіи рус. музыки" *В. Липина*. „Графъ Станиславъ Тарновскій, его дѣятельность и ученые взгляды на Россію и русскихъ", „Памяти С М. Соловьева" *М. Рождественскаго*. „Уваровскій Университетъ" *Н Родзевича*. „О классицизмѣ" *Д. Х.* „Митрополитъ Филаретъ о Православіи и Самодержавіи" *И. Кошкарова*. „Побѣдима ли Россія?" *С. Ячейкина*. „Незабвенной памяти Императора Александра III" *С. ф.-Дитмара*. „Христіанство въ Японіи" Проф. *І. Бродовича*. „В. В. Верещагинъ о русскомъ народномъ искусствѣ" *В. Карпова*. „За что насъ ненавидитъ Европа?" Ст. *В. Ерколова*. „Общія причины антисемитизма" *В. Лазара*. „Военное Обозрѣніе" *Н. Черникова*. Беллетристическія новости. Обозрѣніе журналовъ. Дѣятельность „Русскаго Собранія" въ Петербургѣ, его Харьковскаго Отдѣла, Варшавскаго кружка и другихъ Обществъ. Библіографія.

10 книжекъ „Мирнаго Труда" за 1904 г. содержатъ въ себѣ 2405 стр. убористаго шрифта; высылаются Г.г. новымъ подписчикамъ за 4 руб. съ пересылкой.

Выписывающіе оба года (1902/3 и 1904) одновременно—платятъ 5 руб. съ пересылкой.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

XVIII 3/2

МИРНЫЙ ТРУДЪ.

(Повременное научно-литературное и общественное изданіе).

№ 9.

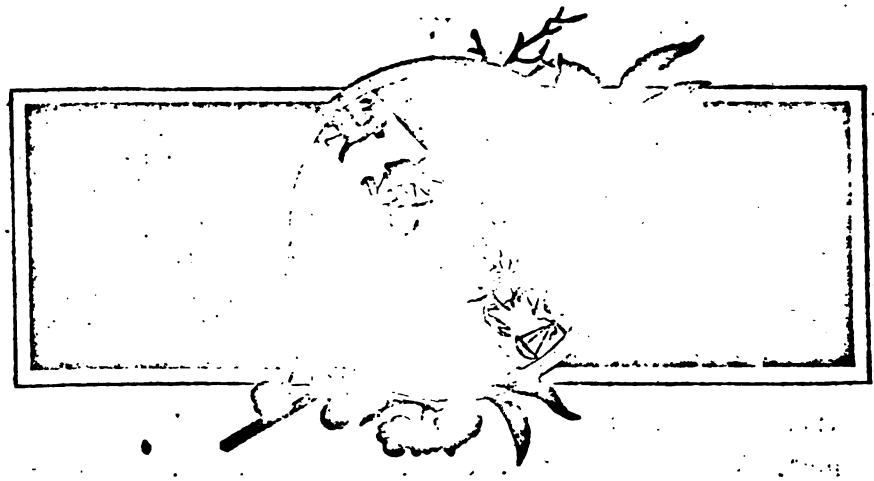
(Ноябрь).

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., домъ № 17-й.
1905.

Дозволено цензурою. г. Харьковъ, 5 ноября 1905 года.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
п5837 55

127



ОГЛАВЛЕНІЕ

ноябрьской книжки журнала „Міръ Божій".

	Стр.
Высочайшіе Манифесты	I—IV
„Національныя рѣчи", **В. Пуришкевича**	V—XVIII
„Никудышники", стих. **В. М. Пуришкевича**	XIX—XXVI
„По поводу Высочайшаго Манифеста отъ 17 октября 1905 года", **А. Вязигина**	XXVII—XXXII
„Путы", комедія въ трехъ дѣйств. Переводъ съ чешскаго **А. И. Кудрицкой**	1—40
„Опека надъ печатью", **В. Г. Опацкаго**	41—72
„Къ реформѣ медицинскаго образованія", **Д-ра Александра Корнилова**	73—94
„Бандуристъ", стих. **Л. Кологривовой**	95—96
„Поэзія и реализмъ Н. А. Некрасова", **М. Бородкина.**	97—131
„Вступленіе къ Опыту построенія понятія „Православіе", въ смыслѣ просвѣтительно-бытовомъ", **Д. Х.** .	132—155
„Проф. Харьковск. университета М. А. Остроумовъ", (по поводу 30-лѣтія его педагогической дѣятельности), **Я. Денисова.**	156—173
*** стихотвореніе **В. Ермолова**	143

„Забастовка духовныхъ академій". Д. Ж. . . . . 174—176
*** стихотвореніе В. Б. 176
„Русская революція и еврейская соціалъ-демократія". Письмо въ редакцію. Яковлева . . . . . 177—190
„Отклики русскихъ людей на современныя событія": „Народный взглядъ на Самодержавіе". „Отмѣнимо-ли Самодержавіе?" „Что намъ дѣлать въ эти тревожные наши дни?" „Современныя впечатлѣнія". „Уроки жизни" . . . . . 191—222
Книги, поступившія въ редакцію журнала „Мирный Трудъ", по 20 октября 1905 года 222
Библіографія. Табурно І. „Правда о войнѣ", Н. Чернякова . . . . . 223—224
„*Тэнъ*. Исторія французской революціи". Книга II. Глава I. . . . . 113—128

ВЫСОЧАЙШІЕ МАНИФЕСТЫ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и проч., и проч., и проч.

I.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ: смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ Имперіи Нашей великою и тяжкою скорбью преисполняютъ сердце Наше. Благо Россійскаго Государя неразрывно связано съ благомъ народнымъ и печаль народная —Его печаль. Отъ волненій, нынѣ возникшихъ, можетъ явиться глубокое нестроеніе народное и угроза цѣлости и единству державы Нашей. Великій обѣтъ Царскаго служенія повелѣваетъ Намъ всѣми силами разума и власти Нашей стремиться къ скорѣйшему прекращенію столь опасной для государства смуты.

Повелѣвъ подлежащимъ властямъ принять мѣры къ устраненію прямыхъ проявленій безпорядка, безчинствъ и насилій въ охрану людей мирныхъ, стремящихся къ спокойному выполненію лежащаго на каждомъ долга, Мы для успѣшнѣйшаго выполненія общихъ, преднамѣчаемыхъ Нами къ умиротворенію государственной жизни, мѣръ признали необходимымъ объединить дѣятельность высшаго правительства. На обязанность правительства возлагаемъ Мы выполненіе непреклонной Нашей воли: 1) даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосно-

венности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и со
зовъ; 2) не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Г
сударственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Дум
въ мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающ
гося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нын
совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ затѣм
дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго пра
вновь установленному законодательному порядку, и 3) устан
вить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не мо
воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и что
выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйств
тельнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій и
ставленныхъ отъ Насъ властей.

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи вспомни
долгъ свой передъ родиною, помочь прекращенію сей несл
ханной смуты и вмѣстѣ съ Нами напрячь всѣ силы къ во
становленію тишины и мира на родной землѣ.

Данъ въ Петергофѣ, въ 17 день октября, въ лѣто о
Рождества Христова 1905, Царствованія же Нашего въ 11

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества р
кою подписано:

„*НИКОЛАЙ*“.

Дается по приказанію графа Витте.

II.

На основаніи сеймоваго устава отъ 3/15 апрѣля 1869
Мы симъ Высочайше повелѣваемъ открыть 7/20 декабря 1905
въ Гельсингфорсѣ чрезвычайный сеймъ для разсмотрѣнія ни
слѣдующихъ дѣлъ: 1) предложенія объ ассигнованіи средст
на разные расходы на 1906—1907 г. и о взиманіи потр
ныхъ для сего временныхъ налоговъ, а также о заключе
государственнаго займа, преимущественно на желѣзнодоро
ныя сооруженія, 2) проекта новаго основного закона о нар
номъ представительствѣ въ Финляндіи на началахъ всеобщ
и равнаго избирательнаго права съ установленіемъ отвѣтств
ности мѣстныхъ правительственныхъ органовъ передъ нар

ными представителями Края и 3) проекта основныхъ законоположеній и въ частности о свободѣ печати, собраній и союзовъ.

Ожидая отъ всѣхъ и каждаго точнаго исполненія сей Монаршей воли Нашей, пребываемъ къ вамъ Императорскою милостію Нашею благосклонны.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„*НИКОЛАЙ*".

Данъ въ Петергофѣ 22 октября (4 ноября) 1905 г.

Дается по распоряженію министра статсъ-секретаря Линдера.

III.

Разсмотрѣвъ окончательно всеподданнѣйшую петицію земскихъ чиновъ Финляндіи отъ 31 декабря 1904 г. о мѣрахъ къ возстановленію закономѣрнаго порядка въ Краѣ, Мы признали ихъ заслуживающими Нашего вниманія и подлежащими осуществленію; вмѣстѣ съ тѣмъ въ развитіе установленныхъ основными законами правъ финскаго народа Мы Высочайше повелѣли составить проекты важныхъ преобразованій основныхъ законовъ на предметъ передачи таковыхъ представителямъ народа. Вслѣдствіе сего Мы повелѣваемъ: пріостановить дѣйствіе основныхъ положеній, объявленныхъ при Нашемъ Манифестѣ отъ 3/15 февраля 1899 г., пока затронутые въ нихъ вопросы не будутъ урегулированы законодательнымъ актомъ, и отмѣнить постановленіе отъ 21 апрѣля 1903 г. о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія съ разъясненіями и дополненіями къ оному и повелѣнія отъ 10 ноября 1903 г., коими отдѣльному корпусу жандармовъ предоставлены служебныя права въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ; постановленіе отъ 8 сентября 1902 г. объ измѣненіи въ нѣкоторыхъ частяхъ Учрежденія Императорскаго финляндскаго сената; постановленіе отъ того же числа о расширеніи полномочія губернатора въ Финляндіи и постановленіе отъ 26 марта 1903 г. объ учрежденіи инструкціи финляндскому генералъ-губернатору и его помощнику, равно какъ постановленіе отъ того же числа объ измѣ-

неніи инструкціи губернаторамъ, и уставъ о воинской повинности отъ 12 іюля 1901 г.; постановленіе отъ 31 іюля 1902 г. объ измѣненіи нѣкоторыхъ правилъ, касающихся службы чиновъ гражданскаго вѣдомства въ Финляндіи; постановленіе отъ 14 августа 1902 г. о порядкѣ удаленія отъ службы должностныхъ лицъ административныхъ вѣдомствъ; постановленіе отъ того же числа о порядкѣ возбужденія судебнаго преслѣдованія за служебныя преступленія должностныхъ лицъ и постановленіе отъ 2 іюля 1902 г. о публичныхъ собраніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мы повелѣваемъ сенату немедленно приступить къ пересмотру остальныхъ, требующихъ измѣненій и перечисленныхъ въ петиціи постановленій. Независимо отъ сего Мы признали за благо Высочайше поручить сенату: 1) составить проектъ новаго сеймоваго устава въ смыслѣ современнаго преобразованія организаціи финскаго народнаго представительства съ примѣненіемъ началъ всеобщаго и равнаго права подачи голосовъ при избраніи народныхъ представителей, 2) выработать проекты основныхъ законоположеній, предоставляющихъ народному представительству право повѣрять законномѣрность служебныхъ распоряженій членовъ правительства и обезпечивающихъ гражданамъ Края свободу собраній и союзовъ и 3) составить проекты закона о свободѣ печати и немедленно издать объявленіе о прекращеніи дѣятельности предварительной цензуры. Проекты эти, по коимъ уже отчасти совершены подготовительныя работы, Мы ожидаемъ отъ сената столь благовременно, чтобы они могли быть переданы земскимъ чинамъ на томъ чрезвычайномъ сеймѣ, созывъ котораго Мы одновременно съ симъ повелѣли. Мы твердо уповаемъ, что намѣченныя Нами мѣры, внушенныя попеченіемъ о благѣ Финляндіи, послужатъ къ укрѣпленію узъ, соединяющихъ финскій народъ съ его Монархомъ.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„*НИКОЛАЙ*".

Данъ въ Петергофѣ 22 октября (4 ноября) 1905 г.

Дается по распоряженію министра статсъ-секретаря Линдера.

НАЦІОНАЛЬНЫЯ РѢЧИ.

(Русская печать на зарѣ обновленія [1]).

Mel in ore, verba lactis,
Fel in corde, fraus in factis.

Вникая въ ходъ развитія Русской общественной жизни и мысли за послѣднее время нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, какъ скоро робкія пожеланія отдѣльныхъ личностей крайнихъ направленій, вырастаютъ теперь въ неумолимыя требованія, какъ успѣшно группируютъ вокругъ себя ряды единомышленниковъ тѣ, которые, казалось бы, не въ правѣ расчитывать на сочувствіе широкихъ массъ и на ихъ существенную поддержку, какъ безнаказанно, какъ смѣло наконецъ создаются и осуществляются программы всякаго рода „культурныхъ“ начинаній, посягающихъ на дѣло воспитанія народнаго въ направленіи, очевидно чуждомъ кореннымъ запросамъ его помысловъ, его духа и воли.

---

[1]) Настоящая статья представляетъ собою докладъ В. М. Пуришкевича, внесенный имъ на основаніи 8 п. 71 ст. Полож. о Земск. Учрежденіяхъ, какъ губернскимъ гласнымъ отъ Аккерманскаго уѣзда Бессарабской губерніи, на разсмотрѣніе предстоящаго Бессарабскаго губернскаго земскаго собранія. Авторъ предлагаетъ собранію:

1. Признать не патріотичной, антигосударственной, возбуждающею и недостойною дѣятельность части современной, такъ называемой либеральной, а въ сущности окрашенной яркимъ радикализмомъ, печати, а именно газетъ а) Сынъ Отечества, б) Наша Жизнь и) Русь, г) Новости, д) Биржевыя Вѣдомости (и въ особенности ихъ вечернія прибавленія).

2. Признать, что въ переживаемое Россіею смутное время только одно *честное* отношеніе къ печатному слову, *честное* служеніе Родинѣ и *честное* освѣщеніе истинныхъ духовныхъ и экономическихъ запросовъ всего народа, а равно отдѣльныхъ его сословій можетъ вывести Россію изъ того хаоса безначалія, въ коемъ она находится нынѣ, и можетъ

Всякое явленіе можетъ и должно имѣть себѣ по
оправданіе въ томъ случаѣ, когда оно результатъ назрѣ
необходимости, но если въ немъ замѣтна фальшь и ложь,
оно носитъ въ себѣ слѣды насильственной прививки, с
того, если оно, опережая условія быта народнаго, спос
повести къ преждевременной ломкѣ основныхъ міровоззр
народа, и слѣдовательно, въ конецъ расшатать мощь
дарственнаго организма, то такое явленіе требуетъ немед
наго освѣщенія и ряда серьезныхъ мѣръ для плодотворно
нимъ борьбы.

Несомнѣнно, что тѣ общественныя теченія, ареною к
рыхъ стала Россія за послѣдніе два года, именно этого
рядка. Какъ бы не идеализировались они экзальтирован
сторонниками „культуры и прогресса", несомнѣнно, что на
ихъ лежитъ не въ одномъ подъемѣ народнаго самосозна
не въ одномъ проснувшемся чувствѣ гражданственности
родныхъ массъ, а главнымъ образомъ въ накопившейся у
горечи и обидѣ противъ правящихъ классовъ за военны
удачи, чѣмъ съумѣла воспользоваться та тѣсно сплоче
группа радикальнаго, подавляющаго меньшинства, которая
другихъ обстоятельствахъ не дерзнула бы выступить отк
даже чувствуя себя безнаказанной со стороны власти.

Прошлое жизни народовъ говоритъ убѣдительно и
что при аналогичныхъ обстоятельствахъ всеобщей раст
ности наступаетъ всегда пора временнаго гипноза общес
ной воли тѣмъ меньшинствомъ, которое, владѣя большим
запасомъ и удачно уловивъ психологическій моментъ, мо
съ одной стороны указать на крушеніе старыхъ идеало
формъ государственной жизни, а съ другой и предложить

безъ кровопролитія, безъ ужасовъ анархіи дать ей реформы, необ
мыя для ея преуспѣянія, служащаго прочнѣйшимъ залогомъ поли
скои мощи и

3. Признать, что въ настоящій, историческій моментъ, когд
ныя силы въ государствѣ, поддерживаемыя радикальной прессой
лагаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы, съ одной стороны обезцѣнити
ченіе реформъ, возвѣщенныхъ съ высоты престола, а съ другой н
возможности власти и общественнымъ учрежденіямъ послѣдоват
провести ихъ мирно и тѣмъ успокоить взволнованную страну, зе
не можетъ оставаться пассивнымъ зрителемъ засилія родины ни
гентствующими хулиганами и должно получить наконецъ право со
свой общеземскій печатный органъ *не для политиканства*, а для
яннаго разумнаго освѣщенія народу происходящихъ событій и з
его въ дѣлѣ общественнаго служенія. *Ред.*

собственные, но не въ расплывчатыхъ выраженіяхъ поэтической мечты, а въ стройной хотя бы и окрашенной яркимъ радикализмомъ системѣ, требующей прежде всего, безпощаднаго разрушенія.

Печать, за которою признается значеніе выразительницы общественнаго мнѣнія, но которая въ большинствѣ случаевъ, создастъ таковое, въ эти годы шатаній, мысли и поисковъ Государственной правды, за рѣдкимъ исключеніемъ, обращается въ орудіе этого стойкаго меньшинства и, увлекая за собою слабыхъ энергіей воли, пополняетъ его кадры.

И вотъ въ эти-то годы разброда мысли, духовной неуравновѣшенности, доводящей подчасъ массы до полной потери нравственнаго чутья выступаютъ два фактора опредѣляющіе дальнѣйшій историческій ходъ жизни даннаго народа.

Первый изъ нихъ это степень сохранности его характера, такъ какъ, реагируя на теченія общественной мысли въ смутные годы и выступая на путь политическаго воспитанія, народъ, только сохранившій въ цѣлости основныя черты своего національнаго духа, способенъ избѣжать крайностей и путемъ разума, а еще того болѣе путемъ инстинкта, не примкнуть къ разрушительной работѣ темныхъ силъ того меньшинства, которое выступаетъ однако съ яркимъ девизомъ на своемъ знамени: „народное благо".

Второй—это степень подготовки лучшей части общества къ работѣ надъ политическимъ воспитаніемъ народа; трезвое уясненіе себѣ ею дѣйствительнаго положенія вещей, способность оцѣнить это положеніе, уловить и пойти на встрѣчу запросамъ народнаго духа, захватить и увлечь, наконецъ, за собою массу народную указаніемъ духовной лжи ея мнимыхъ радѣтелей, преслѣдующихъ чуждыя ей цѣли всеобщей ломки и дикаго разрушенія.

Всматриваясь въ условія современной русской общественной жизни нельзя не признать, что русское общество переживаетъ именно теперь такой историческій моментъ и что, слѣдовательно, отъ указанныхъ двухъ факторовъ зависитъ въ дальнѣйшемъ характеръ и ходъ нашего государственнаго развитія.

Останавливаясь на первомъ изъ нихъ, т. е. на томъ, въ какой степени сохранилъ народъ свои исконныя черты, здоровъ ли онъ, или уже искалѣченъ духовно, возможно, къ счастію, отмѣтить, что, несмотря на разрушительную работу надъ нимъ такъ называемой „интеллигенціи" за послѣдніе годы, масса народная осталась еще сравнительно чуждой ея тле-

творнаго вліянія, почти сохранила еще свои вѣрованія, свои вѣками слагавшіяся понятія, свое вдумчивое міросозерцаніе высокопоэтичной, мечтательной, славянской души; но оставаясь на почвѣ истины, нельзя не указать вмѣстѣ съ тѣмъ того, что упорная, неустанная работа въ народной школѣ и надъ народной школой преслѣдующаго свои цѣли радикальнаго меньшинства съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе подтачиваетъ и вытравляетъ тѣ основы народнаго характера, которыя создали изъ Московскаго Государства Калиты Россію XIX вѣка.

Внѣсословый, западу не знакомый классъ русскаго „интеллигента", куда входитъ и недоучившійся гимназистъ и вѣчно бастующій студентъ и сельскій учитель, съ сумбуромъ въ головѣ отъ многопредметныхъ учительскихъ курсовъ, и фабричный, вскормленный подпольной литературой, и, наконецъ, просто сбившійся съ пути, спившійся и попавшій въ босяки земскій статистикъ, оцѣнщикъ, страховой агентъ, или ветеринарный фельдшеръ, вотъ тѣ „труженники народной нивы", которые засоряютъ ее съ каждымъ днемъ все больше и больше и борьба съ ними окажется непосильной, если будетъ вестись безъ системы и станетъ откладываться à la longue. Вотъ почему особенное, выдающееся вниманіе должно быть удѣлено трезвой оцѣнкѣ второго фактора изъ двухъ отмѣченныхъ выше, т. е. степени подготовки лучшей части общества къ правильному политическому воспитанію народа, который становится теперь объектомъ работы антигосударственныхъ и революціонныхъ силъ, возрастающихъ ежедневно числомъ и смѣлѣющихъ дерзостью духа.

Здѣсь, однако, приходится отмѣтить явленія въ высокой степени неутѣшительныя: первое это то, что самое могучее орудіе воспитанія народной массы, становящейся изъ года въ годъ грамотнѣе—печать находится всецѣло въ рукахъ лицъ, не стоящихъ на высотѣ своей задачи и своеобразно понимающихъ ее какъ выкорчевываніе изъ нѣдръ души народной того, въ чемъ ея сила Второе, это отрицательное, болѣе того, самоубійственное отношеніе общества къ существующей такъ называемой консервативной печати, влекущее за собою ея захирѣніе, ея дряблость, ея приниженность, полную неспособность къ борьбѣ съ тѣми элементами, которые преслѣдуютъ цѣль физическаго и духовнаго разложенія своего народа.

Оба эти явленія до такой степени серьезны, послѣдствія ихъ въ дѣлѣ политическаго воспитанія народа могутъ быть столь пагубными, что необходимо, разобравшись въ причинахъ

ихъ возникновенія, найти средства, пока не поздно, для борьбы съ ними.

Сравнивая западно европейскую либеральную печать съ нашей, легко замѣтить, что какъ мало сходства между ними. Либеральная печать Германіи, либеральная печать страны идеальнаго парламентаризма—Англіи, неся яркую окраску своего направленія, почти безъ исключенія однако національна, напротивъ того Русская, такъ называемая либеральная, печать частью рисуется полнымъ своимъ безразличіемъ къ вопросамъ національнаго характера, національныхъ интересовъ и чести, частью сознательно выступаетъ ихъ жестокимъ гонителемъ, облекаясь въ тогу несуществующаго гражданскаго, космополитическаго идеала и стремясь нарисовать гражданина и борца, но не русскаго гражданина, не русскаго общественнаго дѣятеля для успѣшной борьбы съ разъѣдающимъ русское общество недугомъ.

Западная либеральная печать имѣетъ и знаетъ извѣстныя градаціи и между крайними органами проводниками свободы и ея пониманія тамъ есть цѣлый рядъ промежуточныхъ; русская такъ называемая либеральная печать ничего подобнаго не знаетъ, ея работа не носитъ характера созидательнаго, ея проповѣдь свободы граничитъ съ разнузданностью, доходя порой до хулиганства слова, она не вдумывается въ практическую осуществимость своихъ требованій въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда облекаетъ таковыя въ ясныя и опредѣленныя формы, предъявляя ихъ какъ бы внѣ времени, внѣ пространства, внѣ условій жизни и быта своего народа, она вся, хотя возникшая еще со вчерашняго дня, проникнута духомъ глубокой непримиримости, ненависти ко всему существующему, чужда критическаго анализа и, находясь сама въ состояніи безпрерывнаго нервнаго возбужденія, приводитъ къ тому же своихъ читателей, лишая ихъ духовнаго равновѣсія разбивая ихъ идеалы и озлобляя противъ освященныхъ вѣками формъ общественной жизни. Плохо скрытая задача ея—вызвать анархію, въ каждой изъ ея недомолвокъ видна рука подстрекателя и слышенъ голосъ поощренія произволу и насилію черни, тиранію коей она съ восторгомъ привѣтствуетъ, какъ смѣлый шагъ въ защиту „правъ человѣка!“

Наконецъ, западной либеральной печати и въ особенности печати Англіи, не знающей предварительной цензуры и пользующейся полною свободою слова печати въ высокой степени присуща, въ вопросахъ освѣщенія внутренней политики и жизни страны, та порядочность и продуманность, которая, вызывая въ ней

уваженіе правящихъ круговъ и народа, заставляетъ смотрѣть на нее какъ на благожелательнаго и цѣннаго помощника правительства въ его отвѣтственной задачѣ, какъ на истолкователя народныхъ нуждъ и неусыпнаго стража законности и порядка.

И опять таки ничего подобнаго нельзя сказать о русской, такъ называемой либеральной печати. Будучи чуждой какихъ либо этическихъ понятій и представленій, вѣчный врагъ правительственной власти, она готова сознательно исказить смыслъ всякаго ея шага, направленнаго къ усовершенствованію государственнаго порядка изъ опасенія, что своевременныя и разумныя преобразованія условій народнаго быта могутъ предотвратить событія смуты, понимаемыя ею какъ свободу sui generis, послѣдствій коихъ она уяснить себѣ не хочетъ, такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, лишь преслѣдуетъ цѣли разрушительныя, а не созидательныя, и если способна къ начертанію практически осуществимой программы, то исключительно программы развала.

Ея девизъ „чѣмъ хуже—тѣмъ лучше"; признавая всѣ средства допустимыми въ томъ случаѣ, когда они ведутъ къ достиженію намѣченной ею цѣли, она способна и къ злостному вымыслу, разслѣвающе дѣйствующему на массы народныя, и къ преступному шантажу, и къ искусственному подбору событій, ничего общаго между собой не имѣющихъ, носящихъ подчасъ совершенно частный характеръ и тѣмъ не менѣе нанизываемыхъ ею, съ кропотливостью, достойною лучшаго удѣла, то въ цѣляхъ изобразить волну общественнаго движенія, вызванную гнетомъ бюрократическаго режима, то въ цѣляхъ намекнуть на своевременность такого движенія и дать толчекъ ему тамъ, гдѣ его нѣтъ, то въ цѣляхъ вооружить одно сословіе противъ другого, одну общественную группу противъ другой, въ большинствѣ случаевъ—противъ служилой, то въ цѣляхъ, наконецъ, высмѣять, опозорить, смѣшать съ грязью того, кто направленіемъ, неподкупностью, убѣжденіемъ, силою характера и непреклонностью принциповъ и воли является ея противникомъ и не способенъ стать въ ряды ея клевретовъ. Ей не знакомо уваженіе къ личности, такъ высоко стоящее въ Англійской печати и, не смотря на существованіе у насъ предварительной цензуры и массы министерскихъ циркуляровъ, которые могли бы, казалось бы, оградить общество отъ невоспитанности русской, такъ называемой либеральной печати, эта невоспитанность настолько ей врождена и присуща, что не способна поддаться серьезному врачеванію ни силой административнаго воздѣйствія, ни что хуже всего,

годами ея жизни, ходомъ времени, которое совершенствуетъ какъ то, что носитъ въ себѣ зерна правды, такъ равно и то, что выростаетъ на почвѣ позора.

Стоитъ остановиться на отдѣлѣ внутреннихъ обозрѣній цѣлаго ряда столичныхъ изданій такъ называемаго либеральнаго направленія, чтобы увидѣть, какъ чужды они благородныхъ задачъ свободнаго слова, прагматическаго изложенія фактовъ, безпристрастной оцѣнки событій и лицъ, вписывающихъ страницы жизни въ исторію своего народа. О провинціальной либеральной печати и говорить трудно: за самымъ рѣдкимъ исключеніемъ—эхо столичныхъ изданій того же направленія, забросивъ перо, съ неизмѣнными спутниками бездарности—ножницами и клеемъ, она всецѣло занята либеральнымъ сыскомъ, жолчными, возбужденными, дѣйствующими на массы редакціонными статьями и припасками къ перепечатываемымъ ею столбцамъ изъ столичныхъ изданій и дикимъ безсмысленнымъ порицаніемъ всего существующаго въ угоду „прогресса".

Такова русская либеральная печать, русская по начертанію буквъ, русская по языку, наполовину русская по грамотѣ и явно не русская по духу злобы къ своему народу, по незнакомству съ истинными запросами его сословій.

Останавливаясь и вникая глубже въ это явленіе со смутнымъ предчувствіемъ тѣхъ его послѣдствій, которые могутъ привести къ окончательной гибели Россіи, необходимо выяснить, поправимо ли существующее зло, т. е. носитъ ли оно характеръ временный или же будущее грозитъ худшимъ.

Трудно оспаривать положеніе, что главнѣйшая причина указаннаго направленія современной русской либеральной печати коренится, при существованіи у насъ предварительной цензуры, въ отсутствіи строго опредѣленнаго руководящаго государственнаго принципа, опредѣленнаго воззрѣнія на пониманіе задачъ и значенія печатнаго слова въ дѣлѣ духовнаго и экономическаго развитія страны.

Обращаясь къ той памятной порѣ, которая предшествовала эпохѣ великихъ реформъ и къ страницамъ прошлаго этой эпохи, легко замѣтить, что личнымъ усмотрѣніемъ, мало чѣмъ рознящимся отъ произвола, личнымъ взглядомъ на задачи печати государственныхъ дѣятелей, облеченныхъ авторитетомъ власти и силою вліянія, опредѣлялся у насъ тотъ или другой цензурный режимъ (подчасъ не переживавшій своего насадителя), въ гораздо большей степени, чѣмъ даже буквою дѣйствовавшаго, суроваго закона, а между тѣмъ жизнь не знаетъ

скачковъ; послѣдовательно, гармонично и стройно развивая изъ сѣмени колосъ, она можетъ погаснуть на вѣкъ въ еле проросшемъ зернѣ, можетъ по той или иной причинѣ не во время, съ неестественной силой забившись въ слабомъ—обречь пустоцвѣту высокоподнявшійся изъ него стебель. можетъ, зародившись поздно, сократить положенный ему временемъ предѣлъ развитія и существованія, но не можетъ, не въ силахъ жизнь, затрепетавъ въ зернѣ, давшемъ корни и пустившемъ къ свѣту зеленый ростокъ, обречь его снова набуханію въ старой шелухѣ и вторично выгонять оттуда. А между тѣмъ это именно и было до сихъ поръ удѣломъ русской печати.

Отъ конца сороковыхъ годовъ XIX столѣтія по настоящее время, т. е. на протяженіи почти шестидесяти лѣтъ, она все въ томъ же заколдованномъ кругу своеобразной и чисто индивидуальной оцѣнки ея задачъ представителями власти, все тотъ же дамокловъ мечъ „усмотрѣнія“ виситъ надъ нею и, въ самыя счастливыя для нея минуты сравнительной свободы у нея не можетъ быть сейчасъ, какъ и раньше, увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, той увѣренности, которая является всегда и всюду залогомъ спокойнаго труда, вдумчиваго отношенія къ событіямъ жизни роднаго края и сознанія высокой отвѣтственности выполняемой задачи, передъ тѣмъ народомъ, коему служишь. Она прошла и сквозь строй Бутурлинскаго Цензурнаго Комитета 40-хъ годовъ, когда, говоря образнымъ языкомъ академика Никитенко, цензура была (для нея) „съѣзжею и обращались съ мыслями какъ съ ворами и убійцами“, она въ концѣ 50-хъ годовъ, въ дни борьбы двухъ направленій Ковалевскаго и Блудова, могла мечтать только о возвратѣ къ Уставу 1828 года, она, получившая наконецъ послѣ цѣлаго ряда коммиссій Валуевскій уставъ 1865 года, отмѣченный съ высоты Престола, какъ первый шагъ къ дальнѣйшей свободѣ, осталась и остается по сей день при этомъ временномъ законѣ, законѣ, который въ годы, слѣдовавшіе за своимъ появленіемъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ теоретическимъ прогрессомъ, не получившимъ практическаго осуществленія въ полной мѣрѣ и сейчасъ находящимся въ рукахъ исполнителей, преломляющихъ статьи его подъ воздѣйствіемъ среды, подобно преломленію луча, проходящаго призму.

Ясно, что такія условія едва-ли могли создать почву для благожелательной работы либеральной печати. Лишенная возможности развиваться органически, получая права свободы не по духу буквы закона, а по степени ея пониманія блюстителями его статей, и находясь подъ вѣчнымъ страхомъ наступ-

ленія реакціонной волны, печать, въ дни прекращавшихся стѣсненій слова, забывала свои прямыя задачи и пользовалась имъ не для служенія народу, не для выясненія потребностей его быта и духа, а для борьбы съ режимомъ и его представителями, вербуя сторонниковъ и защитниковъ своихъ попираемыхъ правъ заманчивою перспективою общаго блага на развалинахъ того строя, который лишалъ ее свободы.

Она была искалѣченной и, какъ всякій искалѣченный организмъ, не могла примириться, ни со своимъ положеніемъ лишившимъ ее величайшаго блага жизни—здоровыхъ силъ и правильнаго развитія, ни съ тою средой, которая кольцомъ окружала ее не желая понимать, оставаясь чуждой ея печали.

Въ этомъ первая и, несомнѣнно, главнѣйшая причина того удручающаго душу направленія русской либеральной печати, которое дѣлаетъ ее сейчасъ злѣйшимъ врагомъ разумнаго поступательнаго движенія русской жизни, убійцею духовныхъ силъ проснувшагося народа.

Если бы эта причина была единственною, если бы только она одна руководила настроеніями тѣхъ, которые, выступая теперь подъ маскою прогресса и усовершенствованія правоваго порядка, въ дѣйствительности являются ничѣмъ инымъ, какъ крупными хулиганами, интеллигентствующими расхитителями народнаго добра, то не подлежитъ сомнѣнію, что ближайшее будущее, сулящее не палліативы, а рядъ серьезныхъ мѣропріятій въ дѣлѣ улучшенія положенія печати, могло бы постепенно сгладить эти крайности ея направленія, оздоровить ее духовно и сдѣлать незамѣнимымъ посредникомъ между народомъ и государственной властью въ трудѣ устроенія Россіи на началахъ правды, законности и порядка.

Но въ томъ то и дѣло, что причиной необузданной похотливости современной, такъ называемой, либеральной русской печати является не одно только временное опьяненіе свободою такъ долго скованнаго печатнаго слова, но и нѣчто другое и это другое—личный составъ ея непосредственныхъ вождей и вдохновителей.

Едва-ли есть государство въ Европѣ, за исключеніемъ быть можетъ расползающейся по всѣмъ швамъ Имперіи Габсбурговъ, гдѣ бы нервъ жизни народа—печать—находилась въ такой страшной кабалѣ у еврейства, въ какой она состоитъ въ Россіи.

Трудно повѣрить, чтобы то племя, которому чужды понятія государственности, любви къ родинѣ, народной гордости, могло бы получить нравственное право не только стать ихъ выразителемъ предъ 120 милліонной, чуждой ему по духу, по-

вѣрованію, по національности народной массой и за нее, но и своеобразно корректировать эти понятія, совершенствовать ихъ въ цѣляхъ ея культурнаго преуспѣянія и дальнѣйшаго якобы-бы, государственнаго развитія. Трудно повѣрить, чтобы то племя, для котораго рубль и аршинъ составляютъ цѣль и смыслъ жизни, связь коего со страной поддерживается не преданіями, не завѣтами сѣдой старины, а степенью матеріальнаго достатка населяющаго ее, ему чуждаго народа и степенью способности послѣдняго отстаивать свою экономическую независимость отъ цѣпкихъ рукъ ростовщика, трудно повѣрить, чтобы такое племя, захвативъ печать страны, могло бы сдѣлать ее выразительницею хотя бы однихъ только духовныхъ нуждъ того народа, который намѣченъ имъ жертвою личнаго матеріальнаго обогащенія.

Трудно, наконецъ, повѣрить, чтобы племя, которое не способно ассимилироваться съ другими и утерять свои хищническія наклонности, коего чуждаются жизненные народы, отъ коего ограждаютъ себя изъ чувства національнаго, историческаго самосохраненія, трудно допустить, чтобы такое племя какъ евреи, завладѣвъ государственной трибуной страны, начало радѣть объ истинныхъ нуждахъ ея народа, стоящихъ, въ большинствѣ случаевъ, въ полномъ противорѣчіи съ интересами и цѣлями еврейства.

А между тѣмъ въ Россіи сила и значеніе еврея въ газетѣ и журналѣ возрастаетъ съ ужасающею быстротою изъ года въ годъ и, быть можетъ, недалекъ уже тотъ день, когда одна изъ величайшихъ державъ міра—печать—станетъ у насъ ихъ нераздѣльнымъ достояніемъ.

Говорить ли о послѣдствіяхъ?

Лишенный голоса въ сравнительно закрытыхъ общественныхъ собраніяхъ на мѣстахъ, ограниченный правами въ русской школѣ, въ цѣляхъ охраны ея отъ окончательнаго нравственнаго растлѣнія, предусмотрительно отстраненный отъ широкаго участія въ государственной жизни страны, еврей успѣлъ открыть себѣ доступъ, захватомъ печати, въ то великое общественное собраніе, имя которому Россія, и облечься въ тогу народнаго Трибуна.

Личная матеріальная обезпеченность, а при отсутствіи ея обязательная поддержка сплоченныхъ единомышленниковъ, прирожденная изворотливость ума, безпринципность, неразборчивость въ средствахъ для достиженія намѣченной цѣли, вотъ то, что укрѣпивъ уже за евреемъ сравнительно недавно захваченное имъ мѣсто, вотъ то, что поведетъ къ несомнѣнному

духовному порабощенію имъ народной массы, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ полному ея растлѣнію въ ближайшіе годы.

Какъ бы ни были благодѣтельны и широки, поэтому, предстоящія преобразованія въ области цензуры, какимъ бы духомъ свободы не вѣяло отъ нихъ, добейся печать даже того идеала, о которомъ, въ былые годы, такъ тщетно пекся въ своемъ „Днѣ“ Аксаковъ, мечтавшій о порѣ, когда свобода печатнаго слова „станетъ неотъемлемымъ правомъ каждаго подданнаго Россійской Имперіи безъ различія званія и состоянія“—русская такъ называемая либеральная печать—покорное орудіе въ рукахъ евреевъ не только сохранитъ тотъ красный флагъ, который водруженъ ею до времени полусвернутымъ надъ редакціонной трибуной, но и тщательно расправивъ его, съ наглою издѣвкой предъ безсиліемъ правящей власти, броситъ въ среду растерявшагося народа неумолимое и кровавое пламя анархіи и разгула.

Дѣти народа, вѣчно ищущаго правъ, но всегда забывающаго объ обязанностяхъ, сознающаго возможность расширенія первыхъ терроромъ въ дыму пожара, на что иное какъ не на смуту могутъ и должны толкать соединенными силами евреи общество той страны, которая съ непростительнымъ легкомыслiемъ дала имъ неоффиціальное мѣсто у кормила власти.

И если теперь еще, когда мысль находится въ тискахъ цензуры и слово не получило той свободы, къ которой стремится, если теперь еще объединенныя силы еврейской печати, т. е. печати большей части Россіи, безстыдно изображающей собою общественное мнѣніе, выдвигаютъ отъ себя такъ называемыя „общественныя, назрѣвшія нужды“, выступаютъ отъ имени русскаго народа и добиваются реформъ, идущихъ якобы на встрѣчу его запросамъ, а въ сущности подтачивающихъ сплошь и рядомъ своею преждевременностью его духовную мощь, то не получитъ-ли это явленіе еще болѣе грознаго характера въ тотъ часъ, когда печатное слово будетъ свободнымъ, когда понизится до послѣдней степени возможность воздѣйствія на него со стороны Государственной власти, удѣломъ коей можетъ остаться роль простого зрителя въ побѣдномъ, вакхическомъ и терроризующемъ шествіи по алтарямъ родной святыни, интеллигентствующаго хулигана мысли и слова.

Народъ еще сравнительно здоровъ. Инстинктъ самосохраненія заставляетъ его сторониться разукрашенной лжи и вожделѣній его преступныхъ воспитателей, но съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ назойливѣе и повелительнѣе стучится въ двери къ нему непрошенный благодѣтель, все болѣе и болѣе заман-

чивыя картины благъ и раздолья рисуетъ ему и подпольный листокъ, и революціонная брошюра, умѣло затрагивающая больныя стороны его быта, и подбираемые сотни и тысячи номеровъ еврейской газеты, даръ руки неуловимаго агитатора, систематически усыпающій, по линіямъ желѣзныхъ дорогъ, его родные поля.

Великъ соблазнъ. Гдѣ истина? кто разъяснитъ ее, кто разсѣетъ марево обмана, ласкающаго взоръ и душу большого дитяти?

И время сдѣлаетъ свое.

Не видя отвѣта, не чувствуя нравственной поддержки себѣ, сначала медленно, а затѣмъ все скорѣе и скорѣе подъ крики торжествующей крамолы двинется лавина народная въ поискахъ сулимаго ей счастія, въ поиски далекой, несбыточной фатаморганы, съ дикимъ смѣхомъ размететъ она какъ щепы на пути своемъ случайныя преграды запоздалаго благоразумія очнувшейся власти, броситъ ей безпощадный вызовъ и, въ порывѣ безумнаго гнѣва, стихійно ломая вѣковые устои своей государственности, приведетъ къ преждевременной гибели въ конецъ оторопѣвшую Россію...

Въ жизни частнаго лица и общественнаго дѣятеля нѣтъ худшаго зла, чѣмъ зло самообольщенія, въ жизни государства нѣтъ большаго ему врага, чѣмъ собственная политическая близорукость и отсутствіе послѣдовательной государственной программы; только улавливающій значеніе того или другого историческаго момента можетъ стать господиномъ положенія и, при всей кажущейся тяжести и безвыходности его, будетъ въ состояніи направить русло рѣки народной жизни по тому пути, который не грозитъ ея разливомъ.

На зарѣ кореннаго, такъ долго жданнаго обновленія русской печати лишь одна благоразумная предусмотрительность Правительства и земства можетъ сохранить народъ таковымъ и не отдать его въ руки иноплеменной клики, задача коей, перевоспитавъ его, обратить въ необузданную, похотливую чернь.

Всесокрушающій ядъ духовнаго разврата радикальной прессы, ея дикія завыванія, ея вакхическая пляска надъ основами русскаго могущества, подтачиваніе ею того и глумленіе надъ тѣмъ, что, какъ святыню, хранилъ и лелѣялъ въ своемъ сердцѣ до сихъ поръ русскій народъ, должно найти отпоръ въ такомъ же свободномъ словѣ изъ такъ называемаго консервативнаго, въ лучшемъ смыслѣ слова, лагеря и въ умѣніи послѣдняго понести это слово широкою волною въ глушь русскихъ деревень.

Всматриваясь однако въ дѣйствительность, нельзя не замѣтить, какъ жалокъ удѣлъ современныхъ печатныхъ органовъ этого направленія столичныхъ и провинціальныхъ.

Никудышники[1].

Администраторъ.

XXX.

Стремится къ власти онъ открыто
И проситъ громко пирога,
Но, у завѣтнаго корыта
Въ *своемъ* лишь чувствуетъ врага!
Предъ инородцемъ—льстецъ позорный,
Онъ финна, шведа, поляка
Встрѣчаетъ лаской тошнотворной
Съ блудливой рѣчью языка.
Въ экстазѣ лижетъ армянину
Колѣни, пятки, задъ и спину
И, позабывъ свой постъ и санъ,
Онъ—представитель русской власти—
Танцуетъ съ пыломъ юной страсти
Превосходительный канканъ.
Но, если загнанный, забитый,
Нужды отчаяньемъ гонимъ,
Предстанетъ *русскій* передъ нимъ,
Прося лишь права и защиты,
О! тутъ владыка, тутъ Зевесъ,
И, подойти къ нему не смѣя,
Увидимъ жителя небесъ
Въ лицѣ... вчерашняго лакея.

XXXI.

Вины въ томъ, другъ мой, нѣтъ, что ты сынокъ поповича,
Вскорменнаго въ глуши приволья деревенскаго,
А плохо только то, что трусость М—ча
Въ себѣ ты сочеталъ съ измѣной О—го.

---

[1]) См. „Мирный Трудъ“ № 6.

XXXII.

Ларчикъ.

Que Dieu nous Sauve que Dieu nous garde
Мы слышать не хотимъ закона.
И тщетно борется Бельгардъ
Съ толпой поклонниковъ Гапона!
Пришла безвременья пора,
Поразбросавъ свои святыни,
Живемъ мы только „на ура".
Ведутъ насъ „къ свѣту" Пропера
Вождями ставъ повсюду нынѣ.
Толпы безумной коноводъ,
Поймавъ опѣшившій народъ
На радикальную приманку,
Юрицынъ русской жизни ходъ
Пустить стремится на изнанку.
„Гражданской" похотью томимъ
Поспѣть старается за нимъ,
Надѣвъ колпакъ шута идіотскій,
Профессоръ (съ позволенья) Ходскій,
И съ гикомъ, съ шумомъ этотъ клиръ
Оповѣстить желаетъ міръ,
Что идеальныя стремленья—
Рычагъ въ немъ хора „обновленья".
Увы! свѣтъ нынче не дуракъ,
Чутьемъ онъ понялъ кое-какъ,
Что это каторжная пресса
И что соратникамъ Жореса
Нужны... реклама и... пятакъ!

* * *

XXXIII.

Уроки стихнувшей войны
Дадутъ Европѣ встряску разомъ
И тамъ, гдѣ спятъ ея сыны,
Пойдетъ работать дружно разумъ:
Узнаетъ *нѣмецъ*, въ чемъ онъ слабъ.

Откроетъ *янки* въ мигъ болячку.
И моды безпокойный рабъ,
Французъ запоретъ съ нимъ горячку.
Слѣдя за ходомъ дѣлъ у всѣхъ
Пиратъ подъ маскою квирита,
Утроитъ флотъ свой безъ помѣхъ
Повсюду духъ коварный *Брита*:
А *русскій*? здѣсь плодовъ не жди,
Пускай ему досталась встряска,
Въ его истерзанной груди
Все та-же старая закваска:
Бумагъ онъ изведетъ моря
Но, зубы съѣвъ на перебранкѣ,
Закончитъ, кашу заваря,
Игрой на... сломанной шарманкѣ.

XXXIV.

Эпитафія NN.

Воспоминанія Д—ской переправы
Вскружили голову мнѣ бѣдному рабу
И долгій вѣкъ я свой изображалъ трубу
Своей людьми забытой славы!

XXXV.

При смѣщеніи Ер—ва
Намъ поѣсть не дали „колова"
„Признакъ бѣдныхъ похоронъ",
Такъ болтаютъ прихлебатели,
Нѣтъ, причина въ томъ, пріятели,
Что воскреснуть сможетъ онъ!

XXXVI.

Нарзанъ.

1.

У источника Нарзана,
Набираясь вешнихъ силъ,

XXII

По утрамъ гуляетъ рано
Тройка важныхъ Гамадрилъ
Вотъ въ одеждѣ пилигрима
Скиксовавшій Сацердотъ,
Воздыхатель томный Рима,
Тихой поступью идетъ,
„На рукахъ что гири-четки,
Бѣдный, бѣдный, какъ онъ плохъ.
„Вотъ дѣйствительно Энохъ"
Лучшей небу нѣтъ находки!"

2.

Сотней недуговъ томимъ
Заяцъ въ маскѣ фараона
Выступаетъ вслѣдъ за нимъ
Г—ская ворона.
Пусть въ Тифлисѣ и Баку
Плачъ и стонъ и харакири,
Жизнь провелъ онъ „на току"
Выѣзжая на.. Б...—ирѣ.
„Тамъ лишь тѣшатся слегка,
Разминаютъ съ дуру глотку!"—
Не пора-ли простака
Взять ins Himmel—какъ находку?

3.

За вершителемъ судьбы
Непокорнаго Кавказа
Выступаетъ сынъ рабы,
Совершивъ ракъ-атъ намаза.
Правда-ль это, или нѣтъ,
Но, гласитъ молва народа,
„Тамъ, гдѣ блещетъ Магометъ,
Улучшается порода"—
Собиратель вешнихъ силъ
Въ газахъ дивнаго потока,
Магометъ—слуга пророка,
Мнѣ изъ трехъ наиболье милъ:
Безъ шумихи и рекламъ,

Проводникъ съ душой вулкана,
Служитъ онъ какъ можетъ тамъ,
Вѣрный буквѣ ал-корана!

XXXVII.

Безсмертные.

Толкутъ уставъ строительный
Подрядъ семнадцать лѣтъ,
А пользы ощутительной
Увы! покамѣстъ нѣтъ!
Блистая ерудиціей,
Шумитъ какъ встарь С—ръ,
Но мелетъ онъ съ амбиціей
Подчасъ жестокій вздоръ.
Почтеннаго собранія,
Оракулъ Pierre К—инъ
Даетъ всѣмъ „указанія“,
Но... нагоняетъ сплинъ,
Бранится съ П—анцевымъ
„Угодникъ“ Іеронимъ,
Считая тѣхъ поганцами,
Кто.. не согласенъ съ нимъ
Подъ рѣчи Б—овскаго
(Новѣйшій Андокидъ [1])
Храпъ слышенъ З—овскаго
И Жиберъ мирно спитъ.
Enfant gaté коммиссіи
„Проекта“ акушоръ
Лишь сглаживать коллизіи
Стремится до сихъ поръ,
Но.. Сциллы здѣсь строительной
Предотвратить пока
Не можетъ Г—инъ бдительный
Рѣчами знатока
И „опытъ“ П..—ецкаго
Здѣсь также ни къ чему:

[1]) Древне-греческій ораторъ эпохи упадка краснорѣчія.

„Разгрыстъ орѣха грецкаго
Не вашему уму“,
Вотъ что твердитъ губительныхъ
Намъ техниковъ среда
И... правилъ возъ строительныхъ
Стоячая вода!
„Начать все дѣло на ново“.
Рѣшилъ вдругъ Д..н—во,
Намъ въ папы давъ С—анова.
И вотъ мы de nouveau
Во имя добродѣтели
На корешкахъ сидимъ.
Все мѣтимъ въ благодѣтели
А на повѣрку—дымъ!
И мнится Пуришкевичу,
Что здѣсь второй „квартетъ“,
Что проку и не будетъ въ немъ,
Какъ не было и нѣтъ.
Но, что наступитъ времячко,
У, ухъ! прійдетъ пора
И, по дѣломъ давъ въ темячко,
Прогонитъ со двора
Коммиссію живучую
Людей россійскихъ сходъ
И, съ Авгіевой кучею,
Безсмертную смететъ!

XXXVIII.

Признаніе.

Я ревизоръ, какихъ есть много:
Съ предвзятой цѣлью ѣзжу я,
Гдѣ нужно—„шершъ“—копаюсь строго,
Гдѣ чую—„кушъ“—грызу края.
Я дальтонистъ подчасъ отмѣнный
(Отъ угля не отличу мѣлъ)
Я современный, современный
Во всемъ, всегда вершитель дѣлъ.
Обманъ и ложь, проступокъ, взятки,

Кто ихъ въ конецъ искоренитъ!
Порой сыграть не хуже въ прятки
Чѣмъ добираться до... ланитъ.
О! я видалъ безспорно виды,
Какъ часто звалъ я степью лѣсъ!
Я умный вождь слѣпой Ѳемиды
Ея Гермесъ, ея Гермесъ!
Но на духу могу признаться
Во мнѣ причина русскихъ бѣдъ:
Я замѣтать умѣю слѣдъ
И, безъ слѣда могу кусаться!

XXXIX.

Сонъ Витте.

Отъ объятій впавъ въ истерику,
Радикальныхъ массъ кумиръ,
Покидаетъ онъ Америку,
Заключивъ „почетный“ миръ
Истомленному, разбитому,
Отъ пожатій и рѣчей,
Мужу нынѣ знаменитому
Нуженъ сонъ въ тиши ночей.

***

Спитъ онъ, спитъ и снится Сергію,
Какъ за росчеркомъ пера,
Похваливъ его энергію,
Рузевельтъ кричитъ „ура“.
„Полно жертвъ, всѣ люди—братія.
Славный подвигъ совершонъ!
Много значитъ дипломатія,
Витте въ ней—Наполеонъ!“

***

Спитъ и грезится великому,
Что японскій дипломатъ,
Вдругъ поддавшись горю дикому
Влѣзъ въ петлю и принялъ ядъ.

XXVI

Что объяты жаркимъ пламенемъ
Странъ Японскихъ города,
И царятъ тамъ съ краснымъ знаменемъ
Черни буйныя стада!

***

Спитъ и слышитъ плескъ отечества:
Здѣсь еврействомъ окружонъ
Званье „друга человѣчества“
Получаетъ сразу онъ,
И, подъ оду Шаи Минскаго
Дань „заслугамъ“ и уму,
Графа Полу-Сахалинскаго
Титулъ грезится ему.

В. М. Пуришкевичъ

1905 г. Августъ.

По поводу Высочайшаго Манифеста отъ 17-го октября 1905 года.

Какъ предвидѣли всѣ трезво мыслящіе наблюдатели русской жизни, завершеніе неслыханно позорной войны съ Японіей безславнымъ портсмутскимъ миромъ не принесло успокоенія нашему несчастному Отечеству. Крайняя партія, желающая „порвать всякую связь съ прошлымъ“ и превратить Россію изъ христіански-самодержавнаго, въ идеалѣ, государства въ демократическую республику или даже въ коммунистическую анархію, нашла въ безпрерывныхъ уступкахъ правительства, подзадориваніи печати, растерянности общества благопріятную почву для постояннаго повышенія своихъ требованій, заявляемыхъ уже одновременно съ открытыми угрозами прибѣгнуть къ вооруженному возстанію и политической забастовкѣ. Какъ послѣ берлинскаго конгресса, такъ и теперь вслѣдъ за миромъ наблюдается вспышка революціоннаго движенія, нашедшаго для себя болѣе благопріятную обстановку. Печальныя событія послѣднихъ лѣтъ тяжело отразились на положеніи рабочаго и служилаго люда, который, при возрастающей дороговизнѣ предметовъ первой необходимости, испытывалъ все большую нужду въ улучшеніи своего экономическаго и соціальнаго положенія. Эта нужда не была своевременно удовлетворена, несмотря на указанія въ печати, на заявленія рабочихъ, отчасти и потому, что крайніе элементы выдвигали безусловно непріемлемыя требованія, исполненіе коихъ обрекало многія предпріятія на явные убытки и грозило прекращеніемъ или сокращеніемъ производства, т. е. обѣщало выбросить на рабочій рынокъ цѣлыя тысячи безработныхъ. Но при благоразумной уступчивости, меньшей требовательности и большемъ общественномъ спокойствіи стороны, несомнѣнно, всюду пришли бы къ полюбовному соглашенію, какъ показываетъ прекращеніе желѣзнодорожной забастовки въ Москвѣ *до* объявленія Высочайшаго Манифеста отъ 17 октября. Къ несчастью, экономическій вопросъ получилъ яркую политическую окраску и „забастовка“ пріобрѣла характеръ удара, направленнаго противъ Самодержавнаго правительства, дабы понудить его сдѣлать новый еще болѣе рѣшительный шагъ къ разрыву съ прошлымъ, съ народными вѣрованіями и упованіями. Подъ несомнѣннымъ давленіемъ извѣстій о безпорядкахъ на окраинахъ и въ рядѣ русскихъ городовъ, о перерывѣ желѣзнодорож-

ныхъ сообщеній и прекращеніи, такъ сказать, правильнаго кровообращенія въ государственномъ организмѣ, Его Императорское Величество призналъ необходимымъ объединить дѣятельность высшаго правительства, возложивъ на его обязанность выполненіе непреклонной воли Самодержца: 1) „даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы, 2) привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ засимъ дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку и 3) установить, какъ незыблемое правило, чтобъ никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ властей".

Несомнѣнно, что Манифестъ отъ 17 октября открываетъ новую страницу въ русской исторіи и по своей важности для будущаго нашего Отечества нуждается въ разносторонней оцѣнкѣ. Каждое же правительственное мѣропріятіе подлежитъ разсмотрѣнію, главнымъ образомъ, съ двухъ точекъ зрѣнія: теоретической, т. е. соотвѣтствія его извѣстнымъ идеальнымъ представленіямъ, и практической, т. е. соотвѣтствія его современнымъ запросамъ народнымъ. Конечно, только смѣшеніе истиннаго самодержавія съ полицейски-бюрократическимъ абсолютизмомъ позволяетъ утверждать, что гражданская свобода, по полной несовмѣстимости, не можетъ процвѣтать подъ скипетромъ самодержавныхъ Царей. Наоборотъ, труды незабвенныхъ поборниковъ русской самобытности—московскихъ славянофиловъ, прочно установили, что настоящее, народное Самодержавіе возможно сочетать съ осуществленіемъ началъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова и печати, собраній и союзовъ [1]). Расширеніе избирательныхъ правъ также ведетъ лишь къ болѣе полному единенію между Царемъ и Народомъ. Дѣйствительное участіе выборныхъ въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій *поставленныхъ Государемъ* властей въ свою очередь, въ идеѣ, не противорѣчитъ Самодержавію, ибо Царь такимъ путемъ ставитъ своихъ чиновниковъ подъ бдительный контроль народа, не поступаясь полнотой своей власти. Даже „одобреніе законовъ Государственной Думой" нужно разсматривать какъ необходимое устраненіе бюрократическаго самовластія въ области законо-

[1]) См. между прочимъ, поучительную переписку Ѳ. Д. Самарина и А. А. Кирѣева „Мирный Трудъ 1906 г." № 4.

дательной, ибо бывали случаи, когда сановники неправильно излагали нужды народныя передъ Престоломъ и вызывали законодательныя распоряженія, несоотвѣтствующія ни общественнымъ потребностямъ, ни пользѣ Россійской Державы. Вспомнимъ, для примѣра, уставы нашей высшей и средней школы, которыя забыли свое воспитательное назначеніе и превратились поэтому въ разсадники бездушнаго политиканства! Въ этомъ пониманіи значенія предварительнаго „одобренія" наставляетъ насъ и Св. Синодъ, пастырское посланіе коего гласитъ: „Для того, чтобы горе и нужды скорѣе достигали до престола царскаго, Государь благоизволилъ призвать на помощь Себѣ и самый народъ въ лицѣ облеченныхъ довѣріемъ народныхъ избранниковъ, чтобъ они могли невозбранно и безбоязненно говорить правду о землѣ своей и чтобы ранѣе, чѣмъ онъ, Государь, изъявитъ волю свою на новый законъ, выборные отъ народа могли одобрить законодательное *предположеніе. Не устранился тѣмъ и не можетъ устраниться Царь отъ народа своего: Онъ всегдашній вершитель судебъ Русской земли и нынѣ и впредь только Его Высочайшей Властью будетъ освящаться законъ и утверждаться всякое право*". Завѣты прошлаго также показываютъ, что участіе выборныхъ въ выработкѣ законодательныхъ постановленій не противорѣчитъ самодержавному началу, ибо, напр. для составленія Соборнаго Уложенія Самодержца всея Руси, Алексѣя Михайловича, были привлечены и выборные: „чтобы его государево царственное и земское дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми утвердити и на мѣрѣ поставити, чтобы тѣ всѣ великія дѣла по его государеву указу и соборному уложенію впредь были ничѣмъ нерушимы". Наконецъ, самъ Государь, неоднократно и торжественно заявлявшій, что онъ свято соблюдетъ принятый Имъ при вѣнчаніи на Царство обѣтъ самодержавно править Русскимъ Государствомъ, и послѣ 17-го октября продолжаетъ именоваться „Самодержцемъ Всероссійскимъ".

Итакъ, по нашему глубокому убѣжденію, *теоретически* Высочайшій Манифестъ отъ 17-го октября не противорѣчитъ идеальному представленію о Самодержцѣ, находящемся въ постоянномъ единеніи со своимъ вѣрноподданнымъ народомъ, и не вводитъ у насъ западно-европейскаго парламентаризма. Но есть другая сторона—практическая и она-то наводитъ на самыя тяжелыя размышленія. Прежде всего, Манифестъ отъ отъ 17 октября былъ понятъ, какъ поздняя вынужденная уступка, сдѣланная „не по волѣ, боязни ради и междуусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя правды ради". Рядъ

газетныхъ статей торжествуетъ поэтому новую побѣду „освободительнаго движенія“ и тутъ же предъявляетъ длинную вереницу новыхъ непріемлемыхъ требованій, взываетъ къ дальнѣйшей борьбѣ и даже вооруженному возстанію противъ „*самодержавнаго правительства*“. Непримиримые противники нашего исконнаго уклада, такимъ образомъ, продолжаютъ смотрѣть на Россію, какъ на страну, имѣющую по прежнему самодержавное правительство, съ которымъ они ведутъ смертельную борьбу. Но въ то-же время и въ зарубежной и въ отечественной печати раздаются иные голоса, твердящіе о происшедшемъ уже введеніи въ Россіи „конституціи“, въ которой одни видятъ благо, а другіе горе для русскаго народа. Стало быть, практически Манифестъ подалъ поводъ къ разномыслію и не безъ основанія, ибо „одобреніе“ можетъ быть понимаемо въ смыслѣ голоса рѣшающаго, такъ какъ Государственная Дума именуется нынѣ не законосовѣщательнымъ, а законодательнымъ учрежденіемъ. Эта неясность и неопредѣленность выраженій вселяетъ въ сердца тревогу и опасенія, что вмѣсто обѣщаннаго намъ *бывшаго встарь* единенія Царя съ народомъ, вмѣсто *самобытнаго* развитія въ области государственной, Россія окончательно поворачиваетъ на путь слѣпого подражанія западнымъ установленіямъ. Эта измѣна народнымъ чаяніямъ сулитъ великія бѣдствія странѣ, такъ какъ объединеніе дѣятельности высшаго правительства несомнѣнно происходитъ въ духѣ конституціонномъ, а не въ смыслѣ завѣтовъ Императора Александра III, который тоже имѣлъ въ виду это объединеніе подъ руководствомъ стоящаго *внѣ партій* Самодержца. Нынѣ же предсѣдательство въ преобразованномъ Совѣтѣ Министровъ вручено графу Витте, который откровенно заявляетъ о своей близости съ конституціонной-партіей. На министерскіе посты призываются люди „*одинаковыхъ политическихъ убѣжденій*“, т. е. принадлежащіе къ одной и той же *политической партіи*. Мало того, графъ Витте считаетъ необходимымъ „приложить всѣ старанія, чтобы одушевляющая его работу идея стала идеей *всѣхъ* агентовъ власти отъ высшихъ до низшихъ“, т. е. правительство перестаетъ быть народнымъ и пріобрѣтаетъ чисто партійную окраску. Естественно поднимается вопросъ, будетъ ли оно достаточно безпристрастнымъ, не поддастся ли оно соблазну объявить свои собственные политическіе идеалы—идеалами большинства русскаго народа? Графъ Витте поспѣшилъ уже заявить, что „Россія переросла форму существующаго строя. Она стремится де къ *строю правовому* на основѣ гражданской свободы“. Поэтому задача правительства сводится

„къ устроенію *правового порядка*, къ установленію такихъ учрежденій и такихъ законодательныхъ нормъ, которыя соотвѣтствовали бы выяснившейся (?) политической идеѣ большинства (?) русскаго общества". Любопытно знать, какимъ путемъ графъ Витте узналъ мнѣніе большинства, вѣдь у насъ не было ни разсылки опросныхъ листовъ, ни всенароднаго голосованія, т. е. народныя стремленія не были до сихъ поръ уяснены съ надлежащей и безспорной точностью: если одна сторона можетъ указать на рядъ газетныхъ статей, предъявляющихъ извѣстныя требованія отъ имени „всего народа", или „всей націи", то и другая тоже ссылается на полное и всеобщее сочувствіе ея идеаламъ, объявляетъ ихъ всенародными. Адресы и депутаціи также говорили разное и свидѣтельствуютъ о существованіи различныхъ теченій даже въ средѣ такъ называемаго „мыслящаго русскаго общества". Подлинное же большинство народа еще не сказало своего послѣдняго слова.

Самъ гр. Витте находитъ, однако, что правительству надлежитъ *выяснить и установить* запросы времени, руководствуясь, конечно, *господствующей въ большинствѣ* общества идеей, а не отголосками хотя бы и рѣзко выраженныхъ требованій *отдѣльныхъ кружковъ*". Значитъ, г. предсѣдатель Совѣта министровъ еще собирается только „выяснять" и „устанавливать" современные запросы, сознавая въ тоже время, что „*сразу пріуготовить* страну со 135-милліоннымъ населеніемъ, обширнѣйшей администраціей, *воспитанными на иныхъ началахъ*, къ воспріятію и усвоенію нормъ правового порядка не по силамъ никакому правительству, ибо принципы правового порядка воплощаются лишь постолько, посколько населеніе получаетъ къ нимъ привычку—гражданскій навыкъ". Это мысли вѣрныя, но какъ примирить необходимость продолжительной *подготовки* и многомилліоннаго населенія и администраціи къ воспріятію правового порядка съ утвержденіемъ, что *Россія уже переросла* форму существующаго строя? Это противорѣчіе непримиримое, равносильное признанію того, что „правовой порядокъ" навязывается народу, къ нему неподготовленному, властной волей бюрократіи, типичнымъ представителемъ которой всегда былъ гр. Витте, выступавшій еще недавно противникомъ самоуправленія. На нашихъ глазахъ происходитъ не освященное народнымъ желаніемъ преобразованіе Россіи, а чисто бюрократическій переворотъ, по свидѣтельству даже его виновника, не имѣющій корней въ народномъ сознаніи... Тяжкія испытанія надвигаются благодаря этому на наше Отечество и не общимъ ликованіемъ, спутникомъ удовлетво-

ренія чаяній подлиннаго большинства, а ужасами погромовъ, избіеній, вооруженныхъ столкновеній отвѣтила страна на первые шаги новаго правительства, которое вынуждено было при содѣйствіи св. Синода объяснять народу, что онъ уже „созрѣлъ и достоинъ свободы мужа". Если бы это было вѣрно, то не понадобилась бы и „подготовка", немыслимы были бы и и тѣ звѣрства, которыя произошли въ рядѣ городовъ и весей россійскихъ... Въ печати промелькнуло указаніе, что гр. Витте *не ожидалъ* взрыва народныхъ страстей, но его считали неизбѣжнымъ всѣ тѣ, кто не ослѣпленъ партійными и теоретическими воззрѣніями. Народъ въ странныхъ для него, чисто конституціонныхъ, помѣткахъ министровъ на Манифестахъ усмотрѣлъ устраненіе Царя отъ дѣлъ, почуялъ что-то неладное, увидѣлъ, что его идеалы сокрушаются помимо его воли и, будучи неспособенъ, по безграмотности, къ борьбѣ словомъ, пустилъ въ дѣло грубую силу. Онъ понялъ, что Россія распадается, что окраины получаютъ самостоятельность, какъ Финляндія, которая отнынѣ связана съ Монархомъ, а не съ Россіей. Онъ *постигъ*, что Царь не становится ближе и доступнѣе, а наоборотъ воздвигается новая еще болѣе высокая и непроницаемая преграда, новое болѣе притязательное средостѣніе между „Надежей-Государемъ Батюшкой" и Его дѣтьми. Вѣдь по газетнымъ свѣдѣніямъ уже прекращенъ пріемъ прошеній на Высочайшее Имя! Это значитъ, что даже слабая ниточка, связывавшая Царя и народъ, устанавливавшая непосредственное общеніе между ними, нынѣ разрывается! Вѣковое же народное желаніе гласитъ: *кабы Царь всю правду вѣдалъ*. Развѣ можетъ дать Ему эту правду полномочный министръ, на первыхъ же порахъ доказавшій всему міру какъ свое незнаніе подлинныхъ запросовъ многомилліоннаго крестьянства, главнаго устоя Россіи, такъ и другихъ слоевъ, вѣрныхъ попрежнему Престолу Самодержавному. „Революція", вѣдь, происходящая у насъ, подъ охраной отъ народной ярости войсками бунтарей, нуждающихся даже въ поддержкѣ „приготовишекъ", производится *лишь* крайними партіями и не графу Витте, вождю *лишь* опредѣленной партіи, водворить желанный миръ и спокойствіе: отъ „анархіи, угрожающей, помимо всѣхъ ужасовъ борьбы, расчлененіемъ государства", можетъ избавить насъ только Самодержецъ, отказавшійся отъ приказнаго строя и вступившій въ тѣсное единеніе, *какъ было встарь*, съ вѣрящимъ Ему, и только Ему, русскимъ народомъ.

А. Вязигинъ.

ПУТЬ.

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ[1]).

(Сцены изъ семейной жизни).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Войтехъ Чапъ, архитекторъ. Здоровый полный мужчина, тридцати пяти лѣтъ. Честное открытое лицо.

Яна, жена его, двадцати восьми лѣтъ. Сентиментальна, чувствуетъ недовольство своею будничною жизнью. Въ первомъ дѣйствіи она одѣта безъ вкуса, по домашнему, причесана на скорую руку. Во второмъ дѣйствіи, когда обрисовывается ея характеръ и она отдается воспоминаніямъ, одѣта нарядно и къ лицу. Въ третьемъ дѣйствіи костюмъ тотъ же, что и въ первомъ.

Бабушка Кайликова, мать Яны, шестидесяти лѣтъ. Волосы съ просѣдью, слегка начесаны на виски. Она въ кружевномъ чепчикѣ, который съѣзжаетъ на сторону, когда она спѣшитъ, или волнуется. Разсматривая что либо, надѣваетъ очки, обыкновенно висящіе у нея на шеѣ. Одѣта въ длинную шерстяную юбку, запачканную кое-гдѣ спереди, и короткую кофточку съ засученными рукавами.

Дѣдушка Кайликъ, отецъ Яны, семидесяти лѣтъ. У него густые сѣдые волосы, по которымъ онъ проводитъ рукой, какъ въ юности, и длинная сѣдая борода. Слегка сгорбленъ. Ходитъ бодро, но осторожно; одѣтъ въ поношенную пару (сюртучную).

Зденекъ Снѣтина, двоюродный братъ Чапа, двадцати пяти лѣтъ. Элегантенъ, очень нервенъ, раздражителенъ. Принимаетъ красивыя позы, любуясь собою. Русые волнистые волосы, усы. Говоритъ нетерпѣливо, часто возвышаетъ голосъ, манеры непринужденныя.

Виза, человѣкъ практичный, лѣтъ тридцати двухъ. Одѣтъ въ черную, не совсѣмъ модную, пару, надѣваемую имъ въ исключительныхъ случаяхъ. Сильно загорѣлый кромѣ лба. Коротко остриженъ. Маленькіе усики. Толстый, тяжеловатый, носитъ кольца.

---

[1]) Разрѣшена къ представленію Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати 20 августа 1904 г. за № 8692.

Мари—служанка у Чапа, двадцати четырехъ лѣтъ, изъ Праги, гдѣ нахваталась различныхъ новыхъ взглядовъ. Лѣнива. Одѣта кокетливо, но не аккуратно.

Торговка. Юбка темная, широкая кофта, платокъ.

Почталіонъ.

Трубочистъ.

Дѣйствіе происходитъ въ мѣстечкѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Столовая у Чапа. Просторная, хорошо меблированная комната. Столъ посреди. По стѣнамъ диваны. Буфетъ, письменный столъ и качалка-кресло. Четыре двери. Одна сторона на балконъ: изъ нея виденъ садъ, поле. Другая въ комнату для гостей. Третья въ спальню. Четвертая въ сѣни, ведущіе также въ кухню

При открытіи занавѣса дѣдъ сидитъ согнувшись на диванѣ, разбирая пожелтѣвшія ноты. Въ рукахъ флейта. Изъ спальни Яна везетъ ребенка въ колескѣ (съ занавѣсами). Мари идетъ за ней. Утро.

Явленіе первое.

Дѣдъ, Яна, Мари, Бабушка.

Бабушка (изъ спальни). Не сажай ребенка въ ванну! Бѣлье еще неприготовлено.

Яна (къ Мари). Идите впередъ! Помогите мнѣ перевезти Славечка черезъ порогъ.

Мари (громко). Слушаю-съ. (Звонокъ изъ комнаты для гостей).

Яна Постойте! Господинъ Снетина звонитъ Пойдите спросить, что ему угодно.

Явленіе второе.

Тѣ-же и Снетина (высовываетъ голову въ комнату).

Снетина. Дѣвушка, я-бы хотѣлъ обуться! (увидавъ Яну) Pardon! Ищу сапоги, Яна!

Яна. Мари, сапоги!

Мари. Гдѣ они, милостива пани?

Яна. Развѣ вы ихъ не чистили?

Мари. Развѣ я и сапоги чистить должна?

Яна (съ досадой). Конечно. Принесите ихъ скорѣе, теперь уже некогда чистить. (Мари уходитъ и возвращается съ сапогами, которые ставитъ въ комнату Сне-

тины). Откройте дверь, чтобъ провезти коляску. (Мари открываетъ дверь въ сѣни).

Снетина (въ дверяхъ). Яна!

Яна (останавливаясь). Еще что надо Зденекъ?

Снетина. Всѣ мои манжеты грязны, не можете ли мнѣ дать чистыя?

Яна. Можно, только погодите немного.

Снетина. Я бы хотѣлъ одѣться.

Яна (подходя къ спальнѣ, кричитъ). Маленька, манжеты Зденеку!

Бабушка (изъ спальни спокойно). Пусть подождетъ.

Снетина. Ну что?

Яна. Скоро Зденекъ, вотъ только мальчика выкупаемъ! (везетъ ребенка, Мари идетъ за ней. Снетина закрываетъ дверь).

Бабушка (заботливо несетъ изъ спальни маленькую перинку, наволочку, кофточку, пеленки, кладетъ все на столъ).

Яна (въ дверяхъ). Открой въ спальнѣ окна, тамъ очень душно. (Уходитъ).

Явленіе третье.

Бабушка, Дѣдъ.

Бабушка (дѣду). Пойди открой окна, а я не знаю за что взяться, съ пяти часовъ утра не покладая рукъ работаю. (Помолчавъ). Ну, иди-же!

Дѣдушка. Сейчасъ! Я бы хотѣлъ найти одинъ мотивъ изъ „Марты".

Бабушка. Далась тебѣ эта музыка! Играть—ты, все равно, не умѣешь! (расправляетъ дѣтскій чепчикъ).

Дѣдушка (ворчитъ). Ну, ну, не умѣю! Развѣ ты позволяешь мнѣ когда нибудь играть?!

Бабушка. Лучше объ этомъ не говори. Когда ты былъ холостой, плохо игралъ, а теперь вовсе не умѣешь! Лучше убери эти бумаги съ дивана.

Дѣдушка (собирая ноты). Ты любишь, чтобы все было по твоему!

Бабушка. Потому, что ты уже надоѣлъ мнѣ своимъ пиликаньемъ.

Дѣдушка. Да развѣ я „пиликаю!"

Явленіе четвертое

Тѣ-же и Снетина.

Снетина (въ дверяхъ). Сударыня, нѣтъ-ли у васъ немного о-деколону?

Бабушка. Въ аптекѣ получите.

Снетина. Хочу освѣжить голову, я ночью мало спалъ.

Бабушка (бросаетъ чепчикъ на столъ и направляется къ буфету, откуда беретъ бутылку уксусу). Вотъ уксусъ, онъ помогаетъ.

Снетина (поспѣшно возвращая бутылку). Нѣтъ, нѣтъ, уксусъ слишкомъ щипетъ.

Бабушка. Какъ угодно. Я растиралась уксусомъ тридцать лѣтъ и здорова, какъ дубъ. (Снетина уходитъ, хлопнувъ дверью. Бабушка ставитъ бутылку на мѣсто). И чего онъ только не придумаетъ! На его прихоти мало одной служанки.

Дѣдъ. Но вѣдь онъ такой человѣкъ, что...

Бабушка. У него странный взглядъ на жизнь. Терпѣть его не могу!

Дѣдъ. Ты сегодня въ дурномъ расположеніи духа.

Бабушка. Думаешь пріятно съ пяти часовъ утра бѣгать отъ одного къ другому? Эта служанка изъ Праги въ родѣ барышни, и пріѣхала будто на дачу! Вчера вечеромъ поступила къ намъ и до сихъ поръ хоть бы вотъ столько сдѣлала! (показываетъ щепоть).

Дѣдъ (со вздохомъ). Лучше бы мы остались дома. Тамъ у насъ покойнѣе. Всѣ мои старые товарищи устроились по своему вкусу (несмѣло). Кминекъ вырѣзываетъ съ утра до вечера рамки для фотографій. Куделька возится въ саду. Врана воспитываетъ канареекъ. А я до самой смерти никакъ не избавлюсь отъ дѣтей!!

Бабушка. Ты могъ остаться дома! *Я* нужна Янѣ; она бы одна не управилась, пока *этотъ* здѣсь (указываетъ на дверь) Снетина здѣсь!

Явленіе пятое.

Дѣдъ, Бабушка, торговка съ зеленью.

Торговка (пріоткрывая дверь изъ сѣней). Зелень, овощи, милостива пани!

Бабушка. Сначала оботри ноги, (къ дѣду), а ты открой окна.

Дѣдъ (взявъ ноты и флейту). Всѣ?

Бабушка. Да. (Дѣдъ выходитъ).

Торговка (въ дверяхъ). Пошли вамъ Богъ доброе утро! Не пойти-ли лучше въ кухню?

Бабушка. Нѣтъ, тамъ купаютъ ребенка (роется въ корзинѣ торговки). Шпинатъ есть?

Торговка. И какой еще! Хрупкій, свѣжій!

Бабушка (вытаскивая платокъ со шпинатомъ). Только и есть?

Торговка. Принесу еще, если милостивой пани угодно.

Бабушка. Принесите! Нашъ гость готовъ ѣсть шпинатъ три раза въ день.

Торговка (смѣясь). А я больше люблю сладкіе пирожки!

Бабушка (направляясь въ дверь). Пойдемте въ сѣни! А петрушка есть? (Уходятъ).

Явленіе шестое.

Чапъ, Бабушка потомъ *Яна.*

Чапъ (быстро входитъ изъ сѣней, снимаетъ шляпу и кричитъ). Почтальонъ еще не приходилъ?

Бабушка (изъ сѣней). Нѣтъ еще, Войтехъ.

Чапъ. Бабушка, скажите пожалуйста Янѣ, чтобы она пришла сюда. Надо пришить пуговку къ сюртуку (подходитъ къ столу, осторожно беретъ дѣтскій чепчикъ, улыбается).

Яна (входитъ съ иголкой и ниткой). Ты только для этого вернулся.

Чапъ. Вернулся потому, что ожидаю нѣсколько нужныхъ писемъ.

Яна. Гдѣ же пуговица?

Чапъ (вынимая ее изъ кармана). Вотъ. Но не зашей мнѣ памяти: она мнѣ нужнѣе всего. Славечекъ еще спитъ?

Яна (пришиваетъ).

Яна. Да. Онъ ночью мало спалъ. Мы съ маменькой его няньчили чуть не до разсвѣта.

Чапъ (погладивъ ее по головѣ). Бѣдная моя! Но за то, когда ему будетъ двадцать пять лѣтъ...

Яна. Тогда насъ уже не будетъ въ живыхъ!

Чапъ. Почему такъ думаешь?

Яна. Мнѣ будетъ скоро тридцать лѣтъ; тебѣ тридцать пять: (тоскливо). Мы слишкомъ стары, чтобы дождаться, когда онъ будетъ взрослымъ.

Чапъ. Но еще есть силы работать, а пока есть силы — все хорошо (молчаніе). Почему ты такъ мрачно смотришь на жизнь?

Яна (горячо). Меня утомляютъ будничныя заботы. Иногда не знаю, для чего у меня душа! Я, какъ машина, двигаюсь не по своей волѣ... Скажи, на что мнѣ душа? Я нужна только, чтобы сготовить обѣдъ, прослѣдить за стиркой бѣлья...

Чапъ (съ удивленіемъ слушаетъ ее). Не узнаю тебя, Яна! Это будто не ты...

Яна. Ахъ не удивляйся! Это такъ понятно! Пока не вдумываешься, — хорошо, а потомъ становится такъ горько!... Эта возня по хозяйству изо дня въ день угнетаетъ человѣка. Забиваешь себѣ голову мелочами...

Чапъ. Славечку надо бы раньше родиться, а то за восемь лѣтъ бездѣтной жизни ты привыкла къ спокойствію.

Яна (быстро). Нѣтъ, не спокойствія мнѣ жаль!..

Чапъ (внимательно). Чего же другого?

Яна. Себя! (вздохнула). Да, себя жаль

Чапъ (не глядя на нее). Послушай, не начиталась-ли ты философіи Зденека „о правахъ личности".

Яна (колеблясь). Я нашла эту рукопись вчера, когда убирала у него на столѣ (разгорячась). Такое чтеніе открываетъ глаза... И, право, мы сами добровольно себя отдаемъ въ рабство...

Чапъ (серьезно). У тебя вѣрно есть какое нибудь затаенное желаніе, Яна?

Яна. Мнѣ только двадцать восемь лѣтъ, а я уже чувствую себя разочарованной жизнью (сильно взволнованная). Думалъ ты видѣть меня такою, когда за мной ухаживалъ?...

Чапъ (покойно) Тогда я тебя представлялъ себѣ у плиты, у швейной машины, (тихо) у колыбельки... Надѣялся, что у насъ будетъ общій идеалъ и мы вмѣстѣ будемъ работать для блага нашей семьи.

Яна. Ахъ, тебѣ хорошо говорить! У тебя занятіе худо-

жественное, а у меня проза. Войди въ мое положеніе: Есть-ли кофе? Вышелъ-ли перецъ? Готово-ли мыло къ стиркѣ? Выметено-ли? Заштопаны-ли чулки? Эхъ! морозъ убилъ всѣ цвѣты!...

Чапъ. Это немного романтично Яна? Вѣдь у тебя сынъ!

Яна. Онъ еще такъ малъ: не смѣется, не говоритъ, не шалитъ...

Чапъ. Къ тому-же онъ такой безпокойный человѣчекъ!

Яна. Вѣрно. И это тоже имѣетъ вліяніе на меня... Но, главное, мнѣ здѣсь тѣсно, меня все душитъ! (идетъ къ балконной двери. Говоритъ быстро). Стоитъ іюнь, полный аромата... душу влечетъ въ лѣсъ, въ поле, на просторъ... а здѣсь обыденщина!

Чапъ (обнимаетъ ее, въ его голосѣ печально-отеческія нотки). Моя Яна тоскуетъ о дѣвическихъ годахъ!

Яна (мягко). Не отрицаю, Войтехъ. Я бы хотѣла пожить и для себя (прерывая). Да, хорошо я это сказала... Хочу воздуха! Хочу свѣта, свободы!! А теперь лишена *личной* жизни...

Чапъ (съ напускнымъ добродушіемъ). Что ты?! Оставь это!

Яна. Да, вѣрно: личность погиба...

Чапъ. Не продолжай! Навѣрно Зденекъ вызвалъ это настроеніе.

Яна. Почему непремѣнно онъ?

Чапъ. Это его спеціальность. Его *я* царитъ здѣсь, какъ пугало, и взываетъ ко всѣмъ „*Личнымъ жизнямъ*“ въ минувшемъ и настоящемъ: „мы владыки жизни!“ „воскреснемъ изъ глубины забвенія!“ Проповѣдь Зденека...

Яна (съ натянутою улыбкой). И эти „личныя жизни“ рано или поздно предъявятъ свои права.

Чапъ. Но, образумившись, вернутся на покой. Все это вздоръ, Яна.

Яна (смѣло). Я не шучу Войтехъ...

Чапъ (съ комическою важностью). А теперь принеси мнѣ носовой платокъ,—моей *личной жизни* онъ нуженъ.

Яна. Я забыла приготовить его съ утра. (Быстро идетъ въ спальню и возвращается съ платкомъ. Въ тоже время изъ кухни идетъ бабушка за дѣтскимъ бѣльемъ).

Явленіе седьмое.

Тѣ-же и Бабушка.

Бабушка. Яна, вода уже согрѣта.

Яна. Погоди немного, маменька, мы съ мужемъ рѣшаемъ здѣсь важный вопросъ.

Бабушка. Но это задержитъ дѣла... поговорите въ другой разъ.

Чапъ. А Зденекъ уже всталъ?

Яна. Вѣроятно одѣтъ уже.

Чапъ (довѣрчиво). Видишь-ли, я бы хотѣлъ съ нимъ поговорить о дѣлѣ. Онъ возложилъ на меня слишкомъ большую отвѣтственность. Я строю дома; но меблировка—дѣло не мое. Сегодня пришла мебель изъ Праги; не знаю, понравится-ли она ему.

Яна. Такъ возьми Зденека съ собой, пусть взглянетъ на нее.

Чапъ. Не будь Зденекъ мой двоюродный братъ, и не зарабатывай я хорошей суммы на этой постройкѣ—я бы давно бросилъ все!... Надо чѣмъ нибудь жить! Какой онъ оригиналъ! Онъ будетъ недоволенъ во всякомъ случаѣ, какъ бы я ни старался ему угодить!

Яна. Почему-же?

Чапъ. Почемъ я знаю? Можетъ вѣдь онъ захотѣть, чтобы потолки были внизу, а полы на верху?! Вѣдь онъ идетъ во всемъ противъ теченія!

Яна (заводя стѣнные часы). Да, онъ живетъ не по рутинѣ. Для него не существуютъ мелочи жизни!

Чапъ. Ну, знаешь-ли, Яна, ему это возможно: сначала его содержала бабушка, а когда умерла, оставила хорошій капиталъ и незаложенное имѣніе. И я бы могъ на его мѣстѣ быть такимъ эксцентричнымъ на готовыя средства! (стукъ въ дверь). Войдите!

Явленіе восьмое.

Чапъ, Яна, почтальонъ.

Почтальонъ (входитъ). Доброе утро! (подаетъ пачку писемъ). Извольте, панъ архитекторъ. (Подаетъ особо письмо Янѣ). А вотъ заказное милостивой пани.

Яна (испуганно). Мнѣ?

Почтальонъ. Получите!

Яна (поспѣшно беретъ письмо, хочетъ распечатать).
Чапъ. Роспишись сначала, Яна.
Яна (нетерпѣливо). Погоди...
Чапъ. Не задерживай пана почтальона.
Яна (расписывается и распечатываетъ письмо).
Чапъ (отдавая книгу почтальону). Вотъ.
Почтальонъ. Честь имѣю кланяться (уходитъ).

Явленіе девятое.

Чапъ, Яна потомъ *Мари.*

Чапъ (разбирая письма). И все Снетинѣ на его объявленіе: „ищу управляющаго въ имѣніе". Не менѣе тридцати просьбъ! (Яна, погрузясь въ чтеніе, не слышитъ). Это показываетъ бѣдственное положеніе ищущихъ работы. На четыреста рублей въ годъ получается тридцать предложеній!? Чѣмъ живутъ эти люди?! Ахъ какой красивый почеркъ (Яна, читая, выражаетъ безпокойство). Надо будетъ прочесть эти письма вмѣстѣ со Зденекомъ (беретъ журналъ). Кому это? „Мари Капрова". А, это служанка!... Развѣ она выписываетъ журналы?! Вотъ газета Снетины (вдругъ, будто вспомнивъ). А ты отъ кого получила письмо, Яна?..
Яна (подъ впечатлѣніемъ письма). Отъ давнишняго знакомаго (молчаніе. Яна, уйдя въ воспоминанія). Онъ учился въ городѣ Баковѣ въ сельско-хозяйственной школѣ.
Чапъ. Дай прочесть!
Яна. Нѣтъ, подожди...
Чапъ. Что ему надо?
Яна. Проситъ позволенія навѣстить меня.
Чапъ. Тебя?
Яна. Да. Онъ зналъ меня, когда мнѣ было шестнадцать лѣтъ. Танцовалъ со мной на моемъ первомъ балѣ, и мы гуляли вмѣстѣ... Не знаю, почему онъ хочетъ пріѣхать теперь.
Чапъ (съ безпокойствомъ). Покажи письмо, (тянется къ нему).
Яна. Это лично *меня* касается, Войтехъ, ты не знаешь этого человѣка и не можешь интересоваться.

Чапъ. Интересуюсь ради тебя Яна... Это не объясненіе въ любви?

Яна. Что ты хочешь сказать?... Онъ не признался мнѣ въ любви и тогда, когда я того ждала, (разстроенно) а теперь просить только переговорить...

Чапъ. Но я имѣю все-таки право...

Яна. Видишь—„право!“ Ты всегда о *правахъ*, хотя не читалъ философіи Зденека. Ну, читай! (подаетъ письмо).

Чапъ. Почему у тебя такъ блестятъ глаза?

Яна. Отъ воспоминаній...

Чапъ (быстро пробѣжавъ письмо). И такъ онъ будетъ сегодня или завтра. Позволишь ему навѣстить себя?

Яна (быстро взглянувъ на него). Развѣ тебѣ это непріятно?

Чапъ. Чужой человѣкъ! Кто знаетъ, чего онъ отъ тебя хочетъ. Потомъ, мнѣ кажется, что тебѣ некогда..

Яна. Значитъ ты этого не хочешь?...

Чапъ (собираясь идти). Подумай сама... (отдаетъ ей письмо, которое она прячетъ въ карманъ). Не хочу запрещать!.. Вѣроятно прежде чѣмъ я вернусь, ты сама раздумаешь...

Мари (кричитъ изъ сѣней). Мальчикъ давно проснулся и пани Кайликова ждутъ

Яна. Я забыла... (какъ во снѣ). Иду, иду! (Уходитъ).

Чапъ (грустно) даже не простишься со мной, Яна?..

Яна (вернувшись, цѣлуетъ его). Я думала, ты зайдешь въ кухню взглянуть на Славечка...

Чапъ (обнимая ее заботливо). Мы все-таки любимъ другъ друга, Яна?

Яна Конечно, Войтехъ. Но въ этой любви такъ мало поэзіи, что больно..

Чапъ А чего бы ты желала?

Яна. Сама не знаю. Хотѣла бы я молодого веселья, свободы... мечтать бы, какъ въ юности...

Чапъ (покойно). Это пройдетъ, Яна, искупаться-бы тебѣ въ холодной водѣ, освѣжиться...

Яна (разочарованно). Какой простой совѣтъ, Войтехъ! (погодя). Вернешься къ обѣду?

Чапъ. А что сегодня будетъ?

Яна. Телячья грудинка со шпинатомъ.

Чапъ (почти радостно). Чудесно! И Зденекъ вчера объ

этомъ мечталъ. Приду. Теперь надо мнѣ переговорить со Зденекомъ.

Яна. А я иду купать сына (уходитъ).

Явленіе десятое.

Чапъ, Снетина.

Чапъ (подходитъ къ комнатѣ гостя, стучитъ, и пріотворяетъ дверь). Вотъ тебѣ газета, Зденекъ.

Снетина (выходитъ нахмуренный). Доброе утро (беретъ газеты, просматриваетъ ихъ).

Чапъ. Что хмуришься? Плохо спалъ?

Снетина. Очень плохо. Вашъ мальчикъ удивительно свирѣпъ.

Чапъ. Что онъ тебѣ сдѣлалъ?

Снетина. Но вѣдь онъ кричитъ такъ, что ревъ его доходитъ до мозга костей? И чѣмъ дальше, тѣмъ больше!

Чапъ. А я ничего не слышалъ, потому, что былъ вчера уставши и крѣпко спалъ.

Снетина. Я не обладаю твоей способностью спать, когда шумятъ. (Раздраженно). Благодаря этому, я не могу окончить своей статьи „О правахъ личности".

Чапъ. Эта статья тебѣ заказана?

Снетина. Я не ремесленникъ. Но спѣшу окончить статью, потому что она читается на расхватъ.

Явленіе одиннадцатое.

Чапъ, Снетина, Дѣдъ.

Дѣдъ (нерѣшительно выглядываетъ изъ спальни входитъ).

Снетина (холодно). Доброе утро господинъ Кайликъ.

Дѣдъ. О чемъ вы тутъ оживленно разговариваете?

Чапъ. О вашемъ внукѣ, дѣдушка. Онъ мѣшаетъ Снетинѣ спать.

Снетина. У него ужасно громкій голосъ.

Дѣдъ. Это еще ничего—одинъ голосъ. Представьте себѣ девять такихъ голосовъ! У меня вѣдь было девять человѣкъ дѣтей! Приходилось часто затыкать уши ватой.

Снетина (вынимая изъ ушей вату). Совершенно какъ я, г-нъ Кайликъ, ношу ее цѣлые дни.

Дѣдъ. И ничего не помогаетъ г-нъ Снетина, не правда, ли? Но вамъ ничего. Я же долженъ былъ вставать

няньчить ребенка, нѣтъ ему пѣсенки! Иногда мы съ женою походили на сумасшедшихъ: она туда, я сюда, она въ одномъ углу, я въ другомъ и у каждаго изъ насъ ребенокъ, а то и два на рукахъ! Другіе ревѣли на постеляхъ. Вотъ были концерты, господа! Тогда я и не вспоминалъ о флейтѣ! Мнѣ было музыки по горло.

Снетина. За то теперь можете играть, сколько угодно.

Дѣдъ (оживленно). Моя душа полна звуковъ!

Снетина (благосклонно). Такъ играйте, пока вамъ это мало; каждый изъ насъ чувствуетъ, чего лишили его обстоятельства.

Дѣдъ (удивленно). Вѣрно! Вы это хорошо сказали. Обстоятельства многаго лишаютъ: одинъ родился быть скульпторомъ, а служитъ въ податной палатѣ; другой родился музыкантомъ, а сталъ чиновникомъ и отцомъ девяти дѣтей! А когда дослужишь до пенсіи, видишь, что въ сущности въ тебѣ было нѣчто иное. Впрочемъ, вы меня навѣрно понимаете. Ученаго учить—только портить!

Снетина. Вполнѣ понимаю, г-нъ Кайликъ. Мы вспоминаемъ то, что ранѣе составляло нашу личность и что мы потеряли по недостатку воли.

Дѣдъ. Такъ, такъ: *Недостатокъ воли.* Жаль, что моей жены здѣсь нѣтъ.

Чапъ. Дѣдушка, вы до сихъ поръ очень любознательны.

Снетина. А тебѣ все совершенно чуждо. Воды жизненнаго потока несутъ тебя и ты еще не позналъ себя.

Чапъ (досадливо). Меня оставь въ сторонѣ. Эти фразы годятся въ памятную книжку; но онѣ не житейское правило.

Снетина. Позволь...

Чапъ. Пустое разглагольствованіе!

Снетина (съ увлеченіемъ). Послѣ этого и первый провозвѣстникъ единства, безсмертный Max Stirner не...

Чапъ. Онъ не былъ семейнымъ человѣкомъ и не былъ архитекторомъ. Тебѣ легко разсуждать, когда ты въ жизни не имѣлъ ни малѣйшей отвѣтственности, ни малѣйшаго долга.

Снетина (гордо). Отвѣтственность! Долгъ! Это признаки добровольнаго рабства! Во всей моей статьѣ....

Чапъ. Пожалуйста, однако, прячь эту статью отъ моей жены.

Снетина. Почему?

Чапъ. Потому что твое ученіе можетъ вскружить неопытную голову.

Снетина. И я, думаешь, воспользуюсь этимъ... нѣтъ. *На настоящей личности* не нужны уловки.

Чапъ (съ досадой). Перестань, пожалуйста... брось напыщенныя фразы... вспомни, что мы выросли при различныхъ условіяхъ.

Снетина (насмѣшливо). Условія!

Чапъ. Да, условія. Твой отецъ женился на богатой, а мой до самой смерти былъ бѣднымъ сельскимъ учителемъ. Ты никогда не видалъ нужды, не былъ поставленъ въ необходимость жить своимъ трудомъ..

Снетина. Что такое трудъ? Ты думаешь я сталъ бы трудиться!?

Чапъ (со смѣхомъ). А вотъ я тружусь и даже въ угоду тебѣ (иронически) разрушилъ домъ, гдѣ жила твоя бабка, потому что въ немъ „пахло традиціями“ и построилъ тебѣ новый—чтобы ты вдохнулъ въ него новую, тобою изобрѣтенную, жизнь.

Снетина. Понятно, что я не переѣду въ старую скорлупу, гдѣ мои предки нагромоздили столько привычекъ и столько традицій. Я не могъ бы свободно дышать. Это была патріархальная семья, которая праздновала древонасажденіе, окончаніе жатвы, елки, свадьбы, крестины... Новый человѣкъ не могъ бы войти туда: воспоминанія обо всемъ этомъ будутъ тормазить его развитіе.

Дѣдъ (внимательно слушавшій все время). А все таки въ Либлицѣ надо хозяина. Надо удобрять поля, пахать, сѣять.

Снетина (гордо). Удобрять, пахать, сѣять! Я-то! Съ восемнадцати лѣтъ я совершенствуюсь, а главное сбрасываю съ себя ветхаго человѣка. Пересталъ учиться, чтобы избавиться отъ отмѣтокъ и экзаменовъ; разошелся съ товарищами, чтобы они не стѣсняли моей свободы, и отказался отъ всѣхъ общественныхъ условій. Натурально, что въ Либлицѣ все должно измѣниться, когда туда войду *я*.

Дѣдъ (съ уваженіемъ). Это ясно.

Снетина (Чапу). Поэтому я тебя просилъ, чтобы ты разсчиталъ старыхъ слугъ, которые привыкли сидѣть у одного стола съ моей покойной бабкою. Хочу новой жизни, независимой и властной!

Чапъ (показывая на связку писемъ). Вотъ письма отъ желающихъ управлять твоимъ имѣніемъ.

Снетина (тоскливо). Полагаюсь на тебя, я въ этомъ дѣлѣ мало понимаю и не интересуюсь.

Дѣдъ. А какъ-же экономку? Не можете-же сами хозяйничать?!

Чапъ. Насчетъ экономки моя жена говорила коммиссіонерамъ...

Снетина. Благодарю.

Чапъ. Часть мебели доставлена изъ Праги.

Снетина. Ну, что мебель!

Дѣдъ. Но безъ нея нельзя, панъ Снетина. Какъ жить въ голыхъ стѣнахъ?

Чапъ. Ты бы лучше пошелъ со мною взглянуть на мебель.

Снетина (нервно). Нѣтъ! нѣтъ! Сегодня надо дописать мою статью.

Чапъ. Какъ хочешь. А я думалъ, что ты дашь нѣкоторые совѣты.

Снетина. Совѣты? Помни, Войтехъ, я никогда совѣтовъ не даю, такъ какъ совѣтъ есть посягательство на чужую волю.

Чапъ (улыбаясь). Такъ до свиданья! А я-то все совѣтую и совѣтую (протягиваетъ обоимъ руку). Всего лучшаго! До свиданья дѣдушка. Приду къ обѣду. Сегодня грудинка со шпинатомъ.

Снетина (просіявъ). Это пріятно слышать.

Дѣдъ (причмокнувъ). Грудинка со шпинатомъ! Вы тоже любите ее, панъ Снетина?

Снетина. Ужасно люблю! (Чапъ уходитъ).

Явленіе двѣнадцатое.

Снетина, Каѳлик.

Дѣдъ (довѣрчиво). Хорошо, что я остался съ вами вдвоемъ. Мы съ женою здѣсь недѣли двѣ и я все васъ

слушаю (заискивающе). Скажите, прошу васъ, гдѣ вы почерпнули то, что намъ разсказываете?

Снетина (удивленно). Моя теорія должна чувствоваться каждымъ, г-нъ Кайликъ.

Дѣдъ (нерѣшительно). Не сердитесь на меня. Я сорокъ лѣтъ корпѣлъ въ канцеляріи, а дома было девять человѣкъ дѣтей, такъ что сорокъ лѣтъ я не слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлалось въ мірѣ. До меня доходили слухи только о самыхъ крупныхъ событіяхъ: о войнѣ 60-го года и о пожарѣ пражскаго театра. Теперь, слушая васъ, вижу, что народились новые люди.

Снетина. Нѣтъ, только взглядъ на жизнь сталъ инымъ. Каждый стремится къ своему врожденному праву, сбрасываетъ съ себя всякія путы, которыя вѣками сковывали человѣчество. Каждый начинаетъ чувствовать свою силу и условность падаетъ къ его ногамъ.

Дѣдъ (слушаетъ съ открытымъ ртомъ).

Снетина. Любовь къ ближнему, самообладаніе, вѣрность обѣщанію, повиновеніе...

Дѣдъ (съ увеличивающимся любопытствомъ). Даже и повиновеніе.

Снетина. Конечно. Это одна изъ самыхъ тяжелыхъ цѣпей!

Дѣдъ. Вотъ это вѣрно! И вы отъ всего этого освободились?

Снетина. Да!

Дѣдъ. Завидую вамъ. Я былъ болѣе сорока лѣтъ въ повиновеніи. Знаю, какое это наказаніе. Приходилось слѣпо повиноваться и женѣ... потому, что она все домашнее лучше знала, чѣмъ я. Теперь наконецъ получаю пенсіонъ.

Снетина. И стали самостоятельны?

Дѣдъ (почесавъ за ухомъ). Да, но я все таки сохранилъ нѣкоторые прежніе взгляды.

Снетина. Въ нихъ-то и есть ваше заблужденіе!

Дѣдъ. Конечно, конечно. (Осторожно оглядываясь). Господинъ Снетина, имѣетъ кто право запрещать мнѣ играть на флейтѣ?

Снетина (съ улыбкой). Никто на свѣтѣ, г-нъ Кайликъ.

Дѣдъ (жметъ ему руку). Благодарю, благодарю. Я это и хотѣлъ узнать. (Довѣрчиво). Видите-ли, я по натурѣ музыкантъ. Я-бы игралъ, какъ Орфей, если бы мнѣ

только позволили. За сорокъ лѣтъ я не собрался по разнымъ причинамъ; но теперь мой врожденный талантъ рвется наружу.

Снетина. А талантъ—единственный повелитель, господинъ Кайликъ.

Дѣдъ (согнувшись вѣжливо). Благодарю васъ, благодарю. Вы удивительный человѣкъ. Я-бы пошелъ за вами на край свѣта!

Снетина (холодно). Положимъ, я не нуждаюсь въ спутникѣ...

Дѣдъ (пораженъ). А! (почти униженно). Ну, простите. (Беретъ ноты и флейту). Не сердитесь на меня. Пойду въ спальню, чтобы никому здѣсь не мѣшать и отдамся музыкѣ и вдохновенію. (Уходитъ).

Явленіе тринадцатое.

Снетина, Бабушка, Яна, Мари.

(Снетина подходитъ къ балконнымъ дверямъ, глубоко вдыхаетъ воздухъ. Входитъ бабушка; она разгорячена; чепецъ ея сбился на бокъ, очень спѣшитъ; видя открытую балконную дверь, идетъ къ ней).

Бабушка (Снетинѣ). Я должна закрыть дверь, господинъ Снетина. Сейчасъ принесутъ Славечка, его только что выкупали.

Мари (везетъ пустую коляску).

Снетина (становясь на порогѣ). Доброе утро, сударыня... Вдыхаю чудный ароматъ жасмина.

Бабушка (нетерпѣливо). Прекрасно дѣлаете; но теперь поскорѣе пожалуйте туда или сюда, иначе ребенокъ простудится.

Яна (входитъ, неся дитя).

Бабушка (быстро проталкиваетъ Снетину на балконъ и закрываетъ двери). Какой оракулъ! Пусть теперь вдыхаетъ, что хочетъ. (Беретъ ребенка у Яны). Та-а-къ мой ангелочекъ! милочка.

Яна (подавая бутылку молока и рожокъ). Вотъ.

Бабушка (попробовавъ молоко изъ бутылки). Теплень-кое! (Хочетъ положить ребенка въ колясочку. Внезапно разсердившись). Подушка не взбита! (къ Мари) Вы и не догадались?

Яна (взбиваетъ подушку).
Мари. Я никогда не служила при дѣтяхъ.
Бабушка (носитъ ребенка). Мнѣ кажется, вы вообще служили на мѣстахъ безъ году недѣлю.
Мари (порываясь говорить).
Бабушка (укладывая ребенка). Утромъ вы причесались, напились кофе, а теперь навѣрно ждете завтрака... ну и мѣняете по пятнадцати мѣстъ въ годъ.
Мари (дерзко). Никому до того нѣтъ дѣла.
Бабушка. Вотъ такъ „чортово копыто"! Васъ раскусили въ пражскихъ рекомендательныхъ конторахъ, вы и нанялись въ деревню.
Мари. И это не касается милостивой пани.
Бабушка. А бѣлье выстирали? Или это тоже не ваше дѣло?
Мари. Развѣ къ вамъ не приходитъ прачка?
Бабушка. Боже сохрани! Это *ваша* обязанность.
Мари. Я нигдѣ не нанималась со стиркою.
Бабушка. А что же вы дѣлали, Боже, Ты мой?
Мари. Вездѣ я была *подручною* у пани.
Бабушка. Ага! И сюда для того нанялись! Пани, навѣрное работала, а вы ей только подавали работу. Стыдитесь! Такая молодая, здоровая дѣвушка!
Мари (улыбаясь). Пани напрасно сердятся, мнѣ нечего стыдиться.
Яна. Замолчите! Не выводите меня изъ терпѣнія.
Бабушка. Оставь ее, пусть поработаетъ языкомъ.
Мари. Милостива пани *комичны*, когда сердятся!
Бабушка (внѣ себя). Это уже черезчуръ!. Развѣ я здѣсь для забавы? Что вы думаете?!. Вы дерзкая, вы...
Стенина (съ балкона). Смѣю-ли войти, сударыня?
Бабушка (гнѣвно). Идите скорѣе! Опять стоите у открытыхъ дверей! (къ Мари). Отправляйтесь полоскать бѣлье.
Мари. Если бы я знала, что меня здѣсь ждетъ стирка, я бы навѣрно не нанялась.
Бабушка (кричитъ). Вонъ! Не раздражайте меня!
Снетина. Что здѣсь происходитъ? Что случилось?
Бабушка. Вы все равно не поймете господинъ Снетина — лучше не спрашивайте. Я уже сказала (втаскивая Снетину въ комнату), что дверь должна быть закрыта (хлопаетъ дверью).

Яна. Маменька, не разстраивайся такъ!

Снетина. Что-же такое? Что случилось?

Яна. Я думала, что служанка, нанятая въ Прагѣ, будетъ услужливѣе, но ошиблась. А здѣсь дѣвушки работаютъ въ полѣ, ни одна не хочетъ наниматься.

Снетина. Вы изъ этого можете вывести заключеніе: каждый имѣетъ право дѣйствовать по своей волѣ И эта дѣвушка тоже права по своему.

Бабушка. Идите-же стирать. (Мари уходитъ, пристально глядя на Снетину, будто прося защиты). У меня жила служанка пятнадцать лѣтъ, выростила со мною всѣхъ дѣтей. Теперь-же прислуга такъ отбилась отъ рукъ, что скоро намъ самимъ придется пасти скотину.

Снетина (садится и пристально читаетъ свою статью).

Яна (просительно). Маменька!

Бабушка. Скоро десять часовъ, а до сихъ поръ ничего не сдѣлано. Можно сойти съ ума! Надо убрать комнаты, повѣсить бѣлье. сготовить обѣдъ!.. Дѣла по горло.

Яна. Да еще у насъ вѣрно будутъ гости.

Бабушка (испуганно). Гости? Кто?

Яна. Биза писалъ, что пріѣдитъ сегодня или завтра.

Бабушка. Кто это г-нъ Биза?

Яна. Развѣ ты не помнишь?

Бабушка. Нѣтъ.

Яна. Это тотъ красивый студентъ-агрономъ въ городѣ Баковѣ, помнишь? Онъ танцовалъ со мною первую польку на балѣ.

Бабушка (удивленно) А! Что ему здѣсь надо?

Яна. Ничего опредѣленнаго не пишетъ. Онъ временно въ Прагѣ и хочетъ заѣхать сюда. Мы не видались уже двѣнадцать лѣтъ.

Бабушка. Не во время собрался!

Яна (блеснувъ глазами). Я рада, что онъ вспомнилъ меня.

Бабушка. Ты будто шутишь!..

Яна. Говорю серьезно. Жизнь моя слишкомъ однообразна, и его письмо имѣетъ для меня значеніе...

Бабушка. Пусть пріѣдетъ въ другой разъ, когда будетъ больше времени. Сегодня скажу, что тебя нѣтъ дома.

Яна. Нѣтъ, этого ты не сдѣлаешь.

Бабушка. Непремѣнно сдѣлаю. Подумай: онъ усядется,

будетъ ждать, что мы его позовемъ обѣдать, а ты должна его занимать. Нѣтъ, это немыслимо. Я одна ничего не успѣю, а Мари никуда не годится.

Яна (со слезами на глазахъ). Встрѣча черезъ двѣнадцать лѣтъ! Развѣ я могу непринять его!

Бабушка. Ахъ, Яна это не стоитъ слезъ! Вотъ лучше (подвигаетъ Янѣ коляску) укачай Славечка, а я пойду готовить обѣдъ (уходитъ).

Явленіе четырнадцатое.

Яна, Снетина.

Яна (вытирая глаза двигаетъ взадъ и впередъ колясочку).

Снетина (который слушалъ подъ конецъ разговоръ, подходитъ къ ней). Вы дѣйствительно плачете?

Яна (отрывисто). Нѣтъ-же, нѣтъ. Ничего.

Снетина. Вотъ и теперь стараетесь подавить слезы. Почему это?

Яна. Пустяки.

Снетина. Однако?

Яна (вынимаетъ письмо Бизы, опять прочитываетъ его. Говоритъ задумчиво). Хорошія воспоминанія! Лучшее было для меня время. Видите, Зденекъ, когда еще цвѣли розы...

Снетина. Вы любили его?

Яна (почти по дѣтски улыбаясь). Любила? Тогда я думала, что да. Это было такъ наивно и прекрасно...

Снетина. У васъ теперь особенная теплота въ голосѣ.

Яна. Это письмо перенесло меня за двѣнадцать лѣтъ назадъ. Боже, какъ только вспомню! Тогда я была беззаботная, стройная дѣвушка съ золотистыми волосами. Я гордилась, что мнѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ; думала, что весь міръ только того и ждетъ, чтобы преподнести мнѣ счастіе, радость... Какъ я измѣнилась съ тѣхъ поръ.

Снетина (глядя на нее). И опять мѣняетесь отъ однихъ только воспоминаній.

Яна (покачавъ отрицательно головой). Но это уже не то! У меня нѣтъ ничего впереди... нѣтъ личной жизни... А тогда! Я танцовала и пѣла отъ счастія, плакала отъ радости. Все было мое и во всемъ была я.

Снетина. Замѣчаете, какъ словечко *я* невольно попадаетъ въ вашу рѣчь? Справедлива моя теорія, что всякому естественно отстаивать свое *я*...

Яна. Нехотѣлось бы мнѣ отказаться отъ его посѣщенія. (Съ чувствомъ). Видите-ли, я представляю себѣ, какъ намъ съ нимъ будетъ пріятно вспомнить прошлое... Я скажу: помните-ли какъ мы возвращались съ прогулки, а мѣсяцъ всходилъ надъ лѣсомъ?

Снетина. Что-же тогда было между имъ и вами?

Яна. Какъ разъ цвѣла рожь, какъ теперь; Биза нарвалъ мнѣ цѣлый букетъ ея. До сихъ поръ я сохранила его. Я не могла разстаться съ моими реликвіями. Въ нихъ таится столько поэзіи... Пожалуйста... (Подвигаетъ ему колясочку).

Снетина (удивленно). Что?

Яна. Повозите Славечка, а я вамъ покажу все.

Снетина. Что именно?

Яна (заглянувъ въ коляску). Онъ уже спитъ! (кивнувъ Снетинѣ). Пойдемте, Зденекъ, буду вамъ исповѣдываться (садится къ письменному столу, выдвигаетъ ящикъ и вынимаетъ оттуда: пряникъ, колосья, книгу).

Снетина. Что это? (беретъ пряникъ).

Яна. Пряникъ. Онъ купилъ мнѣ его во время прогулки, а я спрятала его на память.

Снетина. Странно.

Яна. Да? А въ немъ волшебство: каждая мелочь меня дѣлала тогда счастливой... Вѣдь счастье было во мнѣ самой...

Снетина (показывая на связанные колосья ржи). Это та рожь, которую онъ вамъ нарвалъ?

Яна. Да, и она обсыпается... но въ полѣ цвѣтетъ новая... (молчаніе). Хотите, я вамъ прочту отрывокъ изъ моего дневника? (меланхолично открываетъ книгу).

Снетина (молчитъ).

Яна (оглянувшись на него). Прошу васъ, пожелайте этого, Зденекъ. Мнѣ хочется прочесть вамъ...

Снетина. Для меня это вѣдь такъ чуждо? Право, я поэзіи не понимаю.

Яна. Ничего, все таки послушайте немного. Хочу, чтобы вы вѣрили, что я могу съ чистою совѣстью позволить, чтобы Биза посѣтилъ меня.

Снетина. Но это меня не касается. Да еще, пожалуй, чтеніе будетъ продолжительно!

Яна (читаетъ). „1-го іюня. Биза долго ходилъ мимо нашихъ оконъ, оглядывался разъ десять и каждый разъ кланялся—это уже что нибудь значитъ. Что именно? Не хочу догадываться: я была бы слишкомъ счастлива!“...

Снетина. Какъ наивно!

Яна. Вы думаете? (читаетъ). „Сегодня на прогулкѣ онъ коснулся моей руки своею, будто случайно. Знаю, что это было сдѣлано нарочно. Я гуляла въ аллеѣ; съ луга чудно пахло сѣномъ. Биза тоже гулялъ съ пріятелемъ. Я слышала, какъ онъ сказалъ ему: „какой сегодня прелестный вечеръ!“ Это съ его стороны было внимательно и благородно“...

Снетина. Почему же благородно?

Яна. Не знаю, но онъ мнѣ тогда показался благороднымъ. (Читаетъ). „Вышила я Бизѣ закладку для книги. Вышивала ночью, когда всѣ спали. Сегодня спустила ее на ниточкѣ изъ окна, какъ разъ когда онъ проходилъ. Закладка зацѣпила его шляпу; онъ оборвалъ нитку и взялъ закладку. Какъ я счастлива!“

Снетина. Вы были очень сантиментальны, только...

Яна. А дальше: (читаетъ). „25 іюня. Я сорвала ромашку и гадала, обрывая ея лепестки: „любитъ сердечно, мало, совсѣмъ не любитъ“. Вышло, что „сердечно“. Оглянулась, а Биза, который шелъ за мной, улыбнулся. Понялъ“...

Снетина. У васъ здѣсь и стихи?

Яна. Это его стихи. Онъ написалъ мнѣ ихъ на задней стѣнѣ нашего дома, а я переписалала... Хотите прочту?

Снетина. Ну?..

Яна (читаетъ, сглаживая неисправности риѳмы).

„Все въ природѣ было мирно.
Деревья шумѣли,
Мы вдвоемъ сидѣли смирно
А птички намъ пѣли.
Вдругъ на небѣ потемнѣло
Подулъ вѣтеръ, вихрь поднялся
И мой голосъ съ нимъ смѣшался
Сердце о любви запѣло“.

(Смотритъ съ улыбкой на Снетину).

Снетина (разочарованно). Удивительно первобытно!

Яна. А мнѣ они еще и теперь нравятся, хотя послѣ того читала много стиховъ.

Снетина. Удивительно!

Яна. Но вѣдь они напоминаютъ то счастливое время! (молчаніе).

Снетина (наклоняясь къ ней). Я представляю себѣ любовь совсѣмъ иначе, Яна...

Яна. Вы тоже иногда думаете о любви?

Снетина. Конечно.

Яна. Ну разскажите, какъ вы ее себѣ представляете?

Снетина (близко наклонившись къ ней). Представляю себѣ любовь, какъ внезапную страсть всего существа, какъ могучее, но непродолжительное, чувство...

Яна. Немного не ясно!

Снетина (горячо). Моя любовь не сантиментальна. Вздохи, слезы, страданія чужды ей Она лишь осуществленіе моихъ стремленій...

Яна (съ горячимъ взглядомъ). Вы думаете мы имѣемъ право любить?

Снетина. Конечно да.

Яна. Имѣемъ право на счастье?

Снетина. Въ продолженіе всей нашей жизни.

Яна (беря его руку). Зденекъ, слушайте. Не думайте, что во мнѣ говоритъ что-либо другое, нѣтъ! Но я должна видѣть Бизу. Не хочу и не могу отъ этого отказаться.

Снетина. И это было бы совсѣмъ напрасно.

Яна. Конечно. Но почему вы на меня такъ смотрите?

Снетина. Вы очень красивы, Яна (хочетъ взять ея руку).

Яна (живо). Вы думаете? Я счастлива, что кажусь красивой.

Снетина. Вы счастливы потому, что *я* сказалъ?..

Явленіе пятнадцатое.

Снетина, Яна, Мари.

Мари (передаетъ Янѣ записку. Снетина въ досадѣ отходитъ).

Яна. Кто ее принесъ?

Мари. Слуга изъ гостинницы.

Яна (оживленно). Хорошо, идите!
Мари (уходитъ).

Явленіе шестнадцатое.

Яна, Бабушка, Трубочистъ, вскорѣ *Биза*.

Яна (разрываетъ конвертъ; читаетъ). Онъ уже здѣсь. Скоро придетъ. А у насъ вездѣ безпорядокъ и я въ такомъ костюмѣ! (со двора слышенъ разговоръ). Боже невозможно, чтобы онъ меня увидѣлъ такою! Онъ помнитъ меня въ легкомъ розовомъ платьицѣ, свѣжемъ, какъ роза! (подходитъ къ зеркалу). Нѣтъ, въ такомъ видѣ не могу его принять! Извините, Зденекъ. У васъ въ комнатѣ мое розовое платье. Хочу быть сегодня такою, какъ тогда! (быстро идетъ въ комнату Снетины).
Бабушка (сильно разстроенная). Яна! Яна!
Яна (возвращается съ охабкой платьевъ).
Бабушка. Представь себѣ эту дерзость... трубочистъ хочетъ чистить трубы, а...
Яна. Пусть чиститъ.
Бабушка (удивленно). Въ своемъ-ли ты умѣ?! Чистить теперь, когда мы будемъ вѣшать бѣлье на чердакѣ?! Хочешь, чтобъ оно запачкалось сажей?
Яна. Но, маменька, ради Бога...
Трубочистъ. (въ дверяхъ). Прошлый разъ бѣлье было на чердакѣ—я не чистилъ, а теперь надо бы, милостивая пани
Бабушка. Ни за что на свѣтѣ! Яна, скажи ему, ты хозяйка здѣсь.
Яна. Мнѣ некогда спорить, я должна одѣться.
Бабушка (испуганно). Ты хочешь одѣваться?
Трубочистъ (уходитъ).
Бабушка (вслѣдъ ему). Слышите! у меня дюжина мужскихъ рубахъ въ стиркѣ! (къ Янѣ). Бѣги за нимъ! А то онъ, пожалуй и вправду начнетъ.
Яна. Иду одѣваться. Жду гостя.
Снетина (со смѣхомъ уходитъ въ свою комнату).
Бабушка. Не серди меня! Оставь эти платья. Некогда тутъ одѣваться, какъ на балъ!
Яна. Здѣсь Мари. Прикажите ей, что надо.
Бабушка. Эта! Она чиститъ себѣ ногти у окна!

Яна (рѣшительно). Ну, такъ пусть все пока такъ и остается! (уходитъ въ спальню, откуда слышны фальшивые звуки флейты.

Снетина (возвращается со шляпою).

Бабушка (внѣ себя). Онъ заигралъ? Сорокъ лѣтъ этого не было!

Мари (входя). Панъ Биза.

Бабушка (рванулась и бросилась въ комнату Снетины).

Биза (появляется въ дверяхъ, кланяется Снетинѣ, который взглянувъ на него уходитъ)

ЗАНАВѢСЪ.

(Конецъ дѣйствія играется быстро и живо).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Та-же комната у Чапа. Биза стоитъ нерѣшительно въ дверяхъ. *Яна* изъ спальни тихонько подталкиваетъ отца въ столовую.

Явленіе первое.

Яна, Дѣдъ, Биза.

Яна (просительно). Прошу тебя, папа, дорогой, займи его! Я сейчасъ буду готова.

Дѣдъ (отказываясь). Но... кто онъ? О чемъ я съ нимъ буду говорить? (Яна исчезаетъ. Дѣдъ очутился передъ гостемъ, который входя, почтительно кланяется). Съ кѣмъ имѣю честь?..

Биза (вѣжливо). Биза, агрономъ, спеціалистъ по управленію имѣніями.

Дѣдъ. Очень пріятно (смущенъ, подаетъ ему стулъ)... прошу садиться.

Биза. Благодарю (оглядываясь). А хозяйки нѣтъ дома.

Дѣдъ. Моей жены?

Биза. Вы, вѣроятно, г-нъ архитекторъ Чапъ?

Дѣдъ. Нѣтъ.

Биза. Я хотѣлъ бы видѣть г-жу Чапову.

Дѣдъ. Она одѣвается. Она была одѣта по домашнему...

Биза. Прошу извинить, что я рано пришелъ. Я думалъ уѣхать съ 2-хъ часовымъ поѣздомъ, а потому рано васъ безпокою.

Дѣдъ. Ничего, ничего.. Не могу-ли я передать?

Биза (живо). Нельзя! Я самъ долженъ переговорить съ г-жой Чаповой?

Дѣдъ (пожавъ плечами). Жаль; она въ неглиже! Пока одѣнется, причешется, навѣрно будетъ двѣнадцать часовъ.

Биза (помолчавъ). Могу-ли спросить, съ кѣмъ имѣю удовольствіе..

Дѣдъ. Кайликъ, отставной чиновникъ и пенсіонеръ.

Биза (вскочивъ съ преувеличенною радостью). Какъ я могъ быть такъ слѣпъ! (Подаетъ удивленному дѣду руку). Прекрасно выглядите! Совсѣмъ не измѣнились, г-нъ Кайликъ.

Дѣдъ. Откуда вы меня знаете?

Биза. Я васъ зналъ еще въ городѣ Баковѣ. Я тамъ учился въ сельско-хозяйственной школѣ и постоянно видѣлъ, какъ, въ обѣденное время, вы уходили изъ канцеляріи. Вы всегда такъ спѣшили...

Дѣдъ. Я бывалъ голоденъ, а потомъ у насъ часто были крестины..

Биза. Помню, что у васъ была больная семья.

Дѣдъ Теперь вѣрю, что знаете меня. У меня девять душъ дѣтей!!

Биза До сихъ поръ?

Дѣдъ. Да, но они уже всѣ устроились. У Яны два мѣсяца тому назадъ родился мальчикъ. Моя жена пріѣхала помочь ей по хозяйству.

Биза. А вы пріѣхали съ нею? (Натянуто смѣется). Вамъ дома было бы скучно?

Дѣдъ. Ну, нѣтъ. Я пріѣхалъ потому, что безъ нея дома безпорядокъ, а я привыкъ, чтобы все въ свое время...

Биза. Вашу дочку я зналъ еще шестнадцатилѣтнимъ ребенкомъ.

Дѣдъ (равнодушно). Та-а-къ!

Биза. Она была хорошенькая, сентиментальная дѣвочка. Вышила мнѣ однажды прекрасную закладку для книги... Этотъ милый сувениръ мнѣ недавно попался и напомнилъ о Баковѣ, о вашемъ уважаемомъ семействѣ...

Дѣдъ. Очень пріятно. (Молчаніе; дѣдъ завязываетъ разговоръ) Послѣ баковскаго училища, вы стали прямо изучать дѣло на практикѣ?

Биза (вѣжливо). Да, г-нъ письмоводитель. Я былъ на практикѣ въ имѣніи барона Изерштерна; потомъ получилъ мѣсто помощника управляющаго въ экономіи г-на Гальдштерна, наконецъ мѣсто управляющаго у г-на Штерна.

Дѣдъ. Это все жиды...

Биза (съ двусмысленной улыбкой). Благодарю за это Бога!

Дѣдъ (ужаснувшись). Почему-же?

Биза (все съ улыбкой). Именно такія мѣста, г-нъ письмоводитель, могутъ замѣнить всякое ученіе. Тамъ мы получаемъ настоящее житейское воспитаніе, практическія воззрѣнія.

Дѣдъ (покачавъ головою). Это что-то новое.

Биза (добродушно). Для васъ, вѣроятно, г-нъ письмоводитель. Но я каждому рекомендую именно такой курсъ. Вѣрьте мнѣ, дорогой мой: отъ морали еще никто не разбогатѣлъ. Она годится въ азбукѣ, а не въ жизни.

Дѣдъ (улыбнувшись). Вы опытный человѣкъ. Вы бы могли издавать законы.

Биза. Вы, кажется неправильно судите обо мнѣ, г-нъ письмоводитель. Впрочемъ у каждаго свой идеалъ.

Дѣдъ. А вотъ идеалъ?.. въ чемъ же онъ?

Биза. Есть онъ и у меня. Я любитель лошадей, рогатого скота, поля и такъ далѣе. Мой идеалъ—имѣньице! Пусть оно будетъ съ ласточкино гнѣздо, но мое. Я и не скрываю... и въ этомъ нѣтъ ничего дурного.

Дѣдъ (разсматривая его). Гм... А теперь вы при мѣстѣ?

Биза. Къ сожалѣнію, безъ мѣста, г-нъ Кайликъ, уже почти два мѣсяца. Я былъ управляющимъ въ экономіи доктора Фіалы. Къ несчастью, мы не сошлись...

Дѣдъ. Въ политическомъ смыслѣ?

Биза. О политикѣ я не забочусь, г-нъ письмоводитель. Это самое плохое животное. Оно откармливается, чѣмъ попало и всегда худо и голодно.

Дѣдъ. Почему же вы разошлись?

Биза (съ улыбкою). Вы бы не повѣрили. Изъ за теленка!

Дѣдъ. Какъ такъ?

Биза. Очень просто. Одна изъ его коровъ отелилась двумя телятами...

Дѣдъ. Сразу?

Биза. Да г-нъ письмоводитель, какъ извѣстно коровы приносятъ *по одному* теленку. Я и подумалъ, что лишній даръ природы могу оставить себѣ какъ вознагражденіе.

Дѣдъ (понявъ въ чемъ дѣло). А!...

Биза. Г-нъ докторъ думалъ иначе и напалъ на меня съ разными юридическими аргументами. Слово за слово, я и ушелъ.

Дѣдъ. А какъ же теленокъ?

Биза. Онъ околѣлъ раньше, чѣмъ у насъ съ г-мъ Фіалой дошло до спора. Не могъ же я теленка отдать въ воспитательный домъ...

Дѣдъ (помолчавъ). Ну-съ, такъ чѣмъ я могу вамъ служить г-нъ Биза?

Бизе (опять оглядываясь кругомъ). Извините, г-нъ письмоводитель, мое посѣщеніе касается только вашей дочери. Я имѣю къ ней щекотливую просьбу. Я случайно узналъ, что она здѣсь замужемъ, а такъ какъ имѣю дѣло въ этихъ мѣстахъ, то позволилъ себѣ ее разыскать.

Дѣдъ (идетъ къ спальнѣ, заглядываетъ въ нее). Къ сожалѣнію, дочь еще не готова.

Биза (вставая). Въ такомъ случаѣ я позволю себѣ зайти позднѣе, хоть послѣ обѣда, если это васъ не стѣснитъ.

Дѣдъ (нерѣшительно) Ну хорошо. Извините, дочь опоздала одѣться: у насъ гоститъ Снетина, двоюродный братъ моего затя, прибавились хлопоты, дамы суетятся...

Биза (очень заинтересованный). Г-нъ Снетина? Я слышалъ. Осмѣлюсь спросить, что онъ за господинъ?

Дѣдъ. Онъ писатель. Пишетъ въ журналахъ.

Биза. Вотъ какъ!

Дѣдъ. Да! Снетина—новый человѣкъ. Онъ смотритъ на весь міръ своеобразно, имѣетъ свою философію.

Биза (съ любопытствомъ). Какую же напримѣръ?

Дѣдъ. Трудно выразить въ нѣсколькихъ словахъ. Коротко сказать, онъ стоитъ за свободу каждаго человѣка, кто бы онъ ни былъ За свою свободу, мою, вашу...

Биза. Мою?

Дѣдъ (значительно). И вашу. Онъ не дѣлаетъ разницы между людьми. Меня это очень занимаетъ. Если бы меня коснулось это ученіе раньше,—лѣтъ сорокъ, тридцать тому назадъ,—я бы не былъ здѣсь, г-нъ Биза.

Биза. А гдѣ бы вы были г-нъ письмоводитель?

Дѣдъ (значительно). Навѣрное въ Америкѣ. Я бы тамъ давалъ концерты и (гордо) мой портретъ былъ бы на углахъ всѣхъ улицъ.

Биза (холодно). На чемъ же вы играете г-нъ письмоводитель?

Дѣдъ (нерѣшительно) Хотѣлъ бы играть на флейтѣ.

Биза. Значитъ не играли до сихъ поръ?

Дѣдъ (поспѣшно). То-есть, я теперь *буду играть* Я тоже избавился отъ „условныхъ предразсудковъ". Г-нъ Снетина обновилъ здѣшнюю атмосферу. Мы всѣ чувствуемъ его вліяніе. Особенно я. *Особенно я!*

Биза (задумавшись). Это дѣйствительно интересно. Гмъ, гмъ... Что дѣлаетъ г-нъ Снетина цѣлый день?

Дѣдъ (значительно). Пишетъ, размышляетъ, читаетъ, гуляетъ, куритъ ..

Биза. До сихъ поръ не вникалъ въ хозяйство?

Дѣдъ (обиженно за Снетину). Боже сохрани! Что вы о немъ думаете? Вы себѣ его, вѣроятно, представляете простымъ крестьяниномъ?

Биза. Значитъ онъ единственный въ своемъ родѣ оригиналъ!

Дѣдъ. О, да.

Биза. Жаль, что я его не засталъ дома. Мнѣ бы интересно съ нимъ познакомиться (вдумчиво). Мнѣ кажется, что онъ выходилъ, когда я входилъ. Не знаете ли куда онъ ушелъ?

Дѣдъ. Навѣрно въ поле. Онъ тамъ проводитъ каждое утро.

Биза (испуганно). Въ полѣ? А что онъ дѣлаетъ въ полѣ, если не слѣдитъ за хозяйствомъ?

Дѣдъ. Вѣроятно рветъ васильки. На-дняхъ онъ принесъ себѣ большой букетъ васильковъ.

Биза (успокоившись). А за цвѣточками ходитъ! Ну, да, поэтъ! Я зналъ одного, такъ тотъ могъ съ ума сойти отъ восторга, увидавъ первый подснѣжникъ (задумавшись). Еще кое о чемъ спрошу васъ: г-нъ Снетина получилъ Либлице по наслѣдству?

Дѣдъ. Да, г-нъ Биза, онъ единственный наслѣдникъ.

Биза. И рѣшилъ тамъ жить?

Дѣдъ. Конечно. Мой зять строитъ ему въ Либлицѣ домъ вродѣ замка. Тамъ Снетина будетъ свободенъ, какъ

птица. Здѣсь, у моей дочери, это не такъ возможно: ребенокъ часто плачетъ, а у зятя устарѣлыя понятія...

Биза. Какая жалость, что я не встрѣтился съ г-мъ Снетиной! Я приду еще послѣ обѣда (собирается уходить). Не стану васъ болѣе задерживать г-нъ письмоводитель (показывая на флейту). Вы собирались давать концертъ?

Дѣдъ (скромно). Вы мнѣ льстите г-нъ Биза. Я только начинаю... надѣюсь усовершенствоваться! Талантъ есть, надо только овладѣть техникой.

Биза (вѣжливо). Это не будетъ вамъ особенно трудно. Прошу передать почтеніе вашей дочери. Позволю себѣ придти еще разъ. Надѣюсь, что она будетъ такъ любезна принять меня. Мы когда-то симпатизировали другъ другу.

Дѣдъ. Ну... теперь иныя заботы.

Биза. Конечно! Теперь пріятнѣе стаканъ хорошаго пильзенскаго пива (подходитъ къ колясочкѣ, смотритъ подъ занавѣску). Только одинъ ребенокъ у г-жи Чаповой?

Дѣдъ. Да, и того на силу дождались.

Биза (раскланялся, дѣдъ его провожаетъ). Прошу не безпокоиться (уходитъ).

Явленіе второе.

Дѣдъ, Яна.

Дѣдъ (вздохнувъ, какъ послѣ тяжелаго труда). Уфъ!..

Яна (выглядываетъ изъ спальни) Онъ ушелъ папа?

Дѣдъ. Да, Яночка.

Яна (входитъ на половину причесанная съ гребнемъ въ рукѣ). Зачѣмъ ты его отпустилъ?!..

Дѣдъ. Онъ придетъ послѣ обѣда и просилъ передать тебѣ почтеніе.

Яна. Навѣрно придетъ?

Дѣдъ. Навѣрно.

Яна (подходя къ отцу, съ чувствомъ). Какъ онъ выглядитъ?

Дѣдъ. Ну! выглядитъ здоровымъ...

Яна. А что говорилъ?

Дѣдъ. Говорили о многомъ. Онъ мнѣ разсказалъ, что ты ему вышила закладку для книги. Это меня удивило, такъ какъ ты мнѣ никогда ничего подобнаго не говорила.

Яна. Онъ принесъ съ собою эту закладку?

Дѣдъ (удивленно). Зачѣмъ бы ее приносить?

Яна. Ну дальше, дальше! Каковъ онъ?

Дѣдъ. Ну, онъ любитъ хозяйство: все о коровахъ, о телятахъ.

Яна (радостно). Все тотъ-же Биза!... (погодя). Не удивился, что у меня сынокъ?

Дѣдъ (пораженъ). Что же тутъ удивительнаго? Вѣдь ты замужемъ.

Яна Я думала, что это ему все-таки покажется страннымъ .. Но онъ вѣдь еще придетъ?

Дѣдъ. Ахъ, Боже мой! Ну ручаюсь, что придетъ.

Яна (радостно убѣгаетъ).

Дѣдъ (про себя). Послѣ этого, можно-ли понять женщинъ! (Кладетъ ноты на столъ и тихонько наигрываетъ арію изъ „Марты". (Въ то время изъ комнаты Снетины вылетаетъ свертокъ бѣлья, сапоги, смятая бумага, коврикъ и т. д.).

Явленіе третье.

Дѣдъ, Бабушка потомъ *Мари.*

Бабушка (входя изъ комнаты Снетины). И такъ каждый день Нигдѣ нѣтъ такого безпорядка, какъ въ комнатѣ Снетины! Около умывальника потопъ: уткамъ бы тамъ плавать! Бѣлье смѣняетъ ежедневно; полотенце обливаетъ кофеемъ. Сегодня на занавѣскѣ черныя пятна! Навѣрно онъ вытеръ ею пальцы, замаранные чернилами. Кто же долженъ убирать за нимъ?

Дѣдъ. Довольно сердиться, успокойся, Я испугался, думалъ что нибудь важное (играетъ) ..

Бабушка (сбрасывая ноты со стола). Сложи ноты! перестань играть! видишь, какъ я разстроена.

Дѣдъ. Ну, ну меня то не впутывай. Все это меня не касается

Бабушка (кричитъ въ сѣни) Мари, Мари!

Мари (въ дверяхъ). Что угодно?

Бабушка. Идите убирать комнату г-на Снетины. Бросьте все и идите! Онъ любитъ, чтобы къ его приходу все было убрано.

Мари (лѣниво) Я только, что собралась подсинивать бѣлье...

Бабушка. Вы еще не начинали! Что-же вы дѣлали? Затопили плиту?

Мари (колко). Развѣ мнѣ только и заботы, что о такихъ мелочахъ.

Бабушка (внѣ себя). Десять часовъ! (обходя Мари). Пустите! (Уходитъ въ кухню).

Явленіе четвертое.

Дѣдъ, Мари.

Дѣдъ (отечески). Вы, дѣвушка, должны стараться... ничего не подѣлаешь! Отнесите скорѣе эти сапоги, бѣлье и бумагу. Ну, живѣе!

Мари. Милостива пани приказали, чтобы я убрала комнату пана Снетины, а это вещи не въ его комнатѣ.

Дѣдъ (значительно). Но это его вещи! Сапоги вычистите, бѣлье выстирайте.

Мари. Я одной еще стирки не окончила, а говорятъ уже о другой!..

Дѣдъ. Ну, золотая моя, служба службой (поучительно). Вы должны за всѣмъ присматривать, и все держать въ порядкѣ.

Мари (дерзко). Панъ, вѣроятно командуетъ служанками, когда пани устаетъ?

Дѣдъ (удивленно глядя на нее). Я хочу только поторопить васъ (собирая ноты и флейту). Мнѣ тоже непріятно, когда вездѣ безпорядокъ... Что солнце еще есть въ бесѣдкѣ?

Мари. Не знаю. У меня не было времени тамъ сидѣть!

Дѣдъ (только смотритъ на нее, какъ на что то невиданное) (Уходитъ).

Явленіе пятое.

Мари, Снетина.

Мари (про себя). Буржуа! (Подходитъ къ зеркалу, поправляетъ прическу и воротничекъ. Далѣе разсматриваетъ разныя вещи въ комнатѣ, пока не увидѣла на столѣ номера своего журнала „Вольное слово“. Разрываетъ бандероль, садится на качалку, читаетъ, качаясь).

Снетина (входитъ съ балкона съ большимъ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ).

Мари (вскакиваетъ, прячетъ журналъ).

Снетина (хотѣлъ было войти въ свою комнату, но останавливается у порога). Pardon! еще не убрано?.. Непріятно!.. (Къ Мари) вы вѣрно собрались убирать?

Мари. Да, милостивый панъ

Снетина (съ улыбкой) А когда я входилъ, вы, кажется наслаждались на качалкѣ?

Мари. А развѣ это грѣхъ, милостивый панъ? для насъ, служанокъ качалка—рѣдкость. Я хотѣла попробовать пріятно-ли пани качаться.

Снетина (ласково). И прекрасно. Будьте увѣрены, что я желаю вамъ попробовать всѣхъ сладостей жизни.

Мари. Милостивый панъ! Позвольте мнѣ сейчасъ прочесть этотъ журналъ (указываетъ на него).

Снетина. Почему же и не прочесть?

Мари. Старшая пани прислала меня сюда убрать вашу комнату

Снетина (удивленно). А, вотъ что! Такъ пусть уберетъ кто другой (входитъ въ свою комнату за рукописью. кладетъ ее на столъ въ столовой).

Мари (сѣла въ качалку, читаетъ и все время одобрительно киваетъ головой).

Явленіе шестое.

Мари, Снетина, Яна.

Яна (выходитъ изъ спальни въ легкомъ нарядномъ, розовомъ платьѣ; сіяетъ).

Мари (вскакивая, пораженная). Ахъ!

Снетина (оглядывается тоже пораженъ). Это, вы, Яна?! возможно-ли?! Какая перемѣна!

Яна. Развѣ?

Снетина. Будто предо мною внезапно расцвѣла роза! Я не предполагалъ, что вы такъ прелестны!

Мари. Милостива пани правда, хороши, какъ въ сказкѣ.

Яна (къ Мари). Что вы здѣсь дѣлаете?

Мари. Пани Кайликова прислали меня сюда...

Яна. Вы все сдѣлали, что она вамъ приказала?

Мари. Да, милостива пани.

Яна. Такъ идите стирать

Мари (уходитъ).

Явленіе седьмое.

Снетина, Яна.

Снетина. Куда вы собрались, Яна?

Яна Сначала обѣщайте, что не будете смѣяться

Снетина. Обѣщаю.

Яна. Я хочу нарвать букетъ ржи. Это вамъ не кажется ребячествомъ?

Снетина. Нѣтъ... но слишкомъ сентиментально. Вы, вѣрно, хотите на этотъ ладъ настроить и Бизу?

Яна. Ахъ, какъ вы непоэтично выражаетесь! Я хочу встрѣтить его съ этими колосьями. Ему будетъ пріятно, что я до сихъ поръ помню его „букетъ ржи".

Снетина. Могу только сказать, что завидую этому Бизѣ!

Яна (взглянувъ на него). Почему?

Снетина (взволнованно). Вы сегодня такъ интересны, что право.. вызываете не пустую сентиментальность, а больше...

Яна. Что больше? Не понимаю васъ.

Снетина Развѣ вы не сознаете свое внутреннее „я", изъ котораго вырывается огонь, какъ изъ вулкана?

Яна (холодно). Нѣтъ,

Снетина. А этотъ вулканъ въ васъ есть. Онъ засыпанъ обыденщиной, въ которой вы живете... Въ немъ таится много силы .. Ахъ, Яна, этотъ вацъ, скрытый огонь, могъ бы охватить все ваше существо?.. А букетъ играетъ роль охлаждающаго компресса...

Яна (смѣется). Компресса? нѣтъ: напоминаніе прошлаго!..

Снетина (взволнованно). Ну, хорошо. Вы, кажется, вѣрите въ живую воду?.. въ возможность подогрѣть..

Яна (холодно). Вы ошибаетесь, Зденекъ. Я хочу только поймать нить воспоминаній юности.

Снетина (быстро). Ахъ, какъ вы наивны! Что вы будете дѣлать съ воспоминаніями? Могутъ ли они погасить внутреннюю лаву? (подходя къ ней). Не чувствуете-ли въ своей душѣ клокотаніе лавы?

Яна. Нѣтъ!

Снетина. Но я ее въ васъ чувствую. (Приближается къ ней).

Яна (отступая). Что вы хотите сказать?!

Снетина (страстно). Сказать-ли?! (Эти слова произноситъ около колясочки).

Яна (испуганно). Разбудете Славечка!

Снетина (съ досадой). Славечекъ—вотъ цѣпи! Вы правы: крикъ его былъ бы нежелателенъ .. Ненавижу его!

Яна (съ ужасомъ). Кого?

Снетина (показываетъ на колясочку). Вотъ этого мальчишку! Я страдаю отъ него съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь. Онъ мѣшаетъ мнѣ работать, спать, жить! Если бы его не было—я бы хотѣлъ здѣсь быть вѣчно! Но онъ преслѣдуетъ меня и днемъ и ночью!

Яна (улыбнувшись). Бѣдняжка! (Идетъ къ колясочкѣ и съ любовью смотритъ на ребенка).

Снетина (тихо). Яна!

Яна (молча оглядывается)

Снетина Знаете-ли, вы прекрасны!..

Яна (удивленно пожала плечами).

Снетина. Да, прекрасны! Если бы я предполагалъ, что въ васъ столько очарованья я бы давно завоевалъ васъ

Яна. Однако не завоевываете...

Снетина (страстно подходя къ ней). Не завоевываю, но... Яна!...

Яна (холодно). Что вамъ отъ меня нужно?

Снетина (хочетъ обнять ее). Васъ нужно,—васъ...

Яна. Вы переходите границу приличія...

Снетина (вспыльчиво). Для меня нѣтъ границъ!.. Что такое приличіе? Жизнь даетъ силу и право на все! (Хватаетъ ее за руку).

Яна (вырывается, оскорбленная. Молча смотритъ на него).

Снетина. Что-же? . Яна!

Яна (съ достоинствомъ и холодно). Здѣсь граница! (Въ ея позѣ столько гордости и достоинства, что Снетина невольно отступаетъ, пораженный. Молчаніе. Яна беретъ шляпу, надѣваетъ перчатки, беретъ зонтикъ, говоритъ пріятельски) Не хотите-ли проводить меня?

Снетина (сквозь зубы). Не хочу.

Яна (довѣрчиво смотритъ на него). Знаете-ли, въ этомъ мое право, Зденекъ.

Снетина. Въ чемъ?

Яна. Въ чистыхъ воспоминаніяхъ о юности и о букетѣ ржи. Не пойдете со мной въ поле?

Снетина (машинально беретъ шляпу). Выйдемъ вмѣстѣ, но... (насмѣшливо). Въ полѣ я бы могъ опять перейти .. „границу".

Яна. Теперь вѣрите, что она есть?

Снетина (пропуская ее впередъ). Мнѣ не до шутокъ...

Яна (насмѣшливо). А! „подземный рокотъ"?. (Идутъ къ двери).

Явленіе восьмое.

Снетина, Яна, потомъ *Бабушка.*

Бабушка (потная, раскраснѣвшись, съ засученными рукавами, подоткнутымъ платьемъ, съ удивленіемъ смотритъ на Яну). Куда идешь?

Яна (съ умышленнымъ равнодушіемъ). За букетомъ колосьевъ, маменька.

Бабушка. Зачѣмъ они тебѣ?

Яна (слегка улыбнувшись). Для иллюзіи (уходитъ со Снетиной).

Бабушка (кричитъ). Яна! Слышишь? Мясо еще не жарится...

Яна (со двора). Поставь его на плиту, маменька; я не буду обѣдать сегодня.

Явленіе девятое.

Бабушка, Мари.

Бабушка (сердито поглядѣла вслѣдъ Янѣ). За букетомъ, до обѣда! (хлопнувъ дверью, входитъ въ комнату Снетины, откуда выноситъ подушку и перину, кладетъ ихъ на столъ; разсержена, ходитъ шумливо, швыряетъ, чѣмъ попало). Вотъ такъ хозяйство! Никто ни о чемъ не заботится .. одна я!.. Мнѣ это надоѣло. (Приноситъ изъ сѣней щетку, полотенце, собираясь убирать; но раздумала и кричитъ). Мари, вынесите перины.

Мари (входитъ). Какія перины?

Бабушка. Развѣ вы не видите? Повѣсьте ихъ въ садъ. Вѣдь, г-нъ писатель любитъ (иронически), чтобы отъ нихъ пахло воздухомъ.

Мари (невинно). Панъ Снетина не желаютъ, чтобы я убирала ихъ комнату.

Бабушка (смѣрила Мари съ головы до ногъ). Что? Кто же долженъ убирать, если не вы? Ужь не я-ли?..

Мари (равнодушно пожимаетъ плечами). Я здѣсь со вчерашняго вечера и не знаю здѣшнихъ порядковъ.

Бабушка (подступая къ ней). Знаете-ли, что мнѣ шестьдесятъ лѣтъ?!..

Мари (холодно). Вѣрю.

Бабушка. Знаете-ли, что въ продолженіе жизни я работала больше, нежели тысяча такихъ лѣнтяекъ, какъ вы?..

Мари (дерзко смѣется).

Бабушка Не вѣрите?

Мари (смѣясь). Напрасно милостивая пани черезчуръ напрягали силы!

Бабушка (услышавъ ея смѣхъ). Стыдитесь!

Мари (съ поклономъ) Слушаю-съ.

Бабушка (съ трудомъ переводя духъ). Вотъ вамъ щетка, идите убирать.

Мари. Мнѣ надоѣли приказанія. Не дорожу я вашимъ мѣстомъ, пани!

Бабушка (гнѣвно). Вѣдь вы съ утра еще ничего не дѣлали. Даже утренній кофе я вамъ варила. Удивительно, что вы его не пили въ постели..

Мари. Нигдѣ меня еще не попрекали ѣдою!..

Бабушка (кричитъ). Ѣдою васъ не попрекаютъ,—ею я еще никого не попрекала. Но вы лѣнтяйка, дармоѣдка! Ничего вы не умѣете и не хотите. (Еще повышая голосъ). Вы, кажется, хотите, чтобы такая старая дама, какъ я, вмѣсто васъ мыла полы, стирала, готовила, ходила на базаръ съ корзиною?

Мари (дерзко). Въ этомъ нѣтъ ничего унизительнаго; кто нибудь да долженъ все это дѣлать!

Бабушка (внѣ себя). Только не вы! Ахъ негодная!

Мари. Милостивая пани, не кричите по простонародному!

Бабушка. Вонъ! Убирайтесь! Еще никто мнѣ такъ не дерзилъ. Грубіянка! Чтобы я васъ больше не видала!!

Мари. Я служу у пани Чаповой, а не у васъ!

Бабушка. Все равно, я васъ выгоняю. Берите свои вещи и отправляйтесь!

Мари. Еще подумаю. Я ничего не украла; никого не обидѣла; имѣю право двѣ недѣли пріискивать мѣсто.

Бабушка. Вы думаете, мы васъ будемъ держать двѣ недѣли?

Мари. Я не привыкла уходить вдругъ. Буду жаловаться въ судъ!

Бабушка. Вы! въ судъ! будто права! (Осматривается кругомъ на безпорядокъ. Молчаніе. Подумавъ, ставитъ щетку въ уголъ и говоритъ рѣшительно). Впрочемъ, хорошо, я вмѣсто васъ ничего не буду дѣлать! У меня тоже свое *я*... почему бы и мнѣ не поступать, *какъ покойнье*? (беретъ со стола подушку, кладетъ ее на диванъ, удобно ложится). Ахъ, какъ пріятно! вѣдь, я съ пяти часовъ утра на ногахъ, а ночью не спала! Какъ болятъ ноги! (погодя). Прекрасная кушетка!

Мари (удивленно). Какъ же обѣдъ, милостивая пани?

Бабушка. Я не голодна, а если вы голодны, стряпайте сами (потягиваясь). Вотъ такъ наслажденіе!

Мари (смотритъ нѣкоторое время на полный безпорядокъ въ комнатѣ). Не надѣйтесь, пани, чтобы я хоть пальцемъ шевельнула..

Бабушка. Я на васъ и не надѣюсь.

Мари. Пойду къ факторшѣ, попрошу у нея мѣста. Авось, найду удачнѣе! До свиданья (уходитъ).

Бабушка (приподнимается и заботливо осматривается, потомъ, подложивъ руки подъ голову, продолжаетъ лежать).

Явленіе десятое.

Дѣдъ, Бабушка.

Дѣдъ (увидавъ лежащею бабушку, подходитъ къ ней испуганный). Что съ тобой случилось?.. Не сломала ли ты ногу?.. Что съ тобой маменька?

Бабушка. Отдыхаю.

Дѣдъ (не понявъ). Почему?

Бабушка. Потому, что пріятно отдыхать.

Дѣдъ (поддразнивая). Ахъ ты лѣнтяйка? Посмотрите-ка, отдыхаетъ!.. Вотъ я тебя стащу съ дивана!..

Бабушка (спокойно вставая). Не дурачься (беретъ по-

душку съ дивана). Хочу побыть въ тишинѣ (идетъ въ спальню).

Дѣдъ (удивленно глядя на нее). Куда ты идешь?

Бабушка. Лягу въ спальнѣ. Здѣсь неуютно.

Дѣдъ (съ безпокойствомъ). Маменька, съ тобою ничего не случилось?.. Безъ причины ты бы не легла. Нездоровится?

Бабушка (въ дверяхъ спальни). Не безпокойся, я здорова. (Значительно). Иди, поиграй на флейтѣ, а я отдохну (уходитъ).

Дѣдъ (не вѣря своимъ ушамъ, заглядываетъ въ спальню). Можно играть, маменька?!

Бабушка (въ спальнѣ). Можно.

Дѣдъ (покачавъ головою, задумывается; добродушно улыбается, раскладываетъ на столѣ ноты, садится, собираясь играть).

Явленіе одинадцатое

Дѣдъ, Снетина.

Снетина (входитъ, нахмуренный; не видя дѣда, идетъ къ столу, кусаетъ губы, хрститъ пальцами. Обернувшись, замѣчаетъ дѣда). Мое почтеніе, г-нъ Кайликъ! Развѣ вы не въ саду? Мы съ Яной видѣли васъ въ бесѣдкѣ.

Дѣдъ. Какая это бесѣдка! Солнце жжетъ тамъ со всѣхъ сторонъ... Я чуть не ослѣпъ.

Снетина (не слушая, задумывается, напѣваетъ подъ носъ пѣсенку).

Дѣдъ (внимательно). Что вы поете, Снетина?

Снетина. Я—пою? Мнѣ не до пѣнія!

Дѣдъ (участливо). Съ вами случилось что нибудь?

Снетина (улыбнувшись). Пустяки! Лучше буду писать. (Садится къ столу, вытираетъ перо, подвигаетъ чернильницу).

Дѣдъ. Желаю успѣха, г-нъ Снетина!

Снетина. Благодарю (проводитъ рукою по волосамъ, потираетъ лобъ, смотритъ на потолокъ, потомъ, нагнувшись къ столу, начинаетъ писать).

Дѣдъ (осторожно, чтобы не привлечь вниманіе, перевертываетъ нѣсколько страницъ нотъ и начинаетъ гамму).

Снетина (удивленно оглядываясь). Вы хотите играть, г-нъ Кайликъ?

Дѣдъ. Да, г-нъ Снетина.

Снетина (досадливо сжимаетъ перо, но продолжаетъ писать).

Дѣдъ (фальшиво играетъ гамму; повторяетъ ее разъ, два).

Снетина (передернувшись, вскакиваетъ, разстроенный). Г-нъ Кайликъ, прошу васъ, перестаньте! *„прошу“* — для меня великое слово... Хочу сегодня дописать статью.

Дѣдъ. Пожалуйста, не стѣсняйтесь, пишите! Мнѣ это ни сколько не мѣшаетъ! (играетъ дальше гамму совсѣмъ фальшиво).

Снетина (сдерживаясь). Г-нъ Кайликъ, мнѣ мѣшаетъ ваша флейта.

Дѣдъ (удивленно перестаетъ играть). Моя флейта? Что общаго она имѣетъ съ вашей статьей?

Снетина. Я не могу!.. У меня голова трещитъ отъ этихъ звуковъ... Они сверлятъ мнѣ мозгъ!

Дѣдъ (пораженъ). Моя игра вамъ такъ непріятна?

Снетина. До безумія!

Дѣдъ (покачавъ головой). Гмъ, это удивительно! ну я буду играть не гаммы, а какую нибудь арію..

Снетина (нервно сложивъ руки). Бога ради, ничего ненадо! ничего! ничего! Я не могу работать!...

Дѣдъ (начиная сердиться). Видите-ли г-нъ Снетина... какъ тутъ быть? Почему я долженъ уступить? Я мечталъ поиграть еще съ утра.. И моя жена даже позволила...

Снетина (злобно). Ваша жена!.. Она, конечно, на зло мнѣ...

Дѣдъ (опять беретъ нѣсколько нотъ).

Снетина (хочетъ отнять флейту у дѣда). Индивидъ неусовершенствованный долженъ всегда уступить усовершенствованному — это законъ природы! Простите, но я долженъ отнять у васъ флейту. (Беретъ ее).

Дѣдъ (вскакивая). Позвольте! (отнимаетъ флейту). Я тоже не знаю, совершенство-ли ваша статья, или нѣтъ? Вы меня оскорбляете!

Снетина. Оскорбить бы я могъ *маэстро*, а вы только *ученикъ*...

Дѣдъ. Позвольте, однако!..

Снетина. Вы до сихъ поръ и гаммы не умѣете сыграть.

Дѣдъ (складывая ноты). Это не ваша забота... Вы еще не слыхали моей настоящей игры. Вотъ я вамъ сыграю „Марту" съ начала до конца

Снетина. Нѣтъ, ради Бога! У меня нервы не веревки!

Дѣдъ (сердито). Вы безтактны, невѣжливы! Не будь вы гость,—я бы вамъ показалъ! (взглянувъ злобно на Снетину, уходитъ, взволнованный).

Явленіе двѣнадцатое.

Снетина (одинъ).

Снетина (глубоко вздохнувъ, старается успокоиться; садится къ столу. Перо быстро бѣгаетъ по бумагѣ. Въ это время изъ коляски раздается плачъ ребенка. Снетина беретъ изъ кармана вату и затыкаетъ ею уши. Пишетъ дальше. Плачъ ребенка усиливается постепенно. Снетина бросаетъ перо объ столъ и, подойдя къ двери въ сѣни, зоветъ). Сударыня, Славечекъ плачетъ! (садится опять, но плачъ мѣшаетъ, тогда онъ вскакиваетъ и, выйдя въ сѣни, кричитъ). Сударыня!.. Мари!. Мальчикъ кричитъ. (Садится, взволнованный, и закрываетъ уши руками. Плачъ продолжается. Снетина сердито встаетъ, идетъ къ колискѣ и въ бѣшенствѣ дергаетъ ее нѣсколько разъ. Это не помогаетъ. Идетъ на балконъ и кричитъ громко, пронзительно). Г-нъ Кайликъ, мальчишка реветъ! (Молчаніе. Снетина, подумавъ, подходитъ къ колискѣ, разыскиваетъ въ ней рожокъ и суетъ его ребенку, который еще пуще кричитъ). Это ужасно! Чего хочетъ мальчишка? (Опять зоветъ). Кто нибудь!! (внѣ себя, выхватываетъ ребенка изъ коляски, раскачиваетъ его на рукахъ и бѣгаетъ съ нимъ по комнатѣ, опрокидывая все на пути, сердито шикая дрожащими губами): ш-ш-ш!! шу!..

(Занавѣсъ падаетъ, но ребенокъ еще нѣкоторое время кричитъ).

Переводъ съ чешскаго А. И. Кудрицкой.

Окончаніе слѣдуетъ.

Опека надъ печатью[1].

Историко-догматическій очеркъ.

III.

Историческая справка.

Исторія печати въ Россіи обставлена совершенно иными условіями, чѣмъ на Западѣ. Тамъ, какъ мы видѣли, печатный станокъ появился въ эпоху общественнаго подъема, всеобщаго пробужденія умовъ, незадолго до возникновенія реформаціи. Жажда знаній, необходимость обмѣна мыслей, успѣхъ религіозной борьбы,—все это нуждалось въ печатномъ словѣ. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что книгопечатаніе было встрѣчено съ единодушнымъ восторгомъ не только представителями науки и искусства, но и правительствами, даже церковной властью. Послѣдняя, впрочемъ, скоро измѣнила свои отношенія къ новому изобрѣтенію, и въ 1501 году папа Александръ VI, какъ извѣстно, уже наложилъ руку на свободу печати въ четырехъ епископствахъ Германіи, а черезъ 14 лѣтъ папа Левъ X распространилъ мѣру Александра VI на весь католическій міръ. Спустя немного лѣтъ, свѣтская власть также встревожилась успѣхами новаго явленія общественной жизни, и во Франціи—странѣ, гдѣ король Людовикъ XII въ 1513 году назвалъ книгопечатаніе божескимъ изобрѣтеніемъ,—въ 1533 г. Францискъ I едва не подписалъ, по ходатайству Сорбонны, декретъ объ уничтоженіи въ государствѣ печатнаго дѣла и о запрещеніи навсегда учреждать новыя типографіи. Однако, пресса скоро развилась въ такую общественную силу, заглушить которую не оказалось возможнымъ ни разрозненнымъ, ни совокупнымъ стараніямъ церкви и правительства.

Совсѣмъ другое дѣло было у насъ. Русское общество той эпохи представляло изъ себя несформированную еще малокультурную массу, только что сбросившую тяжелое татарское иго, съ зачатками будущаго государства, надъ созданіемъ ко-

[1]) Продолженіе. См. „Мирный Трудъ“ 1905 г. № 8.

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

тораго съ настойчивостью и энергіей трудились московскіе князья въ небольшомъ кругу приближенныхъ. Понимать великое значеніе новаго изобрѣтенія и непосредственно ощущать въ немъ надобность могли весьма немногіе. Большинство же отнеслось къ нему крайне враждебно, какъ къ ненужному, даже опасному новшеству. Первая русская типографія, основанная въ Москвѣ, по желанію Іоанна Грознаго (около 1563 года), была встрѣчена во всѣхъ слояхъ общества, какъ вражеское нашествіе, и сожжена. Возобновленная черезъ пять лѣтъ (въ 1568 г.) уже въ Александровской слободѣ, она дѣйствовала мало, печатая лишь церковныя книги, и только при Никонѣ, которому удалось смирить церковныхъ переписчиковъ—главныхъ враговъ печати,—въ патріаршей типографіи стали выходить „поучительныя“ книги.

Такимъ образомъ, у насъ на Руси зачатки печатнаго дѣла нужно отнести ко второй половинѣ XVI вѣка. Немного позже появились и первые признаки его регламентаціи.

Въ исторіи нашего законодательства о печати можно отмѣтить три періода, характеризуемыхъ отличительными признаками.

Первый періодъ можетъ быть отмѣченъ пассивнымъ отношеніемъ къ печати со стороны государства; духовныя власти также не касались книги, пока, въ концѣ XVI вѣка, религіозныя сочиненія юго-западной Руси не начали отражать на себѣ иновѣрныхъ вліяній; въ то же время и московское духовенство стало давать „правила о книгахъ“ съ цѣлью противодѣйствія распространенію ересей. Такъ продолжалось до Петра Великаго, съ котораго начинается II-й періодъ. Печать, какъ средство народнаго образованія, дѣлается непосредственной заботой самого правительства; контроль духовныхъ властей въ первые годы царствованія Петра ослабляется до крайнихъ предѣловъ, и только въ концѣ его царствованія, вслѣдствіе „несогласій съ московскими печатьми“ нѣкоторыхъ духовныхъ книгъ, отпечатанныхъ въ кіевской и черниговской типографіяхъ, этотъ контроль получаетъ юридическую силу. Общій оттѣнокъ этого періода—стремленіе правительства къ крайней опекѣ надъ печатью. Различныя колебанія въ этомъ направленіи завершаются суровымъ режимомъ печати въ послѣдніе годы царствованія Императора Николая I.

III-й періодъ, представляющій рядъ незаконченныхъ попытокъ ввести репрессивную систему отвѣтственности за злоупотребленіе печатнымъ словомъ, продолжается до сихъ поръ и не можетъ еще дать матеріала для объективнаго историче-

ского обзора. Поэтому, коснувшись существенныхъ историческихъ подробностей въ первые два періода, я перейду прямо къ догматическому изложенію современнаго законодательства о печати.

Печатное дѣло у насъ явилось продуктомъ правительственной мудрости, а не общественной потребности. Правда, въ южно-русскихъ братствахъ XVI в. возникли вольныя типографіи со спеціальной цѣлью печатать, кромѣ церковныхъ, учебныя книги, сочиненія и поученія кіевскихъ богослововъ; но московское духовенство, подозрительно относившееся къ послѣднимъ, послѣ ряда частныхъ мѣропріятій, добилось запрещенія для южно-русскихъ типографій печатать что либо безъ „вѣдѣнія Москвы". Сенатскій указъ 1720 года предписываетъ печатать церковныя книги не иначе, какъ съ разрѣшенія Духовной Коллегіи, „дабы не могло въ такихъ книгахъ никакой въ церкви Восточной противности и съ Великороссійскою печатью несогласія произойти".

То же предписаніе попало и въ Регламентъ Духовной Коллегіи, появившійся 25 января 1721 года. По этому Регламенту, каждое новое сочиненіе должно быть представлено въ Коллегію для предварительнаго просмотра, „нѣтъ-ли какого въ письмѣ оном погрѣшенія, ученію православному противнаго". Это была первая общая для всего государства мѣра, но она касалась, конечно, только духовной печати, а не свѣтской. Хотя свѣтская печать явилась при Петрѣ Великомъ вмѣстѣ съ установленіемъ гражданскаго шрифта въ 1704 г., но къ указанному времени она еще не успѣла выйти изъ рукъ правительства и стать сколько нибудь самостоятельной общественной силой. Великій реформаторъ вывелъ народную мысль изъ религіозной замкнутости на почву свѣтскихъ культурныхъ интересовъ и, соотвѣтственно этому, выполнилъ крупнѣйшую реформу печатнаго дѣла безъ всякаго участія общественной массы, вѣрнѣе, даже вопреки ея стремленіямъ.

Печатный станокъ изъ рукъ духовныхъ властей перешелъ, можно сказать, въ собственныя руки Петра Великаго, который лично заказывалъ переводы нужныхъ ему техническихъ и другихъ полезныхъ, по его мнѣнію, иностранныхъ книгъ; давалъ темы для оригинальныхъ сочиненій; редактировалъ то и другое; самъ издавалъ „куранты"; поддерживалъ политику противъ заграничныхъ нападокъ (въ особенности Шведскихъ „пасквилей"),—словомъ, лично направлялъ книжное дѣло, сообразно своимъ цѣлямъ политическаго и просвѣтительнаго характера. При такихъ условіяхъ, конечно, не могло быть и

рѣчи о какихъ бы то ни было мѣрахъ противъ свѣтской литературы.

Энергія реформатора не прошла даромъ для апатичной общественной массы. Послѣдняя выдѣлила изъ себя частичку способную и склонную къ просвѣщенію. Первые свѣтскіе писатели, профессора Академіи Наукъ, учащіеся и высшій общественный слой подняли книжное дѣло. Появился указъ 4 октября 1727 г., по которому обѣ духовныя типографіи, оставаясь подъ контролемъ Св. Синода, переведены въ Москву, а двѣ свѣтскія въ Петербургѣ подчинены вѣдѣнію Академіи Наукъ, которая скоро (съ января 1728 г.) принялась за изданіе „Петербургскихъ Вѣдомостей" безъ всякаго правительственнаго контроля.

Все это казалось хорошимъ началомъ еще лучшаго будущаго. Однако, не прошло трехъ лѣтъ, какъ надъ Русью нависла мрачная эпоха бироновщины съ плеядой иноземныхъ временщиковъ разнообразнаго калибра, высасывающихъ жизненные соки молодого государства. Нѣмецкіе хищники изъ всего извлекали выгоду и только выгоду. Въ числѣ многихъ Петровскихъ насажденій, Академія Наукъ потеряла огромную долю своего значенія (она едва поддерживалась матеріальными средствами), а съ нею вмѣстѣ замолкла и печать. Десятилѣтнее царствованіе Анны Іоанновны отмѣчено всего двумя указами, относящимися до печати,—17 марта 1733 г. и 26 декабря 1738 г. Оба они направлены противъ допуска въ Россію иностранныхъ книгъ, въ которыхъ содержатся или могутъ содержаться дурные отзывы о приближенныхъ Императрицы. Эти несчастные десять лѣтъ принесли много зла нашему просвѣщенію, а съ нимъ и печатному дѣлу. Мало того, что перестали появляться новыя книги, но получилось нѣчто еще худшее: общество не только потеряло интересъ къ чтенію, но стало бояться книги, если только она не зарегистрована, какъ имѣющая право безпрепятственнаго обращенія. Нѣсколько позднѣе, когда вышли указы 1748 и 1750 годовъ о запрещеніи ввозить изъ-за границы сочиненія только опредѣленнаго направленія, публика наперерывъ торопилась представить властямъ всѣ имѣющіяся на рукахъ книги, безъ различія ихъ содержанія, для просмотра въ Академіи Наукъ. Всегда болѣе или менѣе равнодушное къ дѣлу печати общество взывало объ опекѣ. На этотъ призывъ съ особеннымъ усердіемъ откликнулся Св. Синодъ, распространивъ свое вмѣшательство, кромѣ духовныхъ книгъ, и въ дѣла контроля книгъ свѣтскихъ, подлежавшихъ попрежнему вѣдѣнію Академіи Наукъ.

По поводу грязныхъ препирательствъ на почвѣ авторскаго самолюбія между членами Академіи вообще и между Сумароковымъ и Тредьяковскимъ—въ особенности, Св. Синодъ, по доносу послѣдняго (13 октября 1755 г.), обратился къ Императрицѣ съ всеподданнѣйшей просьбой о запрещеніи печатать въ Россіи книги о „множествѣ міровъ" и о конфискаціи „Ежемѣсячныхъ сочиненій", издаваемыхъ подъ редакціей Миллера при Академіи. Ходатайство Синода на сей разъ прошло безъ послѣдствій, благодаря заступничеству графовъ Разумовскихъ, но не осталось безъ слѣда на будущее время. Такимъ образомъ, и тотъ незначительный кружокъ ученыхъ и литераторовъ, который ютился вокругъ Академіи Наукъ, вмѣсто того, чтобы сплотиться въ тѣсную семью и стать во главѣ общественно-культурнаго движенія, сѣялъ вокругъ себя интриги, вражду и выносилъ все это наружу, упрочивая въ правительствѣ мысль о необходимости все большаго и большаго вмѣшательства въ печатное дѣло. Съ другой стороны, духовенство, враждебно относившееся къ Академіи, пользовалось всякимъ случаемъ, чтобы подчеркнуть ту же мысль о необходимости наложить узду на академическую дѣятельность, несогласную съ установившимися взглядами церкви.

Въ результатѣ, обстоятельства сложились такъ, что правительство не имѣло никакой нужды въ принятіи цензурныхъ мѣръ. Во-первыхъ, слабое проявленіе литературной мысли, долгое время не могшей стряхнуть съ себя десятилѣтній гнетъ бироновщины, не угрожало никакой опасностью въ политическомъ отношеніи; во-вторыхъ, надзоръ за печатью достигался самъ собою, вслѣдствіе всплывавшихъ наружу безпрестанныхъ препирательствъ и кляузъ среди академиковъ и благодаря зоркой бдительности Св. Синода, ежеминутно готоваго отмѣтить каждое неловкое движеніе Академіи Наукъ, хотя оффиціально за нимъ, попрежнему, оставался только контроль надъ сочиненіями исключительно духовнаго содержанія. Цензурная дѣятельность въ этотъ періодъ времени не имѣла характера обдуманной системы, а покоилась на отдѣльныхъ случаяхъ административной практики, не всегда послѣдовательной и опредѣленной. Несмотря, однако, на несогласіе своихъ членовъ, Академія Наукъ,—а съ нею вмѣстѣ и университетъ, основанный въ Москвѣ въ 1756 г.,—подъ спокойнымъ правленіемъ Императрицы Елизаветы Петровны сдѣлали свое дѣло. Книга перестала пугать общество и даже стала желаннымъ и интереснымъ развлеченіемъ. Казенныхъ типографій и академической книжной лавки оказалось недостаточно; потребовалась

частная предпріимчивость. Явились комиссіонеры и переводчики иностранныхъ книгъ. Имена: Вольтеръ, Руссо, Дидро, Даламберъ и др. сдѣлались обязательными въ обращеніи среди высшаго общества. Составился обширный кружокъ съ цѣлью перевода энциклопедистовъ на русскій языкъ. Императрица Екатерина Великая всѣми мѣрами старалась поддержать новое общественное настроеніе и создать изъ окружающихъ самостоятельную интеллигентную силу. Хорошо знакомая съ просвѣтительнымъ движеніемъ философіи XVIII вѣка, находясь въ перепискѣ съ Вольтеромъ и энциклопедистами, участвуя лично въ литературѣ, Императрица выставила рядъ проектовъ, съ знаменитымъ „Наказомъ“ во главѣ, которые должны были рѣшительнымъ образомъ повліять на самостоятельное проявленіе общественной мысли. Въ первые же годы ея царствованія появился въ Москвѣ рядъ періодическихъ изданій. Всѣ они печатались въ университетской типографіи подъ наблюденіемъ профессоровъ. Правительственной цензуры, попрежнему, не было; только по личной иниціативѣ Императрицы былъ изданъ указъ (6 сентября 1763 г.), воспрещавшій ввозъ изъ-за границы незначительнаго количества сочиненій, главнымъ образомъ Руссо, чтеніе котораго она считала вреднымъ въ нравственномъ отношеніи для своихъ подданныхъ.

Первые десять лѣтъ царствованія Императрицы Екатерины Великой создали, можно сказать, новое общество съ новыми запросами, съ новыми идеалами. Книга сдѣлалась необходимой потребностью, и казенныя типографіи оказались совершенно безсильными удовлетворить ее. Тогда появился указъ 1 марта 1771 г. съ дарованіемъ иностранцу Гартонгу права на открытіе въ Петербургѣ *первой* вольной типографіи для печатанія *иностранныхъ* книгъ. Черезъ пять лѣтъ (указъ 22-го августа 1776 г.) оказалось необходимымъ разрѣшить книгопродавцамъ Вейнбрехту и Шнору открыть типографію съ правомъ печатанія не только иностранныхъ, но и русскихъ книгъ. Наконецъ, вышелъ знаменитый указъ 15 января 1783 г., которымъ объявлена полная свобода заводить вольныя типографіи, гдѣ угодно. Впрочемъ, названный указъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сопровождался появленіемъ впервые *полицейской цензуры*.

Отдавая прессу въ руки общества, правительство недовѣрчиво отнеслось къ его силамъ. Не вдаваясь въ подробности, насколько для того времени было справедливо или несправедливо такое отношеніе къ обществу, нельзя не признать, что вопросъ контроля надъ печатью былъ разрѣшенъ крайне неудачно: 1) онъ былъ порученъ Управѣ Благочинія,

2) имѣлъ предупредительный характеръ и 3) не обставленъ никакими правилами или инструкціями,—слѣдовательно, являлся произвольнымъ [1]). Эта произвольность легла въ основаніе всѣхъ нашихъ дальнѣйшихъ узаконеній о печати. Такъ же точно и первые два момента разсматриваемаго законодательства принципіально сохранились до сихъ поръ. До сихъ поръ цензуру вѣдаетъ высшая *полиція* съ помощью мѣръ, по преимуществу, *предупредительнаго* характера.

Правда, все это оказалось дѣломъ будущаго. Первоначально же полиціймейстеры, исправники не умѣли злоупотреблять данными имъ полномочіями и ограничивались тѣмъ, что коверкали отдѣльныя фразы и слова, обнаруживая больше безграмотности, чѣмъ служебнаго старанія. За все время дѣйствія указа 1783 года неизвѣстно ни одного примѣра запрещенія книги полицейской цензурой. Такія запрещенія начались позже и исходили изъ другого источника—отъ Самой Императрицы.

Чтобы найти объясненіе такому факту, необходимо припомнить, что въ правительственныхъ кружкахъ насчитывалось достаточно лицъ, убѣжденныхъ въ томъ, что всякое общественное движеніе, независимо отъ его размѣровъ, должно было получить свой толчекъ, направленіе и дальнѣйшее развитіе свыше и непремѣнно находиться подъ оффиціальной ферулой.

Самостоятельное проявленіе общественной дѣятельности должно было показаться непривычнымъ, страннымъ, а при либеральномъ направленіи того времени, и совершенно излишнимъ. Зачѣмъ было дѣйствовать независимо отъ правительства, которое готово было идти дальше всѣхъ требованій минуты? Конечно, Императрица не раздѣляла такихъ соображеній; однако она была окружена этими людьми, которые со страхомъ говорили о баснословномъ ростѣ „дружескаго ученаго общества“ съ колоссальными матеріальными средствами, съ не вполнѣ ясной программой дѣятельности, съ огромной его популярностью среди москвичей—этихъ непримиримыхъ враговъ Петербурга, а можетъ быть и Двора. Суровый главнокомандующій Москвы, графъ Брюсъ доносилъ безпрерывно о небываломъ развитіи окутаннаго непроницаемой мистической тайной масонства и о его связи съ „дружескимъ обществомъ“. Им-

[1]) „Управѣ Благочинія отдаваемыя въ печать книги свидѣтельствовать и, ежели что въ нихъ противное Нашему предписанію явится, запрещать; а въ случаѣ самовольнаго напечатанія, книги конфисковать . . . . . и виновныхъ . . . . . сообщать куда надлежитъ, дабы оные за преступленіе законно наказаны были“.

ператрица еще раньше была не расположена къ масонамъ. Ихъ суровые аскетическіе идеалы шли въ разрѣзъ съ ея положительнымъ скептическимъ умомъ. Ей не нравилась также зависимость русскаго масонства отъ шведскаго. Къ тому же она невполнѣ довѣряла ихъ искренности, находя излишней таинственность тамъ, гдѣ преслѣдуются исключительно цѣли добра. Далѣе, отъ Императрицы не было секретомъ, что Москва собрала въ своихъ стѣнахъ всѣ различнаго рода оппозиціонные элементы, которые не останавливались даже передъ демонстраціями по адресу Двора.

Если припомнить, что въ описываемую эпоху россійскій престолъ переходилъ изъ рукъ въ руки путемъ переворотовъ, и принять во вниманіе глухо-угрожающее настроеніе Москвы, то станетъ до нѣкоторой степени понятно, почему незначительнаго повода оказалось достаточно, чтобы круто измѣнить политику въ дѣлѣ свободы печати.

Баварскимъ курфирстомъ былъ закрытъ (въ концѣ 1784 г.) орденъ иллюминатовъ, вслѣдствіе обнаруженія обширнаго революціоннаго заговора. Всѣ европейскія правительства стали опасаться чего-либо подобнаго у себя. Эти опасенія послужили поводомъ подозрѣвать московскихъ масоновъ въ связи съ иллюминатами. Усилены были мѣры негласнаго надзора, а 23 декабря 1785 г. губернскому прокурору предписано сдѣлать осмотръ типографіи „дружескаго общества“, и самъ предсѣдатель его—Новиковъ—долженъ былъ исповѣдывать свои вѣрованія передъ московскимъ архіепископомъ Платономъ и представить всѣ свои книги ему на просмотръ. Въ результатѣ, подверглись конфискаціи и сожженію однѣ только книги мистическаго содержанія, имѣющія связь съ масонствомъ; прочія же были возвращены, и самъ Новиковъ отпущенъ.

Этотъ случай напомнилъ о необходимости назначенія *постоянныхъ* свѣтскихъ цензоровъ. Первыми такими цензорами назначены противники масонства—профессоръ Барсовъ и московскій полиціймейстеръ Годеинъ. Начались гоненія, направленныя противъ масоновъ. Не болѣе года спустя, Императрица предприняла универсальную мѣру, которая должна была въ значительной степени подорвать успѣхъ масонской пропаганды: 27 іюля 1787 г. послѣдовалъ указъ, по которому *печатаніе книгъ духовно-нравственнаго содержанія предоставлялось на будущее время исключительно духовнымъ типографіямъ*. Книжнымъ лавкамъ запрещено было впредь продавать подобныя книги, отпечатанныя въ свѣтскихъ типографіяхъ, а имѣющіяся въ моментъ указа на лицо—предписано сдать въ синодальную

контору. Ревность исполнителей пошла значительно дальше требованій закона: начались обыски, конфискаціи и сожженіе книгъ нравственнаго и мистическаго содержанія. Наиболѣе рѣзкій характеръ эти мѣры приняли въ Москвѣ, гдѣ духовенство съ митрополитомъ Платономъ во главѣ начало особенно горячо преслѣдовать нелюбимыхъ приверженцевъ масонства. Но преслѣдованія, направленныя противъ таинственныхъ мистиковъ, достигли своей высшей точки, когда вспыхнула великая французская революція. Тутъ уже не только не могло быть никакой рѣчи о печатной пропагандѣ, но самый вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи масонства висѣлъ на волоскѣ. Масоны были окружены полицейскимъ надзоромъ, и самые незначительные поводы считались достаточными для арестовъ. Въ 1792 г. арестованъ Новиковъ за распространеніе запрещенныхъ книгъ и посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость на 15 лѣтъ. Разслѣдованіе обнаружило участіе въ этомъ дѣлѣ нѣсколькихъ московскихъ книгопродавцевъ; ихъ лавки были закрыты; книги религіознаго содержанія конфискованы, а сами они привлечены къ отвѣтственности по закону. Но закона никакого еще не было, а между тѣмъ, этотъ *первый случай суда* по дѣламъ печати долженъ былъ получить „законное рѣшеніе“. Московскій городской магистратъ, получившій значеніе первой инстанціи суда, примѣняя къ данному дѣлу указъ 1720 г. объ ослушаніи опубликованнымъ указамъ, приговорилъ обвиняемыхъ къ наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ каторжныя работы. Въ результатѣ, впрочемъ, всѣ осужденные были прощены Императрицей, но конфискованныя книги преданы сожженію.

Если французская революція косвенно повліяла на судьбу масонства, то тѣмъ болѣе вліянія она должна была оказать на отношеніе правительства къ другому лагерю интеллигенціи—вольтеріанцамъ. Всѣ симпатіи и интересъ Двора къ Вольтеру были забыты съ наступленіемъ „сентябрьскихъ дней“. Вольтеріанство перестало быть модным явленіемъ, патентомъ на свободомысліе, высшую форму образованности. Оно сдѣлалось явленіемъ опальнымъ, и одного подозрѣнія въ пристрастіи къ новымъ философскимъ идеямъ достаточно было, чтобы подвергнуться тяжкой отвѣтственности. Образованнѣйшій для того времени А. Н. Радищевъ былъ сосланъ въ Сибирь на 10 лѣтъ съ лишеніемъ дворянства, чиновъ и пр., несмотря на то, что принесъ полное покаяніе во всѣхъ пунктахъ своего „вреднаго“, „разрушающаго покой общественный“ и „оскорбительнаго противу власти царской“ сочиненія: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“.

Княгиня Дашкова подверглась гнѣву Императрицы за напечатаніе въ типографіи Академіи Наукъ трагедіи Княжнина „Вадимъ", въ которой, по мнѣнію генералъ-губернатора Самойлова, нашлось нѣсколько смѣлыхъ стиховъ „противу цѣлости законной власти царей". Книга подверглась сожженію; но авторъ остался неприкосновеннымъ, такъ какъ лежалъ уже въ могилѣ.

Всѣ эти частныя мѣропріятія завершились въ послѣдніе дни жизни Императрицы Екатерины одной мѣрой общаго характера, уничтожившей послѣдніе остатки реформы 1783 г. Вышелъ указъ (16 сентября 1796 г.), упразднившій *всѣ* вольныя типографіи.

Это былъ крупнѣйшій шагъ назадъ. Онъ возвращалъ наше печатное дѣло ко временамъ 40—50 годовъ XVIII ст., но съ значительнымъ минусомъ. Тогда казенныя типографіи, находясь въ рукахъ правительства, такъ или иначе отвѣчали потребностямъ общества; правительство давало обществу то, что послѣднему было нужно, находилось съ нимъ, такъ сказать, за-одно. Между тѣмъ, указъ 16 сентября поставилъ печать въ невозможность отвѣчать общественнымъ потребностямъ и надолго обострилъ вопросъ объ отношеніяхъ власти къ свободѣ печатнаго слова. Необходимость ея въ извѣстныхъ предѣлахъ была внѣ всякаго сомнѣнія. Суровость цензурныхъ мѣръ, по закону обратнаго давленія, вызвала въ обществѣ глухой протестъ. Несмотря на отсутствіе какихъ бы то ни было демонстративныхъ движеній, общее недовольство не могло укрыться отъ правительства, которое, въ свою очередь, ревнивѣе слѣдило за настроеніемъ недовольныхъ. Такимъ путемъ расходились интересы правительства и общества въ разсматриваемомъ вопросѣ. Политика Императора Павла I не сгладила, а разъединила эти интересы еще болѣе.

Правительственная опека, висѣвшая надъ всѣми даже мелочными подробностями интимной жизни, внѣшняго поведенія, костюма и т. п., не могла, конечно, оставить безъ особеннаго вниманія дѣло печати. Поэтому уже 4 іюля 1797 г. вышелъ указъ, по которому всѣ книги, признанныя цензурою „сомнительными", предписывалось представлять на разсмотрѣніе Совѣта Его Величества.

Менѣе, чѣмъ черезъ годъ (17 мая 1798 г.) изданъ новый указъ, имѣвшій цѣлью ограничить возможность полученія иностранныхъ, главнымъ образомъ, французскихъ книгъ, журналовъ и газетъ. Для этой цѣли учреждена цензура во всѣхъ *портахъ* и объявлена строгая отвѣтственность за пріо-

брѣтеніе книгъ или газетъ при помощи путешественниковъ, курьеровъ и т. п. безъ представленія въ цензуру. Затѣмъ, появились еще два замѣчательныхъ указа 17 и 18 апрѣля 1800 г. Первый предоставлялъ *право окончательнаго одобренія* книги для печати *исключительно С.-Петербургской цензурѣ*; второй категорически воспрещалъ доступъ въ Россію изъ-за границы книгъ всякаго рода, на какомъ бы языкѣ такозыя ни печатались, какого бы ни были содержанія, даже музыкальнаго.

Это былъ кульминаціонный моментъ цензурныхъ стѣсненій. Дальше идти некуда, если не задаваться мыслью вовсе упразднить печать; да и такое ея положеніе не могло продолжаться долго.

Опускаю подробности, характеризующія фактическую сторону цензурныхъ строгостей; онѣ также достигли высшей точки. Ни до, ни послѣ не было ничего подобнаго.

Не прошло трехъ недѣль (31 марта 1801 г.) по восшествіи на престолъ Императора Александра I, какъ указы 1800 г. были отмѣнены; а 9 февраля 1802 г. [1]) изданъ указъ, идущій по пути либерализма дальше всѣхъ ожиданій современниковъ. Имъ возстановленъ безпрепятственный пропускъ въ Россію иностранныхъ книгъ; объявлена свобода типографскаго дѣла; уничтожены портовыя цензуры, а просмотръ уже [2]) *напечатанныхъ* въ вольныхъ типографіяхъ книгъ возлагался на директоровъ народныхъ училищъ подъ наблюденіемъ, впрочемъ, губернаторовъ. Цензуры „всякаго рода“, „яко уже ненужныя“, упразднялись, и только сохранено запрещеніе печатать въ частныхъ типографіяхъ книги духовнаго содержанія, на каковыя распространялось исключительное право Св. Синода.

Императору Александру I благоугодно было облечь намѣченныя цензурныя постановленія въ болѣе стройную форму устава. Эту задачу организаціи цензуры Онъ поручилъ Главному управленію училищъ, состоявшему при только что учрежденномъ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Казалось бы, что Монаршая воля, ясно выраженная въ указѣ 9 февраля 1802 г., должна была лечь въ основаніе новой цензурной реформы. Тѣмъ не менѣе, несмотря на это обстоятельство и на энергичное отстаиваніе свободы печати отъ предварительной

---

[1]) Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ.

[2]) Слова „разсматриваніе книгъ, тисненію предаваемыхъ“ . . дозволять печатать всѣ книги, наблюдая только, чтобы въ нихъ не было противнаго“ . . . . поддаются, по мнѣнію Нотовича, двустороннему толкованію: 1) въ пользу предварительнаго разсмотрѣнія или 2) только полицейскаго надзора.

цензуры со стороны участвовавшихъ въ коммиссіи ближайшихъ друзей Государя, въ особенности Новосильцева, сила привычки—этотъ злой геній всякаго движенія впередъ—помѣшала нашему цензурному уставу занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду европейскихъ законодательствъ этого рода. Въ силу самыхъ непонятныхъ соображеній была введена, вопреки предначертаніямъ Монарха, *предварительная цензура* для всякаго рода произведеній печати. Съ цѣлью разсмотрѣнія этихъ произведеній учреждены цензурные комитеты при университетахъ изъ профессоровъ; каждый профессоръ, по просмотрѣ рукописи, долженъ былъ представить въ комитетъ письменный отзывъ о сочиненіи; на основаніи такого отзыва давалось разрѣшеніе печатать. Въ случаѣ сомнѣній отдѣльнаго цензора, рукопись представлялась въ полное собраніе комитета; сомнѣнія же, возникшія въ комитетѣ, должны-были разрѣшаться главнымъ правленіемъ училищъ.

Далѣе, указанъ рядъ совѣтовъ, какъ поступать цензорамъ, когда имъ встрѣтятся мысли и выраженія, оскорбительныя для чьей либо чести, власти, религіи. Эти совѣты проникнуты въ высшей степени гуманностью и мягкостью, но въ то же время отличаются полнѣйшимъ отсутствіемъ опредѣленной формулировки.

Въ такомъ видѣ нашъ *первый* цензурный уставъ былъ утвержденъ 9 іюня 1804 г. съ цѣлью „доставить обществу книги и сочиненія, способствующія къ истинному просвѣщенію ума и образованію нравовъ, и удалить книги и сочиненія, противныя сему намѣренію“. Несмотря на коренной недостатокъ устава, литературное дѣло на первыхъ порахъ стало развиваться. Появилось много новыхъ журналовъ, даже съ зачатками политическаго направленія. Нѣкоторые изъ нихъ („Журналъ Россійской словесности“, „Геній временъ“, „Духъ журналовъ“) обнаруживали крайній либерализмъ, трактуя объ освобожденіи крестьянъ, введеніи гласнаго суда, полной свободѣ печати, гарантіяхъ въ родѣ Habeas corpus'a и т. п. Все это разрѣшалось условно или безпрепятственно, пока дворъ жилъ молодыми свѣтлыми мечтами юнаго Императора. Однако, можно было прослѣдить, какъ то или иное настроеніе двора отражалось на гибкости цензуры. Всего болѣе это было замѣтно на отношеніяхъ цензуры къ внѣшней политикѣ и, въ частности, къ Наполеону. До отечественной войны онъ четыре раза мѣнялъ въ печати свою роль антихриста, узурпатора и вѣрнаго друга Россіи и мира

Тѣмъ не менѣе нужно считать, что цензура въ первую

половину царствованія Императора Александра I, за немногими исключеніями, отличалась значительной долей терпимости. Всѣ частныя мѣропріятія и распоряженія оставляли нетронутымъ главный принципъ, по которому судьями литературнаго дѣла признавались профессора, академики и др. лица, по общественному положенію стоявшія впереди своего времени.

Съ 1811 года дѣло постепенно приняло другой оборотъ. Учреждено было Министерство Полиціи, къ обязанностямъ котораго отнесено наблюденіе за тѣмъ, чтобы изъ типографій и книжныхъ лавокъ не выходили книги, не разрѣшенныя къ печати. Кромѣ того, новому Министерству дано право повергать на Высочайшее усмотрѣніе свои замѣчанія о книгахъ, уже пропущенныхъ цензурою, если таковыя „подавали поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, общему порядку и спокойствію противнымъ". Это важное право дало возможность первому министру полиціи ген.-адъютанту Балашову оказать свое давленіе на цензуру. По его ходатайству, былъ утвержденъ проектъ особаго комитета для цензурной ревизіи, и *цензурные комитеты оказались подчиненными сразу двумъ министерствамъ*. Конечно, это не могло послужить на пользу литературному дѣлу, и дальнѣйшая его исторія представляется рядомъ цензурныхъ недоразумѣній, препирательствъ между Министерствами Народнаго Просвѣщенія и Полиціи, съ нѣкоторымъ, впрочемъ, перевѣсомъ въ пользу послѣдняго.

Однако, настоящая гроза для печати была впереди и не съ той стороны, откуда скорѣе всего можно было ее ожидать. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, вскорѣ замѣнившее собою Министерство Полиціи, фактически не пользовалось своею наблюдательною властью надъ произведеніями печати; оно уступило это наблюденіе образованному впослѣдствіи (1826 г.) III Отд. Собст. Е. В. канцеляріи. Но ранѣе этихъ перемѣнъ само Министерство Народнаго Просвѣщенія, подъ вліяніемъ событій 20-хъ годовъ, круто измѣнило цензурную политику. Извѣстно, что съ Императоромъ Александромъ I во вторую половину царствованія произошла большая перемѣна. Переживъ длинный рядъ разочарованій въ дѣлахъ внутренней политики, перенеся тяжелую отечественную войну, успѣхъ которой, какъ и успѣхъ дальнѣйшей борьбы съ Наполеономъ, Онъ объяснялъ только помощью Провидѣнія, Императоръ Александръ впалъ въ мистицизмъ и въ религіи искалъ отвѣтовъ на всѣ волновавшіе Его ранѣе вопросы. Всеобщая усталость, апатія и разочарованія, какъ слѣдствіе революціонныхъ переворотовъ и Наполеоновскихъ войнъ; знакомство съ экзальтиро-

ванной мистичкой, баронессой Крюднеръ: все это поддерживало въ Императорѣ Его настроеніе. Онъ обратился къ Евангелію и изъ него хотѣлъ почерпнуть формулы высшей общественной жизни. Занимая послѣ освободительныхъ войнъ доминирующее положеніе въ Европѣ, Онъ создалъ священный союзъ трехъ императоровъ для оказанія содѣйствія и братской помощи въ управленіи подданными на основаніяхъ христіанской любви и милосердія. Для успѣха такого управленія недостаточно одной рѣшимости монарховъ; нужно, чтобы и управляемые народы проникнись духомъ христіанства, а этого, по мнѣнію Императора, можно было достигнуть распространеніемъ въ народѣ духовнаго образованія съ помощью библейскихъ обществъ и соединеніемъ вѣдомствъ народнаго просвѣщенія и духовнаго, „дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія". Результатомъ такихъ соображеній было преобразованіе въ 1817 г. Министерства Народнаго Просвѣщенія въ „Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія" во главѣ съ княземъ Голицынымъ. Вольтеріанецъ Екатерининскаго времени, раскаявшійся въ прежнихъ заблужденіяхъ, онъ сдѣлался, подъ вліяніемъ проповѣди баронессы Крюднеръ, душою библейскихъ обществъ, покрывшихъ сѣтью почти всю Имперію.

Первымъ дѣломъ князя Голицына, по принятіи министерскаго портфеля, было окружить себя подходящимъ составомъ подчиненныхъ. Въ ряду многихъ безвредныхъ мистиковъ явились знаменитыя мрачныя имена Магницкаго и Рунича. Несмотря на пропасть, раздѣляющую личныя качества этихъ двухъ людей, судьба заставила ихъ разыгрывать одну и ту же историческую роль въ дѣлѣ реакціоннаго направленія. Они, какъ нельзя болѣе, оказались отвѣчающими запросамъ минуты.

Нужно упомянуть, что все изложенное совпало съ повсемѣстными волненіями въ Западной Европѣ, и въ особенности, въ Германіи, гдѣ, подъ вліяніемъ Фихте и др. профессоровъ, университетская молодежь начала національно-революціонное движеніе. Священный союзъ обязывалъ Александра I принимать участіе въ мѣропріятіяхъ противъ волненій, которыя, однако, не утихали, а разрѣшались безпорядками, возстаніями и революціями.

Отдѣльные случаи безпорядковъ въ войскахъ и среди крестьянъ стали появляться и у насъ. Какъ на Западѣ виною всѣхъ неурядицъ, по „компетентному" опредѣленію Меттерниха, считались университеты и пресса, противъ которыхъ приняты и главныя мѣры обузданія,—такъ и у насъ имъ больше

всего досталось отъ г.г. Магницкихъ и Руничей. Университеты, главнымъ образомъ Казанскій и С.-Петербургскій, были обращены въ учрежденія, представлявшія нѣчто среднее между монастыремъ и исправительными арестантскими отдѣленіями. Что касается прессы, то только теперь съ неотразимой ясностью обнаружились коренные недостатки либеральнаго устава о цензурѣ 1804 г. Никакихъ нововведеній [1]) въ немъ не произошло; онъ остался неприкосновеннымъ. Тѣмъ не менѣе литература исчезла. Неопредѣленность цензурныхъ нормъ сослужила свою службу. На основаніи однихъ и тѣхъ же параграфовъ 15 лѣтъ тому назадъ разрѣшали высказывать свои соображенія объ установленіи гарантій неприкосновенности, въ родѣ habeas corpus act'a, а теперь запрещали журналъ за журналомъ, если въ нихъ попадались выраженія— „освобожденіе крестьянъ"; передѣлывали и вычеркивали золотыя строки Пушкина, потому что онъ былъ „лицеистъ", принадлежалъ къ „арзамасцамъ" и имѣлъ портретъ Лувеля, убійцы герцога Беррійскаго. Одни и тѣ же параграфы когда-то запрещали, а теперь безпрепятственно пропускали масонскія и всякаго рода мистическія сочиненія.

Князя Голицына (въ концѣ 1823 г.) смѣнилъ проникнутый духомъ поклоненія допетровской старинѣ и напоминавшій отчасти позднѣйшихъ славянофиловъ адмиралъ Шишковъ. Несмотря на оптимистическія ожиданія, новый министръ не обнаружилъ склонности ослабить цензурный гнетъ; онъ находилъ нужнымъ только видоизмѣнить его. Главныя основанія проектированныхъ имъ перемѣнъ касались организаціи цензуры и характера ея отношеній къ внѣшней сторонѣ просматриваемыхъ произведеній. Переустройство организаціи должно было явиться въ формѣ выдѣленія цензуры изъ министерствъ въ самостоятельное учрежденіе; въ измѣненіе самаго характера ея отношеній къ разсматриваемымъ сочиненіямъ, предполагалось возложить на цензоровъ заботу о чистотѣ языка.

На этихъ основаніяхъ былъ построенъ и утвержденъ новый *цензурный уставъ 1826 года.*

Цензурное управленіе раздѣлено на двѣ инстанціи. Высшая—верховный цензурный комитетъ изъ трехъ министровъ (Народнаго Просвѣщенія, Внутреннихъ и Иностранныхъ Дѣлъ). Низшія инстанціи—главный цензурный комитетъ въ Петербургѣ и три цензурныхъ комитета въ (въ Москвѣ, Вильнѣ и Дерптѣ), подчиненныхъ попечителямъ округовъ. Далѣе пере-

[1]) Попытка Магницкаго создать въ 1828 г. „драконовскій" уставъ, по счастливой случайности, не удалась.

числены старые признаки сочиненій—антирелигіозныхъ, безнравственныхъ, противныхъ порядку, власти и т. п.,—въ той-же неопредѣленной формѣ, какъ и прежде. Впрочемъ, прибавлено нѣсколько параграфовъ болѣе опредѣленнаго содержанія. Такъ, напримѣръ, запрещено обозначать точками выпущенныя мѣста; печатать извѣстія о важныхъ событіяхъ ранѣе оффиціальныхъ источниковъ; касаться вопросовъ управленія безъ согласія подлежащаго вѣдомства; посвящать сочиненія въ честь Высочайшихъ Особъ безъ Ихъ соизволенія и т. д. Затѣмъ, указанъ рядъ статей, запрещающихъ печатаніе произведеній, „въ коихъ явно нарушаются правила и чистота русскаго языка, или которыя исполнены грамматическихъ погрѣшностей". Наконецъ, перечислены „вредныя" науки, которыхъ можно было касаться съ извѣстными ограниченіями.

Таковъ былъ „чугунный" уставъ Шишкова, успѣвшій, не смотря на свое всего двухлѣтнее существованіе, раздавить немало литературныхъ силъ, начиная отъ безвременно погибшаго недюжиннаго таланта Полежаева и кончая какимъ нибудь бездарнымъ комментаторомъ Фихте, Шеллинга, Канта, Гегеля и т. п. Самъ Императоръ Николай I находилъ крайне неудобнымъ примѣненіе этого устава и повелѣлъ въ особой коммиссіи подвергнуть его подробному разсмотрѣнію. Въ результатѣ, явился третій цензурный *уставъ 1828 г.* (утвержденъ 22 апрѣля), въ значительной мѣрѣ смягчившій положеніе печати, но не устранившій, однако, полной зависимости ея отъ административнаго усмотрѣнія. „Эластичность постановленій его, ничего не обѣщавшая печати положительно, была весьма выгодна для администраціи: одинъ и тотъ же законъ былъ пригоденъ для самыхъ различныхъ направленій цезурной практики, смотря по требованіямъ даннаго времени. Въ этомъ обстоятельствѣ лежитъ, несомнѣнно, причина его продолжительнаго существованія; войдя съ назначительными перемѣнами въ систему Свода, онъ продолжаетъ оставаться въ силѣ до нашихъ дней" [1]).

Организація цензуры какъ внутренней, такъ и иностранной, по этому уставу, представляла двѣ инстанціи: функціи высшей инстанціи сосредоточивались въ Главномъ правленіи цензуры при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Главное правленіе состояло изъ товарища министра, президентовъ Академій наукъ и художествъ, особыхъ членовъ отъ различныхъ министерствъ и попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа.

---

[1]) Фойницкій—Моменты исторіи законодательства печати.

Вторую инстанцію составляли семь мѣстныхъ цензурныхъ комитетовъ (въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ригѣ, Вильнѣ и Тифлисѣ) подъ предсѣдательствомъ попечителей учебныхъ округовъ. За организаціей шелъ рядъ постановленій, облегчающихъ участь просматриваемыхъ сочиненій. Такъ, вопреки Шишковскому уставу, §§ 6—7 новаго устава требовали, чтобы цензура *не* выискивала, путемъ произвольнаго толкованія, двусмысленныхъ выраженій, неблагопріятныхъ для автора, *не* придиралась къ словамъ, отдѣльнымъ фразамъ и т. п. § 12 разрѣшалъ критику различнаго рода сочиненій, публичныхъ зрѣлищъ, даже нѣкоторыхъ правительственныхъ мѣръ. Параграфъ 15 отнималъ у цензоровъ право касаться стилистической и грамматической отдѣлки сочиненій и входить въ оцѣнку полезности или безполезности ихъ. Наконецъ § 17 заключалъ въ себѣ весьма важное новшество: запрещеніе уже изданнаго сочиненія допускалось не иначе, какъ по Высочайшему повелѣнію.

Эти льготы, однако, не помѣшали обставить *періодическую* печать большими стѣсненіями. Статьи, помѣщаемыя въ нихъ, должны были разсматриваться преимущественно передъ другими сочиненіями. Періодическія изданія съ политическимъ характеромъ разрѣшались Высочайшею властью. Кругъ правительственныхъ мѣръ, допущенныхъ къ обсужденію въ печати, былъ весьма и весьма ограниченъ, въ особенности въ отношеніи вопросовъ внутренней политики, вопросовъ дня.

Разсмотрѣнному уставу суждено было просуществовать до 1863 года, правда, далеко не въ чистомъ видѣ. Въ зависимости отъ настроенія въ правительственныхъ сферахъ, уставъ 1828 г. добавлялся различными циркулярами и пріобрѣталъ иную окраску. При этомъ нельзя не отмѣтить, что измѣненія въ значительной степени росли насчетъ выдѣленія отдѣльныхъ видовъ цензуры изъ общей организаціи. Уже при созданіи устава была установлена особая цензура Министра Двора для сочиненій, относящихся до Особъ Императорской Фамиліи. Иностранная періодическая печать также имѣла свою особую цензуру при почтовомъ вѣдомствѣ. Медицинскіе журналы просматривались Медико-хирургической Академіей; учебныя пособія—Главнымъ управленіемъ народныхъ училищъ; духовныя сочиненія подвергались духовной цензурѣ; а одобреніе піесъ къ представленію находилось въ рукахъ III отдѣленія Собственной Его И. В. канцеляріи.

Эта множественность и разнообразіе цензуръ не могли благотворно отражаться на судьбѣ печати; тѣмъ не менѣе цензурное законодательство продолжало развиваться все въ томъ

же направленія, расчленяя на части и безъ того раздробленную цензуру. Въ 1833 году статьи, касающіяся военныхъ событій, должны были впредь подвергаться, кромѣ общей цензуры, просмотру военнаго министра гр. Чернышева.

Въ 1841 году вышло распоряженіе о представленіи всѣхъ статей, касающихся почтовой части, на просмотръ Главноначальствующаго почтовымъ департаментомъ.

Въ 1844 году предписано отдавать на разсмотрѣніе Министерства Финансовъ всякія сочиненія, затрогивающія вопросы винокуренія, винной откупной системы и т. п.

Въ 1845 году графъ Клейнмихель исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы все, касающееся Николаевской желѣзной дороги, попадало въ печать не иначе, какъ послѣ его (Клейнмихеля) одобренія.

Но этотъ перечень далекъ отъ настоящаго, и, можно сказать, что къ концу 40-хъ годовъ *одна* беллетристика подлежала вѣдѣнію общей цензуры.

Политическія событія 30-хъ годовъ, потрясшія Западную Европу, коснулись и Россіи: въ 1831 году вспыхнуло польское возстаніе. Немудрено, что цензурныя стѣсненія успѣли заявить себя раньше, чѣмъ къ тому явились достаточныя основанія.

Въ 1832 году вышло постановленіе о томъ, что на разрѣшеніе *всѣхъ* періодическихъ изданій, а не только политическихъ, требуется Высочайшее соизволеніе; обращено особенное вниманіе на личныя качества и политическую благонадежность издателей, и наложены нѣкоторыя стѣсненія на статьи обличительнаго характера. Послѣднее явилось результатомъ неоднократныхъ жалобъ Каченовскаго на допущеніе въ журналахъ Полеваго „Московскій Телеграфъ“ выраженій, показавшихся оскорбительными для издателя „Вѣстника Европы“.

Вступленіе Уварова (въ 1833 году) на министерскій постъ ознаменовано новыми мѣрами реакціоннаго характера. Ярый и открытый противникъ Рунича десять лѣтъ тому назадъ, новый министръ теперь нашелъ, что цензоры недостаточно ревностно выполняютъ свои обязанности. Цензурѣ было предложено болѣе тщательно относиться къ повременнымъ изданіямъ и не стѣсняться обращеніемъ въ сомнительныхъ случаяхъ къ Главному управленію по дѣламъ печати, а иностранные переводы требовалось представлять непосредственно Министру Народнаго Просвѣщенія. Послѣдняя мѣра была направлена противъ романтизма, который послѣ революціи 30-хъ годовъ успѣлъ облетѣть всю Европу и волновалъ общество новыми идеями

молодыхъ романтиковъ съ В. Гюго во главѣ. Проповѣдь французскаго романтизма нашла себѣ приверженцевъ среди участниковъ „Московскаго Телеграфа"; поэтому исключительное вниманіе Уварова было обращено на этотъ органъ, ранѣе того славившійся либерализмомъ и рѣзкимъ тономъ своихъ статей; не прошло и года, какъ „Московскій Телеграфъ" былъ запрещенъ, Полевой отданъ подъ надзоръ полиціи, и самое имя его на нѣкоторое время сдѣлалось запретнымъ въ литературѣ. Черезъ два года такая же участь постигла Надеждина съ его „Телескопомъ" за напечатаніе „Философскихъ писемъ" Чаадаева. Даже славянофилы съ ихъ „Москвитяниномъ" подверглись опалѣ [1]). Не ограничиваясь запрещеніемъ журналовъ, казавшихся вредными, Уваровъ, въ неутомимомъ исканіи болѣе бдительнаго надзора за прессой, увеличилъ личный составъ цензурныхъ комитетовъ и приставилъ къ каждому журналу по два спеціальныхъ цензора. Въ качествѣ мѣры, способной ограничить количество періодическихъ изданій, было объявлено, что прекращеніе журнала по случайнымъ причинамъ или по желанію издателя лишало его права на возобновленіе изданія безъ новаго Высочайшаго разрѣшенія, а циркуляръ отъ 1-го октября 1836 г. воспретилъ впредь дѣлать самыя представленія о разрѣшеніи новыхъ періодическихъ изданій.

Дальнѣйшія частныя мѣропріятія Уварова имѣли своимъ предметомъ развитіе все той-же „бдительности и строгости" цензуры. Бурныя движенія 48-го года, вспыхнувшія почти во всѣхъ государствахъ Запада, вызвали новый рядъ крутыхъ мѣръ, впрочемъ, только на бумагѣ, такъ какъ въ дѣйствительности литература къ этому времени безмолствовала.

Имѣя въ виду демократическій характеръ событій 48 г., правительство поспѣшило принять мѣры противъ проникновенія революціонныхъ идей Запада не только въ среду интеллигенціи, но и въ народъ. Поэтому, рядомъ съ изъятіемъ изъ университетскаго курса цѣлыхъ отдѣловъ философскихъ и соціальныхъ наукъ, обращено особенное вниманіе на строжайшій надзоръ за популярными изданіями, могущими проникать въ народныя массы. 12 марта 1848 г. объявлено запрещеніе давать отзывы, излагать содержаніе и отрывки изъ иностранныхъ сочиненій, не допущенныхъ ко ввозу въ Россію, и подтверждено Главному управленію о необходимости, какъ можно строже, взыскивать съ цензоровъ за пропускъ „предосудительныхъ" статей, съ „нѣкотораго времени появляющихся въ періо-

[1]) Не осталась безъ вниманія и народная литература, въ особенности послѣ арестовъ Костомарова, Шевченка и Кулиша.

дическихъ изданіяхъ". Но этого показалось недостаточно, и черезъ три недѣли явилось новое цензурное учрежденіе—Комитетъ (2 апрѣля 1848 г.) для высшаго надзора *за направленіемъ* прессы. Роль комитета, естественно, шла въ разрѣзъ съ § 6 устава 1828 г., по которому цензоры не должны были позволять себѣ междустрочныхъ произвольныхъ толкованій, а практика показала, что комитетъ занялся именно чтеніемъ между строкъ, вовсе не принимая за основаніе ясный смыслъ рѣчи.

Такимъ образомъ, каждая книга выпускалась послѣ четырехъ просмотровъ цензуры (беллетристика была свободна отъ цензуры спеціальнаго вѣдомства): общей, спеціальнаго вѣдомства, чиновника особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія и Совѣта пяти (такъ назывался въ общежитіи комитетъ 2 апрѣля). По иниціативѣ комитета, III отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи вскорѣ было привлечено къ негласному надзору не только за произведеніями печати, но и за благонамѣренностью ихъ авторовъ. Воспитывая цензуру въ такомъ направленіи, гр. Уваровъ лишилъ самого себя твердой почвы подъ ногами. Реакціонныя стремленія новаго комитета достигли такихъ размѣровъ, что гр. Уваровъ показался либеральнымъ и долженъ былъ уступить постъ министра князю Ширинскому-Шихматову. Подъ флагомъ послѣдняго нашли себѣ мѣсто еще новыя цензурныя мѣропріятія. Редакторамъ вмѣнено въ обязанность не допускать статей, трактующихъ о народной волѣ, нуждахъ рабочихъ классовъ и т. п. Иностранныя книги по степени запрещенности раздѣлены на два разряда: однѣ съ безусловнымъ изъятіемъ изъ обращенія, другія съ допущеніемъ пользоваться нѣкоторымъ извѣстнымъ лицамъ, по особому разрѣшенію Главнаго управленія цензуры (правила 23-го февраля 1850 года). Наконецъ, утверждены новыя подробныя правила цензуры народныхъ книгъ.

Вся эта масса цензурныхъ указовъ, правилъ, распоряженій, инструкцій и т. п., не связанныхъ ни въ какую маломальски стройную систему, отражалась весьма дурно на составѣ цензоровъ и характерѣ ихъ отношеній къ литературѣ. Опасаясь гнѣва начальства, цензоры дѣлались неумѣренно подозрительны и придирчивы ко всякому выраженію, что давало тѣмъ болѣе себя чувствовать, чѣмъ менѣе образованныхъ людей попадало въ ихъ ряды, а стремленіе къ устраненію отъ дѣятельности въ цензурныхъ комитетахъ людей съ высшимъ образованіемъ къ указанному времени дало свои плоды: большинство цензоровъ состояло изъ мало просвѣщенныхъ чинов-

никовъ. Отъ ихъ „премудрой" старательности уцѣлѣла масса смѣшныхъ анекдотовъ—смѣшныхъ для насъ въ настоящую минуту, но горькихъ для современной имъ литературы. Достаточно указать на одинъ случай съ его печальными послѣдствіями. Появленіе въ „Современникѣ" исторической статьи С. Соловьева о смутномъ времени (въ 1849 г.) было найдено неудобнымъ для періодической печати и повлекло за собою распоряженіе общаго характера о неудобствѣ печатать въ періодическихъ изданіяхъ статьи, относящіяся къ какимъ-бы то ни было смутнымъ явленіямъ нашей исторіи, въ родѣ Стеньки Разина, Пугачева и т. п.

Наступила Крымская кампанія. Результаты геройской борьбы съ половиной Европы были неудачны, но имѣли свою полезную сторону, указавъ на многія отрицательныя явленія нашей жизни, ожидавшей различныхъ реформъ; послѣднія же не возможны были безъ свободы печати—этого неотъемлемаго фактора всякаго движенія впередъ. Но пока печать могла принять роль такого фактора, прошло не мало лѣтъ борьбы между старымъ и новымъ теченіями. Еще достаточно времени цензура дѣйствовала при полномъ отсутствіи руководящихъ принциповъ.

Однако, движеніе по пути реформъ, принявшее вскорѣ послѣ Крымской кампаніи массовый стихійный характеръ, не могло не отразиться и на судьбѣ прессы. Сама цензура, въ лицѣ большинства ея представителей, была увлечена въ общее движеніе, и пресса почувствовала эту перемѣну въ настроеніи цензуры. Несмотря на то, что еще не было объявлено никакихъ нововведеній, при существованіи однихъ и тѣхъ же правилъ, отношеніе къ періодической прессѣ совершенно измѣнилось. Безъ затрудненій стали даваться разрѣшенія на открытіе новыхъ журналовъ съ политическимъ оттѣнкомъ и болѣе широкой программой обсужденія различныхъ вопросовъ, поднятыхъ новыми движеніями государственной жизни. Параллельно накопленію вопросовъ современности, стали раздаваться со всѣхъ сторонъ жалобы на излишнюю строгость цензуры. Предсѣдатели нѣкоторыхъ цензурныхъ комитетовъ и частныя лица дѣлали заявленія о ненормальности и неудобопримѣнимости старыхъ цензурныхъ правилъ, несогласныхъ съ духомъ времени. Князь Щербатовъ (предсѣдатель с.-петербургскаго Комитета) вооружался противъ множественности цензуръ. Назимовъ (предсѣдатель московскаго комитета) ратовалъ за общее смягченіе цензурныхъ правилъ и, какъ переходную мѣру, рекомендовалъ возвратиться къ уставу 1828 года въ его чи-

стомъ видѣ, отмѣнивъ всѣ послѣдующія дополнительныя постановленія, загромоздившія названный уставъ наслоеніями до полной неузнаваемости и невозможности его примѣненія. Въ такомъ же смыслѣ высказался Пироговъ, Катковъ и много другихъ. Однако партія приверженцевъ дореформенныхъ порядковъ была еще сильна и съ энергіей отстаивала каждый незначительный шагъ, на который отваживалась пресса. Къ тому-же и нѣкоторые несомнѣнные приверженцы реформъ поддерживали стремленія старой партіи: довольно указать на Ростовцева, который, будучи душею великой крестьянской реформы, незадолго передъ этимъ рѣшительно высказался противъ „излишней“ свободы печати.

Вотъ почему въ началѣ царствованія Императора Александра II продолжали приниматься мѣры, стѣснявшія печать, хотя и въ незначительной степени. Такъ, 16 іюля 1857 года изданы распоряженія, увеличившія множественность цензуръ: Сибирскій и Кавказскій комитеты получили право предварительнаго просмотра всѣхъ статей, касающихся Сибири и земли войска Черноморскаго

15 августа того-же года объявленъ циркуляръ о томъ, чтобы „при выраженіи сочувствій къ мѣрамъ, принимаемымъ нынѣшнимъ правительствомъ, не высказывалось порицаній мѣръ прошедшаго царствованія, имѣвшихъ еще такъ недавно законную силу“.

Въ началѣ 1858 года министръ народнаго просвѣщенія Норовъ дѣлаетъ серьезную попытку цензурной реформы. Во всеподданнѣйшей запискѣ онъ пространно излагаетъ мысль о вредѣ, происходящемъ отъ непомѣрной строгости и множественности цензуры. Для опредѣленія „разумныхъ“ границъ „необходимой законной свободы печати“ онъ предлагаетъ назначить отъ всѣхъ вѣдомствъ довѣренныхъ чиновниковъ, участіе которыхъ въ разрѣшеніи спорныхъ цензурныхъ вопросовъ послужитъ къ упрощенію спеціальныхъ цензуръ. Но попытка оказалась преждевременной. Записка Норова осталась безъ послѣдствій, и только вторая половина ея о назначеніи чиновниковъ отъ разныхъ вѣдомствъ получила осуществленіе. Норовъ уступилъ постъ министра народнаго просвѣщенія Ковалевскому, который, повидимому, вовсе не сочувствовалъ реформамъ. Начались гоненія на журналы и газеты, напоминанія различныхъ параграфовъ цензурнаго устава и дополнительныхъ къ нему распоряженій.

Однако, всѣ эти мѣры оказались безсильными передъ напоромъ новыхъ идей, попадавшихъ въ литературу тотчасъ по

зарожденіи ихъ въ жизни, а частью, и опережавшихъ эту жизнь. Не успѣли облетѣть Россію слова, сказанныя Императоромъ Александромъ II, что „лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само начнетъ отмѣняться снизу“,—какъ во всѣхъ журналахъ стали появляться статьи по крестьянскому вопросу. Цензура потеряла возможность запрещать обсужденіе этой великой реформы вообще и направила всѣ свои средства, чтобы удержать такое обсужденіе, по крайней мѣрѣ, въ границахъ правительственныхъ предначертаній. Почти одновременно появились въ журналахъ статьи, касающіяся судебной реформы. Министръ юстиціи высказался противъ разрѣшенія обсуждать въ печати вопросъ гласнаго судопроизводства. Государь Императоръ, послѣ разсмотрѣнія поднятаго вопроса въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, приказалъ допустить къ печати „благонамѣренныя и скромно написанныя сужденія о предметахъ современныхъ государственныхъ вопросовъ и правительственныхъ распоряженій“.

Это Высочайшее повелѣніе было встрѣчено въ консервативномъ лагерѣ недружелюбно и, насколько позволяла возможность, тормозилось исполнителями; а такая возможность была, благодаря необычайной пестротѣ, разбросанности и неопредѣленности законодательныхъ постановленій о печати.

Все это громко говорило въ пользу необходимости преобразованій въ цензурномъ вѣдомствѣ; съ цѣлью такихъ преобразованій учрежденъ 24 января 1859 г. комитетъ по дѣламъ книгопечатанія, получившій инструкцію „принять мѣры къ правильному и соотвѣтственному видамъ правительства направленію нашей литературы“. Сверхъ того предполагалось изданіе правительственнаго журнала, который указывалъ бы на должное направленіе литературы.

Понятно, что новому комитету не пришлось сыграть никакой роли. Давать направленіе литературѣ, которая стремилась къ полной самостоятельности, оказалось ему не подъ силу. Къ тому-же обособленность комитета отъ всѣхъ вѣдомствъ напомнила о прекратившемъ еще не такъ давно (1856 г.) свое существованіе знаменитомъ Бутурлинскомъ комитетѣ [1]), а ужь одно воспоминаніе о немъ вызывало въ обществѣ ропотъ и неудовольствіе. Въ печати раздались рѣзкіе протесты противъ цѣлесообразности новаго учрежденія. Самъ комитетъ, въ которомъ находился не сочувствовавшій его задачамъ гр.

[1]) Комитетъ 2 апрѣля 1848 г., отъ имени главнаго дѣятеля Бутурлина, былъ извѣстенъ также подъ этимъ названіемъ.

Адлербергъ, скоро убѣдился въ этомъ и сталъ ходатайствовать о прекращеніи своего существованія; впрочемъ, онъ все таки принесъ извѣстную пользу, указавъ на крайнія неудобства, происходившія отъ множественности цензуръ, и на необходимость придать цензурному управленію форму единаго самостоятельнаго обособленнаго учрежденія подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія. Одновременно былъ составленъ министромъ народнаго просвѣщенія Ковалевскимъ безплодный проектъ новаго цензурнаго устава. Это было не что иное, какъ видоизмѣненный въ деталяхъ уставъ 1848 г. съ присущими ему коренными недостатками—неопредѣленностью формулировки постановленій, требованіемъ строгой предварительной цензуры и ея множественностью.

Проектъ былъ отвергнутъ Государственнымъ Совѣтомъ, и на дальнѣйшую судьбу цензуры оказали большее вліяніе мнѣнія членовъ комитета по дѣламъ книгопечатанія.

14 января 1860 года объявлено Высочайшее повелѣніе, по которому Главное управленіе цензуры получило организацію отдѣльнаго самостоятельнаго учрежденія подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія. Главному управленію подчинены во всѣхъ отношеніяхъ мѣстные цензурные комитеты и отдѣльные цензоры. Въ управленіи должны разрѣшаться всѣ вопросы цензуры, возникающіе не только въ кругу ея вѣдомства, но и въ другихъ съ тѣмъ лишь, чтобы пререканія съ министрами доходили черезъ предсѣдателя управленія до Высочайшаго разрѣшенія.

Это преобразованіе Главнаго управленія не замедлило обнаружить въ его дѣйствіяхъ гораздо большую самостоятельность, нежели прежде. Мнѣніе „довѣреннаго чиновника“ перестало быть мнѣніемъ его вѣдомства, съ которымъ непремѣнно нужно было считаться. Единство и обособленіе новаго учрежденія дало послѣднему возможность усилить свое вліяніе на дѣла печати. Довѣренные чиновники отъ министерствъ потеряли значеніе и Главное управленіе могло безпрепятственно сосредоточить всѣ свои силы на заботахъ о прессѣ. Снова воскресла оставленная было мысль объ изданіи оффиціальнаго правительственнаго органа съ опредѣленнымъ направленіемъ. Мысль эта понятна, если вспомнить, что печать, какъ и всякій факторъ нашей общественной жизни,—даже болѣе, чѣмъ всякій другой—находилась въ теченіе всей своей исторіи подъ опекой правительства. Стихійный характеръ, который пріобрѣла литература въ началѣ 60 годовъ, долженъ былъ производить подавляющее впечатлѣніе. Это была совершенно новая сила,

съ которой необходимо стало считаться,—сила, которая не только безъ помощи правительства, но даже вопреки рѣшительнымъ стараніямъ послѣдняго, росла все больше и больше, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ. Надежды придать ей желанное направленіе, посредствомъ изданія оффиціальнаго органа, должны были оказаться несостоятельными, такъ какъ лучшія литературныя силы, при помощи которыхъ только и возможно было разсчитывать на успѣхъ предполагаемаго органа, способны руководить общественнымъ мнѣніемъ, подъ условіемъ полнѣйшей самостоятельности.

Привычка, выработанная государственнымъ опытомъ на пространствѣ нѣсколькихъ столѣтій, давать починъ и дальнѣйшій ходъ всякому общественному движенію, помѣшала правительству взглянуть безъ опасеній и предубѣжденій на развернувшуюся по собственной иниціативѣ литературную силу и отрѣшиться отъ обычнаго намѣренія руководить ею. Вотъ почему долженъ былъ пройти нѣкоторый періодъ колебаній, пока установился взглядъ на литературу, какъ на одну изъ функцій общественной самодѣятельности. Но разъ установился такой взглядъ, печать сдѣлалась предметомъ заботъ правительства съ совершенно иныхъ точекъ зрѣнія, чѣмъ прежде. Если литература развивается независимо отъ стараній правительства, то опека Министерства Народнаго Просвѣщенія для нея вовсе не нужна. Что же касается контроля надъ прессой въ предѣлахъ того или иного вліянія ея на общественное настроеніе, то здѣсь естественно выдвигается роль полиціи. Даже Ковалевскій высказался въ смыслѣ неудобства того „тяжкаго раздвоенія", въ которомъ онъ находился. „Какъ министръ народнаго просвѣщенія", писалъ онъ, „я долженъ способствовать возможнымъ успѣхамъ литературы, умноженію числа повременныхъ изданій, а въ то-же время, какъ генералъ-цензоръ, я, по необходимости, принужденъ останавливать это движеніе, нерѣдко запрещая и новыя и прежнія изданія".

Въ 1861 году новый министръ народнаго просвѣщенія Путятинъ, ходатайствуя объ установленіи залоговъ для повременныхъ изданій, указалъ на безсиліе цензуры и неудобство оставаться ей въ названномъ министерствѣ.

Такимъ образомъ въ обществѣ укрѣпилась мысль о необходимости передачи цензуры въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

По представленію Путятина, была открыта смѣшанная коммиссія изъ четырехъ членовъ Министерствъ—Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ. Съ третьяго засѣданія со-

гласіе покинуло членовъ коммиссіи, и они раздѣлились на двѣ партіи. Члены Министерства Народнаго Просвѣщенія, вѣрные традиціямъ и цензурной практикѣ своего долгаго прошлаго, съ удивительной стойкостью отстаивали необходимость *предварительной* цензуры и сохраненія устава 1838 г. Наоборотъ, члены Министерства Внутреннихъ Дѣлъ рѣшительно высказались за *карательную* систему, допуская предварительную цензуру только въ опредѣленныхъ случаяхъ, а именно: 1) во время дѣйствія исключительныхъ мѣръ безопасности и 2) когда издатели или редакторы отказываются печатать что либо подъ своей отвѣтственностью.

Докладывая Государю Императору эти два мнѣнія, новый министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ высказался за уничтоженіе предварительной цензуры. Результатомъ доклада явилась новая коммиссія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря кн. Оболенскаго; но не удалось ей выполнить еще своей работы, какъ 10 марта 1862 года появился именной указъ Правительствующему Сенату о преобразованіи цензурной организаціи.

Главное управленіе упразднено съ возложеніемъ его обязанностей на министра народнаго просвѣщенія. Наблюденіе за печатью поручено Министерству Внутреннихъ Дѣлъ съ обязательствомъ сообщать о замѣченныхъ упущеніяхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія, а о сочиненіяхъ духовныхъ— оберъ-прокурору Св. Синода. Правительственныя изданія и Губернскія вѣдомости отнесены къ цензурѣ губернаторовъ. Изъ спеціальныхъ цензуръ оставлены только двѣ: духовная и Министерства Двора. Затѣмъ 12 мая того же года были утверждены *временныя правила*, состоящія изъ нижеслѣдующаго ряда ограниченій печати:

1) Не допускать нарушенія должнаго уваженія къ ученію и обрядамъ христіанской церкви и охранять неприкосновенность верховной власти, Особъ царствующаго дома, непоколебимость основныхъ законовъ, народную нравственность и честь частныхъ лицъ.

2) Не допускать сочиненій, излагающихъ вредныя ученія соціализма и коммунизма, клонящіяся къ ниспроверженію существующаго порядка и пр.

3) Критику существующихъ постановленій допускать только въ ученыхъ сочиненіяхъ и лишь тогда, когда разсматриваемые недостатки уже обнаружились на опытѣ.

4) Въ разсужденіяхъ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администраціи не допускать именъ лицъ и названія учрежденій.

5) Разсужденія, указанныя въ двухъ предъидущихъ пунктахъ, дозволять только въ книгахъ объемомъ не менѣе 10 листовъ и въ журналахъ цѣною не менѣе 7 рублей въ годъ (съ пересылкой).

6) Министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, по соглашенію, предоставлено право, въ случаѣ вреднаго направленія журнала, воспретить въ немъ печатаніе разсужденій, показанныхъ въ пунктахъ 3 и 4, и пріостановить изданіе до 8 мѣсяцевъ.

7) Не допускать статей, возбуждающихъ непріязнь, ненависть между сословіями и оскорбительныя насмѣшки надъ должностями и сословіями.

8) Не дозволять распубликованія правительственныхъ мѣръ, пока онѣ не объявлены законнымъ образомъ.

9) Статьи за подписью правительственныхъ лицъ печатать по положительномъ удостовѣреніи въ ихъ подлинности.

10) Охранять отъ оскорбленія иностранныхъ государей, ихъ семейства и соблюдать приличіе при изложеніи ихъ дѣйствій.

11) Редакція періодическаго изданія обязана, по требованію судебныхъ мѣстъ и министровъ внутреннихъ дѣлъ или народнаго просвѣщенія, сообщать имена авторовъ статей, представляемыхъ въ цензуру.

12) Кромѣ изложенныхъ правилъ, цензоры обязаны руководствоваться особыми постановленіями въ отношеніи статей, касающихся военной части, судебной, финансовой и полиціи.

13) За симъ считать отмѣненными всѣ постановленія и распоряженія по цензурѣ съ 1828 года по 1 января 1862 г., исключая приложенныхъ въ особомъ спискѣ.

Неожиданное появленіе временныхъ правилъ объясняется обнаруженіемъ революціонной пропаганды въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи, особенно въ губерніяхъ бывшаго Царства Польскаго, прокламацій, напечатанныхъ въ тайныхъ типографіяхъ и т. п. Эти событія заставили правительство обратить особенное вниманіе на періодическую литературу. Вопросъ о преобразованіи цензуры, вслѣдствіе этого, отодвинулся на нѣкоторое время. Напротивъ, мѣры строгости были усилены. Цензорамъ было циркулярно подтверждено о неослабномъ надзорѣ за статьями, предназначенными къ печати въ періодическихъ изданіяхъ, съ угрозой увольненія отъ службы, въ случаѣ замѣченныхъ упущеній. Кромѣ того, 6-мъ пунктомъ временныхъ правилъ введена первая карательно-административная мѣра противъ прессы.

Непродолжительное существованіе цензуры подъ феру
лой двухъ совершенно независимыхъ вѣдомствъ отразилас
весьма неблагопріятно на положеніи печати. Безконечная пере
писка между двумя министерствами вызвала не менѣе безко
нечный рядъ новыхъ циркуляровъ Министерства Народнаг
Просвѣщенія—циркуляровъ, которые пестрили и безъ того пе
строе цензурное законодательство и ставили цензоровъ въ со
вершенно безвыходное положеніе. Скоро выяснилось, что та
кое двойственное подчиненіе цензуры не могло долѣе продол
жаться. Въ октябрѣ того же 1862 г. коммиссія кн. Оболен
скаго, окончивъ свои работы по составленію проекта новаг
устава о печати, высказалась за передачу цензуры въ Мини
стерство Внутреннихъ Дѣлъ. Въ томъ же смыслѣ высказалос
и само Министерство Народнаго Просвѣщенія по основаніямъ
какія изложены были годъ тому назадъ министромъ Путятинымъ

Въ виду этого 1 марта 1863 г. цензурное вѣдомство в
полномъ составѣ отошло, по Высочайшему повелѣнію, къ Мини
стерству Внутреннихъ Дѣлъ.

Противъ существа такой реформы раздавались и въ т
время громкіе голоса въ самихъ правительственныхъ сферахъ
Въ отзывѣ о недостаткахъ въ управленіи цензурою главно
управляющаго II-мъ отдѣленіемъ Собственной Е. В. канцеляріи
барона Корфа подчеркнута мысль о невозможности министру
обремененному исполненіемъ многообразныхъ прямыхъ обязан
ностей, лично руководить безпрерывно разростающимся дѣ
ломъ печати. Это соображеніе пріобрѣтаетъ еще большее зна
ченіе въ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ, который го
раздо болѣе другихъ занятъ дѣлами и, слѣдовательно, имѣетъ
меньше досуга для цензурныхъ вопросовъ. Съ другой стороны
находясь, по своему положенію, въ соприкосновеніи со всѣм
важнѣйшими вопросами минуты, министръ внутреннихъ дѣл
невольно будетъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, склоняться подчинит
интересы печати временнымъ административнымъ соображе
ніямъ. Никакія качества ума и характера не спасутъ госу
дарственнаго дѣятеля отъ возможности подобныхъ ошибокъ
а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ цѣлаго ряда справедливыхъ и не
справедливыхъ нападокъ. Поэтому баронъ Корфъ находилъ не
обходимымъ предоставить рѣшеніе важнѣйшихъ цензурныхъ
вопросовъ не единоличной власти министра внутреннихъ дѣлъ
а Комитету Министровъ.

Въ такомъ же смыслѣ высказался и военный министр
графъ Д. А. Милютинъ. Однако восторжествовало мнѣніе то

дашняго министра внутреннихъ дѣлъ гр. Валуева, и цензурная реформа 1865 г. прошла въ духѣ послѣдняго.

Предварительная цензура была отмѣнена не повсемѣстно и не для всякаго рода произведеній. Въ режимъ печати, освобожденной отъ цензуры, были введены всѣ административныя ограничительныя мѣры, практиковавшіяся на Западѣ; только штемпельный сборъ, по счастливой случайности, не коснулся нашей прессы.

„Отмѣнивъ цензуру, наше правительство перешло къ репрессивной системѣ съ преслѣдованіемъ направленій. Итти далѣе оно не рѣшилось. Оно отмѣняло цензуру, полтораста лѣтъ существующую въ Россіи, и не могло перейти прямо къ полной свободѣ рѣчи въ странѣ, гдѣ убѣжденіе въ необходимости этой свободы было еще очень мало развито; оно должно было опасаться слишкомъ сильнаго ропота со стороны нетерпимыхъ или робкихъ“ [1]).

Законъ 6 апрѣля 1865 г., положившій новое начало въ систему борьбы противъ злоупотребленій печатнымъ словомъ, имѣлъ характеръ переходныхъ мѣръ отъ предупредительнаго режима къ карательному. Уставъ о печати, по мнѣнію составителей его проекта, есть тотъ „путь, по которому правительство могло-бы, идя послѣдовательно, прійти современемъ, и даже въ неотдаленномъ будущемъ, къ возможности принять другую, болѣе правильную систему огражденія общества отъ злоупотребленія печати“. Настоятельная необходимость реформы сознавалась ясно, но переходъ къ противоположной системѣ показался слишкомъ рѣзкимъ. Поэтому, провозгласивъ принципъ допущенія произведеній безъ предварительной цензуры, правительство сохранило, въ видѣ корректива, сложную систему административныхъ взысканій, „вслѣдствіе (такъ говорилось въ Высочайшемъ указѣ) неустройства еще судебной части и впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта“.

Изъ приведенныхъ выдержекъ ясно, что разсматриваемый законъ являлся, по мысли законодателя, первымъ шагомъ по пути освобожденія прессы отъ предупредительнаго режима, мѣшавшаго естественному ея развитію.

Объявляя объ этомъ 3 сентября 1865 г. въ Сѣверной Почтѣ оффиціальномъ органѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, передовая статья слѣдующими словами разъясняла значеніе новаго режима печати. „Законодательство исполнило свою задачу: печати даны возможныя облегченія и льготы. Админи-

---

[1]) Свобода рѣчи, терпимость и наши законы о печати.

страціи предстоитъ блюсти, чтобы пользованіе ими оставалось въ предѣлахъ новаго закона, который не ставитъ слишкомъ много преградъ для честнаго пользованія свободою выражаться въ печати" [1]).

Лучшими печатными органами того времени („С.-Петербургскія Вѣдомости", „Голосъ", „День", „Отечественныя Записки" и др.) указанныя мѣры были встрѣчены съ восторженнымъ сочувствіемъ. Появился рядъ хвалебныхъ статей съ выраженіемъ радужныхъ надеждъ на прекрасное будущее. Но прошло всего двѣ недѣли, и „С.-Петербургскія Вѣдомости" получили (18 сентября) первое предостереженіе за полемическую статью (противъ „Сѣверной Почты"), по поводу предположеннаго 2-го выпуска 5% банковыхъ билетовъ. Спустя немного времени, предостереженія посыпались щедрой рукой гр. Валуева на журналы самыхъ разнообразныхъ направленій.

Въ началѣ 70-хъ годовъ мысль объ учрежденіи у насъ общаго земскаго собранія вызвала реакціонное отношеніе къ печати. Явились новыя мѣры стѣсненій періодической прессы. Наложенъ арестъ на 2-е изданіе сочиненій Писарева, и опредѣлено Комитетомъ Министровъ уничтожить I томъ Лассаля. Безцензурная пресса въ теченіе 15 лѣтъ (1865—80 г.) подверглась 292 взысканіямъ въ административномъ порядкѣ.

Такимъ образомъ, теоретическій законодательный прогрессъ, при осуществленіи его на дѣлѣ, скоро подвергся значительнымъ уклоненіямъ, благодаря неблагопріятному направленію исполнителей; лица оказались важнѣе учрежденій и во многомъ видоизмѣнили функціи послѣднихъ. Если, по замѣчанію барона Корфа, въ суровую Николаевскую эпоху, благодаря мягкому управленію Головнина, печать была близка къ полной свободѣ, то совершенно обратное мы можемъ усмотрѣть въ эпоху дѣятельности графа Валуева, который, повидимому, стремился по частямъ обрѣзать „льготное" законодательство 6 апрѣля не только путемъ расширенія административной практики, но также и проведеніемъ отдѣльныхъ мѣропріятій законодательнаго характера.

Такъ ему удалось добиться передачи дѣлъ о печати изъ окружнаго суда въ судебную палату (12 декабря 1866 г.).

По его настоянію, печатаніе отчетовъ сужденій, преній и рѣчей въ засѣданіяхъ сословныхъ и общественныхъ собраній обусловлено разрѣшеніемъ губернатора (13 іюня 1867 г.).

Перенесены на администрацію нѣкоторыя функціи суда;

---

[1]) Джаншіевъ—Изъ эпохи великихъ реформъ.

увеличенъ срокъ между напечатаніемъ сочиненій и выпускомъ ихъ въ свѣтъ, съ цѣлью возможности болѣе тщательнаго контроля; предоставлено право судебнаго преслѣдованія авторовъ тѣхъ произведеній, которыя подверглись административному задержанію (7 іюня 1872 г.).

Закономъ 16 іюня 1873 г. министръ внутреннихъ дѣлъ получилъ право „по соображеніямъ высшаго правительства" воспрещать обсужденіе въ печати, „въ теченіе нѣкотораго времени", различныхъ вопросовъ государственной важности съ угрозой пріостановки провинившагося изданія до трехъ мѣсяцевъ. Таковы первые шаги безцензурной печати. Дальнѣйшая судьба ея представляется еще болѣе неблагопріятной для нормальнаго развитія. Временными правилами 5 апрѣля 1879 г., генералъ-губернаторамъ предоставлено право прекращать періодическія изданія, вслѣдствіе ихъ вреднаго направленія [1]). Вопросъ о цензурной реформѣ, поставленный на очередь въ 1881 г., не двинулся съ мѣста. Между тѣмъ отдѣльныя мѣры развивали полицейскій режимъ печати, удаляясь понемногу все дальше и дальше отъ правового порядка. Ужасныя событія 1 марта, въ числѣ другихъ мѣръ репрессіи, отразились и на печати. 27 августа 1882 г. Высочайше утверждено временное положеніе Комитета Министровъ, по которому: 1) періодическія изданія, выходящія въ свѣтъ послѣ третьяго предостереженія, обязаны представлять номера не позже 11 час. веч., наканунѣ выхода, въ цензуру, которая имѣетъ право, безъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія, пріостанавливать выпускъ ихъ въ свѣтъ.

2) Періодическія изданія должны сообщать, по требованію министра внутреннихъ дѣлъ, имена авторовъ анонимныхъ статей.

3) Прекращеніе повременныхъ изданій, безъ воспрещенія или съ воспрещеніемъ редакторамъ и издателямъ возобновлять публистическую дѣятельность, предоставлено власти особаго совѣщанія изъ министровъ—внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи и оберъ-прокурора Св. Синода. Наконецъ, 28 марта 1897 г. Высочайше утверждено положеніе Комитета Министровъ о необходимости разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ на передачу періодическихъ изданій отъ одного издателя къ другому.

---

[1]) Тѣ же права получили, по положенію 4-го сентября 1881 года, главноначальствующіе въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи чрезвычайной охраны.

Сдѣланный набросокъ, конечно, далекъ отъ возможности назваться историческимъ. Это краткое перечисленіе, не исчерпывающее мѣръ, принятыхъ послѣ изданія закона 6 апрѣля, безъ указанія на событія и мотивы, ихъ вызвавшіе и ихъ поясняющіе. Историческаго очерка дать еще нельзя. Всѣ мѣры противъ печати за послѣдніе тридцать лѣтъ представляютъ въ совокупности нынѣ дѣйствующее законодательство. Находясь подъ непосредственнымъ его давленіемъ, весьма трудно уловить общія начала и отдѣлить исторически необходимое отъ случайнаго, наноснаго, временнаго, стать, такъ сказать, на объективную точку исторической перспективы. Единственная цѣль наброска—намекнуть на то направленіе, которое получила административная практика при примѣненіи новаго закона о печати. Почему такая практика оказалась возможной, почему она приводитъ къ самому широкому административному усмотрѣнію, которое, по выраженію Аксакова, несогласно съ понятіемъ о правильномъ законодательствѣ, должно показать подробное разсмотрѣніе всей совокупности нашего законодательства о печати.

В. Г. Опацкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

* * *

Въ дни скорбные печали и сомнѣнья
Не забывай, что въ небѣ есть Господь,
Что кару шлетъ Онъ въ міръ за прегрѣшенья,
Что чище духъ,—унижена гдѣ плоть,
Что къ небу путь тернистый и суровый,
Что искупленье—страждущихъ удѣлъ,
И покорись, ударъ принявъ громовый,
И говори: знать Богъ то повелѣлъ!
Родная Русь! ты много претерпѣла,
Терпи-жъ еще, терпи же до конца,
И ты дойдешь до свѣтлаго предѣла
Въ сіяньи благостномъ терноваго вѣнца.

В. Ермоловъ.

Къ реформѣ медицинскаго образованія.[1]

II.

Какъ помочь хотя чѣмъ либо тому злу, о которомъ я велъ рѣчь? Какъ, оставаясь въ тѣхъ нормахъ расхода, улучшить наше преподаваніе и выпускать врачей, болѣе достойныхъ своего званія? Очевидно для этого нужны мѣропріятія, которыя устраняли бы указанные недостатки: необходимо при данныхъ средствахъ или уменьшить число занимающихся, или, сохранивъ то же количество учащихся, увеличить матеріалъ для нихъ; перейти отъ теоретическаго преподаванія къ практическому; умножить количество учителей и замѣщать каѳедры достойнѣйшими. Нѣкоторыя изъ этихъ предположеній исполнимы, другія—нѣтъ. Переберемъ все по порядку.

Объ уменьшеніи количества учащихся при той нуждѣ во врачахъ, которая существуетъ въ настоящее время,—и думать нечего. Можетъ быть, не объ уменьшеніи, а объ увеличеніи ихъ мы должны заботиться. Что касается до другихъ недостатковъ преподаванія, то, конечно, мы должны ихъ уничтожить, или уменьшить по возможности. Нужно увеличить количество матеріала, количество преподавателей, вслѣдствіе этого перейти отъ теоретическаго зачитыванія лекціями студентовъ къ практической работѣ и создать по возможности конкуренцію профессорамъ, что хотѣлъ сдѣлать уставъ 1884 г. введшій какъ необходимый элементъ университетской жизни, институтъ приватъ-доцентовъ. Если дѣятельность приватъ-доцентовъ будетъ на глазахъ у всѣхъ, а не тайная—ввиду невозможности ее обнаружить—тогда несомнѣнно можно намѣчать и болѣе лучшихъ кандидатовъ на каѳедры. Всѣ эти результаты, какъ мнѣ кажется, можно достигнуть, если *ввести въ преподаваніе другія*, можетъ быть, даже *всѣ городскія и иныхъ вѣдомствъ больницы* дать право обучать всѣмъ преподавателямъ этихъ больницъ и разрѣшить студентамъ экзаменоваться

[1]) См. „Мирный Трудъ“ № 8.

въ государственныхъ коммиссіяхъ. Я буду говорить для примѣра только объ московскихъ; онѣ послужатъ мнѣ схемой, по которой можетъ быть организовано преподаваніе въ другихъ городахъ.

Въ Москвѣ больницы приблизительно разбросаны по тремъ ея угламъ. Въ одномъ—клиники, которыя сосредоточены на Дѣвичьемъ полѣ—университетская группа, въ другомъ—больницы расположены вблизи Сокольничьяго поля—Сокольничья, и въ третьихъ—близъ Калужскихъ воротъ—Городская; эти группы расположены въ разстояніи другъ отъ друга верстъ около 8—10. Необходимо, чтобы *всѣ больницы въ этихъ трехъ мѣстахъ функціонировали не только, какъ средства помощи населенію, но и какъ матеріалъ для обученія практикѣ будущихъ молодыхъ врачей. Въ этихъ трехъ пунктахъ можетъ быть устроено какъ-бы три университета*

Государству необходимо получить извѣстное количество искусныхъ врачей, инженеровъ, техниковъ и пр.; но ему рѣшительно все равно, гдѣ они получаютъ свое образованіе. Если бы возможно было имѣть съ требуемымъ запасомъ знаній и умѣнья техника, который получилъ эти свѣдѣнія хотя бы отъ желѣзнодорожнаго мастера, то въ сущности никому никакого дѣла нѣтъ, отъ кого онъ научился. Правительство, общество ставитъ извѣстныя требованія, субъектъ долженъ ихъ удовлетворить. При какомъ-либо конкурсѣ, напр. на поставленную задачу, не справляются, откуда получилъ свои знанія авторъ лучшаго проэкта, сочиненія и пр.; если субъектъ удовлетворяетъ извѣстнымъ требованіямъ, рѣшительно безразлично, какъ онъ достигъ своей цѣли. Это всегда и вездѣ такъ. Я требую извѣстной выдѣлки кожи, а тамъ мнѣ до этого дѣла нѣтъ, какъ, когда гдѣ и кто ее вырабатывалъ. Учрежденія, въ которыхъ студентъ получаетъ свои знанія, можетъ быть казенное или частное; это можетъ быть одно лицо, или цѣлая коллегія; по существу дѣла—государство можетъ этого не касаться. Этотъ принципъ затемняется тѣмъ, что государство обыкновенно требуетъ аттестатовъ для поступленія въ то или другое училище, оно устраиваетъ ежегодно экзамены, не признаетъ никакихъ другихъ свидѣтельствъ. Но это такъ у насъ. Въ другихъ государствахъ, какъ напр. въ Англіи, въ Америкѣ, университеты имѣютъ частный характеръ, а государство только провѣряетъ, таковъ ли научный и практическій багажъ у субъекта, желающаго поступить къ нему на службу. Конечно, наша система гарантируетъ государству, что матеріалъ, поступающій къ нему до извѣстной степени надеженъ,

что субъектъ вступаетъ въ жизнь и отправляетъ извѣстную функцію, вооруженный именно тѣмъ, что для государства въ данномъ случаѣ необходимо. Но все это создалось только потому, что государство видитъ недостаточную для себя гарантію въ пріобрѣтеніи достаточныхъ знаній у частныхъ лицъ неизвѣстными для него способами. Если же можно было бы вполнѣ гарантировать этотъ запасъ необходимыхъ знаній, то государство должно было бы радоваться, что по иниціативѣ частныхъ лицъ и безъ затраты съ его стороны—оно получаетъ вполнѣ для него необходимый контингентъ дѣятелей. Мы видимъ, что государство отчасти практикуетъ этотъ способъ напр. разрѣшеніемъ частныхъ гимназій съ правами среднихъ учебныхъ заведеній. Такъ или иначе оно удостовѣряется въ удовлетворительности прохожденія курса среднихъ учебныхъ заведеній,— и этимъ все сдѣлано.

Тотъ же самый принципъ можетъ быть примѣненъ и для высшихъ учебныхъ заведеній. Если государство можетъ быть увѣреннымъ, что частное высшее учебное заведеніе дастъ ему хорошихъ дѣльцовъ, ему совсѣмъ не нужно, чтобы непремѣнно всѣ учащіеся проходили казенныя учрежденія. И вотъ я думаю, что *всѣ больницы могутъ превратиться съ пользой и для себя, и для населенія, и для обучающейся молодежи въ такіе частные университеты.*

Можно себѣ представить устройство преподаванія въ нихъ такимъ образомъ: изъ врачей консультантовъ, экстерновъ и пр. этихъ больницъ образуется штатъ приватъ-доцентовъ по тѣмъ предметамъ, которые преподаются на трехъ послѣднихъ курсахъ медицинскаго факультета. Въ клиникѣ уже есть эта группа профессоровъ, въ остальныхъ двухъ уголкахъ она должна создаться. Университетъ даетъ позволеніе преподавать группѣ врачей, образующихъ какъ бы университетскую коллегію, если она найдетъ преподавателей на большинство главныхъ предметовъ проходимыхъ на трехъ курсахъ. Могутъ быть каѳедры, преподавателей на которыя имѣть не обязательно; такъ напр. фармакологія или врачебная діагностика, потому что по существу дѣла эти предметы разбиваются между другими каѳедрами и могутъ быть представлены лишь факультативно. Несомнѣнно, что въ больницахъ могутъ преподаваться и нѣкоторые предметы 1-го и 2-го курсовъ. Сюда можно отнести напр. анатомію, не требующую ни особенно дорогихъ инструментовъ, ни особаго матеріала, фармацію (если только ее нужно преподавать), гистологію по стольку, по скольку больница можетъ располагать микроскопами и другими необходимыми по-

собіями. По одному и тому же предмету, въ одной и той-же коллегіальной группѣ могутъ преподавать нѣсколько приватъ-доцентовъ, если директоръ больницы или врачъ отдѣленія дастъ имъ извѣстное количество кроватей. Студенты вполнѣ свободны слушать и учиться у любого профессора, приватъ-доцента, врача, которому право учить далъ университетъ. Они могутъ распредѣлять свои занятія, какъ имъ угодно, придерживаясь приблизительно для руководства извѣстной программы, выработанной и рекомендованной университетомъ. Въ сущности порядокъ прохожденія предметовъ вполнѣ необязателенъ. Нужно лишь установить порядокъ экзаменовъ, потому что нельзя сдавать практическую хирургію, не сдавъ анатоміи, или держать экзаменъ изъ судебной медицины, не пройдя напр. акушерства или токсикологіи. Порядокъ сдачи экзаменовъ долженъ быть выработанъ особой университетской коммиссіей. Если въ настоящее время студентъ можетъ просидѣть лишній годъ на послѣднихъ трехъ курсахъ, то при новыхъ порядкахъ онъ имѣетъ право сдать экзаменъ не въ три, а въ четыре, въ пять и даже больше лѣтъ. Для студента медика четырехъ—пятилѣтняя практика въ больницахъ отнюдь не можетъ считаться длинной. Такимъ образомъ, принципъ остается тотъ же, что и для частныхъ гимназій: *студентъ учится въ частныхъ, такъ сказать, больницахъ, у частныхъ преподавателей, а сдавать экзаменъ долженъ въ правительственномъ учрежденіи.*

Первое слѣдствіе такого расширенія мѣста преподаванія—будетъ увеличеніе учительскаго персонала. Едва ли можно сомнѣваться, что при устройствѣ университетскихъ, приватъ-доцентскихъ, а также профессорскихъ группъ,—вѣдь не всѣ профессора имѣютъ свои клиники—всегда найдется достаточное количество преподавателей, которые захотятъ имѣть въ своемъ распоряженіи больничный матеріалъ для преподаванія и что во всякой группѣ, для каждаго предмета найдется преподаватель. Недостатка въ приватъ-доцентахъ не можетъ быть, ибо разсматривая университетскій списокъ приватъ-доцентовъ и ихъ распредѣленіе по различнымъ предметамъ, можно усмотрѣть, что ихъ число на важные, а иногда и на самые неважные предметы, очень большое. Вѣдь приватъ-доцентовъ въ Московскомъ университетѣ отъ 40 до 50 человѣкъ. Московскій университетъ, до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, довольно свободно даетъ врачамъ разрѣшеніе на преподаваніе въ качествѣ приватъ-доцентовъ, не заботясь о томъ, гдѣ и на чемъ ему преподавать. Но если послѣднее условіе преподаванія не подлежитъ заботамъ университета, то оцѣнка того или дру-

гого врача, какъ успѣшнаго преподавателя, есть прямая его обязанность. Если университетъ находитъ, что столь большое количество приватъ-доцентовъ и въ настоящее время приноситъ пользу въ дѣлѣ преподаванія безъ всякой клиники, то, мнѣ думается, трудно будетъ сомнѣваться, что имѣя клинику въ своихъ рукахъ, тотъ же персоналъ приватъ-доцентовъ можетъ принести гораздо большую для государства пользу, а значитъ университетъ будетъ допускать не меньшее количество доцентовъ. Внѣ сомнѣнія, что каждая больничная группа педагогическаго персонала привлечетъ въ свою среду не одного, а нѣсколькихъ преподавателей на каждый предметъ. Значитъ, можно быть увѣреннымъ, что ни въ какомъ случаѣ недостатка въ преподавателяхъ въ больницахъ не будетъ. Но если бы прибавилось по каждому предмету соотвѣтственно тремъ больничнымъ группамъ, лишь по одному активному преподавателю, то и тогда университетъ получитъ втрое больше активныхъ учителей, не затративъ на это ни одной копѣйки.

Въ виду того, что въ одной и той же университетской группѣ на каждый предметъ будетъ не одинъ преподаватель, а какъ можно надѣяться по нѣскольку, преподаваніе будетъ еще успѣшнѣе, потому что студенты разсыплются еще на болѣе мелкія группы. Нужно придти къ заключенію, что для того, чтобы преподавать элементарныя истины, которыя желательно внушить студентамъ, *вовсе не нужно геніальныхъ ученыхъ, а нужны хорошіе учителя.* Геніи важны для академическаго преподаванія, а не для университетскаго. Ежедневное долбленіе однихъ и тѣхъ же методовъ изслѣдованія, однихъ и тѣхъ же перечисленій симптомовъ, однихъ и тѣхъ же отличительныхъ признаковъ и пр. не требуетъ геніальности. Можно предположить другое: человѣку съ большими способностями и съ оригинальнымъ стремленіемъ будетъ надоѣдать безконечныя репетированія и пережевываніе одного и того же. Для послѣдняго существуютъ отчасти ординаторы и ассистенты у профессоровъ. Можно признать вѣрнымъ положеніе: *что интересно для студента—неинтересно для профессора и что неинтересно и не полезно для студента, то интересно для профессора.* Можно быть прекраснымъ ученымъ и плохимъ преподавателемъ и обратно. Ассистенты и ординаторы должны и при новой организаціи существовать и дѣлать свое важное и полезное дѣло, какъ помощники не только профессоровъ, но и приватъ-доцентовъ.

Студенты распредѣлятся въ Москвѣ по тремъ группамъ преподаванія. На медицинскій факультетъ поступаетъ въ годъ

250 человѣкъ. Значитъ на послѣднихъ трехъ курсахъ ихъ будетъ 750. Если мы предположимъ, что они будутъ распредѣляться между группами приблизительно поровну, то на каждую группу больницъ попадетъ по 250. Для каждой группы занимающихся количество больныхъ, предоставленныхъ имъ, какъ матеріалъ для изученія, окажется громаднымъ. Мы имѣемъ въ университетской клиникѣ кромѣ амбулаторіи около 700 кроватей. Въ группѣ Сокольничьяго поля около 2500 больныхъ, въ Городской группѣ около 2000. Такимъ образомъ, для обученія студентовъ прибавится приблизительно около 5000 больныхъ, т. е. въ каждую данную минуту на одного студента придется приблизительно 10 человѣкъ больныхъ. Если взять въ разсчетъ, что больные мѣняются нѣсколько разъ въ годъ на одной койкѣ, выйдетъ, что студентъ будетъ имѣть въ десятки разъ больше, чѣмъ онъ имѣетъ его теперь, и, значитъ, обученіе его будетъ успѣшнѣе во столько же разъ. По примѣру Дерпта, городъ могъ бы быть разбитымъ на участки, гдѣ преподаватель могъ бы посѣщать близкихъ къ больницѣ больныхъ вмѣстѣ со студентами на дому—это также увеличило бы количество больныхъ и пріучило бы ихъ давать помощь въ обыденной обстановкѣ.

Студенту не возбраняется переходить съ одной группы на другую по истеченіи года или же впродолженіе перваго мѣсяца преподаванія. Онъ и теперь имѣетъ право переходить даже съ факультета на факультетъ до 1 октября, тѣмъ болѣе возможно оставить это правило для группъ. Послѣ 1 октября онъ долженъ остановиться на какой-либо группѣ: университетской, сокольничьей или городской. Выбирая ту или другую группу, онъ имѣетъ возможность за полтора мѣсяца присмотрѣться, къ какому преподавателю онъ желалъ бы пристать, какъ слушатель. Можетъ быть его интересуетъ хирургія, и тогда онъ отправляется въ больницу той группы, напр. сокольничьей, гдѣ ему извѣстенъ хирургъ, какъ опытный преподаватель, который не только будетъ заставлять *смотрѣть* на его, „удивляющія міръ“ операціи, но выучитъ его самого прорѣзать нарывъ, вправить вывихнутую руку, наложить повязку на переломленную ногу и пр Рядомъ съ этимъ онъ, понятное дѣло, выберетъ себѣ преподавателей еще нѣсколькихъ предметовъ изъ той же группы, чтобы имѣть возможность кончить всѣ предметы какъ это требуется въ 3—4—5 лѣтъ. На слѣдующій годъ онъ интересуется больше всего акушерствомъ и заразными болѣзнями, расчитывая быть напр. земскимъ врачемъ; онъ можетъ перейти въ городскую группу, найдя, что

тамъ преподаватель, наиболѣе славящійся въ этомъ дѣлѣ, и также подберетъ себѣ еще преподавателей по какимъ-либо другимъ предметамъ. Наконецъ, на третій или четвертый годъ онъ захочетъ слушать въ университетской клиникѣ, скажемъ глазныя болѣзни; рядомъ съ ними онъ усваиваетъ и остальные остающіеся предметы. Словомъ, студентъ воленъ до извѣстнаго мѣсяца въ году выбирать себѣ группу больницъ, приблизительно придерживаясь программы выработанной факультетомъ. Въ первый годъ онъ проходитъ извѣстные предметы перваго и второго года, во второй—второго и третьяго и наконецъ въ третій годъ остальные. Студентъ не долженъ быть втиснутъ въ очень тѣсныя рамки въ отношеніе предметовъ, потому что въ какой-либо группѣ можетъ быть талантливымъ преподаваніе такого медицинскаго отдѣла, который хотя и не рекомендуется, скажемъ, программой второго года, но можетъ быть допущено даже въ первый годъ слушанія напр. акушерство, патологическая анатомія или накожныя болѣзни и пр.

Какъ организовать экзамены? Мнѣ думается, что на нихъ должно быть обращено *самое серьезное вниманіе* и они должны производиться не ради формальности, какъ это перешло въ обычай въ настоящее время, а носить на себѣ характеръ дѣйствительной провѣрки тѣхъ знаній, которыми обладаютъ студенты, желающіе получить степень врача. Вѣдь по существу дѣла каждый больной, входящій въ пріемную врача, есть своего рода экзаменъ и экзаменъ серьезный.

Ихъ можно распредѣлить на два или на три отдѣла. Извѣстное количество предметовъ входитъ въ извѣстный отдѣлъ. Студентъ можетъ экзаменоваться и сразу по всѣмъ предметамъ. Для экзамена должна существовать какъ и въ настоящее время особая коммиссія. Составъ преподавателей назначается правительствомъ; оно требуетъ себѣ дѣятелей, оно должно и рѣшать, кто можетъ удовлетворить его въ качествѣ претендующаго на извѣстное званіе, а также, кому оно довѣряетъ рѣшать, кто достоинъ этого званія. Можетъ быть недостанетъ числа экзаменаторовъ? Едва ли это такъ. Навѣрное для каждаго университетскаго города можно набрать достаточное количество и экзаменаторовъ, изъ преподававшихъ извѣстное число лѣтъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ. Но студенты должны представить въ экзаменаціонную коммиссію отъ преподавателя всякаго предмета разрѣшеніе на право экзамена, при чемъ совершенно излишне требовать, чтобы онъ выслушалъ извѣстное число лекцій, подвергся повѣрочнымъ испытаніямъ, далъ бы удостовѣреніе объ участіи въ практи-

ческихъ занятіяхъ и пр. и пр. Этимъ правиломъ можн
рантировать, что не всѣ студенты будутъ искать счаст
экзаменахъ—авось, либо кривая вывезетъ, а только тѣ изъ
которые дѣйствительно занимались и прошли черезъ рук
подавателя. Коммиссія и ея экзаменующій членъ могу
знать—даже лучше если бы это было такъ—кѣмъ допущен
дентъ до экзамена. Этимъ внеслось бы большое безприст
въ дѣлѣ экзаменовъ, студенту не пришлось бы считать
кѣмъ изъ его преподавателей хорошъ или нехорошъ э
наторъ. Факультетской же отчетностью выяснилось б
сколько и у кого изъ преподавателей студенты рабо
успѣшнѣе. Наплыва экзаменующихся нельзя ожидать, п
что едва ли преподаватель легко дастъ свою подпись для
мена, если въ университетскомъ отчетѣ будетъ зарегис
вано, что у такого-то преподавателя изъ извѣстнаго коли
занимавшихся выдержалъ испытаніе очень малый проце

Не будетъ ли слишкомъ стѣснительно однако для
дента получить подпись преподавателя для экзамена? Ед
Получить разрѣшеніе и дать его—составляетъ интересъ
дента и преподавателя. Хотя студентъ постарается, п
можности, легко получить разрѣшительную подпись; н
ему не поможетъ. Если на самомъ дѣлѣ онъ плохо з
экзаменаціонная коммиссія его не пропуститъ. Коне
всякаго есть нѣкоторый шансъ, что онъ можетъ быть
нибудь проскользнетъ; но этотъ шансъ едва ли будетъ
точнымъ поощреніемъ преподавателю при мысли, что ег
никъ рискуетъ провалиться и останется невыгодное впе
ніе относительно его преподаванія. Нельзя также опас
чтобы преподаватель слишкомъ строго давалъ свое раз
ніе, потому что студенты неохотно пойдутъ къ нему
маться, всѣ его будутъ избѣгать. Чрезъ нѣкоторое вр
преподаватели, и студенты приспособятся къ тому у
требованій, которыя предъявляются экзаменаціонной
тельственной коммиссіей, и студентовъ, сдающихъ экз
будетъ достаточное количество. Экзаменаціонная же ко
сія избавится отъ массы ненужнаго балласта, отъ пр
щихъ пытать счастья и можетъ дѣйствительно подробно
ждаться, съ какими знаніями приходитъ къ ней студен
цѣлый годъ коммиссія должна имѣть дѣло не съ бол
количествомъ студентовъ, чѣмъ теперь, т. е. около 200 чел

Какъ организовать дѣло экзаменовъ—это нужно ра
тать. Можно намѣтить теперь только общіе принципы. П
всего желательно, чтобы и экзамены носили практичес

рактеръ. Они должны быть производимы въ клиникѣ надъ больными, потому что въ практической жизни молодому врачу не придется отвѣчать никому „листы", а нужно имѣть дѣло съ больнымъ человѣкомъ. Рядомъ съ практическимъ должно быть произведено и испытаніе теоретическое; но не такое, къ какому мы теперь привыкли: достался билетъ относительно лепры, которую врачъ не встрѣчалъ и можетъ быть никогда не встрѣтитъ во всю свою жизнь, онъ также долженъ знать всѣ ея признаки, какъ и симптомы воспаленія легкаго, чахотки, отъ которой умираетъ изъ семи человѣкъ одинъ. На экзаменахъ должно производиться испытаніе относительно способности оріентироваться съ больнымъ; нужно узнать, есть ли у испытуемаго настоящая перспектива относительно различныхъ болѣзней, важности тѣхъ или другихъ признаковъ для ихъ опредѣленія; на сколько онъ можетъ справиться не только съ знаніемъ и описаніемъ самой болѣзни, но и съ предсказаніемъ, судя по индивидуальности больного; въ чемъ заключается необходимая помощь больному, или, по крайней мѣрѣ, онъ долженъ очертить въ данномъ случаѣ планъ лѣченія при разнообразныхъ данныхъ, найденныхъ у паціента. Иначе сказать, здѣсь должно быть выяснено, на сколько молодой врачъ умѣетъ обращаться съ больнымъ, на сколько онъ привыкъ прежде всего не вредить больному, что онъ въ данную минуту считаетъ необходимою помощью; ибо изъ лекцій онъ знаетъ лишь, что „въ различныхъ случаяхъ лѣченіе должно быть различное", что иногда приходится ставить піявки, иногда давать слабительное, иногда прикладывать ледъ, въ другихъ случаяхъ согрѣвающіе компрессы и давать возбуждающія и это все при одной и той же болѣзни.

Можетъ возникнуть опасеніе, что въ клиникахъ, гдѣ должно производиться и ученіе, и экзамены, будетъ слишкомъ большой наплывъ студентовъ. Можно въ этомъ усумниться, во всякомъ случаѣ ихъ будетъ меньше, чѣмъ теперь. Ихъ будетъ только 250—300 изъ слушающихъ или учащихся и около 200 экзаменующихся т. е. maximum 500 человѣкъ, а теперь ихъ 750. Во вторыхъ 200 человѣкъ экзаменующихся не столько времени займутъ въ клиникахъ, какъ такое же количество учащихся. Можно свободно проэкзаменовать съ большимъ вниманіемъ 10 человѣкъ въ день; такимъ образомъ у преподавателя, если даже онъ попадетъ въ число экзаменующихъ, что необязательно, будетъ занято около 20 дней въ году или, экзаменуя одинъ разъ въ недѣлю,—20 недѣль или 5 мѣсяцевъ. Можетъ казаться, что экзаменаціонная коммиссія помѣшаетъ занятіямъ

студентовъ или веденію дѣла клиники, но это не такъ страшно, какъ кажется съ перваго взгляда. Директоръ клиники остается всегда таковымъ и коммиссія можетъ пользоваться, не вмѣшиваясь въ его жизнь, только матеріаломъ, лежащимъ въ ней. Каждый изъ экзаменаторовъ можетъ посѣщать и изучать самъ больныхъ въ то время, когда профессора нѣтъ, т. е. вечеромъ, и самые экзамены также могутъ производиться вечеромъ, когда оффиціальныя занятія профессора со студентами кончились и только ординаторы обходятъ больныхъ съ учащимися. Послѣднее обстоятельство ни въ какомъ случаѣ не можетъ помѣшать ни занятіямъ студентовъ, ни занятіямъ экзаменаторовъ и экзаменующихся, ибо ознакомленіе экзаменующихся съ больными будетъ происходить или исподволь, по мѣрѣ ихъ поступленія, или въ день экзамена, а экзаменующихся или готовящихся къ экзаменамъ сразу будетъ не болѣе 30—40 человѣкъ, да три экзаменатора; для послѣднихъ же достаточно посѣщать клинику два раза въ недѣлю, чтобы быть au courant всего комплекта лежащихъ больныхъ. Я сейчасъ не буду останавливаться на мелкихъ неудобствахъ или на томъ, какъ подробнѣе организовать дѣло экзаменовъ. Я желалъ только отмѣтить, что главное неудобство, заключающееся въ томъ, что въ клиническую жизнь вторгается какъ бы нѣчто чуждое клиникѣ,—въ сущности только кажущееся. А какими выгодами искупается это кажущееся неудобство! Наконецъ экзаменъ можно устраивать и въ различныхъ другихъ больницахъ, гдѣ государственная коммиссія найдетъ для себя удобнымъ. Въ этомъ не должно быть стѣсненія.

Внѣ сомнѣнія каждый способный, трудящійся и занимающійся медикъ, будетъ ли онъ въ клиникахъ или въ больницахъ, попробуетъ свои силы, какъ приватъ-доцентъ. Оттого количество приватъ доцентовъ возрастетъ, но болѣе или менѣе всѣ они или по крайней мѣрѣ почти каждый изъ нихъ сдѣлается активнымъ членомъ преподаванія Если у него будетъ небольшое количество слушателей, тѣмъ лучше: онъ съ большей внимательностью отнесется къ своимъ ученикамъ. Если его занятія будутъ посѣщаться значительнымъ числомъ студентовъ—это будетъ доказывать, что молодежь цѣнитъ въ немъ преподавателя и университетская коллегія будетъ его считать однимъ изъ кандидатовъ, достойныхъ на каѳедру. Блескъ краснорѣчія, иногда даже краснобайства, „чисто-товарищескія“ отношенія (обниманіе талій, хожденій подъ ручку) сочувственное отношеніе къ тому „ужасному“ положенію студентовъ, когда имъ невозможно при назначенномъ ректорѣ, при отсутствіи

академической свободы—ни выслушивать, ни выстукивать больныхъ ни приготовлять анатомическій препаратъ, ни смотрѣть въ микроскопъ, ни выучиваться прорѣзать нарывы и пр.,—не такъ будетъ привлекать студентовъ, какъ дѣльное занятіе, занятіе медициной а не политикой. Конкурренція между приватъ-доцентами будетъ не въ томъ, чтобы *заполучить* къ себѣ большее количество слушателей, а чтобы *приготовить* большее количество практическихъ, понимающихъ свое дѣло, дѣятелей для своей родины. Эта достойная, патріотическая конкурренція, ея не нужно бояться, она желательна. Если преподаватель сумѣетъ привлечь къ себѣ столько занимающихся, что онъ не будетъ въ состояніи одинъ приготовить ихъ, какъ слѣдуетъ, къ практической дѣятельности, тогда онъ прибѣгнетъ къ помощникамъ, онъ создастъ около себя цѣлую группу ассистентовъ. Тѣмъ лучше, тѣмъ большее количество научно образованныхъ силъ будетъ вовлечено въ дѣло преподаванія и изъ помощниковъ эти послѣдніе превратятся со временемъ въ настоящихъ учителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ важно, что такая постановка дѣла не дастъ заснуть оффиціальнымъ профессорамъ, они не будутъ себя считать вполнѣ гарантированными отъ всякой конкурренціи (въ смыслѣ преподаванія), какъ гарантированы они теперь. Студенты могутъ себѣ выбрать любого преподавателя, и если профессоръ слишкомъ халатно относится къ своимъ ученикамъ, если онъ глубоко вѣруетъ—относительно каѳедры въ несокрушимость принципа—beati possidentes, то они охотно могутъ его игнорировать. Онъ долженъ будетъ или перемѣнить свое отношеніе къ дѣлу преподаванія, или же выйти въ отставку, если его силы не могутъ справляться съ требованіями университетской науки. По количеству научныхъ работъ, по искусству преподаванія, по результатамъ, которые получаются при экзаменахъ и пр. можно съ довольно большой безошибочностью опредѣлить, который изъ данныхъ аспирантовъ наиболѣе пригоденъ для каѳедры.

Для выполненій предлагаемаго мною проекта могутъ возникнуть препятствія со стороны напр. города и другихъ вѣдомствъ. Нѣкоторыя городскія больницы очень неохотно пускаютъ къ себѣ студентовъ. Резоны, которые для этого приводятся, не выдерживаютъ ни малѣйшей критики: будто бы жизнь больницы тормозится и посѣщеніемъ студентовъ въ нее вносится безпорядокъ; больные будто бы жалуются на слишкомъ большое безпокойство, часто нарушается дисциплина во взаимныхъ отношеніяхъ главнаго доктора и преподавателей, занимающихся въ больницѣ и пр. и пр. но все это невѣрно. Мнѣ

приходилось быть старшимъ врачемъ въ Бахрушинской больницѣ около 10 лѣтъ. Главный докторъ Л. К. Пфель, имѣя на этотъ вопросъ вполнѣ просвѣщенный взглядъ, никогда не препятствовалъ никакому посѣщенію людей, желающихъ что либо изучать, и ни онъ, ни врачи никогда не имѣли причинъ разочароваться въ такомъ отношеніи къ дѣлу. Могу сказать обратное: присутствіе учащейся молодежи и учащаго ихъ персонала ставитъ въ необходимость больничному врачу слѣдить за теченіемъ научной мысли, заставляетъ его бояться рутины, принуждаетъ его волей неволей узнавать что нибудь новое. Можетъ быть, еще и теперь не отошло то время, когда врачи наспѣхъ обходили палаты съ тѣмъ, чтобы сыграть роберъ въ винтъ въ дежурной комнатѣ; можетъ быть, и теперь можно встрѣтить исторіи болѣзней, гдѣ стоитъ idem, idem, idem... а потомъ написано: скончался въ такомъ то часу. Я лично видѣлъ такихъ не мало. Можно сомнѣваться, чтобы такія исторіи болѣзни встрѣчались въ больницахъ, гдѣ занимаются съ молодежью. Больной несомнѣнно выиграетъ отъ того, что его будетъ внимательно обслѣдовать докторъ вмѣстѣ съ своими слушателями. Если иногда онъ и будетъ ворчать, что ему надоѣдаютъ студенты, то съ другой стороны онъ долженъ будетъ благодарить тѣхъ же студентовъ, ибо ради нихъ его подвергли весьма тщательному и подробному осмотру, ради нихъ установленъ болѣе вѣрный и подробный діагнозъ и ради нихъ же онъ получитъ и болѣе внимательное и правильное лѣченіе. Какой безпорядокъ могутъ внести юноши, желающіе послушать своего учителя, желающіе вмѣстѣ съ нимъ изслѣдовать больного, желающіе вмѣстѣ съ учителемъ провѣрить успѣхъ лѣченія и пр.! Кому и чѣмъ они мѣшаютъ? Я думаю и знаю изъ собственнаго опыта—никому, а что они принесутъ пользу больницѣ и рѣшительно всякой больницѣ—я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь. Мы всегда подтягиваемся на чужихъ глазахъ, тѣмъ болѣе на такихъ зоркихъ и чуткихъ какъ юношескіе. Важно постоянно вводить въ зданіе новую струю воздуха, иначе все пропитается затхлымъ запахомъ и покроется плѣсенью. Молодежь, не потому что она стоитъ выше, но потому что въ ней есть особая чуткая воспріимчивость—послужитъ хорошими свѣжими дрожжами, иначе старое тѣсто прокисаетъ.

Если бы государство сознало необходимость и полезность ввести городскія и другія больницы въ кругъ преподаванія, оно конечно могло бы распорядиться законодательной властью, сдѣлать доступными мѣстами преподаванія всѣ больницы съ тѣмъ, чтобы каждая изъ нихъ примкнула бы къ той или дру-

гой группѣ. Каждая больница есть уже готовая школа, въ которой будутъ и учителя, разъ только разрѣшитъ это правительство. Какъ же готовыми школами не воспользоваться?!

Относительно количества слушателей у приватъ-доцентовъ можно было бы ограничиться тѣмъ, что онъ не имѣетъ права имѣть больше 30 слушателей. Правду сказать, едва ли можно съ большимъ количествомъ заниматься, если желаешь научить чему нибудь своего ученика. Мы знаемъ, что напр. въ гимназіи классъ считается труднымъ, если въ немъ болѣе 30 учениковъ; мы знаемъ, что доктору заниматься внимательно съ большимъ количествомъ больныхъ чѣмъ 30 чел.—трудно. Такъ и для приватъ-доцента можно установить норму въ 30 человѣкъ. Вѣдь ему не только придется читать и демонстрировать рисунки студентамъ на экранѣ, показывать имъ больныхъ, но и заставлять при себѣ работать практически каждаго слушателя. Послѣднее—самое важное, ибо то, что они услышатъ изъ устъ учителя, они свободно иногда даже съ большей пользой для себя могутъ прочесть въ хорошей книжкѣ, но поработать подъ руководствомъ свѣдущаго человѣка, услышать хрипъ въ легкомъ, продѣлать надъ мускуломъ электрическую реакцію, они могутъ только надъ больнымъ. Для этого нужно время и для студента, и для преподавателя. Оттого то, по всей вѣроятности, сами преподаватели будутъ отказываться отъ большого количества студентовъ. Преподаватель въ такихъ условіяхъ можетъ слѣдить за каждымъ изъ учениковъ; онъ можетъ дѣйствительно каждый день удостовѣряться, посѣщаются ли его занятія такимъ-то или такимъ-то студентомъ. Если послѣдній будетъ манкировать, преподаватель можетъ его предупредить, что онъ не сможетъ зачесть ему его семестръ для экзамена. Каждаго студента онъ можетъ индивидуализировать, каждому указать, въ чемъ его пробѣлы, что ему нужно подчитать, надъ чѣмъ поработать, съ болѣе способнымъ человѣкомъ заниматься однимъ манеромъ, съ менѣе трудящимся или неспособнымъ другимъ и т. д. Словомъ, контроль надъ занятіями студентовъ, чего постоянно и тщетно добивается университетъ, былъ бы полный. И, конечно, выпуская къ экзаменамъ своего ученика приватъ-доцентъ поработаетъ надъ нимъ такъ, какъ до сихъ поръ ни профессору, ни другимъ университетскимъ преподавателямъ еще не приходилось.

Опасенія, что матеріальныя средства для преподаванія въ больницахъ будутъ недостаточны, не основательны. Можно отмѣтить уже и теперь красную черту въ тѣхъ больницахъ и по тѣмъ предметамъ, гдѣ есть такое преподаваніе, что боль-

ницы мало по малу обзаводятся и инструментами, и другими необходимыми пособіями. Вѣдь эти пособія совпадаютъ либо съ лучшимъ обслѣдованіемъ больного, либо съ улучшенными терапевтическими мѣрами. А потому съ одной стороны сама больница очень нерѣдко приходитъ на помощь въ дѣлѣ преподаванія, а съ другой преподаватели не стѣсняются затрачивать изъ своихъ средствъ на улучшеніе пособій обученія. Если образуются извѣстныя группы, можно быть увѣреннымъ что онѣ мало по малу изыщутъ средства для внесенія постепеннаго матеріальнаго улучшенія въ дѣлѣ преподаванія. Вѣдь тѣмъ, чѣмъ обладаютъ здѣшнія больницы, едва-ли владѣютъ провинціальныя, въ которыхъ придется работать будущимъ врачамъ, а если какія либо изъ послѣднихъ и обставлены лучше то это вѣдь не болѣе какъ исключенія, и оно не можетъ измѣнить правила. А если такъ, то врачи по окончаніи университетскаго образованія попадутъ въ условія гораздо болѣе худшія чѣмъ любая городская больница въ университетскомъ городѣ.

Знакомство студентовъ съ клиниками и съ городскими больницами уничтожитъ, по возможности, еще одну несообразность въ нашемъ медицинскомъ образованіи. Клиники у насъ строюются дорого, содержатся больные также дорого, все по послѣднему слову науки. Студентъ находится какъ въ дорогой устроенной теплицѣ, гдѣ его поучаютъ какъ по возможности дорого воздѣлывать различныя растенія. Насмотрѣвшись. какъ въ университетскихъ клиникахъ даютъ слабымъ больнымъ бульонъ изъ курицы, мясной сокъ, портвейнъ и пр. онъ попадаетъ земскимъ врачемъ въ деревню, гдѣ не только бульона изъ курицы и портвейна нѣтъ, но даже нѣтъ въ достаточномъ количествѣ чернаго хлѣба. Что дѣлать такому несчастному врачу? въ какое безвыходное положеніе онъ поставленъ? въ какой ужасъ онъ долженъ приходить отъ реальной дѣйствительности, вполнѣ не соотвѣтствующей всему тому, чему онъ учился и чего онъ насмотрѣлся отъ своихъ учителей? и на разъ, я думаю, горькій упрекъ возникаетъ въ его душѣ и отчаяніе должно звучать въ его словахъ, обращенныхъ къ молящимъ отъ него—безсильнаго, не практичнаго, неумѣлаго—помощи несчастнымъ, убогимъ, бѣднымъ, больнымъ.. Primum vivere deinde philosophari!...

Могутъ сказать, что въ университетскомъ преподаваніи въ настоящее время есть намекъ на нѣкоторое раздѣленіе въ смыслѣ методовъ ознакомленія съ болѣзнями и больными—въ факультетской и госпитальной клиникахъ. Можно было бы предположить, что задача факультетской клиники заключается

въ томъ, чтобы *систематически подбирать* извѣстныхъ больныхъ и на нихъ знакомить студентовъ съ методикой и съ индивидуализаціей больныхъ, а въ госпитальной, какъ это показываетъ самое названіе, принимать больныхъ *безъ системы*, такъ, какъ они встрѣчаются въ жизни и потому здѣсь есть какъ бы полное отраженіе жизни въ клиникѣ. Можно еще было бы понимать назначеніе, какъ дополнительное, факультетской клиники, въ смыслѣ мѣстоизученія больныхъ и указанія, какъ слѣдуетъ заботиться объ нихъ по послѣднему слову науки, въ госпитальной же—показать, какъ приходится лѣчить больныхъ въ обыкновенныхъ больницахъ. Но всѣ эти различія на дѣлѣ сглаживаются, и студенты переходя изъ одной клиники въ другую понимаютъ только одно, что на 4-мъ курсѣ нужно идти въ факультетскую клинику отъ большой дороги направо, а въ госпитальную—налѣво, что направо читаетъ лекціи очень хорошо профессоръ А., а налѣво очень скверно профессоръ Б. или наоборотъ. Такимъ образомъ, теоретическое разграниченіе не оправдывается практикой.

Нельзя допустить мысли, чтобы децентрализація преподаваній могла послужить къ умаленію, хотя бы въ чемъ нибудь, университета и его достоинства, какъ храма науки, степени высоты его научныхъ требованій къ своимъ слушателямъ, къ пониженію уровня его преподавателей и пр. Я указываю прежде всего и главнѣе всего на практическую постановку практическихъ предметовъ. Но исключаетъ ли это основательное знаніе теоріи? Конечно, нисколько. Поскольку необходимо для человѣка идти осмысленно въ практическую дѣятельность, постольку она должна требоваться отъ экзаменующихся. Въ моихъ предложеніяхъ нѣкоторые увидятъ поворотъ въ преподаваніи—назадъ, къ системѣ фельдшеризма. Но это только желаніе истолковать въ дурную сторону, ибо фельдшеризмъ заключается въ навыкѣ, въ извѣстныхъ пріемахъ безъ мотивированнаго научнаго основанія, а я предлагаю, чтобы практическое умѣніе не душилось теоретическимъ балластомъ, половину изъ котораго врачу не нужно. Но, конечно, все то, что врачъ изслѣдуетъ, все то, что онъ діагносцируетъ, все то, что онъ предпринимаетъ для лѣченія, то необходимо должно быть научно обосновано. Я утверждаю, что изучать неспеціалисту химику, а врачу химическія формулы въ родѣ того, какъ мы ихъ изучали—для примѣра я приведу „триметилированный оксиэтизированный гидроксинъ гидрата окиси аммонія", проходить напр. органическую или неорганическую химію такъ, какъ ее проходятъ естественники, или минералогію въ томъ объемѣ,

въ которомъ она проходится въ университетахъ медиками—безполезный балластъ.

Я подымаю прежде всего вопросъ о *пересмотрѣ программы медицинскаго образованія* для врача, я настаиваю на сокращеніи однихъ предметовъ, вспомогательныхъ, безъ утраты общаго, философскаго взгляда на природу, безъ потери пониманія духа науки, но безъ загроможденія его памяти массой ненужныхъ, несвязныхъ фактовъ, и на расширеніи, но опять таки болѣе или менѣе соотвѣтственно запросамъ жизни, практическихъ предметовъ. Все заключается въ практическомъ уравновѣшиваніи практическихъ знаній и теоріи. Теоретики всегда могутъ найти, что для обоснованіи практики мало теоріи въ томъ объемѣ, въ которомъ она проходится въ университетѣ даже теперь. Но вѣдь это именно происходитъ оттого, что теоретикъ смотритъ на Божій міръ изъ своего окна и чрезъ свою призму, онъ готовъ расширить программу своего предмета до безконечности. Было бы очень хорошо, если бы даже для однихъ глазныхъ болѣзней каждый врачъ проходилъ не только грубую анатомію, но и микроскопію для каждой оболочки для каждой отдѣльной ткани глаза, желательно было бы конечно и его развитіе. необходима и его физіологія, а для физіологіи необходима физика, физика не такая, какъ проходится въ университетѣ, а въ такомъ объемѣ, чтобы онъ могъ прочесть и изучить Helmholtz'a, а для этого несомнѣнно нужно знать высшую математику, и пр. и пр. Гдѣ остановиться? вотъ въ чемъ вопросъ. Если въ одной какой-либо наукѣ люди изучаютъ всю жизнь всего одинъ отдѣлъ, то спрашивается, гдѣ же положить предѣлъ для изученія каждой науки въ совокупности? теоретически всегда можно сказать, что этого мало, всегда можно отъ нервныхъ болѣзней дойти до необходимости изученія для медика и астрономіи, метеорологіи и пр. потому что и барометрическія колебанія оказываютъ на нервныхъ больныхъ свое вліяніе. При паростаніи прикладныхъ наукъ, при страшномъ накопленіи не по днямъ, а по часамъ практическихъ научныхъ данныхъ, крайне необходимыхъ для практической жизни. приходится невольно поступаться теоріей въ пользу практики, такъ какъ и первая, и послѣдняя безконечны для своего изученія. Но, право, въ одной и той же средняго уровня человѣческой головѣ можно помѣстить лишь извѣстный комплексъ явленій, остальное такъ или иначе изъ нея улетучивается, можно или растянуть до безконечности теоретическія науки и все доказывать, что безъ такой то науки въ такомъ то количествѣ не будетъ хорошаго врача, или сузить

насколько возможно теорію и для практическихъ дѣятелей отдать преимущество практическимъ знаніямъ. Нужно предоставить спеціалистамъ прикладныхъ наукъ рѣшать, насколько въ этихъ наукахъ необходимо преподаваніе теоретическихъ познаній, а не наоборотъ.

Я нисколько не сомнѣваюсь, что тотъ, кто захочетъ заниматься чистой наукой, кого завлекаетъ анатомія, физіологія, гистологія и пр. такъ же можетъ ими заниматься, какъ и теперь. Всякому кончающему курсъ указывается minimum требованій, а кто захочетъ изучать какой либо предметъ болѣе спеціально, болѣе близко, тому не возбраняется заниматься, сколько онъ хочетъ и у кого онъ хочетъ, и конечно преподавателю это будетъ извѣстно. Изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые находятся на послѣднихъ трехъ курсахъ и разсѣяны въ разныхъ больницахъ преподаватели всегда могутъ выбрать и рекомендовать факультету наиболѣе способныхъ; они могутъ ихъ оставлять при себѣ съ разрѣшенія факультета и эти отмѣченные учителями ученики со временемъ найдутъ себѣ путь изъ ординаторовъ въ профессорскій кадръ. Но только переходъ этотъ будетъ дѣйствительно обставленъ предварительной оцѣнкой, а не ходатайствомъ того или другого профессора.

Во вторыхъ, я считаю лекціонную систему въ практическихъ предметахъ отжившей свой вѣкъ. При практическихъ занятіяхъ студентъ долженъ прежде всего *самъ работать* подъ руководствомъ преподавателя. Все, что профессоръ ему скажетъ по теоріи, онъ, вѣроятно, не хуже прочтетъ въ учебникахъ, въ лекціяхъ, которыя обыкновенно литографируются. Не даромъ даже на такихъ факультетахъ, какъ юридическій, филологическій, вводятся постепенно практическія занятія въ семинаріяхъ. Я думаю и тамъ точно также чувствуется какое то глухое противорѣчіе между требованіемъ посѣщать лекціи, слушать 4—5 часовъ подрядъ, и возможностью для студента выучить дома по изданнымъ лекціямъ, учебникамъ все то, что профессоръ изъ года въ годъ ему читаетъ съ каѳедры. Занятія въ семинаріяхъ, въ клиникахъ—ихъ не замѣнишь ничѣмъ, а слушаніе лекцій—можно замѣнить ихъ прочитываніемъ и изученіемъ. Что лучше: прослушать или прочитать?—большой вопросъ, какъ для кого. Мы отличаемъ различныя памяти у человѣка: у одного развита болѣе слуховая память, у другого зрительная, у третьяго осязательная и т. д. Потому то и хороши практическія занятія, что они соединяютъ по возможности при преподаваніи всѣ памяти, а при слушаніи мы упражняемъ только свою слуховую память. Для многихъ, чрезвы-

чайно многихъ—это страшно утомительно. Въ средніе вѣка, когда почти не было книгопечатанія, не имѣли ни книгъ, ни лекцій, ни учебниковъ—нельзя было что нибудь studire безъ личныхъ посѣщеній, безъ записыванія самолично всего того, что magister dixit; но теперь все измѣнилось. Я скажу изъ собственнаго опыта: я вѣроятно не обладаю слуховой памятью—мнѣ страшно утомительно высиживать на теоретическихъ лекціяхъ 4—5 часовъ; въ концѣ концовъ я бросилъ ихъ и училъ лекціи дома. Какъ свидѣтельствуютъ мои переходныя отмѣтки, профессора на испытаніи находили мои познанія хорошими и ставили мнѣ почти всегда круглыя пятерки. Но можетъ быть, здѣсь скрывалась ошибка или съ моей стороны, или со стороны моихъ бывшихъ учителей? Не знаю, есть ли она—съ моей, ибо я утверждаю, что выучивалъ хорошо то, что мнѣ читали, и отвѣчалъ хорошо, что съ меня потомъ спрашивали. Большаго или какъ нибудь иначе отъ меня не требовалось, а значитъ я исполнялъ то, что, какъ студентъ, долженъ былъ исполнять. Если однако я могъ удовлетворить своихъ учителей и тѣмъ не менѣе неправильно поступалъ, не посѣщая теоретическихъ лекцій, то ошибка состояла или въ неправильной оцѣнкѣ меня учителей, или въ неправильномъ преподаваніи. Я и думаю, что въ послѣднемъ т. е. въ безполезности слушанія теоретическихъ лекцій, которыя я могу дома прочесть съ большимъ вниманіемъ и комфортомъ по тѣмъ же изданнымъ и часто провѣреннымъ самимъ профессоромъ „лекціямъ“.

При теоретической лекціи меня можетъ увлекать или личность лектора, его индивидуальность, его пафосъ, если онъ хорошій ораторъ, если онъ умѣетъ изъ сухого предмета лекціи сдѣлать живое слово, если у него есть педагогическій даръ въ простомъ удобопонятномъ изложеніи сдѣлать мнѣ доступнымъ самые запутанные и трудно усвояемые среднимъ человѣкомъ вопросы, или, если я не услышу на лекціи того, что уже напечатано, написано, если это будетъ нѣчто новое, вновь обработанное, дополненное, чего я не могу иначе получить, какъ слушая самъ. Но много ли между профессорами, что называется, „блестящихъ лекторовъ“, много ли предметовъ такихъ, которые изъ году въ годъ могутъ быть переработываемы? въ состояніи ли профессоръ каждый годъ дополнять свои лекціи чѣмъ нибудь такимъ существеннымъ, что лекціи прошлаго года становятся уже устарѣвшими? Такихъ перемѣнъ въ громадномъ большинствѣ предметовъ нѣтъ, да и по существу своему не можетъ быть: основныя начала построенія научной истины не мѣняются ежегодно.

Я поставилъ бы болѣе общій вопросъ: насколько въ настоящее время жизненна лекціонная система даже на другихъ факультетахъ?

Ужъ и теперь ни для кого не тайна, что есть студенты всякихъ факультетовъ, которые почти не бываютъ на теоретическихъ лекціяхъ и которые хорошо занимаются дома и хорошо выдерживаютъ экзамены. Что это практикуется въ общемъ въ широкихъ размѣрахъ доказываетъ число посѣщеній лекцій на всѣхъ факультетахъ. Нерѣдко можно встрѣтить профессора, который доволенъ, если изъ 400 слушателей его посѣщаютъ 40 человѣкъ. А процентъ зачета, а процентъ перехода съ курса на курсъ однако не 10%? Какъ же были пропущены тѣ 90%, которые не посѣщали лекцій? Значитъ, и въ настоящее время та же ошибка, что и прежде: или со стороны студентовъ, что они не посѣщаютъ лекцій, но тогда, почему же профессора не замѣчаютъ по отвѣтамъ студента, плохо посѣщавшаго лекціи? Если посѣщеніе и слушаніе лекцій такъ необходимо, что безъ этого студентъ остается университетски необразованнымъ человѣкомъ, то казалось бы не только для опытнаго, но даже для неопытнаго педагога при отвѣтѣ студента—фактъ манкированія имъ лекцій долженъ былъ бы быть тотчасъ обнаруженъ. Но тогда, какъ же студентовъ переводятъ съ курса на курсъ, какъ же выпускаютъ съ дипломомъ изъ университета? Вѣдь въ такомъ случаѣ нужно заподозрить, что профессоръ дѣйствовалъ противъ совѣсти и родины, а этого нельзя допустить. Тогда остается другое предположеніе: студенты не дѣлаютъ никакой ошибки и значитъ ошибка заключается въ методѣ преподаванія. Я предложилъ бы слѣдующій вопросъ: предположимъ, что профессоръ выпустилъ учебникъ или „пособіе“ (пособіе къ чему? вообще къ образованію студента или пособіе къ своимъ читаемымъ лекціямъ?) или литографированныя лекціи, просмотрѣнныя имъ самимъ; предположимъ, что онъ такъ читаетъ не увлекательно, что студенту не въ моготу его слушать; наступаетъ экзаменъ переходный или выпускной—это все равно, приходитъ на экзаменъ студентъ и говоритъ профессору: „я васъ ни разу не посѣщалъ“; но отвѣчаетъ по его учебнику, лекціямъ, пособіямъ—отлично. Признаетъ ли профессоръ такое знаніе удовлетворительнымъ для полученія переходной или выпускной отмѣтки, или онъ ему скажетъ: „да, вы знаете отлично, но вы меня не посѣщали и потому я вамъ ставлю отмѣтку неудовлетворительную?“ За что ставится студенту отмѣтка: за посѣщеніе лекцій или за знаніе? Или можетъ быть профессоръ будетъ спрашивать сту-

дента въ большемъ объемѣ, чѣмъ издаются литографированныя лекціи, учебники, пособія? Но вѣдь этого никогда не бываетъ. Профессоръ обыкновенно въ восторгѣ, если студентъ отчетливо знаетъ тотъ курсъ, который отлитографированъ, а тѣмъ болѣе отпечатанъ.

Доводя логически слѣдствіе можно спросить: но вѣдь въ такомъ случаѣ можно было бы обязательность слушанія теоретическихъ лекцій уничтожить, значитъ, каждый готовься на тотъ ладъ, какъ онъ знаетъ и какъ онъ хочетъ, только бы результатъ былъ хорошій, т. е. только бы знаніе было бы въ томъ количествѣ и такого качества, какъ это требуется для государственной и иной потребности? По моему, да. Если студентъ въ университетѣ получаетъ только теоретическія лекціи, то профессоръ можетъ ихъ студенту и не читать, и студентъ профессора можетъ и не слушать. Если университетъ даетъ студенту только изустное изложеніе того самого, что уже напечатано, то для этого не стоитъ поступать въ университетъ, всякій можетъ всѣ печатныя требованія выполнить и дома. Въ противномъ случаѣ, или устройте преподаваніе на манеръ какъ оно организовано во Франціи, или поступившему для самостоятельной работы студенту нужно предложить что либо другое— не книжку, которую читаетъ громкимъ голосомъ профессоръ— ибо студентъ и самъ грамотенъ и самъ можетъ прочесть, не даромъ же онъ выпущенъ изъ средней школы съ аттестатомъ зрѣлости, настолько то онъ зрѣлъ, чтобы разбирать русскую или иную грамоту, а нѣчто другое, что заставило бы и студента и профессора работать вмѣстѣ. Какъ это организовать, какъ это сдѣлать и что сдѣлать—вопросъ уже другой. Я говорю только, что такъ дѣла вести нельзя, должно наступить нѣчто другое, болѣе полезное и цѣлесообразное. Вѣдь несомнѣнно, что 75—90% студентовъ теоретическое преподаваніе ненужно, а значитъ они безполезно пріѣзжаютъ въ университетскій городъ, безполезно тратятъ свои силы, страшно бѣдствуютъ, стараются какъ нибудь въ проголодь и—если можно такъ выразиться, въ прохолодь просуществовать 4—5 лѣтъ въ университетскомъ городѣ. Если нѣтъ ничего существеннаго въ томъ, чтобы они посѣщали университетъ, если университетъ не можетъ, опираясь на свои требованія при испытательныхъ отвѣтахъ, рѣшить вопросъ: слушаетъ ли студентъ лекціи или нѣтъ, то дайте ему возможность не обманывать университетъ, сидѣть у себя гдѣ нибудь въ Смоленской, въ Тверской и пр. губерніяхъ и тамъ добросовѣстно заучивать и штудировать требуемые курсы по юридическимъ, математическимъ, нѣкото-

рымъ филологическимъ и естественнымъ наукамъ. Точно также можно допустить, что въ многолюдныхъ центрахъ, гдѣ нибудь въ Самарѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Вильнѣ, могутъ образоваться свои медицинскіе курсы. Тѣ изъ приватъ-доцентовъ, которые не нашли для себя удобнымъ оставаться въ университетскихъ городахъ и легко могли бы найти себѣ почву гдѣ нибудь въ иномъ мѣстѣ и тамъ образовать также клиническія школы. Дайте возможность, *не стѣсняйте здѣсь инициативу, но контролируйте строго*,—и можно быть увѣреннымъ, что на Руси по разнымъ угламъ расцвѣтетъ не одна медицинская школа, и не одни только университетскіе города будутъ гордиться именами своихъ преподавателей. Это дастъ намъ большое количество образованныхъ, полезныхъ для своей родины дѣятелей и это намъ будетъ стоить гораздо дешевле.

Пускай такіе внѣуниверситетскіе аспиранты называются экстернами, которыхъ можно и должно подвергать испытанію по возможности строго и основательно. Вѣдь въ гимназіяхъ допускаются переходные экзамены изъ году въ годъ, а потомъ выпускные: не спрашиваютъ при этомъ: „а гдѣ ты пріобрѣлъ свои знанія?“ тамъ только спрашиваютъ знаніе, извѣстное развитіе. Такъ отчего же этого не допустить и для университета?

Но что же будутъ въ такомъ случаѣ дѣлать профессора университета? Я думаю, что имъ найдется дѣло съ тѣми студентами, которые станутъ заниматься подъ непосредственнымъ руководствомъ профессоровъ. И тогда эти занятія могутъ дать изумительные плоды. Тѣ, кто стремится къ практической дѣятельности и для этого долженъ запастись извѣстнымъ, требуемымъ государственной жизнью и практикой объемомъ знаній отпадутъ, имъ предоставлена будетъ возможность не переполнять университеты; кто же одушевленъ желаніемъ работать серьезно, знать больше того, что есть въ лекціяхъ, кто рѣшилъ посвятить себя наукѣ, тотъ дѣйствительно найдетъ учителей, которые будутъ такъ же съ нимъ работать, какъ работаемъ мы, клиническіе ассистенты и профессора съ только что кончившими и кончающими врачами и это дастъ намъ серьезныхъ работниковъ на научныхъ и остальныхъ поприщахъ. Но какъ это все сдѣлать? какъ поставить все дѣло высшаго образованія? это вопросъ сложный и требующій для своего рѣшенія людей опытныхъ, спокойныхъ и безпристрастныхъ.

Не знаю, какъ отзовутся на мое предложеніе люди компетентные, но мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы оно подверглось обсужденію и критикѣ въ печати. Я увѣренъ, что автономія университета, выборное начало профессоровъ, столовыя, касса

пѣвческіе и литературные кружки, право сходокъ и пр. и пр. не дадутъ намъ при всемъ желаніи хорошихъ врачей. Только работа надъ тѣмъ, кто желаетъ быть чѣмъ нибудь; только работа того, кто стремится быть чѣмъ нибудь; только условія для этой работы, а не для прекраснодушной болтовни—дадутъ намъ то, чего жаждетъ, о чемъ тоскуетъ, чѣмъ обдѣлена наша бѣдная и убогая родина, только практическіе люди могутъ дѣла дѣлать, а Рудины не нужны въ деревнѣ съ ея скудными средствами, съ ея убогой обстановкой, съ ея невзыскательными больными, съ ея благодарностью за всякую самую ничтожную помощь. Мы слишкомъ бѣдны, чтобъ допускать въ нашихъ работникахъ развитіе теоріи въ ущербъ практикѣ. Государству слишкомъ дорого обходится воспитаніе врачей, чтобъ оно терпѣло за счетъ своихъ гражданъ неумѣлыхъ дѣятелей. Каждый долженъ по возможности раньше начать работать для народа и если послѣ окончанія университета врачъ еще долженъ нѣсколько лѣтъ учиться на своихъ согражданахъ, чтобъ сдѣлаться полезнымъ членомъ государства, т. е. сноснымъ врачемъ, то мы можемъ сказать, что это намъ не по карману. Даже во Франціи, странѣ безконечно болѣе насъ богатой—вслѣдствіе счастливыхъ условій ея страны, климата и пр., матеріальными средствами, слышатся безпрестанныя жалобы на слишкомъ большое процвѣтаніе философскаго университетскаго образованія въ ущербъ образованію практическихъ дѣятелей, что крайне неблагопріятно отзывается на экономической сторонѣ жизни. Что же въ такомъ случаѣ сказать намъ? Нужно различать и вести рядомъ академическое преподаваніе и университетское. Въ академическомъ можно удивлять учениковъ своей глубиной. оригинальностью, научностью, смѣлостью взглядовъ; въ академіяхъ готовятся ученые; въ тишинѣ спеціальной лабораторіи, въ глубокомысленныхъ изслѣдованіяхъ и изученіяхъ высшихъ институтовъ вырываются научныя истины,—въ университетахъ въ медицинской школѣ должны главнымъ образомъ готовиться практики, люди дѣла, а не слова. На одну академію нужны десятки университетовъ, медицинскихъ школъ на нашей широкой и бѣдной родинѣ.

Докторъ Александръ Корниловъ.

Москва.
25 іюля 1905 г.

Бандуристъ.

Степями и станицами
Вдоль зрѣющихъ хлѣбовъ,
Росистыми зарницами,
Прохладой вечеровъ,
Иль пѣсню ночкой лунною
Слагая на ходу.
Съ бандурою я струнною
Безъ устали иду.

Приду-ль въ село богатое,
Гдѣ хатъ тѣснится строй,
Хозяйки тароватыя
Зовутъ на перебой.
Галушки съ полной чаркою
Вездѣ готовы мнѣ,
И сладко въ пору жаркую
Засну я на гумнѣ.

За то имъ пѣсни важныя
Подъ вечеръ я спою,
Какъ козаки отважные
Сражаются въ бою,
Какъ кони ихъ ретивые
Стрѣлой мчатъ сѣдока,
И какъ враги пугливые
Боятся козака.

Глотокъ лихого пѣнника
Хлѣбнувъ за старину
Проклятого измѣнника
Мазепу помяну,
Какъ онъ душой лукавою
Сошелся со врагомъ,
И въ битвѣ подъ Полтавою
Былъ побѣжденъ Петромъ.

Иль разпотѣшу сказкою,
Неистощимъ мой умъ,
О томъ какъ съ вѣдьмой пляскою
Кружился пьяный кумъ,
И какъ толпой игривою
Русалки надъ рѣкой
Парней манятъ подъ ивою
Въ свой теремъ водяной.

Но солнце ужъ склоняется,
Привольнѣй дышетъ грудь
И тѣни удлиняются.
Пора въ обычный путь.
Поклонъ за угощеніе,
За ласку и привѣтъ,
Дастъ Богъ по возвращеніи
Зайдетъ къ вамъ старый дѣдъ.

Л. Кологривова.

10 іюля 1905 г.

Поэзія и реализмъ Н. А. Некрасова.

„Какъ мало зналъ свободныхъ вдохновеній,
О родина, печальный твой поэтъ".

А. С. Пушкинъ, опредѣляя назначеніе поэта, сказалъ:

„Не для житейскаго волненья, не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья, для звуковъ сладкихъ и молитвъ".

Н. А. Некрасовъ иначе взглянулъ на дѣло и заявилъ:

„Съ твоимъ талантомъ стыдно спать;
Еще стыднѣй въ годину горя
Красу долинъ, небесъ и моря
И ласку милой воспѣвать..."

Когда

„.... Громъ ударилъ, буря стонетъ
И снасти рветъ, и мачту клонитъ,—
Не время въ шахматы играть
. . . . . .
А ты что сдѣлалъ бы, поэтъ?
Ужель въ каютѣ отдаленной
Ты сталъ бы лирой вдохновенной
Лѣнивцевъ уши услаждать...?

Еще далѣе, въ томъ-же стихотвореніи авторъ прибавляетъ:

„Поэтомъ можешь ты не быть
Но гражданиномъ быть обязанъ"...

Этими словами Некрасовъ даетъ объясненіе своего направленія и оправдываетъ его. Такимъ образомъ ключъ къ уразумѣнію его дѣятельности переданъ намъ въ руки имъ самимъ.

Вѣрный своей литературной заповѣди, Николай Алексѣевичъ сдѣлался поэтомъ-гражданиномъ и гражданскіе мотивы заполнили почти все его творчество. Онъ сталъ „поучать" насъ въ своихъ стихахъ и бичемъ своей сатиры преслѣдовать общественныя неправды.

Какъ стихотворецъ-публицистъ, Некрасовъ считался съ требованіями времени и явился особенно типичнымъ сыномъ вѣка. Его, какъ и другихъ, давила „времени рука“ и „всесильный случай“. Время же это, т. е. 40 и 50 годы, какъ извѣстно, рѣзко выдвинуло все реальное, естественно-научное, утилитарное, и руководилось исключительно „позитивными“ требованіями и вкусами. На знамени „передовиковъ“ значилось: долой все идеальное! Долой поэзію! „Идеалисты—набитые дураки“. И замѣтно было, что

„Аккорды лиръ волшебныхъ замолчали“.

Въ печати, частныхъ домахъ и съ каѳедръ лились рѣчи въ защиту одного только „существенно-полезнаго“ и „полнаго господства головнаго мозга“. „Человѣкъ кавказской расы“ былъ признанъ самымъ понятливымъ животнымъ; запросы желудка были поставлены выше другихъ потребностей. Тогда было рѣшено, что Рафаэль не стоитъ гроша ломаннаго, что Шекспиръ занимался глупостями, что „Мертвыя души“ Гоголя—чепуха. Между сонатами Бетховена и „Танькой съ Ванькой“ не усматривали никакой разницы. Нравственность приравнивалась къ выгодѣ. „Мыслящіе реалисты“, т. е. Писаревъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, Щаповъ, Варѳ. Зайцевъ и другіе рѣшили, что эстетика „мѣшаетъ развитію мозговъ“ и является самымъ прочнымъ элементомъ умственнаго застоя“. Д. Писаревъ совѣтовалъ Щедрину бросить писаніе сатиръ и заняться популяризированіемъ естественно-научныхъ идей. „Когда послѣдній поэтъ и послѣдній эстетикъ,—писалъ онъ въ статьѣ „Цвѣты невиннаго юмора“,—сознаютъ свою тщету, тогда обнявшись крѣпко-крѣпко, какъ обнимаются люди на могилѣ всего, что имъ дорого, наши послѣдніе могиканы во весь духъ побѣгутъ въ лавку покупать себѣ микроскопы и химическія реторты“. „Литература,—писалъ Добролюбовъ,—представляетъ собою силу служебную, которой значеніе состоитъ въ пропагандѣ, а достоинство опредѣляется тѣмъ, что и какъ она пропагандируетъ“. Поэзія въ то время также цѣнилась съ точки зрѣнія той пользы, которую она приносила своимъ содержаніемъ. Поэзія была не сущностію, а приправой.

Некрасовъ былъ увлеченъ общимъ потокомъ времени и принесъ большую жертву вліяніямъ вѣка

„Захлеснутъ былъ онъ невскою волной“...

Кромѣ того, высоко поднялись тогда волны гражданско-народническаго настроенія, которое вызвало къ жизни соотвѣтствующее поэтическое выраженіе [1]). Конечно, при избраніи на-

[1]) Журн. Мин. Народн. Просв. 1900, № 8 (Н. Аммонъ).

правленія писателю нельзя было обойтись и безъ предварительнаго предрасположенія къ извѣстнымъ мотивамъ; а это предрасположеніе у Некрасова истекало изъ условій его личной жизни и изъ духовнаго его склада. Некрасовъ сдѣлался „пѣвцомъ протестующаго чувства“ и отчасти „заказнымъ обличителемъ“.

Всѣ эти обстоятельства сильно повліяли на литературную цѣнность его произведеній и понизили ихъ достоинство. Да иначе и быть не могло. У поэзіи свои права; она должна быть свободна. А разъ только она облекается въ „тенденціозность“ и дѣлается „гражданскою“,—творчества и истиннаго вдохновенія въ ней не ищите!

И дѣйствительно, отличительной чертой большинства произведеній Некрасова является преобладаніе предвзятаго содержанія надъ формой, т. е. поэтическими достоинствами. Въ видѣ примѣра, укажемъ на „Юбиляровъ и Тріумфаторовъ“, „Филантропа“, „Говоруновъ“, „Новости дня“ (газетный фельетонъ), „Пѣсню объ аргусѣ“, „Балетъ“, „Секретъ“, „Дѣдушку“, „Желѣзную дорогу“, „Плачъ дѣтей“, „Утро“, „Прекрасную партію“, „Убогую и нарядную“, „Нравственнаго человѣка“.

Подобныя стихотворенія въ свое время имѣли успѣхъ. Общество жаждало „протеста“ и обличенія. Некрасовъ отвѣтилъ на этотъ запросъ. На то обстоятельство, что въ его гражданскихъ и сатирическихъ стихотвореніяхъ видѣнъ былъ „дешевый и искусственный сплавъ тенденціи съ поэтической формой“,—не обращали вниманія; тогда не замѣчали, что этотъ сплавъ,—какъ выразился Евгеній Марковъ,—„сверкалъ только снаружи и то недолго“, и что вмѣсто настоящей поэзіи давалась „поэзія-аплике“,—какъ выразился С. А. Андреевскій—этому не придавали значенія.

Вспомнимъ начало „Прекрасной партіи“:

„У хладныхъ невскихъ береговъ,
Въ туманномъ Петроградѣ,
Жилъ нѣкто господинъ Долговъ
Съ женой и дочкой Надей.
Простой и добрый семьянинъ,
Чиновникъ непродажный,
Онъ нажилъ только домъ одинъ—
Но домъ пяти-этажный.
Учась на мѣдные гроши,
Не вѣдалъ по-французски,
Былъ добръ по слабости души
Но какъ то не по русски“....

. . . . . .

Возьмемъ еще на выдержку нѣсколько стиховъ изъ „Убогой и нарядной".

„Подзовемъ-ка ее, да распросимъ:
„Какъ дошла ты до жизни такой?"
„Не длиненъ и не новъ разсказъ:
Отецъ ея подъячій бѣдный
Таскался писаремъ въ Приказъ,
Имѣлъ порокъ дурной и вредный—
Запоемъ пилъ—и былъ буянъ,
Когда домой являлся пьянъ".
. . . . . и т. д.

Что это такое, какъ не рифмованная публицистика? Чувства при чтеніи въ нихъ вложить нельзя, и того вліянія, которое должны оказать художественныя стихотворенія, они не произведутъ. Некрасовскія стихотворенія чаще всего могутъ обратить на себя вниманіе то силою мысли, то сладостію рифмы, то остроуміемъ и т. п.; но значительно рѣже—блестками сильнаго поэтическаго таланта, граціозностію формы, сжатостію и т. п. Въ нихъ нерѣдко встрѣтите сильное слово сатирика и могучій вопль „гражданина". Его стихи прежде всего держались мыслію, какъ того требовали литературные законодатели того времени.

Проявленная сила ума въ нихъ объясняетъ также ихъ извѣстную живучесть и то значеніе, которое они имѣли для своего времени. „Некрасовъ былъ прежде всего необыкновенно уменъ"—свидѣтельствуетъ Н. К. Михайловскій. Многіе отдѣльные стихи и стихотворенія Николая Алексѣевича были, такъ-сказать, „ходячими" и „модными". Концерты не обходились безъ декламацій „Убогой и нарядной", „Парадnаго подъѣзда"... Журналы и газеты ихъ охотно цитировали, благодаря мѣткости.

По поводу указанныхъ стихотвореній намъ припомнился отзывъ поэта-публициста Б. Алмазова. Онъ писалъ: „Трудно найти стихотворца, который бы былъ меньше поэтъ, чѣмъ Некрасовъ. Но несмотря на это, въ Некрасовѣ никакъ нельзя отрицать стихотворнаго таланта. Оттого именно и удивляешься стихотворному таланту Некрасова, что содержаніе его стихотвореній самое не-поэтическое и часто даже антипоэтическое. Читая его стихотворенія, изумляешься, какимъ образомъ авторъ ухитрился вколотить въ стихотворную форму ultra-прозаическое содержаніе" [1])...

Нѣкто В. М., хваля Некрасова (въ „Петербургской Вѣд".

[1]) Соч. В. Н. Алмазова, т. III, М. 1892, стр. 657—658.

1877 г., № 145) писалъ: „У него рѣдко можно найти строго-художественныя вещи, да и самъ поэтъ мало претендуетъ на эту художественность". Послѣднее врядъ-ли правильно. Некрасовъ не отказался-бы отъ этой художественности; но такъ какъ онъ „словечка въ простотѣ" не говорилъ, а сочинялъ съ явной цѣлью непремѣнно „повліять" и отвѣтить на существовавшій тогда спросъ, то вдохновеніе отказывалось быть его союзникомъ. Поэзію пришлось ему часто подмѣнять гражданскимъ пафосомъ. Рука поэта, не рукоздимая истиннымъ чувствомъ, исторгала певѣрный звукъ и вызывала дребезжаніе струны. Все это лучше другихъ сознавалъ самъ Некрасовъ, сказавъ

„Нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной
Мой суровый, неуклюжій стихъ"

. . . . . .

„Какъ мало зналъ свободныхъ вдохновеній
О родина, печальный твой поэтъ!"

Некрасовъ не внялъ голосу вѣковой правды и, видимо, надѣялся на свое крупное дарованіе и большой умъ, умъ „рѣзкій и нѣсколько ожесточенный", какъ опредѣлилъ его Бѣлинскій. „Да, это былъ замѣчательный умъ,—свидѣтельствуютъ М. Антоновичъ [1]), А. С. Суворинъ и многіе другіе его современники,—и этимъ умомъ, главнымъ образомъ, и опредѣлялось достоинство поэтическихъ произведеній Николая Алексѣевича". Это замѣчаніе заслуживаетъ особаго вниманія. Умъ, какъ извѣстно, есть сила формальная, холодная, и „во многихъ областяхъ истина ему недоступна; самое важное въ мірѣ,—красота и внутренняя сила вещей,—открываются не уму, а только сердцу" [2]). Отъ поэта мы ждемъ не только работы мысли и волненья думъ, но также и „слезъ вдохновенья". „Твоимъ огнемъ душа согрѣта", говорилъ Пушкинъ. У Некрасова эти слезы вдохновенья рѣдки и его огнемъ нечасто согрѣвается наша душа.—А почему? Да все потому, что преимущественно

„Работалъ въ немъ житейскій умъ,
А сердце мирно спало".

М. Антоновичъ на нашъ взглядъ весьма вѣрно опредѣлилъ, что Некрасовъ „творилъ холодно, обдуманно и строго сознательно, съ опредѣленной, напередъ намѣченной, цѣлью, съ

---

[1]) См. журналъ „Слово". 1878, № 2. „Нов. Вр." 1878 (№ 662).

[2]) Н. Страховъ. Предисловіе къ сочиненіямъ Аполлона Григорьева. СПБ. 1867, стр. II.

извѣстной тенденціей, въ хорошемъ смыслѣ этого слова". И это происходило отъ того, что въ собственной натурѣ Некрасова было много положительнаго и практическаго.

„Это не была непосредственная натура, которая всецѣло отдавалась и подчинялась дѣйствовавшимъ на нее впечатлѣніямъ или конкретнымъ явленіямъ; эти впечатлѣнія не завладѣвали ею прямо, не настраивали ее извѣстнымъ образомъ съ перваго же прикосновенія къ ней, не возбуждали въ ней съ перваго же мгновенія извѣстныхъ движеній и чувствъ, не извлекали изъ нея извѣстныхъ звуковъ и откликовъ, и она отвѣчала на нихъ не прямо, безъ предварительной рефлексіи, а только послѣ обсужденія и вообще послѣ теоретической рефлективной переработки полученныхъ впечатлѣній"... Некрасовъ „предварительно обдумывалъ глубоко и всесторонне представлявшіяся ему явленія и картины... живо проникался своими мыслями, которыя уже и завладѣвали всѣмъ существомъ его, возбуждали чувство и производили поэтическое одушевленіе. Такимъ образомъ, это одушевленіе было не непосредственнымъ, а посредственнымъ, возникшимъ вслѣдствіе рефлексіи" [1]).

Если приложить это объясненіе г. Антоновича особенно къ стихотвореніямъ Некрасова, написаннымъ на гражданскіе мотивы, то мы получаемъ хорошій ключъ къ уразумѣнію ихъ холодности, дѣланности, натянутости и фальши. Вотъ почему у Некрасова преобладаетъ также дидактика надъ лирикой и такъ часто онъ былъ способенъ „по заказу" создавать свои произведенія, такъ мало пѣлъ о любви и природѣ; вотъ почему его стихи такъ рѣдко блещутъ яркостію красокъ и полетомъ фантазіи.

Уже одно то обстоятельство, что Некрасовъ ввелъ въ свои произведенія гражданскіе мотивы, должно было сказаться неблагопріятно на будущей судьбѣ его произведеній. Гражданская поэзія не можетъ быть истинной поэзіей. Поэтъ долженъ пѣть о томъ, чѣмъ полна его душа; надо пѣть „по прихоти свободной", а тутъ тема указана и пой, хотя не настроенъ пѣть. Кромѣ того, искусство всегда носитъ въ себѣ элементы примиренія, а родная сфера для поэзіи—область вѣчнаго. Гражданская же поэзія держится въ области временнаго и не можетъ заключать себѣ элемента примиренія [2]). Въ этомъ кроется еще одна причина того, что стихотворенія Не-

[1]) Нѣсколько словъ о Н. А. Некрасовѣ. М. Антоновичъ. Журналъ „Слово" 1878, № 2.

[2]) Ю. Николаевъ. „Моск. Вѣд." 1896 г. №№ 87 и др. (а также см. у Н. Страхова).

красова, написанныя на злобу дня, утратили свое значеніе, какъ произведенія непоэтическія.

Имѣется у насъ другой поэтъ-гражданинъ, на которомъ также можно провѣрить справедливость сдѣланныхъ здѣсь замѣчаній. Это А. М. Жемчужниковъ. Въ его душѣ несомнѣнно живетъ дивный даръ чистыхъ и высокихъ пѣсенъ, но въ сознаніи своемъ онъ рѣшилъ, что въ эпохи пробужденія ума и совѣсти „поэзія на гражданскіе мотивы была бы очень умѣстна". И онъ сталъ писать на гражданскіе мотивы. „Съ другой стороны, по его собственному признанію, такъ-называемая чистая поэзія, отрѣшенная отъ злобы дня,—возвышенна и прекрасна всегда. Такого времени, когда она могла бы оказаться ненужной, не бываетъ". Рекомендуемъ сопоставить стихотворенія Жемчужникова, написанныя имъ, какъ партійнымъ публицистомъ, и какъ поэтомъ, воспѣвающимъ горе и радость, природу и Бога [1]) и для каждаго станетъ ясно, что жертвъ вѣяніямъ времени не слѣдуетъ приносить. У Жемчужникова, также какъ у Некрасова, умъ охлаждалъ чувства и обезцвѣчивалъ его фантазію. Главными источниками вдохновенія того и другаго являлись глазъ и ухо. „За гражданскія стихотворенія никто Жемчужникова не назоветъ поэтомъ"— сказалъ столь компетентный въ этомъ дѣлѣ судья, какъ Я. П. Полонскій [2]).

Слѣдуетъ принять во вниманіе еще одно обстоятельство. „Гражданскія темы въ поэзіи—едва-ли не самыя трудныя, потому что нуженъ могучій, исключительный темпераментъ, чтобы исчезла отъ читателя, за вызванными авторомъ образами, „прозаическая дѣйствительность", которою они порождены". Некрасовъ, и тотъ, при всемъ своемъ громадномъ талантѣ, далеко не всегда справлялся съ этою трудною задачею и прозаическая дѣйствительность часто и рѣзко даетъ себя знать.

Но и этого недостаточно. Писатель-художникъ обязанъ дать намъ почувствовать, что подъ внѣшней случайной оболочкой его образовъ, кроются вѣчныя неизмѣнныя начала. Если-же „сквозь частный образъ, пріуроченный къ мѣсту и времени, онъ не дастъ просвѣта на общечеловѣческое,—произведеніе его не войдетъ въ сокровищницу вѣчнаго искусства". Вотъ еще причина, почему Некрасовъ замѣтно блѣд-

---

[1]) А. Басаргинъ.

[2]) Стихотворенія А. М. Жемчужникова. Критическій разборъ Я. П. Полонскаго, СПБ. 1893, стр. 87.

нѣтъ на нашей памяти [1]). Пушкинъ тѣмъ и великъ, что каждое его лучшее произведеніе можно разсматривать, какъ выраженіе высшихъ идеальныхъ стремленій человѣческаго духа. Некрасовъ точно не желалъ воспѣвать вѣчные идеалы красоты и любви, заявивъ:

„Еще стыднѣй въ годину горя
Красу долинъ, небесъ и моря,
И ласку милой воспѣвать.

А между тѣмъ страдающій народъ не стыдится красоты, а любитъ ее, какъ хлѣбъ насущный. Красота для него вовсе не роскошь и не отдыхъ, она для него—солнце жизни, вдохновеніе въ его пѣсняхъ, молитва въ его страданіяхъ. Народъ поетъ весну и цвѣты, и красныя зори и ласку милой“ (Д. С. Мережковскій).

Итакъ, въ злободневныхъ стихотвореніяхъ Некрасова можно встрѣтить иногда лирическій жаръ и даже искренность; не будемъ оспаривать, что иногда его вопли скорби раздирающіе, а бичъ его сатиры наносилъ глубокія раны пороку; его гражданскія произведенія не лишены историческаго значенія, но тѣмъ не менѣе поэзіи, художественности въ нихъ очень мало, но еще чаще онѣ совершенно отсутствуютъ. Къ этимъ гражданскимъ стихотвореніямъ и слѣдуетъ прежде всего отнести извѣстное заявленіе И. С. Тургенева, что въ нихъ „поэзія и не ночевала“, что это „жеванное папье-маше“... Л. Н. Толстой, говоря, что Некрасовъ „совершенно лишенъ поэтическаго дара“, надо полагать тоже имѣлъ въ виду указанный выше родъ его стихотвореній [2])... И дѣйствительно, талантъ Некрасова и его мастерство въ техникѣ стиха могли создать на гражданскіе мотивы красивыя стихотворенія со звучными стихами, но мысли этихъ произведеній „не претворены въ поэзію“,—какъ выразился Ю. Николаевъ. А то, что не обвѣяно поэзіей, недолговѣчно, ибо „въ поэзіи важна и живуча только одна поэзія“. Очень рѣзкій отзывъ о поэзіи Некрасова находимъ еще среди стихотвореній философа-публициста Вл. С. Соловьева. Онъ сказалъ, что Некрасовъ

„Восторгъ души—разсчетливымъ обманомъ
И рѣчью рабскою—живой языкъ боговъ,
Святыню музъ—шумящимъ балаганомъ
Онъ замѣнилъ и обманулъ глупцовъ“.

---

[1]) Кн. Сергѣй Волконскій. Художественное наслажденіе. СПБ. 1892, стр. 35.

[2]) См. предисловіе къ роману фонъ-Поленца „Крестьянинъ“.

Ложь утилитарнаго стихотворства заключается въ томъ, что оно, забывая природу искусства, пытается служить жизни помимо силы красоты [1]). Истинная поэзія имѣетъ то замѣчательное свойство, что она все облагораживаетъ. „Тоску и грусть, страданья, самый адъ", все въ красоту она преображаетъ. У Некрасова въ гражданскихъ мотивахъ этого не наблюдается, почему гражданскія его стихотворенія не могутъ претендовать на званіе поэтическихъ произведеній: они выходили изъ головы, а не изъ „нутра". Это-же обстоятельство повело Некрасова къ измышленіямъ и преувеличеніямъ. Описывая городъ, онъ говоритъ, напр. что на пространствѣ пяти саженей насчиталъ до сотни отмороженныхъ щекъ и ушей. „Мрутъ, какъ мухи, извозчики, прачки. Мерзнутъ дѣти на ложѣ своемъ". Какой-то чиновникъ погоралъ четырнадцать разъ. Въ одну ночь случилось семь пожаровъ. Помѣщикъ сорокъ лѣтъ прожилъ въ деревнѣ и не научился отличать ржаного колоса отъ ячменнаго.

„Надрывается сердце отъ муки,
Плохо вѣрится въ силу добра,
Внемля въ мірѣ царящіе звуки
Барабановъ, цѣпей, топора"

. . . . . .

„Въ мірѣ нѣтъ святыхъ и кроткихъ звуковъ.
Нѣтъ любви, свободы, тишины"...

. . . . . .

Подобныхъ примѣровъ вычурности, шаржа, явныхъ промаховъ, преувеличеній у Некрасова не перечесть. Этого не отрицаютъ даже самые горячіе поклонники Некрасова [2]).

Некрасовъ заставлялъ свою музу карать, скорбѣть, негодовать.

„Уста вооруживъ сатирой,
Проходитъ онъ тернистый путь
Съ своей карающею лирой".

А между тѣмъ, Некрасову, какъ поэту и публицисту большаго ума, слѣдовало помнить, что главная роль литературы „состоитъ не въ томъ, чтобы указывать язвы настоящаго, а въ томъ, чтобы доставлять обществу поученія и одобренія, чтобы возвышать его духъ надъ злобою дня, расширять горизонты вѣрою въ лучшій укладъ жизни, пріучать его къ на-

[1]) Л. И. Поливановъ. Отчетъ о седьмомъ присужденіи пушкинскихъ премій въ 1891 г.

[2]) См. Л. Мельшинъ (П. Ф. Гриневичъ). Очерки рус. поэзіи. СПБ. 1904 г.

слажденію нравственно прекраснымъ". Некрасовъ упустилъ изъ виду, что „литература, исключительно посвященная скорби, негодованію, насмѣшкѣ и отрицанію, является болѣзненнымъ патологическимъ явленіемъ въ жизни общества и должна, раньше или позже, по необходимости уступить мѣсто той спокойной и всесторонней литературной дѣятельности, въ которой отражается цѣлая жизнь съ ея радостями и печалями, а не однимъ лазаретомъ (кабакомъ) и острогомъ" [1]).

Дешевые лавры также не должны были увлекать такого даровитаго писателя, какъ Некрасовъ. Онъ самъ отлично охарактеризовалъ незлобиваго поэта, сказавъ:

„Любя безпечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Онъ прочно властвуетъ толпой
Съ своей миролюбивой лирой".

Поэзія цѣнна сама по себѣ и потому ее нельзя подмѣнять ни гражданскимъ пафосомъ или гражданскими слезами, ни виртуозностію стиха. Поэзія—цвѣтокъ. Цвѣтокъ есть избытокъ жизненной силы растенія; поэзія—избытокъ духовныхъ народныхъ силъ. А то растеніе, которое цвѣтетъ, дастъ плодъ и принесетъ пользу. „Поэзія,—говоритъ Бѣлинскій,—это улыбка жизни, ея свѣтлый взглядъ, играющій всѣми переливами быстро смѣняющихся ощущеній". „Поэзія,—продолжаетъ онъ,—это торжество бытія, это блаженство жизни"... Противъ поэзіи вооружались; отъ нея требовали пользы. Однако, безполезность и вредъ ея никѣмъ еще не доказаны. Будь, напр., пѣсня измышленной роскошью жизни, народъ въ нуждѣ и голодѣ не пѣлъ-бы ея. Кто не испытывалъ на себѣ силы и вліянія поэзіи? Плѣнительные звуки ея

„Дарили радость и покой,
И вмигъ снимали, какъ рукой,
Любви и ненависти муки!..."

. . . . . .

„Ихъ узникъ пѣлъ, забывъ оковы,
Ихъ пѣлъ бѣднякъ, забывъ нужду".

. . . . . .

Поэзія не мечта. Поэтъ не празднословъ:

„Бывало, мирный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы!"...

(М. Лермонтовъ).

---

[1]) Евгеній Марковъ.

Самъ Некрасовъ прекрасно понималъ и чувствовалъ это.

„Гдѣ вы, пѣвцы любви, свободы, мира и доблести“, восклицаетъ онъ.

„Вѣкъ крови и меча! на тронѣ земли ты посадилъ
баяира“...

„Толпа гласитъ: „пѣвцы не нужны вѣку!
И нѣтъ пѣвцовъ... Замолкло божество...
О, кто-жъ теперь напомнитъ человѣку
Высокое призваніе его?“—

спрашиваетъ тотъ-же Некрасовъ.

Некрасовъ сознавалъ свой грѣхъ передъ поэзіей и въ минуты прилива искренняго чувства, въ часы истиннаго вдохновенія, говорилъ

„Я къ цѣли шелъ колеблющимся шагомъ,
Я для нея не жертвовалъ собой“...

. . . . . .

Поэтъ отлично зналъ, что

„У лиры звукъ невѣрный исторгала
Его рука“...

Некрасовъ постоянно колебался и раздваивался, то онъ говорилъ

„Вѣрю, есть еще сердца живыя,
Для кого поэзія свята“.

Въ другія-же минуты онъ заявлялъ:

„Мой судья—читатель гражданинъ,
Лишь въ судъ его храню святую вѣру“.

Эта двойственность—очень замѣтная черта во всей его поэтической дѣятельности.

Онъ говоритъ о ней въ сборникѣ „Мечты и звуки“ (1840 г.):

„Порой знакомый голосъ слыша,
Я отъ восторга трепещу,
Хочу летѣть, подняться выше,
Но цѣпь звенитъ мнѣ: „Не пущу“.

Эта раздвоенность иногда, видимо, сильно томила и терзала его, почему онъ жаловался на недостатокъ твердой воли и въ сильной покаянной пѣснѣ молилъ свою мать укрѣпить его „волею твердою и поставить на правый путь“. Тутъ рѣчь шла не объ одномъ предосудительномъ поведеніи въ обыденномъ смыслѣ, но, смѣемъ думать, и о недостаточно вѣрномъ примѣненіи своего большаго и рѣдкаго таланта. Въ этомъ мнѣніи укрѣпляетъ насъ опять собственное извѣстное признаніе Некрасова:

„Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ“.

Раздвоенность Некрасова сказалась тѣмъ сильнѣе, что ему пришлось „быть героемъ и пѣвцомъ великой исторической ломки. Некрасовъ—это весь русскій „переломъ“ со всѣми его хорошими и дурными сторонами, со всею его правдою и со всѣмъ самообманомъ“ [1]).

Некрасовъ особенно превознесенъ, какъ печальникъ народнаго горя. Самъ поэтъ говорилъ о себѣ

„Я лиру посвятилъ народу своему“.

Въ другой разъ онъ сказалъ:

„Я призванъ былъ воспѣть твои страданья
Терпѣньемъ изумляющій народъ“...

Дѣйствительно, народной жизни посвящено большинство, стихотворныхъ его произведеній, начиная съ „Калистрата“, „Въ деревнѣ“, „Крестьянскихъ дѣтей“, „Дядюшки Якова“, продолжая „Школьниками“, „Власомъ“, „Псовой охотой“, „Коробейниками“, „Огородникомъ“ и многими другими, и кончая—„Морозомъ-Краснымъ носомъ“ и большой поэмой „Кому жить на Руси хорошо“. Крѣпостная зависимость, нищета, тяжелая женская доля, страдная пора, бурлаки, русское терпѣніе, а главное—народная печаль и темныя стороны жизни нашего крестьянина—служатъ темой его стихотвореній.

Разсмотрѣніе этого рода произведеній Некрасова вновь убѣждаетъ насъ въ господствѣ въ немъ рѣзкой раздвоенности. Иногда рѣчь его льется сильнымъ потокомъ, описаніе дышетъ искренностью, картины ярки и легко запечатлѣваются; видно, что „сила юности, мужество, страсть и великое чувство свободы“ наполняли его грудь въ эти минуты; но во многихъ, очень многихъ, случаяхъ чувствуется, что содержаніе и образы создавались напряженно, рѣчь пестритъ quasi—простонародными оборотами и вмѣсто поэтическаго произведенія въ результатѣ получилась проза въ стихахъ. Если бы „пѣвецъ народнаго горя“ только тогда брался за перо,

„Когда божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется“,—

этого не могло-бы произойти; если-бы онъ не стремился разжалобить читателя, а творилъ-бы по божьему произволенію, безъ разсчета, онъ, конечно, избѣжалъ-бы преувеличеній, фальши и невѣрнаго тона.

Возьмемъ для примѣра, „Кому на Руси жить хорошо“. Поэма относится къ послѣднимъ годамъ литературной дѣятельности Некрасова, и на нее надо смотрѣть, какъ на самый

[1]) „Россія“ (газета) 1900, № 287. Это раньше говорилъ и Ѳ. М. Достоевскій.

серьезный его трудъ, посвященный народу. Это цѣлая эпопея изъ народной жизни. Тутъ ему представлялась возможность выводить во всемъ разнообразіи русскіе типы [1]). Что-же мы видимъ? Поэма растянута и однообразна Въ реализмѣ ея не соблюдена мѣра. Положимъ, что вся поэма написана въ формѣ сказки, но тѣмъ не менѣе едва-ли естественная уже самая завязка поэмы, т. е. едва-ли она соотвѣтствуетъ характеру и воззрѣнію русскаго мужика. Нѣсколько крестьянъ рѣшили не видѣться ни съ женами, ни съ малыми ребятами, пока доподлинно не опредѣлятъ наиболѣе счастливаго человѣка въ русскомъ царствѣ. Въ данномъ случаѣ для подвига крестьянъ не было достаточно практическаго интереса. Затѣмъ, крестьяне, по просьбѣ сына помѣщика, соглашаются съ шутовской покорностію играть роль крѣпостныхъ послѣ ихъ освобожденія отъ неволи, только для того, чтобы этотъ сынъ могъ прикрыть свой обманъ, заключавшійся въ увѣреніи отца, что особымъ царскимъ указомъ крестьяне возвращены помѣщику и крѣпостное право возстановлено. Роли свои крестьяне исполняютъ не безъ сценическаго таланта: слушаются помѣщика, притворно плачутъ, покорно ложатся даже подъ розги. „Мы могли-бы найти во французскихъ водевиляхъ многіе примѣры такихъ превращеній, но до сихъ поръ ни въ русской жизни, ни въ литературѣ, мы не видали подобныхъ явленій", не безъ основанія заявляетъ Т. Толычева („Рус. Вѣсти."). Дѣланность сквозитъ въ сценахъ этого шутовства очень опредѣленно.

Совершенно неправдоподобно представлена также исторія женщины изъ села Клина—„Коровы холмогорской",—въ крещеніи названной Матреной У нея одинъ сынъ сдѣлался жертвою прожорливости свиней, старшаго взяли въ солдаты, а вскорѣ забрали и „меньшаго" потому, что всѣ въ селѣ смошенничали и подкупили писаря. Трудно себѣ представить, чтобы никто изъ крестьянскаго міра не возвысилъ своего голоса противъ безсердечнаго насилія и грубаго обмана. Мать идетъ въ церковь, желая облегчить сердце слезами, и православный народъ преслѣдуетъ ее... смѣхомъ и издѣвательствами надъ ея горемъ,—тотъ народъ, который плачетъ о рекрутѣ и крестясь подаетъ свой мѣдный грошъ преступнику! Возможно-ли это? Таже невѣроятная исторія повторяется со старикомъ Савеліемъ,

„Съ большущей сивой гривой,
Чай двадцать лѣтъ не стриженой".

[1]) Т. Толычева. „Рус. Вѣсти.", т. CXXXIV, 1878.

Онъ вернулся съ каторги, искупивъ, слѣдовательно, свое прошлое. По словамъ автора поэмы, на него „сердились и лаялись“; по признанію самаго Савелія, его приняли сперва въ родномъ селѣ радушно и ласково; по послѣ того, какъ изсякли его накопленныя денежки, стали въ глаза плевать. Нельзя признать естественнымъ и отношенія крестьянъ къ крутонравному помѣщику Шалашникову. Этотъ мастеръ пороть розгами выбивалъ оброкъ у крестьянъ трущебной деревеньки, которые „на церковь побожились“ впредь не уступать даже стойкости помѣщика въ драньѣ.

Поклепомъ на добродушный и мягкосердечный русскій народъ является разсказъ Некрасова о томъ, какъ девять крестьянъ, выкопавъ колодезь, столкнули въ него нѣмца—управляющаго.

Мы вообще согласны, что
„ . . . . . счастіе мужицкое
Дырявое съ заплатами“;

но всему есть предѣлъ. Есть-же на Руси и порядочно живущіе мужики, и честные люди. И Некрасовъ какъ будто отыскалъ такого, когда сталъ разсказывать исторію Ермилы Гирина. „Хитры, сильные подъячіе“, но Ермилу не испортили. Онъ молодъ и умѣнъ, честенъ и трудолюбивъ; вся волость душп въ немъ не чаетъ;

„Несутъ Ермилу денежки,
Даютъ, кто чѣмъ богатъ“.

Но нѣтъ:

„Былъ случай, и Ермилъ мужикъ
Свихнулся: изъ рекрутчины
Меньшаго брата Митрія
Повыгородилъ онъ“.

Исторія его авторомъ поэмы не досказана, но читателю дано знать, что

„Въ острогѣ онъ сидитъ“...

Не избѣжалъ Некрасовъ и здѣсь неестественныхъ сопоставленій и фактовъ: голь деревенская, случайно бывшая на ярмаркѣ, сразу собрала Ермилѣ 1000 руб.; на слѣдующей ярмаркѣ Ермилъ все возвратилъ до послѣдней копѣйки. Все совершается, какъ по афишѣ въ театрѣ.

Дѣлаемъ эти общія замѣчанія о содержаніи разныхъ разсказовъ, входящихъ въ составъ поэмы „Кому на Руси жить хорошо“ потому, что отъ автора мы вправѣ ожидать типовъ, а не описанія случаевъ, являющихся совершеннымъ исключеніемъ въ жизни русскаго народа.

Да и вообще надо сказать, что по описанію Некрасова „не весела ты родная картина“: крестьянка замерзаетъ въ лѣсу, крестьянина по ошибкѣ засаживаютъ въ острогъ, ребенка заѣдаютъ свиньи, бурлаки „живутъ безсмысленнѣй звѣрей“; тутъ извозчикъ повѣсился на возжахъ, тамъ старуха мать рыдаетъ надъ сыновней могилой; здѣсь пастухъ убитъ громомъ, тамъ мужику вилой бокъ просадили; далѣе мы встрѣчаемъ пьянаго Ивана, плачущую женщину....

„Чу! женщина поетъ!
Какъ будто въ гробъ кладетъ она подругу“.

. . . . . .

„Волга, Волга! Весной многоводной
Ты не такъ заливаешь поля,
Какъ великою скорбью народной
Переполнилась наша земля—
Гдѣ народъ, тамъ и стонъ“...

Повернетесь въ другую сторону; тамъ

„Горы да поляны—бѣдная природа
Сторона—могила мертваго народа“.

Нѣтъ на Руси селенья, въ которомъ бы не слышалось

„Кипѣнья человѣческой крови и слезъ“.

Еще болѣе печаленъ общій приговоръ Некрасова о русскомъ народѣ. По его мнѣнію этотъ народъ

„Бредетъ по житейской дорогѣ
Въ безразсвѣтной глубокой ночи,
Безъ понятья о правѣ и Богѣ,
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи“.

Народу въ Россіи тьма-темъ

„А ни въ одной то душенькѣ
Съ поконъ вѣковъ до нашего
Не загорѣлась пѣсенка
Веселая и ясная,
Какъ ведренный денекъ“.

Женщинѣ онъ совѣтуетъ и пророчитъ:

. . . . „Скорѣй, затворница нѣмая,
Рыданьемъ душу отведи!
Терпи любя, терпи прощая—
И лучшей участи не жди“...

Передъ мужикомъ Некрасовъ видитъ лишь три дороженьки:

„Кабакъ, острогъ да каторга“...

Сколько некрасовскіе мужики ни искали счастливаго въ необъятной Руси—такого не оказалось. На смертномъ одрѣ

авторъ поэмы указалъ на „пьянаго", признавъ, что только ему живется весело, вольготно на Руси.

„Покорись—о ничтожное племя,
Неизбѣжной и горькой судьбѣ".

. . . . . .

„Суждены вамъ благіе порывы,
Но свершить ничего не дано"...

Но вотъ блеснула заря:

„Народъ освобожденъ",

Некрасовъ-же все ставитъ свой прежній вопросъ: „Но счастливъ-ли народъ"?

У Некрасова „все темно и глухо"... „Здѣсь одни только камни не плачутъ". „Плачь-же, моя пѣсня"—прибавляетъ поэтъ,—мертвые „не встанутъ".

Этотъ заунывный и однообразный тонъ служитъ какъ-бы маркой произведеній, вышедшихъ изъ художественной мастерской Некрасова. У него одинъ шагъ до преувеличеній и даже до шаржа.

У мужика—
„Цѣпями руки кручены,
Желѣзомъ ноги кованы,
Спина.... Лѣса дремучіе
Прошли по ней, сломилися"....
„Эхъ, доля святорусская
Богатыря сермяжнаго.
Всю жизнь его дерутъ".
Заводскіе начальники
По всей Сибири славятся—
Собаку съѣли *драть*.
Да насъ *дралъ* Шалашниковъ
Больнѣй—я не поморщился
Съ заводскаго *дранья*.
Тотъ мастеръ былъ *пороть*
Онъ такъ мнѣ *шкуру выдѣлалъ*,
Что носится сто лѣтъ.

Для усиленія эффекта хоръ припѣваетъ:

„Плетка свиснула
Кровь пробрызнула"...
У счастливой Матрены Тимофеевны
„Нѣтъ косточки неломанной
Нѣтъ жилочки нетянутой
Кровинки нѣтъ непорченной".

Въ увлеченіи и погонѣ за описаніями съ „направле-

ніемъ", Некрасовъ наговорилъ немало разныхъ небылицъ о русскомъ народѣ. Возможенъ-ли такой совѣтъ. „Еще положить подъ медвѣдя, чтобъ тотъ ему кости размялъ". Или: Женщину одну убили на смерть кольями за то, что „рубаху чистую надѣла въ Рождество".

Перелилъ Некрасовъ черезъ край и во многихъ другихъ заявленіяхъ.

На ярмаркѣ, по словамъ Некрасова,

„Докуда глазъ хваталъ,
Ползли, лежали, ѣхали,
Барахтался пьяные
И стономъ стонъ стоялъ".

Легендарная Матрена

„Три озера наплакала
Горючихъ слезъ, засѣяла
Три полосы бѣдой".

Про другую, не менѣе легендарную, бабу Некрасовъ говоритъ:

„Я видѣлъ, какъ она коситъ:
Что ни взмахъ, то готова копна".

„Сидитъ, какъ на стулѣ, двухлѣтній ребенокъ у ней на груди".

Пыль прибита къ землѣ „слезами рекрутскихъ женъ и матерей".

Спрашивается, развѣ во всемъ указанномъ соблюдена должная мѣра и художественная правда? Неужели приведенныя описанія рисуютъ дѣйствительное положеніе, хотя бы даже крѣпостной Россіи? А между тѣмъ Некрасовъ былъ, внѣ всякаго сомнѣнія, человѣкомъ умнымъ и обладалъ эстетическимъ и критическимъ чутьемъ, что доказалъ правильной оцѣнкой Тютчева и таланта Л. Н. Толстого. С. Андреевскій, написавшій прекрасный очеркъ о „спорномъ поэтѣ", оправдываетъ Некрасова тѣмъ, что его грубая живопись соотвѣтствуетъ грубости предмета... Это отчасти, конечно, вѣрно, но преувеличенія тѣмъ не менѣе остаются преувеличеніями, свидѣтельствующими о недостаточномъ или притупленномъ поэтическомъ чутьѣ писателя. Мы, конечно, должны признать, что въ исторіи Россіи можно было найти отдѣльные случаи, схожіе съ картинами Некрасова. Но рѣчь идетъ, повторяемъ, не объ исключительномъ явленіи, а о типичномъ воспроизведеніи дѣйствительной жизни. Некрасовъ насъ не предупредилъ, что желаетъ дать извлеченія изъ дневника приключеній, или изъ хроники уголовныхъ дѣлъ. Его задача, какъ поэта, заключа-

лась въ томъ, чтобы представить общую долю русскаго люда, дать вѣрное изображеніе народнаго характера и его воззрѣній.

А если такъ, то говори о страданіяхъ, но помни и о радостяхъ; рисуй зло, но не забывай объ идеалѣ; работай головой, но прислушивайся и къ голосу сердца. Если умъ говорилъ, что зло вездѣ торжествуетъ, то сердце бы подсказало, что оно вѣритъ и надѣется (Сюлли Прюдомъ). Некрасовъ изобразилъ „грубости и дикости" русскаго народа, нищету и безъисходное горе почти безъ луча надежды, безъ просвѣта, безъ слова утѣшенія. Онъ—натура крайняя.—

„И ни въ чемъ середины не зналъ"—признается поэтъ.

„Поэтъ, конечно, глубоко сожалѣлъ о народѣ, но сожалѣлъ именно такъ, какъ это свойственно преимущественно петербургскимъ просвѣщеннымъ чиновникамъ и либеральнымъ писателямъ. Народъ для него—„страждущая масса", которую не только слѣдуетъ облегчить отъ несомыхъ ею тягостей, но еще болѣе слѣдуетъ просвѣтить, освободить"... (Н. Страховъ). Некрасовъ „какъ разъ пришелся по вкусу тому обществу", которое жалѣло мужика, но въ тоже время „чуждалось народнаго духа" и до сихъ поръ не имѣетъ и не желаетъ имѣть ничего общаго съ этимъ народомъ, частью котораго это общество является. „Мы не видимъ, чтобы народныя понятія и идеалы составляли предметъ мыслей и пѣснопѣній Некрасова". Онъ ни разу не воспѣлъ намъ того, чѣмъ собственно живетъ народъ, ни единаго чувства, ни единой думы, въ которыхъ-бы отразилось внутреннее развитіе народа, оказалась-бы его великая духовная сила. (Н. Страховъ) [1]). И въ самомъ дѣлѣ: Некрасовъ едва замѣтилъ крѣпкую вѣру народа въ Бога, въ Его святую волю и въ торжество правды; онъ не придалъ значенія его преданности законной власти, почти не оттѣнилъ его сердечной доброты и состраданія къ несчастнымъ и т. п.; Некрасовъ точно не понялъ всей внутренней правды его жизни, не выразилъ сочувствія его міросозерцанію, его идеаламъ. А гдѣ у Некрасова указанія на преданія народа? На его царей и печальниковъ? На его жертвы, на геронческіе подвиги, на удаль? Гдѣ красоты нашей избы? Вѣдь въ жизни крестьянина теплится и сверкаетъ своя поэзія. Отсюда мы въ правѣ сдѣлать тотъ выводъ, что голосъ Некрасова отнюдь не былъ „эхомъ русскаго народа". Даже великій день 19 февраля не измѣнилъ тона его лиры; а между тѣмъ у насъ его не рѣдко называютъ „народнымъ поэтомъ". Пѣснь Некрасова „подобна

[1]) Замѣтка о Пушкинѣ. Кіевъ, 1897, стр. 135—137.

стону". Истинные-же пѣвцы народа должны разливать въ своихъ произведеніяхъ много веселья, много бодрящаго. Бываютъ и въ жизни народа минуты, когда „носится смѣхъ, блистаютъ взоры, и когда и „холодъ, подати, наборы" забываются бѣднякомъ. Въ народной пѣснѣ слышится не только сердечная тоска, но и „разгулье удалое". Народный поэтъ,—по словамъ Шевченка,—„самъ кручинится, а людямъ горе разгоняетъ". Некрасовъ, послушный „Божественному глаголу", обязанъ былъ давать живые отклики на все, а, слѣдовательно, и на чистые и свѣтлые идеалы народа. „Полюбить значитъ не только пожалѣть народъ, не только принять съ сердцу его страданія, но его самого, то, что онъ любитъ, чтить то, что онъ чтитъ".

Историческихъ вещей Некрасовъ не создавалъ. Едва-ли не единственною въ этомъ родѣ является „Русскія женщины", но ее нельзя признать особенно удачной. „Его поэма „Княгиня Волконская,—писалъ Ив. С. Тургеневъ 22 марта 1873 г. своему пріятелю Я. П. Полонскому,—по моему, противнѣйшая, слащаво-либеральная" [1])... И здѣсь Некрасовъ не избѣжалъ дѣланности и „натуги", взявъ эту тему очевидно, потому, что она давала ему возможность проявить извѣстное „направленіе" и сама по себѣ являлась эффектной и могла бить по нервамъ и сдѣлаться „поучительной". Желаніе достичъ „эффекта" всегда приводило къ несообразностямъ. Возможно-ли, напр., чтобы каторжники отпѣвали „въ бѣшенномъ весельи" своего *умирающаго* товарища („Несчастные"), чтобы женщина, оставивъ неостывшій трупъ ребенка, ушла на улицу для разврата („Ѣду-ли ночью")?

Что сказать о произведеніяхъ, въ которыхъ встрѣчается такое количество невѣрныхъ чертъ? Они, очевидно, являются „мучительно высиженными измышленіями скорбной музы Некрасова",—какъ выразился И. С. Тургеневъ, самъ великій художникъ на дѣлѣ и въ душѣ. Преувеличенія, которыми нестрятъ стихотворенія на народныя темы, приходится признать тѣми „пряностями", коими Некрасовъ силился расчувствовать читателя, той „острой водкой", которой онъ искуственно поливалъ свои произведенія, въ угоду неразборчивому и невзыскательному большинству. Надо полагать, что именно эти измышленія и подчеркиванія Некрасова вызвали у Герцена рѣзкія строки о писателѣ, „отдающемъ въ ростъ свои слезы о народномъ страданіи" и „дѣлающемъ изъ сочувствія къ про-

[1]) Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева. СПБ. 1885, стр. 215.

летарію оброчную статью“ [1]). Очень естественно, что постоя
ное и неустанное „расписываніе и размазываніе“ бѣдности
грубости охлаждаютъ довѣріе къ „элегическому плачу“ Н
красова и побуждаютъ „держать камень за пазухой“. Въ это
же обстоятельствѣ кроется причина того, что поэзія Некр
сова „дѣйствуетъ на читателя, какъ сильное наркотическ
вещество: въ небольшихъ дозахъ она волнуетъ, возбуждае
тогда какъ воспринятая сразу въ большихъ дозахъ она уто
ляетъ читателя [2]).

Указанная односторонность въ изображеніи народн
жизни дала поводъ очень чуткому нашему критику Ю. Н
колаеву (Говорухѣ-Отроку) сказать, что Некрасовъ люби
народъ „какою-то отвлеченною любовью“, что Некрасовъ „
прягался любить“ народъ [3]).

Некрасова сравнивали съ Пушкинымъ. „Некрасовъ вы
Пушкина“, кричали нѣкоторые на похоронахъ Николая Ал
сѣевича. Пушкинъ несомнѣнно желалъ воплотить въ себѣ
сателя-гражданина, слугу русскаго народа. Пушкинъ,—на
первый народникъ-реалистъ,—молитъ „младое вдохновенье“

„Не дай остыть душѣ поэта,
Ожесточиться, очерствѣть“...
(Онѣгинъ, VI, 46—47).

И это моленіе понятно, такъ какъ поэзія должна бы
также и проповѣдью „добрыхъ чувствъ“. Отъ Пушкина вѣ
„истино братскимъ духомъ любви, примиренія и всепрощен
(Ф. Витбергъ). „Пушкинъ художникъ-миротворецъ“ (П.
Ждановъ). Некрасовъ, напротивъ, какъ будто гордъ тѣмъ,
муза знаетъ преимущественно „месть и печаль“... Въ тако
случаѣ напомнимъ другой стихъ того-же поэта:

„То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидѣть“...

Возьмемъ затѣмъ Кольцова. И у него въ пѣсняхъ с
шепъ крикъ негодованія, крикъ боли, но безпомощныхъ с
новъ и жалобнаго плача Некрасова у него не найдете.
жело народу, но онъ не стонетъ. Трудно ему, но жалости
не хочетъ. Часто пѣсня Кольцова свидѣтельствуетъ о сил
гордости народа; Некрасовъ-же добивается вызвать прен
щественно одну только жалость къ народу. Оригинально е
что истинно народный поэтъ Кольцовъ ближе къ мечтат
и поклоннику неземной красоты—Лермонтову, чѣмъ къ пр

[1]) „Рус. Старина 1903, янв., стр. 78 (Н. Гутьяръ).
[2]) „Міръ Божій“ 1902, дек. Статья Вл. Кранихфельда.
[3]) „Москов. Вѣдом.“ 1896 г., № 89.

тическому Некрасову. Некрасову представляется неумѣстнымъ, стремясь къ дѣятельной любви къ народу, заниматься красотой и любовью [1]). У прасола-поэта точка зрѣнія вовсе не утилитарная, „экономическая", какъ у интеллегентныхъ пѣвцовъ, скорбящихъ о народѣ, а напротивъ самая возвышенная, самая идеальная. Народъ не говоритъ о хлѣбѣ, не вспоминая Бога. Вотъ почему у Кольцова постоянно упоминается о „Божьей милости", о томъ, „что послалъ Господь"; „Уроди мнѣ Боже"... „И жарка свѣча поселянина—предъ иконою Божьей Матери". Это обстоятельство у Некрасова не оцѣнено должнымъ образомъ въ его пѣсняхъ о нуждѣ народа. „Только вернувшись къ Богу, мы вернемся къ своему народу, къ своему великому христіанскому народу",—говоритъ Д. С. Мережковскій.

Некрасовъ, несомнѣнно, былъ полонъ высокихъ стремленій [2]) и жалѣлъ народъ. Не будь въ немъ этого, онъ не создалъ-бы тѣхъ мощныхъ, иногда до слезъ трогающихъ строфъ. Но онъ неизбѣжно холоденъ, когда исходитъ изъ своихъ утилитарныхъ и экономическихъ воззрѣній; тутъ его поэзія превращается въ прозу, а лирика—въ журнальную сатиру.

Пользуясь мѣтнымъ словомъ П. Павлова, скажемъ:

Кряхтитъ все и стонетъ Некрасовъ,
Надъ бѣдной спиной мужиковъ,
И Прововъ, Трофимовъ и Власовъ
Все плеткою бьетъ изъ стишковъ,—
Прочтетъ ихъ приказный чиновникъ,
Съ чернильной слезой на глазахъ,
Прочтетъ либералъ ихъ сановникъ
Съ улыбкою плоской въ устахъ.
Прочтетъ ихъ студентъ медицины
И скажетъ: „вотъ это стишки"...
Но если, по волѣ судьбины,
Прочтутъ тѣ стишки мужики,
Они, головою качая,
Уставятъ въ пространство глаза
И скажутъ: „хоть скорбь-то родная,
Да только не наша слеза!" [3]).

---

[1]) Д. С. Мережковскій. О причинахъ упадка современно-русской литературы. СПБ. 1893 г.

[2]) А. С. Суворинъ; „Нов. Вр.". 1877, № 662.

[3]) П. Павловъ. „Гражданинъ", 1874, № 52.

Несмотря на указанное обиліе отрицательныхъ сторонъ въ произведеніяхъ Некрасова, имя его еще популярно. Въ чемъ-же, въ такомъ случаѣ, его сила и значеніе? Въ чемъ кроется тайна его большаго успѣха?

Если-бы поэтъ остановился на восклицаніи: „мертвые не встанутъ", то тѣмъ самымъ онъ изрекъ-бы смертный приговоръ русскому народу, такъ какъ очевидно, что тамъ, гдѣ нѣтъ жизни, нѣтъ и будущаго. Къ счастію, изъ этой тюрьмы безъ просвѣта, изъ этого безнадежнаго пессимизма, Некрасовъ былъ выведенъ своей чуткой музой. Эта муза временами точно уставала „ненавидѣть", точно утомлялась картинами тяжелой жизни и мрачныхъ явленій. Въ эти мгновенія она жаждала иныхъ чувствъ и тонъ ея повышался вслѣдствіе надежды на будущее, вслѣдствіе вѣры въ народъ и Россію.

. . . . „Во многомъ насъ
Опередили иноземцы,
Но мы догонимъ въ добрый часъ.
Лишь Богъ помогъ-бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольнѣй,—
Покажетъ Русь, что есть въ ней люди,
Что есть грядущее у ней.
Она не знаетъ середины,—
Черна, куда ни погляди,—
Но не проѣлъ до сердцевины
Ея порокъ. Въ ея груди
Бѣжитъ потокъ живой и чистый
Еще нѣмыхъ народныхъ силъ:
Такъ подъ корой Сибири льдистой
Золотоносныхъ много жилъ"...

Въ другомъ мѣстѣ Некрасовъ восклицаетъ:

Вынесетъ все—и широкую, ясную
Грудью дорогу проложитъ себѣ".—
. . . . . .
„Не бездарна та природа
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ то-и-знай"
. . . . . .

Въ стихотвореніи „Баюшки-баю" выражена надежда на то, что

„Уступитъ свѣту мракъ упрямый: и страдалецъ
терпѣливый"

„Свободной, гордой и счастливой увидитъ родину
свою“...

„Тенденціозно, но хоть бодро!“, сказалъ по этому поводу В. Л. Величко.

Да, имѣются и подобныя указанія у Некрасова, хотя ихъ мало и они выискиваются не безъ труда въ его произведеніяхъ. Общій-же преобладающій колоритъ,—какъ указывали—„мрачный, безотрадный, почти безнадежный“.

Помимо невѣрныхъ звуковъ въ его стихотвореніяхъ есть звуки сильные, правдивые, пожалуй, даже безсмертные, извлеченные опытной рукой изъ струнъ сердца. Въ минуты истиннаго вдохновенія онъ прекрасно понялъ и превосходно передалъ значеніе „святыхъ и искреннихъ слезъ“ бѣдныхъ матерей, чувство всепрощенія, чувство кроткой и теплой вѣры, далъ отличный образчикъ искренней пѣсни покаянія... Его элегія „Внимая ужасамъ войны“, его стихи „Когда изъ мрака заблужденья“, его „Тишина“ и мѣстами „Рыцарь на часъ“—произведенія высокой поэтической цѣнности. Въ нихъ общечеловѣческія чувства выражены просто, но ярко и сильно и этотъ свѣтлый потокъ властно захватываетъ насъ и родитъ отзвуки въ нашей душѣ.—

„Когда изъ мрака заблужденья
Горячимъ словомъ убѣжденія
Я душу падшую извлекъ—
И, вся полна глубокой муки,
Ты прокляла, ломая руки,
Тебя опутавшій порокъ;
Когда забывчивую совѣсть
Воспоминаніемъ казня,
Ты мнѣ передавала повѣсть
Всего, что было до меня;
И вдругъ закрывъ лицо руками,
Стыдомъ и ужасомъ полна,
Ты разрѣшилася слезами,
Возмущена, потрясена,—
Мнѣ лучъ божественный участья
Весь темный путь твой освѣтилъ,
Я понялъ все, дитя несчастья,
Я все простилъ и все забылъ.
. . . . . .

Это стихотвореніе „просто, превосходно“, какъ выразился Б. Алмазовъ. Такимъ-же истинно поэтическимъ Алмазовъ признаетъ стихотвореніе „Если мучимый страстью мя-

тежной". Чтобы написать подобныя стихотворенія много нужно было пережить ихъ сердцемъ.—Кому затѣмъ не знакома и не родственна слѣдующая картина, также созданная „могучей силой вдохновенья":

„Все рожь кругомъ, какъ степь живая,
Ни замковъ, ни морей, ни горъ...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующій просторъ!
За дальнимъ Средиземнымъ моремъ,
Подъ небомъ ярче твоего,
Искалъ я примиренья съ горемъ
И не нашелъ я ничего!.

Но вотъ поэтъ дома, онъ среди деревенской тишины; вокругъ него „нивъ широкіе размѣры", онъ съ умиленьемъ посылаетъ „всему привѣтъ". А тамъ

„Храмъ Божій на горѣ мелькнулъ
И дѣтски-чистымъ чувствомъ вѣры
Внезапно на душу пахнулъ.
Нѣтъ отрицанья, нѣтъ сомнѣнья,
И шепчетъ голосъ неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди съ открытой головой!
Храмъ воздыханья, храмъ печали—
Убогій храмъ земли твоей:
Тяжелѣе стоновъ не слыхали
Ни римскій Петръ, ни Колизей!
Сюда народъ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносилъ—
И облегченный уходилъ!
Войди! Христосъ наложитъ руки
И сниметъ волею святой
Съ души оковы, съ сердца муки
И язвы съ совѣсти больной...
Я внялъ... я дѣтски умилился...
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старыя челомъ,
Чтобы простилъ, чтобъ заступился,
Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
Богъ поколѣній, предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ!

Отмѣчаемъ особо это стихотвореніе еще и потому, что

въ немъ выражено желаніе поэта „слиться душою съ роднымъ народомъ“; тутъ Некрасовъ ищетъ утѣшенія въ томъ-же, въ чемъ ищетъ его нашъ народъ [1]). „Поэтъ, которому доступны такіе порывы и ясныя настроенія, который способенъ проникаться дѣтски-чистою вѣрой и съ пламенной молитвой рыдать предъ алтаремъ“ далеко отстоитъ отъ Некрасова-публициста, который написалъ рядъ стихотвореній съ гражданскимъ пафосомъ. „На Волгѣ“ „одна изъ могучихъ и самыхъ зовущихъ поэмъ Некрасова“... Это настоящій духъ и тонъ Байрона,—восклицаетъ Достоевскій. Григорьевъ также высоко цѣнилъ это стихотвореніе, гдѣ ярко выразилась любовь поэта къ родной землѣ. Напомнимъ еще маленькій отрывокъ изъ стихотворенія „Рыцарь на часъ“. Поэту не спится; онъ не можетъ совладать съ жестокой думой; нахлынули чувства и онъ желаетъ рыданьемъ облегчить свою грудь

„На могилѣ далекой,
Гдѣ лежитъ его бѣдная мать...
. . . . . .
„Я кручину мою многолѣтнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебѣ мою пѣсню послѣднюю,
Мою горькую пѣсню спою.
О, прости! то не пѣснь утѣшенія,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну—и ради спасенія
Я твою призываю любовь!
Я пою тебѣ пѣснь покаянія,
Чтобы кроткія очи твои
Смыли жаркой слезою страданія
Всѣ позорныя пятна мои.
Чтобъ ту силу свободную, гордую,
Что въ мою заложила ты грудь,
Укрѣпила ты волею твердою
И на правый поставила путь“...

Читая подобные стихи, каждый чувствуетъ

„И что на душѣ накипѣло (у поэта)
Изъ устъ полилося рѣкой“.

Въ приведенныхъ отрывкахъ слышится голосъ истиннаго поэта. „Всякій истинный поэтъ,—говоритъ Бѣлинскій,—на какой-бы ступени художественнаго достоинства не стоялъ, никогда и ничего не выдумываетъ, но облекаетъ въ живыя формы

[1]) Ор. Миллеръ. Публичныя лекціи.

общечеловѣческое. И потому въ созданіяхъ его люди всегда находятъ что-то давно знакомое, что-то свое собственное, что они сами чувствовали, или только смутно сознавали, но чему не могли дать образа, чему не могли найти слова, и что поэтъ, слѣдовательно, съумѣлъ только выразить". Стихотвореніе только тогда удовлетворяетъ своему назначенію, когда оно способно воздѣйствовать на нашу душу сильно и осязательно, какъ сама жизнь, когда оно точно и отчетливо передаетъ наше внутреннее настроеніе и стремленіе. Указанныя стихотворенія Некрасова, несомнѣнно, удовлетворяютъ всѣмъ этимъ условіямъ, почему мы и говоримъ, что они проникнуты искреннимъ чувствомъ, что они полны поэзіи.

Прекраснымъ и трогательнымъ поэтомъ Некрасовъ является въ своихъ обращеніяхъ къ музѣ и еще въ нѣкоторыхъ „послѣднихъ пѣсняхъ"; а среди нихъ по своей теплотѣ выдѣляются „Мать" и „Баюшки-баю". Здѣсь слышна открытая исповѣдь, здѣсь онъ представляется невольно „увлеченнымъ восторгомъ поэзіи". Исповѣдь столь трогательна, что хватаетъ за сердце. „Послѣднія пѣсни" это вопль души поэта, гимнъ страданія.

„Могучей силой вдохновенья
Страданья тѣла побѣди"—

взывалъ поэтъ. Огонь любви, негодованья и мученья былъ зажженъ въ его груди и полились расплавленныя звуки чистой поэзіи. Сила и задушевность слышны также и въ слѣдующихъ строкахъ (относящихся къ 1874 г.)

„Разбиты всѣ привязанности, разумъ
Давно вступилъ въ суровыя права,
Гляжу на жизнь невѣрующимъ глазомъ...
Все кончено! Сѣдѣетъ голова.
Вопросъ рѣшенъ: трудись, пока годишься,
И смерти жди! Она не далека...
Зачѣмъ-же ты, о, сердце, не миришься
Съ своей судьбой?... О чемъ твоя тоска?
Непрочно все, что нами здѣсь любимо,
Что день—сдаемъ могилѣ мертвеца,
Зачѣмъ-же ты въ душѣ неистребима
Мечта любви, незнающей конца?
Усни..... Умри!"....

Талантъ Некрасова признанъ всѣми, начиная съ Бѣлинскаго и Ап. Григорьева и кончая критиками нашихъ дней. Когда Некрасовъ прочиталъ знаменитому критику свое стихотвореніе „Въ дорогѣ", Бѣлинскій бросился къ нему, обнялъ

его и воскликнулъ: „да знаете ли вы, что вы поэтъ истинный". Другой разъ, въ частномъ письмѣ, Бѣлинскій выразился такъ: „Что за талантъ у этого человѣка! И что за *топоръ* этотъ талантъ!" Ап. Григорьевъ сознался, что въ поэзіи Некрасова „чувствуется какая-то *сила*". „Великая, но попорченная сила—эта Муза мести и печали"—прибавилъ тотъ же Ап. Григорьевъ. Даже Тургеневъ, по выходѣ сборника стихотвореній Некрасова въ 1856 г., написалъ къ Е. Я. Колбасину: „А Некрасова стихотворенія, собранныя въ одинъ фокусъ, *жгутся*" [1]). Талантъ Некрасова былъ большой, но „попорченный". Онъ имѣлъ сердце отзывчивое, но „раненное". Въ немъ боролись постоянно два начала: истинное призваніе художника и стремленіе угодить модному требованію, *реалистъ* съ идеалистомъ. Эта борьба портила его поэтическую славу.

Поэта легче всего опредѣлить по его отношенію къ красотѣ, къ любви и къ природѣ,—обладающей даромъ „смирять тревогу души",—есть первый признакъ и основное свойство всякой поэтической натуры, вытекающей изъ присущаго ей чувства красоты" [2]). Любовь и природа—это „вѣчные родники поэзіи". Въ Некрасовѣ они пробуждали вдохновеніе, но очень рѣдко. „Въ женщинѣ",—говоритъ С. А. Андреевскій,—онъ любилъ физическое здоровье, смуглую кожу, румянецъ, полный станъ, стройность и соразмѣрность". Природа чаще вызывала поэтическое чувство у Некрасова и „его обращеніе къ родинѣ, къ Волгѣ, къ русскому простору исполнены порою захватывающаго лиризма; они дышатъ мощью, скорбью и любовью: картины лѣса, деревни, крестьянскаго поля нарисованы ярко и реально, отъ нихъ вѣетъ то свѣжестью, то грустью; въ „Сашѣ" и „Морозѣ" Некрасовъ далъ истинно-поэтическія олицетворенія лѣта и зимы. Но эта отзывчивость къ природѣ, какъ чувство общее всѣмъ,—продолжаетъ С. А. Андреевскій,—не составляетъ еще отличительной примѣты богатаго поэтическаго темперамента. Да и здѣсь, если вычесть исключительныя настроенія Некрасова, вы откроете въ немъ того-же положительнаго человѣка"...

„Нѣтъ глубже, нѣтъ слаще покоя,
Какой посылаетъ намъ лѣсъ,
Недвижно, безтрепетно стоя,
Подъ холодомъ зимнихъ небесъ.
Нигдѣ такъ широко и вольно

---

[1]) „Міръ Божій", 1902 г., дек. Статья Вл. Кранихфельда.
[2]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1900 г., авг., стр. 254 (Аммонъ).

Не дышетъ усталая грудь....
. . . . . .
„Сладокъ мнѣ лѣса знакомаго шумъ,
Любо мнѣ видѣть знакомую ниву".

Еще болѣе характернымъ для уразумѣнія чувства и воззрѣній поэта представляется стихотвореніе „За городомъ". „Вѣдь мы уже не дѣти",—пишетъ онъ,—и тѣмъ не менѣе насъ веселитъ журчаніе ручья, таинственно—шумящій темный дубъ; насъ тѣшитъ вечерняя пѣсня соловья, мы любуемся мѣсяцемъ... Все это родитъ въ нашей душѣ „ту тихую печаль, что слаще радости". Затѣмъ поэтъ точно сконфузился за свои чувства и спѣшитъ перейти къ трезвымъ и реальнымъ разсужденіямъ, болѣе роднымъ современному ему обществу, чѣмъ эти изліянія души и ребяческія мечтанія.—Некрасовъ ставитъ вопросъ:

„И намъ-ли, бѣднякамъ,
На отвлеченныя природы наслажденья
Свободы краткія истрачивать мгновенья".
. . . . . .
„Э, полно разсуждать. Искать всему причинъ.
Деревня согнала съ души давнишній сплинъ
. . . . . .
И сердцу весело"... Почему воздай лучше хвалу,
судьбѣ за то,
. . . . . „что въ нищетѣ своей,
Лишенные даровъ довольства и свободы,
Мы живо чувствуемъ сокровища природы,
Которыхъ сильные и сытые земли
Отнять у бѣдняковъ голодныхъ не могли".

Некрасовъ не обошелся, слѣдовательно, безъ постояннаго своего поученія и результатъ получился неизбѣжный: этими маленькими „тенденціозными" вставками, стихотвореніе нѣсколько охлаждено и впечатлѣніе его ослаблено. Но такъ какъ поэтическое чувство тѣмъ не менѣе заложено въ Некрасовѣ, то на него благотворно вліяетъ „зеленый шумъ" весны, картины осени и, ища бодрости и успокоенія, онъ взываетъ:

„Мать природа. Иду къ тебѣ снова
Со всегдашнимъ желаньемъ моимъ:
Заглуши эту музыку злобы,
Чтобъ душа ощутила покой".

Некрасовъ, какъ русскій поэтъ, всецѣло преданъ природѣ родной стороны. Пышный югъ его не вдохновляетъ.

„Не небесамъ чужой отчизны,—
Я пѣсни родинѣ слагалъ".

. . . . . .

„Да, только здѣсь (на родинѣ) могу я быть поэтомъ",
Только здѣсь „душа поэзіей полна"
„На западѣ не вызвалъ я ничѣмъ
Красивыхъ строфъ пластическихъ и сильныхъ"
„Родина—мать. Я душою смирился,
Любящимъ сыномъ къ тебѣ воротился"...

. . . . . .

„Дай мнѣ отраду объятій родныхъ,
Дай мнѣ забвенье страданій моихъ".

Изъ воспоминаній Головачевой-Панаевой извѣстно, что однажды Тургеневъ и Боткинъ корили Некрасова за грубый реализмъ, преувеличенія и за описанія гнойныхъ ранъ общественной жизни. „Вы господа, можетъ быть и правы съ строгой точки эстетическаго взгляда на мои стихи, но вы забыли одно—возразилъ Николай Алексѣевичъ,—что каждый писатель передаетъ то, что онъ глубоко прочувствовалъ. Такъ какъ мнѣ выпало на долю съ дѣтства видѣть страданія русскаго мужика отъ холода и голода и всякихъ жестокостей, то мотивы для моихъ стиховъ я беру изъ ихъ среды". Это заявленіе поэта очень существенно и объясняетъ многое въ его поэтической дѣятельности. Некрасовъ поставилъ себѣ задачей раскрыть соотечественникамъ глаза на „жестокую общественную неправду", на страданія и гибель обдѣленнаго класса. Эту задачу онъ выполнилъ прекрасно тѣми картинами, которыя представилъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Тутъ на лицо его историческая заслуга, такъ какъ голосъ его прозвучалъ не напрасно. Его стихотворенія не удовлетворяютъ условіямъ свободнаго творчества и онъ, слѣдовательно, не вполнѣ удался въ области поэзіи, но въ сферѣ общественной дѣятельности онъ былъ болѣе счастливъ, ибо тамъ его стихотворенія явились „вѣрною выразительницею современной общественной потребности" [1]). Жизнь деревенской голытьбы и бѣднота была, дѣйствительно отлично извѣстна Некрасову и онъ ярко и трогательно обрисовалъ: горькую долю дѣвушки, выросшей въ барскомъ домѣ, а затѣмъ отданной за неразвитаго мужика; тяжелую участь сирой крестьянки, бездомной старухи; печальную судьбу сумрачныхъ бурлаковъ, отъ похоронnаго крика которыхъ дрогнуло его сердце; исторію кулака-міроѣда, во-

[1]) Евгеній Марковъ. „Голосъ" 1878 г.

гнавшаго побоями въ гробъ свою жену; жизнь неумытаго и полупьянаго Ивана, весь свой вѣкъ проведшаго на запяткахъ и въ передней господъ, и многихъ другихъ... По обрисовкѣ крѣпостнаго права Некрасовъ, несомнѣнно, долженъ быть поставленъ рядомъ съ Григоровичемъ, Ив. С. Тургеневымъ, Писемскимъ и др. писателями, явившимися художниками бытописателями достопамятной эпохи. Стихотворенія „Въ дорогѣ", „Огородникъ", „Орина—мать солдатская" и многія другія въ свое время произвели не малое впечатлѣніе и не остались безъ послѣдствій въ общемъ и великомъ дѣлѣ уничтоженія вѣковой неволи

„Истинное призваніе Некрасова—это народная жизнь". Когда онъ касается этой жизни, то изображенія его наиболѣе живы и мѣтки Онъ далъ въ этой области много хорошихъ картинъ, проявилъ большое знаніе русской народной рѣчи, русской мудрости, русскаго народнаго сердца; онъ проявилъ любовь къ нашему полю, лѣсу, русскому однообразію. Тутъ сказалась его русская жилка, русское чутье. Некрасовъ хорошъ, когда относится къ мужику добродушно, когда не проповѣдуетъ на заданную тему, не пытается ужаснуть читателя, или во что бы то ни стало „повліять" на него. Легкая юмористическая складка"—говоритъ Евгеній Марковъ,—придаетъ здѣсь произведеніямъ Некрасова особый русскій характеръ [1]).

У Некрасова въ числѣ стихотвореній, касающихся народнаго быта есть вещи очень колоритныя и задушевныя; его „Власъ" и „Крестьянскія дѣти"—суть „перлы русской поэзіи". В. В. Розановъ правъ, что по нимъ можно уразумѣть народъ. „Это—поэтическій паспортъ, гдѣ прописаны „примѣты" народныя и который придется предъявить иностранцу или далекому потомку всякій разъ при вопросѣ: кто и что такое русскій народъ" [2])? Особенно хорошее впечатлѣніе производятъ свѣтлыя картины народной жизни, воспроизведенныя въ „Крестьянскихъ дѣтяхъ". Въ жизни этихъ „милыхъ плутовъ" „такъ много поэзіи слито". Вотъ „рѣка луговая: спрыгнули гурьбой, и русыхъ головокъ надъ рѣчкой пустынной что бѣлыхъ грибовъ на полянкѣ лѣсной... Вотъ дѣвочка ловитъ лукошкомъ лошадку... А тамъ и малина, брусника, орѣхъ. Ребяческій крикъ, повторяемый эхомъ"... Тутъ „все, все настоящее русское: и мальчикъ (Власъ шести годовъ) живой настоящій, и „пѣгонькій конь" и, снѣгъ, до окошекъ деревни лежащій, и зимняго солнца холодный огонь"—

[1]) „Голосъ" 1878 г.
[2]) „Нов. Время" 1902, 24 дек., № 9630.

„Все, все настоящее русское было,
Съ клеймомъ нелюдимой, мертвящей зимы,
Что русской душѣ такъ мучительно мило,
Что русскія мысли вселяетъ въ умы“..

. . . . . .

Наиболѣе оригиналенъ и самобытенъ Некрасовъ въ тѣхъ произведеніяхъ, въ которыхъ излагаетъ народныя темы народнымъ-же говоромъ. Здѣсь очень благопріятно сказался его талантъ; здѣсь онъ богатъ рифмами, формами и удачными припѣвами. Нѣкоторыя выраженія Некрасова стали „крылатыми словами“, т. е., какъ справедливо указалъ Достоевскій,—сдѣлались общимъ достояніемъ и находятся въ постоянномъ употребленіи, подобно лучшимъ стихамъ и изреченіямъ Пушкина, Грибоѣдова, Лермонтова, Крылова и Гоголя. Многіе мѣста изъ поэмы „Кому на Руси жить хорошо“ прямо годятся въ народную пѣсню и въ народную поговорку. Напр., „солдаты шиломъ брѣются, солдаты дымомъ грѣются“; „замокъ—собака вѣрная: не лаетъ, не кусаетъ, а не пускаетъ въ домъ“; „и вѣникъ дрянь, Иванъ Ильичъ, а погуляетъ по полу, куда какъ напылитъ“. „Изъ дурака, родименькій, и горе смѣхомъ претъ“

„Горохъ, что дѣвку красную
Кто ни пройдетъ—щипнетъ“.

. . . . . .

„Толпа безъ красныхъ дѣвушекъ
Что рожь безъ васильковъ“.

Какъ хорошо опредѣлена Россія въ стихѣ:

„Ты и убогая
Ты и обильная
Ты и могучая,
Ты и безсильная
Матушка-Русь!“

Очень мѣтко и удачно написаны „Коробейники“ и „Дяюшка Яковъ“ и мѣстами „Кому на Руси жить хорошо“. Нельзя кстати не отмѣтить здѣсь, что біографическія данныя указываютъ на то, что нѣкоторыя изъ лучшихъ произведеній поэта написаны подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ видѣннаго и слышаннаго имъ, чѣмъ въ извѣстной мѣрѣ и объясняется ихъ достоинство. Говорятъ, что Орина—мать солдатская—сама разсказала Некрасову о своей горькой участи. „Коробейники“ и „Крестьянскіе дѣти“ созданы вслѣдъ за возвращеніемъ поэта изъ поѣздки въ губернію, гдѣ онъ обыкновенно охотился. И т. д. Въ то время, когда Некрасовъ начи-

налъ свою литературную дѣятельность, сочувствіе къ на
носилось въ воздухѣ и приняло особенно опредѣленныя с
танія въ томъ кружкѣ, къ которому тогда принадлежалъ Не
совъ (К. Арсеньевъ; стр. 17. II т.); но помимо этого, нужно
обладать, конечно, большой наблюдательностію и любовы
избранной темѣ, чтобы описанія выходили живыми и ярк
У Некрасова ни въ томъ, ни другомъ недостатка не бы.

„Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы, и парча.
Пожалѣй. моя зазнобушка,
Молодецкаго плеча. . . .
. . . . . .

Это безъ прикрасъ живая и складная рѣчь лов
парня коробейника.

А вотъ „Дядюшка Яковъ" съ воза своего причитае
зазываетъ:

„Букварь не пряникъ,
А почитай-ка—
Языкъ прикусишь.
Букварь не сайка,
А какъ раскусишь,
Слаще орѣха.
Пятокъ—полтина,
Глядь—и картина.
Ей ей утѣха.
Умевъ съ нимъ будешь,
Денегъ добудешь...
По буквари.
По буквари.
Хватай-бери,
Читай-смотри.

Тутъ слышится не рѣчь интеллигентнаго писателя
лящагося нарисовать народный типъ, а самъ живой Я
изъ народа. Въ указанныхъ произведеніяхъ Некрасовъ су
дать „глубоконародный складъ" своему стиху. Видно, что
жизнь обогатила поэта-художника красками, звуками, мыс
Подобныя произведенія составляютъ несомнѣнно поэтич
вѣнецъ Некрасова.—Въ этой области его никто не пр
шелъ. Въ нихъ его слава и заслуга.

Некрасовъ „благодаря своей необычайной даровит
открылъ для русской поэзіи новые звуки, новыя оригинал
формы" (С. А. Андреевскій). Справедливость требуетъ з
тить,—писалъ въ свое время Б. Алмазовъ,—что стихотво

Некрасова совершенно оригинальны; онъ рѣшительно никому не подражаетъ, особенно въ своихъ шуточныхъ произведеніяхъ" [1]).

И дѣйствительно Некрасовъ очень своеобразенъ и оригиналенъ: у него свой, некрасовскій, стихъ, свои, некрасовскія, темы и риѳмы. Некрасова легко узнать по содержанію, по тону, по выраженію. Онъ всѣмъ извѣстенъ, какъ поэтъ-гражданинъ, какъ поэтъ-народникъ въ смыслѣ интеллигентнаго пѣвца быта нашего простолюдина. Онъ поэтъ будничной дѣйствительности, поэтъ-реалистъ, поэтъ „журнальныхъ мотивовъ" (Авсѣенко). Онъ поэтъ переходнаго времени, поэтъ болѣзненнаго вѣка.—Онъ выразитель и руководитель своего времени. Всѣ эти особенности, вмѣстѣ взятыя, опредѣляютъ его историческое значеніе и нѣтъ сомнѣнія, что онъ займетъ особую страницу въ исторіи нашего литературнаго развитія, такъ какъ своимъ талантомъ много помогъ очередному тогда освободительному движенію.

Некрасовъ своеобразенъ уже и потому, что въ его сочиненіяхъ мы встрѣчаемъ изумительную смѣсь суроваго, неуклюжаго и слабаго стиха со стихомъ сильнымъ, самобытнымъ, нѣжнымъ и музыкальнымъ; дребезжащіе звуки чередуютъ съ захватывающей пѣсней.—У него перлы поэзіи перемѣшаны съ прозой въ стихахъ. Рядомъ съ аффектаціями, дѣланностію, театральностью, риторикой и преувеличиваніями, стоятъ картины, полныя жизненной правды, глубокой выразительности и трогательной задушевности. Въ его произведеніяхъ то „торжествуетъ мстительное чувство, то дорогая теплится любовь". Объективность ему была почти неизвѣстна.

Слѣдующая затѣмъ особенность поэзіи Некрасова—это, ранѣе отмѣченная нами, ея односторонность.—Въ его пѣсняхъ ясно преобладаетъ скорбная нота.

„. . . . . И полонъ былъ тоской
И вѣчной жалобой нашей ея простой" .. —

Тутъ одновременно сказались условія личной жизни поэта, а также вліяніе эпохи; связь духа поэта съ жизнью общества. Въ этой односторонности кроется и сила, и слабость произведеній Некрасова.

По автобіографическому заявленію поэта

„Стихи мои—плодъ жизни несчастливой"—
. . . . . .
„Нѣтъ, Музы, ласково помощей и прекрасной,
Не помню надъ собой я пѣсни сладкогласной"...

[1]) Соч. Б. Н. Алмазова, т. III, М. 1892, стр. 657—658.

Много горя и лишеній перенесъ Некрасовъ въ началѣ своей жизни.

„Въ невѣдомой глуши, въ деревнѣ полудикой
Онъ росъ средь буйныхъ дикарей,
. . . . . .
Вокругъ *него* кипѣлъ разврать волною грязной,
Боролись страсти нищеты,
И на душу *его* той жизни безобразной
Ложились грубыя черты".

Поэту пришлось голодать и холодать, почему неудивительно, что

„Подъ игомъ лѣтъ душа погнулась",

и что „года гнетущихъ впечатлѣній оставили свой неизгладимый слѣдъ". Муза вела его

„Чрезъ бездны темныя насилія и зла,
Труда и голода"...

Она „Почувствовать свои страданья научила
И свѣту возвѣстить о нихъ благословила".

Но съ другой стороны „не пройди онъ той школы, которую прошелъ, не испытай,—какъ говоритъ А. С. Суворинъ,—на самомъ себѣ, не почувствуй на практикѣ всѣхъ тѣхъ мотивовъ которые служили предметомъ его поэзіи, онъ (Некрасовъ) по всей вѣроятности не былъ-бы пѣвцомъ народнаго горя и народной силы, не такъ трепетала-бы въ его поэзіи эта звенящая, надрывающая душу струна" [1]).

Некрасовъ любилъ свой однообразный заунывный напѣвъ; онъ пришелся ему по душѣ, онъ чувствовалъ влеченіе къ нему, это было потребностію его духа, и въ этомъ отношеніи онъ, разумѣется, былъ искрененъ. Противъ этого ничего нельзя сказать. Пой намъ заунывныя пѣсни, если чувствуешь къ нимъ влеченіе, но пой только, когда поется, когда пѣсня сама собой складывается въ умѣ, когда

„Въ груди кипятъ рыдающіе звуки,
Пора, пора имъ ввѣрить мысль мою".

Некрасовъ этого требованія, какъ мы доказали, не всегда соблюдалъ и присаживался за пѣсню по разсчету. Въ этихъ случаяхъ онъ „напрягался любить" народъ, почему въ строкахъ неизбѣжно сказывалась преднамѣренность и пѣсня выходила съ высиженныхъ содержаніемъ. Тенденціозность—ядъ для поэзіи. „Натуга портила дѣло и дарованіе Некрасова, которое было несомнѣнно громаднымъ, не выручало его и задушевности не чувствовалось въ нихъ.

---

1) „Новое Время" № 662 (1878 г.).

„Такъ солнце осени—безъ тучъ
Стоитъ не грѣя на лазури".

Вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ, много въ произведеніяхъ Некрасова отжило и отживаетъ, а самъ онъ „сжимается" и блѣднѣетъ. Три четверти его „боевой публицистики" въ стихахъ потеряло значеніе и лишено поэзіи.

Въ числѣ заслугъ Некрасова не слѣдуетъ забыть и той, которая выразилась въ томъ, что въ реальный вѣкъ онъ не порвалъ связи съ поэзіей и не отрекся отъ нея

„Въ тотъ вѣкъ тупой, грошевый, меркантильный
Поэтъ, ты могъ заставить хоть на мигъ
Толпу забыть свой эгоизмъ всесильный
И заслушалъ базарный общій крикъ"
(Пальминъ).

Благодаря-же большому размѣру его литературнаго дарованія, его самобытности и той первенствующей роли, которую онъ игралъ въ публицистикѣ 50 и 60 годовъ, имя его, конечно, обезпечено въ исторіи русской словесности. Та-же треть всѣхъ его произведеній, которая отмѣчена истинной художественностію, сдѣлала его книгу дорогой для русскаго общества. Некрасовъ „искренен одинъ часъ изъ десяти", сказалъ Евгеній Марковъ. Пусть. Но несомнѣнно, что эти искренныя и выстраданныя пѣсни не умрутъ. Мы знаемъ, что жгучее святое безпокойство за участь своего имени въ потомствѣ охватывало Некрасова въ тѣ дни, когда смерть леденила его своимъ холоднымъ дыханіемъ.—Напрасно. Русскій человѣкъ искренно благодаренъ ему за завѣщанное имъ поэтическое наслѣдство. Дѣло не въ количествѣ. Утѣшая духъ поэта, мы скажемъ ему его собственными прекрасными словами:

„Не бойся горькаго забвенья"...
Уже Россія держитъ въ рукѣ своей
„Вѣнецъ любви, вѣнецъ прощенья,
Даръ кроткой родины твоей"...

М. Бородкинъ.

Вступленіе къ опыту построенія понятія „Православіе", въ смыслѣ просвѣтительно-бытовомъ.

„Православіе, Самодержавіе и Народность". Казенный идеалъ, хотя бы и заключалъ въ себѣ высокія начала, не наполнитъ душу человѣка; и фраза, извнѣ налагаемая, останется фразой.

А. Гильфердингъ соч. 2 т. стр. 395-ая.

Въ 1832-мъ году было провозглашено „оффиціально", что основы русскаго государственнаго строя состоятъ изъ трехъ элементовъ: Православія, Самодержавія и Народности. Они были, по выраженію біографа М. П. Погодина, поставлены во главу угла воспитанія русскаго юношества [1]). Великая заслуга Государя Николая Павловича и выразителя его воли, С. С. Уварова та, что они такъ опредѣлительно избрали девизомъ Россіи эту трехсоставную формулу, не безъ видимаго противоположенія оной девизу революціонной Франціи, состоящему также изъ трехъ словъ. Но какъ всегда, при употребленіи словъ отвлеченныхъ, и тутъ возникъ и доселѣ продолжается споръ о томъ, какъ понимать эти слова. Едва ли кто принципіально не согласится съ тѣмъ, что „свобода, братство и равенство" прекрасны, если понимать ихъ, напримѣръ, въ христіанскомъ смыслѣ. Во Франціи, однако, доселѣ не дошли до такого пониманія ихъ, подъ которымъ подписались бы всѣ благомыслящіе люди: отчасти тоже произошло и у насъ. Въ основу воспитанія положены были 70 лѣтъ тому назадъ понятія, дѣйствительно соотвѣтствующія духу всей русской исторіи и явно унаслѣдованныя (историческимъ преданіемъ) тѣми, которые ихъ во всеуслышаніе исповѣдали въ 1832-мъ году. Но благодаря тому, что 130-лѣтній періодъ, протекшій передъ этимъ провозглашеніемъ, унесъ съ собою живое пониманіе смысла этихъ словъ, оставивъ только ихъ зву-

[1]) И. Барсуковъ, т. 4-й стр. 1-я.

ковую оболочку—получилось то, что и „поднесь“ смыслъ этихъ словъ въ высшей степени расплывчатъ: и какъ сторонники ихъ, такъ и отрицатели, въ сущности, придаютъ имъ, каждый болѣе или менѣе, свой смыслъ, что не рѣдко вызываетъ недомысленное отрицаніе съ одной и своеобразную защиту съ другой стороны. Точный объектъ какъ защиты, такъ и нападенія „самими словами“ не даются: а яснаго истолкованія смысла ихъ тщетно было бы искать въ авторитетныхъ источникахъ. При этомъ условіи ясно, что воспитательное значеніе девиза, прекрасно избраннаго, сошло „на нѣтъ“. Подобно сему и значеніе французскаго девиза 1789-го года тоже расплылось до неуловимости: свобода напр. ухитрилась ужиться самымъ любезнымъ образомъ съ совершенной нетерпимостью, не говоря объ остальныхъ двухъ понятіяхъ, теперь уже окончательно ничего не выражающихъ. Если бы на Западѣ въ теченіи ста слишкомъ лѣтъ задавались уясненіемъ точнаго смысла тѣхъ прекрасныхъ словъ, которыя по существу своему выражаютъ истинный запросъ человѣческаго духа въ области человѣческой взаимности, то многого, чему мы теперь свидѣтелями, навѣрное не было бы вовсе. Къ несчастію, эти слова сказаны были не въ слѣдствіе положительнаго исканія того, что они должны выражать, а лишь въ отрицательномъ смыслѣ: и въ этомъ смыслѣ пребываютъ и теперь. Ихъ употребляли какъ выраженіе протеста противъ существовавшихъ нетерпимыхъ порядковъ, а не какъ таковое же „положительныхъ чувствъ, ищущихъ себѣ проявленія“.

Самое напр. слово „свобода“ безъ дальнѣйшаго поясненія есть терминъ отрицательный: въ этомъ сходятся такіе разнородные мыслители, каковы Хомяковъ и Шопенгауеръ. Но Хомяковъ же понималъ, что за свободой—отрицательной скрывается и свобода положительная; её онъ назвалъ „таинствомъ свободы“; а русское словопроизводство, отмѣченное К. С. Аксаковымъ и Н. М. Павловымъ, даже и раскрываетъ суть этой положительной стороны свободы:—она „свой бытъ“. Слѣдовательно, если можно ею „ротитися и клятися“, то лишь послѣ уясненія, въ чемъ этотъ „свой бытъ“ и заключается. Этого не было сдѣлано, да и едва ли можетъ быть сдѣлано при европейскихъ порядкахъ. Всякое же понятіе о „liberté“, безъ отношенія къ этой сторонѣ положительной, легко обращается въ понятіе о своеволіи, изъ котораго едва ли можно построить нѣчто устойчивое, въ смыслѣ общежительномъ. Такъ и нашъ девизъ, не обработанный умозрительно, до возведенія каждаго, употребленнаго въ немъ слова, въ конкретъ—очень склоненъ сойти

на нѣтъ, давши по пути цѣлый рядъ недоразумѣній, отражающихся очень тяжело на нашей общегосударственной жизни, такъ какъ правительственный девизъ, если не забывается вовсе на практикѣ, то облекается въ рядъ мѣропріятій, съ которыми „приходится вѣдаться правительствомъ ведомой странѣ“. Рядомъ съ этимъ чисто внѣшнимъ водруженіемъ знамени, носящаго вышеприведенныя слова, и единовременно съ нимъ, началась въ нашемъ обществѣ работа мысли, пытавшейся уяснить себѣ самое существо нашего народнаго духа. Она привела нѣкоторыхъ къ тому убѣжденію, что русскій народъ въ области вѣры живетъ православіемъ; въ области государственной—держится самодержавія, а въ области быта крѣпокъ своей народностью. Но представители этого направленія подошли къ этимъ формуламъ не съ внѣшней ихъ стороны, а съ внутренней; и потому, во-первыхъ не обращали въ девизъ словъ, выражающихъ для нихъ опредѣленную и ясно понятую суть; а на оборотъ, уяснивъ себѣ содержаніе того пониманія, до котораго они доработались, почти что опасались придавать этому пониманію стереотипное, внѣшнее опредѣленіе; хотя бы для таковаго могло вполнѣ годиться, оффиціально утвержденное выраженіе такъ сказать химическаго состава русской государственности. Такое различное отношеніе къ тому, что составляло, повидимому, общее достояніе по-уваровскаго правительства и такъ называемыхъ славянофиловъ, вызвало необыкновенно своеобразныя послѣдствія. Та общественно-мыслительная среда, которая одна обѣими руками подписывалась подъ оффиціально установленной формулой, хотя, правда, сама её не употребляла, установленнымъ порядкомъ [1]), эта самая среда сдѣлалась предметомъ особой правительственной подозрительности и даже всяческихъ внѣшнихъ строгостей, не выѣтрившихся вполнѣ и доселѣ. Правительство, съ николаевскихъ временъ, скорѣе терпѣло рѣчи, вовсе не согласныя съ своей оффиціальной программой, чѣмъ таковыя людей, жизненно философско-историческимъ путемъ дошедшихъ до того самаго, что правительство провозгласило „краеугольемъ“. Это, конечно, не могло быть результатомъ совершеннаго и постояннаго недоразумѣнія. Такому возможному недоразумѣнію долженъ бы наступить скорый конецъ. Чѣмъ же однако этотъ фактъ объяснить? Объявленіе краеугольемъ трехсоставной формулы, хотя и коренившейся въ основахъ дѣйствительнаго духа русскаго, коему такъ или иначе были причастны и сами наши правители 30-хъ годовъ, было

[1]) Какъ девизъ.

все-таки дѣйствіе „абсолютнаго“ велѣнія, правда совпадающее съ запросами самаго народа, но оно не желало признать себя только выразителемъ самого народа и имъ до нѣкоторой степени обусловленнымъ: Sic volo, sic jubeo! Въ отвѣтъ на это раздаются голоса, которые смѣло говорятъ, что—прекрасно, конечно, повелѣнное; но дѣло однако въ томъ, что повелѣвай или нѣтъ, а это все существуетъ „о себѣ“, да еще „искони“. Быть этому никто повелѣть не можетъ, а можно лишь повелѣть, въ дѣлѣ образованія, идти по пути, избранному самимъ народомъ, плыть по теченію. Но изъ этого получается большая практическая непріятность для абсолютнаго правительства: если всѣ эти понятія существуютъ твердо „о себѣ“ то, значитъ, „обязательно“ правительству усвоить ихъ себѣ и ими руководствоваться. Наоборотъ: если они и существуютъ въ предначаткахъ, но силу свою получаютъ отъ sic volo, то и обращеніе съ ними гораздо удобнѣе: поворачивай ихъ, куда хочешь. Такъ напр.—при признаніи обязательности Православія, можно учить не смущаясь, по крайней мѣрѣ хоть будущихъ воиновъ, что Царь есть высшій „вершитель вопросовъ совѣсти“: это „де“ очень полезно для дисциплины и т. п. [1]). Можетъ быть даже правительство Николая Павловича и Уварова и не подозрѣвало, что оно извлекло изъ архива, для придачи своей дѣятельности „нѣкоего мѣстно-архаическаго колорита“ нѣчто вовсе не старое въ смыслѣ декоративнаго старья, а вполнѣ живое и, главное, живучее. Старое дѣдовское платье, извлеченное только для нѣкоей демонстраціи противуреволюціонной, подъ перомъ и въ рукихъ какихъ то москвичей превращается въ живое и даже требовательное въ нѣчто „императивное“, отъ котораго пожалуй, и не отдѣлаешься. По крайней мѣрѣ, только такъ и можно объяснить всѣ отношеніе правительства къ „зовомымъ“ славянофиламъ; и рядомъ съ этимъ, только этимъ же и можно объяснить, почему такъ долго послѣ 1832-го года правительство съ своимъ Православіемъ и т. д. даже не задавалось не только осуществить таковые, но хотя бы даже доискаться смысла этихъ словъ; и отмахивалось, какъ отъ навязчивыхъ жужжащихъ мухъ, отъ жужжавшихъ надъ его ухомъ—„вотъ истинный смыслъ этихъ словъ, пойми его и руководствуйся имъ“. „Смыслъ ихъ священный, но его понимаю только я“ отвѣчало правительство, не словами, конечно, а дѣлами. Истинный-же смыслъ ихъ для власти былъ въ дѣйствительности всѣ тоже: „sic volo, sic jubeo: sit

[1]) Катехизисъ для высшихъ учебныхъ заведеній, составленный при гр. Ростовцевѣ.

pro ratione voluntas" иначе—Православіе, Самодержавіе, Народность оказываются ничѣмъ инымъ, какъ новымъ фазисомъ того же абсолютизма, пожелавшаго нарядиться въ народное платье и очень недовольнаго, что кто то дерзнулъ подчеркнуть, что это и есть настоящее платье, въ которомъ надо ходить: смыслъ его въ томъ-то и въ томъ-то: и хочешь ты или нѣтъ, но только въ немъ ты можешь чувствовать себя удобно и быть здоровымъ. Для насъ, смотрящихъ на жизнь русскаго народа и государства съ точки зрѣнія семидесятилѣтія, истекшаго послѣ извлеченія изъ архива старыхъ дѣлъ „Православія, Самодержавія и Народности", все болѣе и болѣе выясняется—до какой степени безъ этихъ началъ, правильно понятыхъ, не возможно обойтись нашей государственной и общественной жизни. Невольно жизнь подталкиваетъ насъ, съ правительствомъ во главѣ, къ усвоенію этихъ началъ, столь еще живыхъ въ народѣ, въ нашъ постоянный обиходъ. Теперь почти уже нѣтъ вопроса о томъ—факультативны ли они или императивны [1]). Само правительство уже не смущается, какъ во время оно, когда ему говорятъ, что все это для него обязательно. Но пока результата большаго невидно еще; и только потому, что мы еще не уяснили себѣ точнаго, яснаго смысла нашихъ несомнѣнныхъ принциповъ.

Славянофильство (со включеніемъ И. С. Аксакова) уяснило достаточно въ чемъ заключается настоящій смыслъ и „Православія и Самодержавія и Народности": но такъ сказать обиходнаго изложенія оно не могло дать, потому что его творцы не имѣли времени заниматься популяризаціей самихъ себя: а настоящихъ популяризаторовъ еще не народилось [2]). Считаемъ по сему не безполезнымъ попытаться дать посильное общедоступное объясненіе хоть одному изъ словъ, составляющихъ лозунгъ русской государственности съ 1830-хъ годовъ: это слово—*Православіе*.

Православіе, въ смыслѣ догматическомъ, не требуетъ опредѣленія: сама догма его и опредѣляетъ. Но догма не можетъ служить основаніемъ для построенія на ней чего либо инаго, кромѣ чисто церковнаго: а формула, излюбленная Николаемъ Павловичемъ и гр. Уваровымъ, положена въ основу государственно-воспитательнаго ученія: на этихъ трехъ началахъ должна „де" быть построена система воспитанія, имѣющая дать настоящихъ русскихъ гражданъ. Явно, что въ этомъ отношеніи вѣра является не въ своемъ чистомъ, высшемъ

[1]) Конечно для не отрицающихъ ихъ.
[2]) Ср. геп. Кирѣевъ. Отвѣтъ кн. Трубецкому.

видѣ. Нельзя быть членомъ церкви, не будучи православнымъ, въ абсолютномъ смыслѣ этого слова, ибо церковь есть соединеніе людей, „какъ православныхъ“. Но если соединеніе абсолютно православныхъ есть церковь, то изъ нихъ уже ни какъ не построишь государства, чего-то, по отношенію къ церкви „безконечно низшаго“. Для церкви все нормируется Православіемъ и больше ничѣмъ: для государства же Православіе входитъ какъ часть, какъ коефиціентъ, вмѣстѣ съ другими двумя таковыми-же... Такое разсужденіе вѣроятно дѣлалъ и Государь съ Уваровымъ въ 1832-мъ году: но только они упустили изъ виду то важное соображеніе, что Православіе чистое, то-есть Православіе, состоящее въ „Вѣрѣ“ и „Ученіи“ охватываетъ настолько человѣка, что съ нимъ рядомъ ставить другого ничего нельзя: оно абсолютно затмѣваетъ Самодержавіе и Народность (нѣсть Еллинъ, ни Іудей): если же его сопоставить для практическихъ цѣлей съ этими двумя принципами, то надо его понимать „не въ абсолютномъ смыслѣ“, а въ какомъ нибудь условномъ: въ такомъ, который дѣйствительно можетъ быть поставленъ рядомъ съ двумя другими. Здѣсь нельзя не сдѣлать одного заключенія, безъ котораго трудно понять, какъ въ странѣ, населенной людьми разныхъ вѣръ и разныхъ народностей, подъ властію не Царя, а Императора, т. е. властителя, стоящаго выше и внѣ всѣхъ подчиненныхъ ему народовъ, могла быть признана обязательной программа, основанная на трехъ факторахъ, изъ коихъ два не могутъ быть обязательны для инородцевъ? Вѣроятно,—пробудившееся въ Императорѣ Николаѣ чувство антикосмополитическое, котораго представителями были почти всѣ его предшественники съ Петра, вызвало сознаніе необходимости дать твердое основаніе воспитанію „собственно русскаго юношества“, какъ представляющаго собою интеллектуальную силу самого ядра государственнаго; и въ надеждѣ, что если эта программа не примѣнима къ не чисто-русской молодежи, то что она косвенно воздѣйствуетъ и на юношей инородныхъ, пріучая ихъ, благодаря крѣпости чисто русскаго направленія, имѣющаго быть привитымъ среди чисто русскаго юношества, преклоняться передъ господствующей вѣрою, съ должнымъ къ ней почтеніемъ и передъ господствующей народностію, которой онъ „по своему“ охотно покровительствовалъ; ибо „по душѣ“ Николай Павловичъ былъ истинно русскій человѣкъ и лишь по привитымъ понятіямъ не могъ себя прямо зачислить въ ряды русскаго народа, считая, конечно, что онъ долженъ парить, „хочешь не хочешь“, надъ народами, ему подвластными и слѣ-

довательно и надъ русскимъ. Съ точки зрѣнія русскаго им
періализма онъ могъ лишь отводить русскому народу мѣст
„наиболѣе благопріятствуемой націи", какого не всегда удо
стоивали его прежніе вѣнценосцы „гнѣзда Петрова". Но од
нако и это самое показываетъ, что въ глазахъ Николая Пав
ловича, Православіе являлось не столько чисто-церковнымъ на
чаломъ, сколько какимъ то другимъ,—среднимъ между церковы
и государствомъ: передъ такимъ скорѣе можетъ склонить глав
съ почтеніемъ иновѣрецъ, ибо въ области вѣры чистой не мо
жетъ быть даже уваженія къ другой вѣрѣ: по существу он
заблужденіе—не болѣе: но къ вѣрѣ, такъ сказать бытовой, ил
къ быту, основанному на вѣрѣ, хотя бы и чужой, можно от
носиться съ почтеніемъ. Православіе, какъ бытовая вѣра рус
скаго народа, можетъ быть уважаемо и другими, даже не хри
стіанами. Это такъ сказать внутренній залогъ жизни русскаг
народа, а его почитать и даже къ нему подлаживаться вполн
возможно, оставаясь, въ области личной совѣсти, совершен
нымъ и непримиримымъ противникомъ „церковно-догматическаг
Православія". Едва ли такъ именно разсуждало правительств
30-хъ годовъ 19-го столѣтія: но что оно такъ безсознательн
понимало дѣло—это кажется несомнѣннымъ. Оно дѣйстви
тельно представляло себѣ Православіе, какъ церковно-бытов
институтъ, очень давно созданный для просвѣщенія народа
таковой, съ которымъ онъ сжился вполнѣ, въ смыслѣ культ
и особенно ученія о повиновеніи безпрекословномъ граж
данской, богодарованной власти. Въ этомъ видѣ Право
славіе дѣйствительно близко затрогиваетъ государственну
область и для программы государственнаго воспитанія пр
красно укладывается въ общую рамку. Собственно съ т
кимъ Православіемъ можно легко ужиться всякому, какой б
онъ вѣры не былъ—разъ только онъ признаетъ главную час
программы, корень ея — Самодержавіе (абсолютизмъ—тожъ). Эт
часть обязательна для всѣхъ безусловно: первая же и трет
должны только служить нѣкоей этнографической квалификаціе
для средняго члена: всѣмъ обязательно признавать, что су
всего—Самодержавіе. Какое?—Русское. Понятіе же о русском
распадается на двѣ части: православно-русское и этнограф
чески-русское. Такимъ образомъ для чисто-русскаго юнош
программа имѣла значеніе полное, т. е. первое и послѣдн
положенія обязательны, какъ таковыя; а для инородцевъ и ин
вѣрцевъ она обязательна лишь какъ квалификація единстве
наго вполнѣ существеннаго въ ней "Самодержавія" (абсол
тизмъ). Конечно, какъ бы понятіе о Православіи не было ра

жимаемо для того, чтобы улечься въ рамку правительственной программы гражданскаго воспитанія—оно въ извѣстномъ смыслѣ, неотдѣлимо отъ самаго церковнаго ученія и догмы. Но въ настоящемъ случаѣ намъ надо твердо установить то положеніе, что, не отвергая никакъ абсолютнаго значенія православія, какъ выраженія вѣры и истекающей изъ нея этики, мы имѣемъ дѣло съ таковымъ же, полагаемымъ въ основаніе гражданскаго воспитанія въ смыслѣ нѣсколько иномъ, т. е. въ смыслѣ примѣненія онаго къ гражданской и культурной жизни, выражаемыхъ одна—терминомъ „Самодержавіе", а вторая таковымъ же „Народность": и это потому, что (повторяемъ сказанное) Православіе въ смыслѣ абсолютномъ можетъ стоять только „о себѣ"; и исключаетъ возможность союза съ какой бы то ни было государственной задачей и даже съ какой либо національной. Православіе всемірно, превыше государствъ и народовъ; оно не отрицаетъ ни государственности, ни народности, но не соединяется ни съ чѣмъ... Дѣйствительно—православію безразличны и республика и абсолютизмъ и конституція [1]): и оно въ этомъ отношеніи же можетъ довольствоваться средой совершенно космополитической, оставаясь всё-таки же незыблемымъ ученіемъ. Но разъ его вводятъ въ міросозерцаніе, въ которомъ есть еще другіе факторы, то надо признать, что дѣло идетъ не о немъ, понимаемомъ какъ „*чистое вѣроученіе*", а какъ его, такъ сказать, эманаціи, его проявленіи въ жизни народа, выражающаго себя какъ народъ русскій и, держащійся при этомъ самодержавной формы правленія.

Всѣ эти вопросы не были разъяснены оффиціально; и Православіе Николая Павловича и гр. Уварова осталось такимъ же расплывчатымъ понятіемъ какъ и liberté французской революціи. Оно въ дѣйствительности осталось на степени лишь отрицательнаго понятія, также какъ и понятіе „Народность". Положительный смыслъ получило одно лишь „Самодержавіе", потому во-первыхъ, что это понятіе по существу болѣе конкретно, чѣмъ другіе два: и затѣмъ главнымъ образомъ потому, что это былъ и есть терминъ, вполнѣ ясно понимаемый тѣми, кто установилъ „формулу": Самодержавіе для нихъ есть и теоретически и практически абсолютизмъ. Никто не ошибался въ его смыслѣ и на счетъ его недоразумѣнія не было: тѣмъ болѣе, что оно одно себя въ дѣйствительности наглядно проявляло. Православіе же понималось только, какъ не католицизмъ римскій (весьма неудобная вѣра въ правительственномъ отно-

[1]) Во сколько политическія формы не касаются основъ внутренняго быта.

шеніи): не протестантизмъ, разнуздывающій нежелательный libre examen, не только въ области одной вѣры (а уже если вѣру можно критиковать, то остальное и подавно): и не какъ сектантство, тоже вѣроученіе полицейски негодное. Также и „Народность“ не нашла себѣ до-селѣ конкрета; и за неимѣніемъ его осѣла на языкѣ: распространеніе языка русскаго почитается распространеніемъ и русскаго духа—его народности. Такъ ли оно на самомъ дѣлѣ? Языкъ есть несомнѣнно важнѣйшій симптомъ народности, но исчерпываетъ ли онъ ея собою? Практика едва ли это подтверждаетъ! Но вѣдь также—вопросъ: формальное „Православіе“, съ храмами, культомъ и церковнымъ штатомъ, провозглашающимъ самое точное догматическое ученіе, есть ли это совершенно то, что, соотвѣтствуя Православію трансцендентальному, можетъ служить краеугольемъ тому государственно народному строю, для утвержденія коего въ умахъ изданъ былъ правительственный актъ 1832 года?

Можно ли однако построить какую бы то ни было воспитательную программу для Россіи, въ которой Православіе не было бы краеугольнымъ камнемъ? Нельзя, конечно, никоимъ образомъ обойдти въ ней того основнаго положенія, что всякій русскій, ищущій образованія, долженъ быть твердо знакомъ съ христіанскимъ ученіемъ въ его православномъ изложеніи: слѣдовательно, онъ долженъ твердо знать догматику, церковный порядокъ нагляднаго выраженія вѣры; и. наконецъ, онъ долженъ стараться жить по православному. Но если онъ всѣмъ этимъ заручится, то какъ однако онъ оттуда перейдетъ къ Самодержавію и Народности? Будетъ ли онъ менѣе православенъ, если будетъ сочувствовать конституціи и въ народности своей видѣть лишь помѣху для достиженія общечеловѣческаго? Едва ли можно утверждать это! Слѣдовательно. опять таки приходится найти звено, связующее церковное православіе съ русской гражданственностью. Иначе, православіе останется „о себѣ“ и никакъ не свяжется съ остальнымъ, что въ дѣйствительности мы и видимъ. Оно или воспринимается или не воспринимается отдѣльными лицами, проходящими чрезъ школы: но никто изъ нихъ не выноситъ изъ школы представленія о томъ, почему Россія не можетъ не быть православной, не переставая быть Россіею. А вѣдь въ этомъ и весь вопросъ: дѣйствительно ли Россія, какой мы бы желали ее видѣть, та, какой ее себѣ представляетъ народъ, немыслима безъ Православія, какъ основы? Прошедшее чрезъ всяческія школы общество (интеллигенція) очень въ этомъ сомнѣвается;

и потому самые крупные его представители, земства, города, (думы) и печать, такъ индиферентно относятся къ вопросамъ, съ вѣрою связаннымъ. Даже многіе, лично очень вѣрующіе люди, изъ образованной среды и сочувствующіе поддержанію Православія въ народѣ для цѣлей этическихъ, все-таки вовсе не убѣждены, что если весь русскій народъ перейдетъ въ католицизмъ,—то онъ перестанетъ быть русскимъ въ настоящемъ смыслѣ. Слѣдовательно, связь трехъ коэфиціентовъ правительственной (и скажемъ, народной) программы по видимому сходитъ на нѣтъ въ обиходѣ.

Отъ чего это однако? Не отъ того ли, что въ эту программу внесли „Православіе“ въ такомъ видѣ, что оно не связалось съ другими частями, низшими: и не связавшись на дѣлѣ, выразилось лишь въ видѣ уроковъ Закона Божія, по православному катехизису? Но, вѣдь, дѣйствительно, если для всякаго вѣрующаго члена церкви вполнѣ понятно, что къ церкви нельзя принадлежать, не признавая ея ученія всецѣло, то едва ли многимъ понятно, почему самодержавіе и народность неотдѣлимы напр. отъ осужденія какого нибудь еретика, безконечно отдаленнаго вѣка. Дѣло, кажется, заключается въ томъ, что изъ девиза Самодержавіе и т. п., ничего не подѣлаешь путнаго, пока не усвоишь напередъ точнаго пониманія не только каждаго выраженія въ частности, но и внутренней связи ихъ между собою, въ виду достиженія того идеала практическаго, для котораго „девизъ“ можетъ служить только путеводной звѣздою. Зовомые „славянофилы“ это очень понимали и потому правительственнаго девиза не употребляли, хорошо понимая, что только при тождествѣ пониманія терминовъ ими можно „ротитися и клястися“. А они же были убѣждены, что между пониманіемъ ихнимъ и таковымъ же правительственнымъ общаго очень мало. Правительство же, видя, что они избѣгаютъ употребленія этой священной формулы, смыслъ коей для него выражался такъ: „абсолютизмъ, освященный вѣрою и утвержденный на слѣпомъ повиновеніи народа, вѣрующаго въ его божественность“, основательно заподозривало ихъ въ неблагонадежности, лукаво прикрывающейся словами, какъ будто похвальными, но въ сущности выражающими совсѣмъ не то, что нужно [1]).

---

[1]) Въ связи съ этимъ вѣроятно стоитъ обычный инкриминаціонный, по адресу славянофиловъ пріемъ тогдашней цензуры: Они, де, употребляя слова (напр. цивилизація) понимаютъ подъ ними совсѣмъ другое, напр. „конституцію“ и т. п.

Значеніе Православія, какъ основной стихіи русской, понималось вполнѣ ясно „славянофилами“ и въ его высшемъ значеніи, чисто церковномъ; понималось оно и въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно отлагалось въ народной жизни, какъ начало просвѣтительно-бытовое, истекающее изъ Православія чисто церковнаго, т. е. примѣняющее высшее ученіе вѣры къ тѣмъ бытовымъ вопросамъ, которые разрѣшаются съ одной стороны въ образованіи народнаго типа, а съ другой въ формированіи государства такого или инаго строя. Православіе, какъ вѣра, въ точномъ смыслѣ этого слова, выше сопоставленія съ какимъ бы то ни было другимъ началомъ земнаго обихода: но какъ начало просвѣтительное, точнѣе—какъ просвѣщеніе бытовое, изъ вѣры истекающее, конечно, стоящее на степени низшей противъ своего первоисточника, оно дѣйствительно вполнѣ вяжется и съ „народностію“ и съ „самодержавіемъ“ и ихъ такъ сказать непосредственно творитъ изъ себя. Такимъ образомъ понятое, оно законно могло быть вставлено въ „девизъ“ отечественнаго образованія: и если бы его такъ поняли въ 30-хъ годахъ, то оно, вѣроятно, въ школѣ не осталось бы на степени одной догматики (безъ которой, конечно, обойтись нельзя), а приняло бы видъ: изученія того, на основаніи Православія сложившагося міровоззрѣнія, которое создало русскій народъ, каковъ онъ есть: а онъ въ свою очередь, создалъ себѣ государственную форму—Самодержавіе. Такимъ образомъ обрисовывается, кажется, довольно ясно та задача, которую мы имѣли въ виду разрѣшить: въ чемъ состоитъ міровоззрѣніе, истекающее изъ воспріятія русскимъ народомъ Православія, какъ вѣры, а не „какъ понимать Православіе“, какъ церковное ученіе.

Когда излагается вѣра того или другаго народа, то всегда, конечно, излагается она въ видѣ ученія, болѣе или менѣе точно и опредѣленно формулируемаго. Даже такія вѣры, въ которыхъ догма расплывается въ безконечномъ развитіи миѳологіи, и тѣ все-таки имѣютъ свой опредѣленный (болѣе или менѣе) credo Но если спросить себя: дѣйствительно ли всякій Грекъ или Индусъ зналъ свою миѳологію до тонкости, то придется на этотъ счетъ выразить нѣкоторое сомнѣніе. Но не только Грекъ или Индусъ не могъ бы выдержать строгій экзаменъ въ своемъ богословіи: мы видимъ, что даже евреи были не тверды въ своей простѣйшей изъ вѣръ: и тѣмъ не менѣе можно ли усумниться въ томъ, что Греки, Римляне и другіе язычники были пропитаны духомъ своихъ вѣръ? а уже объ Евреяхъ и говорить нечего. Что же это такое—духъ народный

истекающій или связанный съ вѣрою? Всякая вѣра имѣетъ своимъ источникомъ какой нибудь основной духовный „моментъ", такъ или иначе связанный съ врожденной народу, основной его психологіей. Отъ того вѣры почти вездѣ связаны съ народами, объединенными общностью происхожденія. Магометанство вращается преимущественно въ средѣ Семитовъ [1]): Христіанство живетъ въ Арійцахъ: а Буддизмъ, почти вымершій въ своей родинѣ, сдѣлался, исказившись, достояніемъ почти исключительнымъ желтаго племени [2]). Вездѣ, во всѣхъ этихъ случаяхъ, не догматика одна составляетъ якорь этихъ вѣроученій въ умахъ и сердцахъ, а то связанное съ нею міровоззрѣніе, которое въ религіяхъ языческихъ оформило догматику, а въ религіяхъ откровенныхъ изъ нея истекло и для народа до извѣстной степени заслонило догму. Когда распространилось въ мірѣ христіанство, оно сначала воспринималось избранными душами въ своей полнотѣ и какъ ученіе и какъ жизнь, изъ догмы истекающая. По мѣрѣ развитія такъ называемыхъ христіанскихъ обществъ, въ которыхъ первоначально объединеніе заключалось и въ ученіи и въ жизни, жизнь все болѣе и болѣе вступала въ роль объединительницы; и наконецъ, она, для массы, составила настоящій духовный цементъ-атмосферу его дыханія; именно то, что называется „ея просвѣтительнымъ началомъ". Это начало не отдѣлимо отъ догмы, въ смыслѣ его высшаго вдохновителя: но оно не одно съ догмой и ученіемъ: оно есть жизнь догмы (жизнь—осуществленіе начала, всегда ниже его самого) и какъ жизнь оно не непремѣнно выражается въ видѣ одного умственнаго постиженія; оно есть духовное озареніе, которое даетъ всему то или другое освѣщеніе. Это положеніе общее и не представляющее исключеній. Въ тѣхъ народахъ, которые получили духовную физіономію до принятія христіанства, само христіанство не могло сдѣлаться „единственнымъ" источникомъ просвѣщенія. Въ „лучшихъ людяхъ" оно конечно совершенно утратило всякіе слѣды прежняго язычества; но въ народѣ оно только „болѣе или менѣе обратилось въ просвѣтительное начало". И потому всѣ народы Запада лишь „конвертн ": въ отдѣльныхъ своихъ представителяхъ достигающіе конечно высшаго возможнаго христіанскаго совершенства, но въ массѣ они: христіанское общество на языческой

[1]) Индѣйское магометанство очень не строгое. Ср. проф. Минаевъ, Очерки Индіи.

[2]) Это можетъ служить подтвержденіемъ взгляда А. С. Хомякова, на буддизмъ, какъ вѣроученіе Кушитское—антиарійское.

основѣ (подпочвѣ). Высотой этой (подпочвы) основы и незыблемостью оной опредѣляется большая или меньшая степень охристіанизированія народа. Также въ православномъ мірѣ есть большая разница между тѣми, кто принялъ Православіе при такихъ или иныхъ условіяхъ предварительной культуры. Православіе, ясно понятое какъ догма и какъ начало богатѣйшей церковной литературы, составляетъ суть „Православія Еллинскаго": до селѣ не смотря на всяческія бѣдствія, перенесенныя этимъ племенемъ—Грекъ стоитъ такъ твердо на камени „ученія истиннаго", что, давай Богъ, и другимъ равняться съ нимъ. Но когда мы посмотримъ на то, что есть у нихъ Православіе какъ начало бытовое, то мы сей часъ же увидимъ, что оно, какъ и у западныхъ народовъ, окрашено не всегда чисто христіанскими началами. Самая „гордость православіемъ", не есть ли тоже, что гордость культурная древняго Грека? И конечно истинный „филетизмъ", формулированный для борьбы противъ Болгаръ, есть собственная черта самихъ Грековъ, гораздо болѣе чѣмъ Болгаръ, Сербъ, Сирійцевъ и др. У тѣхъ онъ только протестъ противъ основного филетизма Грековъ. Грекъ современный почитаетъ себя исключительнымъ носителемъ Православія чистаго; и Православіе въ смыслѣ греческой культуры, примѣненной къ христіанству, представляется Грекамъ дѣйствительно только чѣмъ-то греческимъ: способность де, правильнаго пониманія—это геній Эллина испоконъ вѣка. Онъ понималъ правильно все и до христіанства; конечно, Христіанство есть Откровеніе, и потому какъ „вещь о себѣ" не греческаго происхожденія. Однако, какъ только оно явилось, тотчасъ Грекъ его обратилъ въ „правовѣріе", „въ православіе", другой же народъ этого не могъ сдѣлать, ибо для этого надо было сначала произвести Гомера, трагиковъ, Платона и т. д. и тогда сдѣлаться способнымъ понять Откровеніе. Такимъ образомъ оказывается—и это конечно вѣрно, что греческое православіе есть лишь моментъ въ жизни умственной Еллинскаго народа; а если такъ, то онъ уже и самъ не чисто христіанское культурное явленіе. И дѣйствительно: способность правильнаго умственнаго пониманія свойственна Греку со временъ, пожалуй, Гомера. Онъ и въ христіанскую эпоху остается себѣ вѣрнымъ. Но Христіанство (какъ и всякая впрочемъ вѣра) не исчерпывается умственнымъ пониманіемъ; оно требуетъ жизненнаго усвоенія; а такъ какъ Грекъ является уже сложившимся, созрѣвшимъ и перезрѣвшимъ до принятія Христіанства, то онъ, сдѣлавшись христіаниномъ умомъ, въ отношеніи жизненнаго просвѣщенія не ушелъ далеко отъ Гомера. Напри-

мѣръ, умомъ Грекъ понималъ, что смиреніе, сознаніе своего недостоинства есть существенная черта христіанской вѣры. Онъ поэтому ввелъ въ свою высоко-художественную литургію часто повторяемое Киріе-элейсонъ; но оно въ обиходъ житейскій вовсе не перешло, ибо оно не мирилось въ жизни съ сознаніемъ инаго свойства, діаметрально противуположнаго, съ гордыней. Латинизмъ ничего подобнаго не создалъ, ни для литургіи, ни для обихода: но за то и ему понравилось художественно-звуковая сторона „Киріе-элейсонъ'а; и онъ его сохранилъ, даже не переводя, въ своей литургіи: „звучитъ, де, хорошо; а смыслъ его не очень нуженъ"! Русскій же, принявши отъ Грековъ и культъ, вмѣстѣ съ ученіемъ, когда услыхалъ посреди ритуала слова „Господи помилуй", тотчасъ ухватился за нихъ обѣими руками, до такой степени, что этой фразой онъ какъ бы подъитожилъ для своего обихода, все геніальное хитросплетеніе греческаго богослужебнаго творчества; и сдѣлалъ изъ нея такое довлѣющее выраженіе своего отношенія къ Богу, что она не сходитъ съ языка нашего народа вотъ уже болѣе 1000 лѣтъ. За то онъ же (Русскій) оставилъ безъ перевода, хотя въ богослуженіи сохранилъ, „дори носима", „исъ полла эти": декоративныя подробности, столь же мало ему нужныя въ переводѣ, какъ „Киріе-элейсонъ" для Латинянъ.

Христіанство усвоено было всѣми извѣстными намъ народами не въ состояніи младенчества, а въ разныхъ степеняхъ культуры, начиная отъ наивысшей—языческой и кончая той, на которой стоятъ еще племена дикія. Но дикіе народы вовсе не всегда могутъ разсматриваться, „какъ не достигшіе еще культурности"; и наоборотъ: ихъ надо разсматривать подчасъ какъ остатки уже умершей культуры,—какъ одичавшіе народы, а не младенчествующіе, ожидающіе своей очереди, чтобы выступить на культурное дѣланіе. Всѣ, кажется, теперешніе дикари относятся къ разряду племенъ отживающихъ и вовсе не составляютъ союзы людей на степени „не початой естественности", за каковыхъ ихъ многіе принимаютъ, съ легкой руки Жанъ-Жака Руссо. Въ нихъ старая культура пустила глубоко корни и они вовсе не воспринимаютъ христіанство, „какъ младенцы". Напротивъ, остатки ихъ старой культуры настолько мѣшаютъ воспріятію Христіанства въ возможной чистотѣ, что хотя не мало есть обращенныхъ изъ дикихъ, но они дальше усвоенія догмы и личной этики, безъ совмѣстнаго усвоенія и христіанской общественности, не идутъ: она

такъ или иначе разбивается объ обратившуюся въ плоть и кровь ихъ прежнюю закваску. Народы первобытные, сохранившіе жизнеспособность, каковыми были народы, нахлынувшіе въ началѣ среднихъ вѣковъ на Европу, были тоже не первобытны въ полномъ смыслѣ этого слова: они, судя по ихъ миѳологіи, равно какъ и по языку, пропили, вѣроятно, длинный рядъ превращеній изъ осѣдлыхъ и культурныхъ въ кочевыхъ и не культурныхъ; но они не утратили культуроспособности; и даже, благодаря вольной, здоровой жизни—сохранили такую свѣжесть крови, которая могла влить новыя физическія силы въ оскудѣвшій организмъ классическихъ народовъ. Между этими народами, стоявшими, какъ сказано, на степени полудикой, была однако цѣлая лѣствица культурныхъ и этическихъ градацій, по степени ихъ проникновенія началами религіозными и бытовыми—дохристіанскими, восходящими къ ихъ давно покинутымъ, болѣе ихъ самихъ культурнымъ, прародинамъ. Чѣмъ сильнѣе развиты въ нихъ были такія начала, тѣмъ болѣе воспринимаемое ими христіанское просвѣщеніе должно было окраситься таковыми. Народы классической древности, вступившіе въ христіанское возрожденіе глубоко захваченными своими старо-культурными началами, не въ примѣръ сильнѣйшими противъ таковыхъ же Германцевъ и Кельтовъ, болѣе всѣхъ другихъ сохранили подъ христіанской внѣшностью, иногда глубоко привлекательною, такой запасъ языческихъ началъ, что и по нынѣ они поражаютъ тѣмъ, какъ язычество живо проглядываетъ въ нихъ, даже тогда, когда они дѣйствуютъ по совершенно христіанскимъ мотивамъ [1]). Исключеніе составляютъ въ этомъ отношеніи Славяне: и это исключеніе такое, что его можно смѣло назвать *„дѣйствительно единственнымъ въ мірѣ“*. Объяснить его какимъ-либо соображеніемъ о вліяніи на нихъ особыхъ, незаурядныхъ, до-историческихъ судебъ, конечно приходится: но какія были тѣ условія, благодаря коимъ Славяне, особенно восточные, сохранили себя до принятія христіанства непричастными къ какой-либо „языческой культурѣ“, и при томъ не утратили полную свѣжесть тѣхъ духовныхъ силъ, которыя служатъ залогомъ всяческой дальнѣйшей способности къ развитію самому широкому и полному? За исключеніемъ Поморскихъ Славянъ, видимо развившихся подъ вліяніемъ какихъ-то внѣшнихъ, другимъ Славянамъ не знакомыхъ вѣяній, у остальныхъ славянскихъ народовъ не было даже твердо выработанной религіи (оформ-

[1]) Утилитарность молитвы, напр. у латинянъ.

ленной вѣры). Мы знаемъ, что нѣкоторые греческіе писатели почитали ихъ, единобожниками, у которыхъ это единое божество преломлялось въ разные виды самопроявленія, въ силахъ природы. Конечно это утвержденіе о единобожіи Славянъ стоитъ недостаточно твердо въ научномъ отношеніи; и конечно можно допустить вѣроятность нѣкоторыхъ измѣненій, произшедшихъ въ вѣрѣ Славянъ (можетъ быть подъ вліяніемъ Варяговъ и чрезъ нихъ Славянскаго Поморія) со временъ Прокопія, имп. Маврикія—до св. Владиміра. Но несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что миѳологія языческая не дошла у Славянъ до серіознаго развитія; и что у нихъ даже не было жреческаго класса, всегдашняго показателя нѣкоей законченности формальнаго вѣроученія. Отъ того и принятіе христіанства совершилось у Славянъ (кромѣ Поморія и кромѣ тѣхъ странъ, гдѣ введеніе христіанства являлось не столько религіознымъ актомъ, сколько мѣрой политической) особеннымъ образомъ, почти, можно сказать, безъ формальной проповѣди.—„Человѣческая душа по природѣ своей христіанка"—нигдѣ такъ явно, какъ у Славянъ, не оправдалось это изрѣченіе отца церкви. Души Славянъ, такъ сказать, открывались сами для воспріятія христіанства, какъ только оно засвѣтилось передъ ними. Вѣдь едва ли кто будетъ утверждать, что Владиміръ могъ бы окрестить Кіевлянъ приказомъ по полиціи, если бы онъ не зналъ, что для признанія христіанства господствующей вѣрой все было уже подготовлено, если не въ сознаніи, то въ настроеніи народа; вѣдь и Константинъ Великій едва ли бы могъ создать почеркомъ пера Христіанское государство, не знай онъ, что въ дѣйствительности языческій міръ подточенъ Христіанствомъ и что для сверженія язычества достаточно формальнаго акта „провозглашенія". Основной характеръ Славянъ всегда былъ и есть до сихъ поръ мирный, чуждый властолюбія и завоевательныхъ наклонностей. Вотъ какъ очерчиваетъ Славянъ напр. Гердеръ [1]): „несмотря на свои подвиги Славяне не были никогда предпріимчивымъ, воинственнымъ и къ похожденіямъ наклоннымъ племенемъ, подобно Нѣмцамъ. Скорѣе они тихо за ними слѣдовали и занимали брошенныя тѣми мѣстности и страны. Они осѣдали на оставленныхъ другими земляхъ въ качествѣ колонистовъ, пастуховъ, пахарей, чтобы обработывать землю и промышлять. Ихъ безшумное и трудолюбивое появленіе послѣ предшествовавшихъ опустошеній и передвиженій другихъ народовъ, было полезно для этихъ странъ.

[1]) Ideen zur Philosophie der Gesch. der Menschheit. IV. Slaw. Völker.

Они любили земледѣліе (Гакстгаузенъ замѣчаетъ однако, что это расположеніе къ землѣ у Славянъ и у Русскихъ въ особенности, имѣетъ характеръ не агрономическаго вкуса, какъ у Нѣмцевъ, а любви къ образу жизни, связанному съ землепользованіемъ), скотоводство, имѣть запасы зерна; любили также домашнія издѣлія и охотно пускались въ торговлю произведеніями своихъ земель и трудовъ"... „Они не гнались за міродержавствомъ, не имѣли у себя воинственныхъ наслѣдственныхъ князей и скорѣй соглашались платить дань, когда за то получали спокойное обладаніе землею и т. д.", Если мы видимъ Славянъ иногда въ другой роли—свирѣпыхъ завоевателей и истребителей почти поголовно цѣлыхъ населеній, то это единичный, кажется, фактъ—завоеванія Балканскаго полуострова и Греціи при содѣйствіи Византіи. Къ тому же эти разсказы передаются тѣмъ же Прокопіемъ, который рисуетъ Славянъ симпатичными и кроткими. Но даже если ихъ истребительныя наклонности подъ часъ и проявлялись, то это можетъ быть объяснено, пожалуй, тѣмъ „парадоксальнымъ" предположеніемъ, что разъ они почему-либо рѣшились на завоеваніе страны—они скорѣе предпочитали ее совершенно обезлюдить, чѣмъ порабощать обитателей, что именно такъ охотно дѣлали Германцы; до того охотно, что даже современные нѣмецкіе мыслители, напр. Вильгельмъ Гумбольтъ, обобщая чувства, свойственныя германцамъ, почитаютъ инстинктъ господствованія—„прирожденной потребностью человѣческой души, предшествующей въ ней любви къ свободѣ и первенствующей надъ всѣми другими" [1]). Обратное чувство составляло искони потребность Славянъ: они до такой степени любили свободу, что даже не терпѣли у себя постоянныхъ князей; и такъ же не любили господствовать, отпускали плѣнныхъ рабовъ черезъ извѣстный срокъ. Конечно эта идиллическая обстановка не могла продолжаться во вѣкъ и она уступила неизбѣжной потребности самообороны, вызвавшей и начатки государственнаго строя: но что таковой былъ еще очень слабъ въ 9-мъ вѣкѣ, это доказывается самымъ разсказомъ о призваніи Варяговъ, какую бы историческую цѣну ему не придавать. Если условія призванія по Нестору и легендарны, то самый духъ разсказа, свидѣтельствующій о настроеніи хотя бы и сочинившихъ его—краснорѣчивъ. Такимъ

[1]) Ideen Zu einem Versuch die Gränzen der Wirksamkeit des Staates cu bestimmen. S. Werken, 7 Band 3. So ist dem Menschen überhaupt Herrschaft reizender als Freiheit. Regierung ist zwar eine einzelne, aber wirkliche Tätigkeit.

образомъ можно сказать, что до времени появленія Христіанства на горахъ Кіевскихъ, Русскій народъ заключалъ въ себѣ наименьшую дозу культуры языческой, наименѣе развитое кумирослуженіе, совершенное отсутствіе жреческаго сословія [1]), наименѣе развитое государственное устройство и наибольшую патріархальность, широкую сельскую жизнь, вполнѣ однако уживавшуюся съ довольно развитымъ городскимъ бытомъ, связаннымъ съ торговлею собственными издѣліями, на степени мѣновой. Такія условія культурной жизни дѣлали то, что въ русскихъ Славянахъ менѣе, чѣмъ въ какихъ либо другихъ народахъ, было плевелъ культуры языческой и политическихъ страстей, безъ какихъ либо изъ тѣхъ признаковъ начинающагося вырожденія, которое обличаетъ въ другихъ народахъ, какъ будто и первобытныхъ, ихъ неспособность къ дальнѣйшему развитію: ибо они только остатокъ отживающихъ, одичавшихъ вѣтвей человѣчества, а не живые побѣги, имѣющія передъ собою будущность—доразвиться до самыхъ верховъ культурности. Только необыкновенная поверхностность французскихъ энциклопедистовъ и ихъ послѣдователей могла сдѣлать то, что они не съумѣли отличить патріархальность докультурную отъ одичанія покультурнаго, въ какомъ находятся всѣ народы дикіе, дожившіе до нашего времени и населяющіе разныя части Стараго и Новаго Свѣтовъ.

Къ народу русскому въ 9-омъ вѣкѣ вполнѣ подходитъ вышеприведенное выраженіе, что душа человѣческая по природѣ—христіанка. Это сохраненіе нашимъ народомъ въ наименѣе искаженномъ видѣ первобытныхъ свойствъ (не прошедшихъ черезъ культурную фиксацію) человѣческихъ, хотя уже и поврежденныхъ грѣхопаденіемъ, до момента проникновенія къ нему христіанскаго свѣта—оно и есть основаніе того единственнаго въ исторіи факта, что вся культура русская, все русское просвѣщеніе—исключительно только христіанское: ибо вступая въ лоно Церкви, русскій Славянинъ почти ничего не могъ съ собою принести изъ своего языческаго прошлаго: оно въ сущности было скорѣе до-христіанское, чѣмъ чисто языческое.

Въ этомъ смыслѣ Славяне русскіе могутъ про себя сказать, что они единственный въ мірѣ чисто христіанскій народъ: „Русь Святая“. Но это надо понимать, конечно, не въ

[1]) Ср. Шафарика, Gesch. d. Slav. Literatur. Степень религіознаго развитія Славянъ русскихъ очень хорошо выяснена въ статьѣ С. М Соловьева—Ист. Юрид. Сборникъ, Калачова Кн. I. Любопытны статьи Эрбена въ Рус. Бесѣдѣ—1857 г. К. 4.

смыслѣ хвалебномъ, а въ чисто историческомъ. Единственный народъ, котораго исторія начинается съ принятія христіанства это—народъ русскій. Русь себя опознала лишь, когда въ ней возсіялъ крестъ Господень: отъ того она и зовется „святая"; а не потому, чтобы была свята паче другихъ странъ своими собственными христіанскими подвигами; и не по тому она народъ христіанскій „по преимуществу", что она реализировала болѣе другихъ народовъ христіанскія добродѣтели. Это по тому, что въ ней все такъ тѣсно связано съ христіанствомъ, что даже ея недостатки (travers) суть извращенія христіанскихъ добродѣтелей, а не просто слѣды еще не пережитаго язычества: тогда какъ у другихъ народовъ, сложившихся въ культурный типъ раньше воспринятія христіанскаго просвѣщенія, многія почитаемыя ими достоинства далеко не христіанскаго свойства [1]), а ими признаются какъ добродѣтели положительныя, которымъ должны уступать на практикѣ несогласныя съ ними евангельскія заповѣди, остающіяся, въ такомъ случаѣ, лишь матеріаломъ для воскресныхъ поученій.

Принятое при такихъ условіяхъ ученіе евангельское, проникая во всѣ изгибы бытія людей, не могло именно въ этихъ тайникахъ встрѣчать себѣ противодѣйствія непреодолимаго отъ тѣхъ культурныхъ осадковъ, которые образовались въ душахъ и умахъ народовъ, выработавшихся въ законченный образъ при другихъ религіозно-нравственныхъ понятіяхъ. Въ русскомъ народѣ же, вѣра нашла себѣ ограниченіе только въ грѣховности или несовершенствѣ каждаго отдѣльнаго человѣка, а не въ понятіяхъ народа въ массѣ. Оттуда и самый способъ распространенія христіанства: хотя по мѣстамъ и были формальные, исторически извѣстные проповѣдники, но вообще христіанство скорѣе расплылось по русскому народу, чѣмъ было ему привито путемъ катехизаціи [2]): и это объясняется конечно безконечно *малымъ сопротивленіемъ старой* культуры, ничего не вложившей въ народъ анти-христіанскаго и, напротивъ, сохранившей его на той степени естественнаго благочестія, при которой душа не только не отказывается принять въ себя сѣмена чистаго откровенія, но, почуявъ ихъ, идетъ сама къ нимъ на встрѣчу. Когда наши ученые пустили въ ходъ, нѣкогда очень распространенное ученіе о такъ назы-

[1]) Напр. французское понятіе о „чести", скопидомство, какъ безусловное качество, культъ богатства, какъ силы, властолюбіе личное и общественное (парламентаризмъ) и т. п.

[2]) С. А. Рачинскій гдѣ-то писалъ: Русскій народъ хотя и крещенъ, но еще не оглашенъ.

ваемомъ „двоевѣріи", то они, хотя и приводили факты очень точные обычаевъ и даже понятій не христіанскихъ, долго въ народѣ державшихся, (и можетъ быть невзчезнувшихъ вполнѣ и доселѣ), но вовсе не понимали значенія или употреблявшагося термина. Сохраненіе въ обиходѣ „не-христіанскихъ", но не „анти-христіанскихъ" пережитковъ старины, вродѣ вѣры въ русалокъ, вѣдьмъ, домовыхъ и т. п. вовсе не есть двоевѣріе: ибо въ сущности все это не противно Евангелію, а только не есть „отъ него". Если это держится въ народныхъ представленіяхъ, то лишь потому, что оно именно не противно Христіанству: отвыкнуть же скоро отъ понятій прежнихъ трудно (и даже вовсе не такъ необходимо—по непротивности новому ученію), пока они не будутъ сметены общимъ подъемомъ личной образованности, на почвѣ новой вѣры, уже вполнѣ возобладавшей, какъ просвѣщеніе, но не обратившейся еще вполнѣ въ то начало образовательное для каждаго отдѣльнаго лица, какимъ оно должно сдѣлаться все болѣе и болѣе, хотя конечно и никогда вполнѣ не могущей сказать то послѣднее слово, при которомъ не останется мѣста никакимъ ни суевѣріямъ, ни предразсудкамъ. Ясно что подъ „вѣрою" сочинители слова „двоевѣріе" понимали внѣшнее выраженіе, пониманіе всего сверхчувственнаго міра, допускаемаго человѣкомъ или народомъ. Но это опредѣленіе не точное: вѣра—это духовный свѣтъ, исходящій изъ того или другаго свѣтоваго источника и просвѣщающій душу, въ большей или меньшей степени—разсѣивая душевную мглу; но она не можетъ въ каждомъ человѣкѣ найти себѣ такое внѣшнее выраженіе, которое не находилось бы въ зависимости отъ степени культуры его. Внѣшняя атмосфера, въ которой живетъ вѣра въ народѣ или человѣкѣ, всегда ниже своего первоначала: и въ этой „душевной" атмосферѣ всегда были и будутъ такія несогласныя съ вѣрой частицы, которыя отцѣженыя на сито ученыхъ изслѣдователей, дадутъ нѣкій земляной осадокъ, отзывающійся развалинами стараго міровоззрѣнія, но никакъ не могущій быть возведеннымъ на степень вѣры, равноправной съ той, которая составляетъ суть духовнаго строя народа и человѣка. На Западѣ, гдѣ языческаго сохранилось гораздо болѣе, не только въ понятіяхъ такъ называемыхъ суевѣрныхъ, но и въ самомъ основномъ просвѣтительномъ началѣ, и тамъ о двоевѣріи не можетъ быть и рѣчи, а только о большей или меньшей степени просвѣщенія душъ началомъ, которое упразднило язычество и которое только что не успѣло вымести многаго разнаго хлама языческаго, затемняющаго пониманіе христіанской истины во

всей полнотѣ. Что это такъ—явствуетъ изъ того, что народъ, принявшій христіанство, принимаетъ и новый обликъ; нока же его обликъ старый—его христіанство лишь номинальное. Но и тогда о двоевѣріи не можетъ быть рѣчи: вѣра одна—языческая, съ обрядами христіанскими. Въ обратномъ же случаѣ—вѣра уже христіанская и лишь въ понятіяхъ объ индиферентныхъ вещахъ—остатки язычества. Но самое язычество русское было такъ безформенно, такъ недозрѣло, если можно такъ выразиться, что отъ него нечему почти было и оставаться. Болѣе или менѣе ясно выступаетъ въ вѣрованіяхъ Славянъ, по Прокопію, почитаніе силъ природы и олицетвореніе ихъ какъ дополненіе къ понятію о Богѣ-міродержцѣ. Было и почитаніе начала домовитости—очага, душъ и т. п.; но все это такія вѣрованія, которыя легко уживаются съ христіанскими понятіями. Въ русской миѳологіи замѣтно противуположеніе двухъ началъ добра и зла, которое проглядываетъ и въ вѣрованіяхъ нѣкоторыхъ западныхъ Славянъ: такъ что опять можно повторить, что изо всѣхъ извѣстныхъ народовъ культурныхъ, тотъ, на пути котораго къ Христіанству стояло наименьшее количество препятствій, былъ народъ русскій, хотя несомнѣнно, что вѣтви этого народа не всѣ были одинаково воспріимчивы къ новой вѣрѣ, вслѣдствіе различной степени ихъ чистоты отъ иноземныхъ стихій. Большею частью Христіанство распространялось само собою; извѣстны немногіе имена проповѣдниковъ; и тамъ, гдѣ эти имена сохранились, надо предполагать большее сопротивленіе язычества и эти мѣста почитать населенными наименѣе чистыми племенами славянскими.

Во время В. К. Владиміра и его бабки, когда Христіанство видимо стало восходить надъ Русью, Восточная Церковь не была еще отдѣлена отъ Западной „оффиціально“, но уже распаденіе двухъ половинъ Церкви было настолько подготовлено „въ духѣ“, что его можно почесть почти совершившимся. По сему правильно говорить, что мы приняли вѣру отъ Восточной Церкви, не въ томъ только смыслѣ, что Византія насъ снабдила духовенствомъ и что мы іерархически связаны съ нею и черезъ нее съ Церковью нераздѣльной; наши отношенія къ Церкви настолько исключительно греческія, насколько германскія исключительно римскія, хотя Вонифатій еще раньше создалъ церковь германскую, чѣмъ Византія русскую. Германская церковь изначала была римской по происхожденію и по духу: а русская изначала же Восточная, Православная. Какіе бы ни были недостатки церкви греческой въ ея проявленіи народномъ, она въ смыслѣ „ученія“ была дѣйствительно „православной“ и един-

ственно она сохранила традиціонное ученіе о догматахъ и о себѣ самой „преданное изъ начала". Какъ бы она не была загрязнена недостатками народовъ, къ ней принадлежащихъ— какъ источникъ ученія она была „чиста" и „непорочна", т. е. чужда всякихъ примѣсей постороннихъ, напр. уже зарождавшейся „церковной государственности", которая выразилась въ Германіи при Бонифатіи, хотя бы въ подчиненіи Риму на основаніи присяги въ вѣрности, акта, какъ бы его не объяснять, конечно уже не церковнаго пошиба. Приходило ли когда нибудь на мысль Константинополю связать съ собою русскую митрополію актомъ присяги на вѣрность? Дѣйствительно русская церковь всегда сознавала свою связь съ Византіею, какъ митрополіей; но эта связь представлялась только по тому сильной, что она была органической и ее, какъ органическую, никто и не думалъ укрѣплять желѣзными узами присяги форменной. Самъ по себѣ это фактъ мелкій; но его достаточно, чтобы показать зачинавшееся на Западѣ потемнѣніе чисто церковнаго идеала [1]). Русскій народъ принялъ христіанство отъ народа, стоявшаго въ смыслѣ осуществленія заповѣдей Христовыхъ, не на высшей точкѣ противъ народовъ Запада; но этотъ народъ сохранилъ ученіе ненарушимо, самъ же воспринимавшій это ученіе народъ находился въ состояніи наименьшаго порабощенія язычеству, выработанному твердо и самодовлѣюще. Эти два условія и легли въ основу того православнаго просвѣщенія, которымъ жила Русь со временъ Владиміровыхъ; и которымъ живетъ нашъ народъ и по днесь. Это Православіе, вмѣстѣ съ Самодержавіемъ въ государственномъ отношеніи и съ Народностью въ бытовой области должно дѣйствительно быть краеуголіемъ Русскаго просвѣщенія и всѣмъ, что изъ него на благо народа истекаетъ.

Когда русскій народъ себя опозналъ „какъ Православный" и избралъ даже это слово для выраженія себя въ возможной полнотѣ („Православные", излюбленная форма обращенія на сходахъ), то можно думать, что онъ самъ себя почиталъ проникнутымъ своимъ вѣроученіемъ; и что даже въ дѣлахъ житейскихъ онъ старался не переставать быть православнымъ прежде всего. Слѣдовательно, онъ почиталъ, что его вѣра есть корень всѣхъ его дѣйствій во всѣхъ возможныхъ житейскихъ комбинаціяхъ. Этимъ и опредѣляется культурное и бытовое значеніе для него „Православія" съ одной стороны; а съ другой, это даетъ намъ право и обязываетъ искать опре-

[1]) Ср. у Нестора, перечисленіе Латинскихъ неправдъ. Н. М. Павловъ Ист. Рос. съ древн. временъ стр. 47, т. I.

дѣленіе русскому Православію въ бытѣ и понятіяхъ народа, во сколько они намъ извѣстны и понятны.

Изъ этого, повидимому, не важнаго факта самонаименованія, надо вывести то заключеніе, что первое проявленіе въ русскомъ народѣ христіанскаго озаренія выразилось въ немедленномъ усвоеніи имъ яснаго понятія „вѣры истинной", какъ начала просвѣщающаго „всецѣло" человѣка. Едва ли до Христіанства Русскіе себя называли по вѣрѣ. Вѣра была для нихъ внѣшнимъ, случайнымъ атрибутомъ. Только Христіанство представилось имъ какъ вѣра абсолютная; а таковая на столько дѣйствительно охватываетъ человѣка, что онъ самъ для себя уже не Еллинъ или Іудей, а только человѣкъ такой то вѣры... Въ этомъ все [1]). Народы, относящіяся къ вѣрѣ не какъ къ составляющей лишь часть ихъ умственной и духовной жизни, хотя конечно и доминирующей, не могли себя самихъ называть по вѣрѣ, съ устраненіемъ даже племеннаго наименованія. Тотъ народъ, который, принявъ вѣру, себя по ней назвалъ, тотъ, конечно, этимъ доказалъ, что онъ вполнѣ усвоилъ значеніе вѣры, въ ея такъ сказать трансцендентальномъ значеніи, какъ начала всепроникающаго и заслоняющаго всѣ другія народныя акциденціи: истинная вѣра есть дѣйствительно субстанція народа, разъ онъ ее усвоилъ. Такъ понялъ христіанскую вѣру русскій народъ съ начала самаго и только онъ могъ ее понять такъ, потому, что онъ, благодаря своей своеобразной исторіи, какъ будто ждалъ этого духовнаго свѣта, чтобы себя опознать какъ народъ и свою народность отождествить съ вѣрою... Христіанство можетъ конечно возродить вполнѣ каждаго человѣка въ частности, если онъ принимаетъ его всей душею, отрекаясь всецѣло отъ своего до-христіанскаго прошлаго; тогда и для него всѣ остальныя подробности его племенной квалификаціи сходятъ на послѣдній планъ. Какой нибудь Францискъ Ассизскій или Антоній Падуанскій до такой степени выходятъ за предѣлы своей народности, что за исключеніемъ нѣкоторыхъ подробностей темперамента они дѣлаются все-христіанами и уже ни чѣмъ инымъ. (Вѣроятно по этому Францискъ пошелъ проповѣдовать Мусульманамъ, а Антоній даже рыбамъ и птицамъ). Тотъ народъ, который могъ проникнуться чувствомъ, что онъ „весь" только христіанинъ, и что всѣ другіе его атрибуты совершенно второстепенны, этотъ народъ показалъ во очію всѣхъ, что онъ понялъ хри-

[1]) Max Müller Lect. on the Science of Religion 147 стр. it. is. language and religion that makes a people: but religion is even a more powertul agent then language.

стіанство по существу; и понявъ его выразилъ, что онъ дорожитъ, или, точнѣе живетъ „лишь христіанскимъ идеаломъ“ и никакимъ другимъ. Называя себя „православнымъ“, а страну свою „святой“, онъ вовсе не думалъ почитать себя конкретно осуществившимъ „Православіе“, и что его земля святая; а, конечно, только то хотѣлъ онъ выразить, что его идеалъ Православіе, а цѣль—сдѣлать страну свою возможно святой. Точь въ точь, какъ первые христіане себя не стѣснялись называть святыми, конечно не въ смыслѣ реализаціи идеала святости, а въ смыслѣ людей, ищущихъ лишь святости. Оттуда и титулъ: святѣйшій, даваемый лицамъ, стоящимъ во главѣ церквей: они называются такъ, дабы выразить идеальное, а не реальное о нихъ представленіе. Если заурядные члены Церкви „святые“, какъ ищущіе святости, то старѣйшины, руководители, должны искать ее въ сугубой степени; они должны стремиться быть „святѣйшими“, и въ этомъ титулѣ (въ его основѣ конечно) нѣтъ и тѣни гордыни, а наоборотъ, признаніе громадности предлежащаго подвига. Русскій народъ назвалъ себя „православнымъ“ только въ этомъ смыслѣ, но этимъ онъ предрѣшилъ весь характеръ своего просвѣщенія и такъ сказать всю свою историческую программу: со времени принятія Христіанства для русскаго народа одна цѣль исторической жизни, какъ народа—осуществить по возможности, Православіе въ вѣрѣ и въ жизни[1]); пока онъ другой не понимаетъ; и это ясно доказывается тѣмъ, что оно охотно протягиваетъ руку только единовѣрцамъ, совершенно игнорируя напр. единоплеменность[2]).

Э. Ѳ.

[1]) Ср. Сочиненія А. С. Хомякова т. 3-й. „О Юрид. Вопросахъ“.

[2]) Въ этомъ онъ совершенно сходится съ такъ называемыми „Правовѣрными“ Востока. Но это сходство еще болѣе оттѣняетъ сущность русскаго народа.

Профессоръ Харьковскаго Университета

М. А. ОСТРОУМОВЪ.

(по поводу тридцатилѣтія его педагогической и ученой дѣятельности).

I.

Немного найдется у насъ ученыхъ, которые отлича-
лись бы такою разносторонностью своихъ интересовъ и разно-
образіемъ дѣятельности, какъ Михаилъ Андреевичъ Остро-
умовъ, скромно отпраздновавшій въ деревенской тиши 12 го
іюня текущаго года тридцатилѣтній юбилей своего плодотвор-
наго служенія русской наукѣ и школѣ какъ высшей, так
средней и низшей. Юбилей этотъ прошелъ незамѣченнымъ на-
шей повременной печатью. Не было извѣстій также ни о ка-
кихъ привѣтствіяхъ и признаніи заслугъ и со стороны ка
кихъ-либо общественныхъ группъ, несмотря на то, что в
наше время даже несравненно менѣе выдающіеся работники
на скудной нивѣ русскаго просвѣщенія обычно удостаиваются
подобнаго рода вниманія. Впрочемъ, теперь, въ самый разгар
политическихъ страстей, трудно и ожидать, чтобы человѣк
съ направленіемъ, какого держится почтенный юбиляръ, про
изведена была надлежащая оцѣнка. Пора для этого еще н
наступила!

II.

Родился Михаилъ Андреевичъ 30 декабря 1847 года в
селѣ Акаевѣ Темниковскаго уѣзда Тамбовской губерніи, гд
отецъ его былъ священникомъ. Въ его приходѣ населеніе был
смѣшанное, состоявшее помимо русскихъ православнаго вѣро
исповѣданія еще изъ мордвы (эрзи) и татаръ, магометан
Однако, это различіе жителей по національности и вѣрѣ, хотя
отражалось невыгодно съ матеріальной стороны на доходах
священника, но не влекло за собою никакихъ другихъ не

пріятностей, такъ какъ всѣ эти народности мирно уживались другъ около друга. За то необходимость угождать капризамъ и часто противоположнымъ вкусамъ окрестныхъ помѣщиковъ, которыхъ въ приходѣ его отца насчитывалось восемь, въ томъ числѣ пятеро князей Кугушевыхъ, заставляла скромнаго священнослужителя постоянно чувствовать непрочность своего положенія въ виду того, что онъ всегда могъ лишиться своего мѣста по прихоти одного изъ своихъ властныхъ прихожанъ, и дѣйствовала удручающимъ образомъ на его семью. Дѣтство свое Михаилъ Андреевичъ провелъ въ тѣсномъ соприкосновеніи съ міромъ крестьянъ: къ ихъ разговорамъ онъ прислушивался, когда они приходили къ его отцу, ища у него утѣшенія и помощи; ихъ дѣти были товарищами его лѣтнихъ игръ и полевыхъ работъ въ страдную пору. Съ другой стороны, бывая въ самомъ богатомъ помѣщичьемъ домѣ въ приходѣ, онъ ознакомился съ культурной обстановкой и строемъ богатой барской экономіи дореформенной эпохи и такимъ образомъ хотя и ребенкомъ собственными глазами видѣлъ весь гнетъ крѣпостного права съ двухъ противоположныхъ его концовъ. Всѣ эти дѣтскія впечатлѣнія заронили въ его душу сѣмена терпимости, состраданія къ угнетеннымъ и отвращеніе ко всякаго рода насилію. Нѣтъ ничего удивительнаго, что однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній отрочества служитъ для Михаила Андреевича чтеніе Манифеста 19-го февраля 1861 года объ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости. Съ содержаніемъ этого акта духовенству было приказано ознакомить народонаселеніе еще до прочтенія его въ церквахъ. И вотъ, будучи тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ, Михаилъ Андреевичъ первый съ воодушевленіемъ читаетъ Манифестъ приглашаемымъ его отцомъ крестьянамъ и радуется ему, хотя и не понимая подробностей, но живо ощущая общій смыслъ освобожденія [1]).

III.

Въ 1858 г. Михаилъ Андреевичъ былъ опредѣленъ въ Шацкое духовное училище, которое по своему строю и быту напоминало бурсу, описанную Помяловскимъ; оттуда онъ перешелъ въ Тамбовскую духовную семинарію, оставившую въ немъ самыя лучшія воспоминанія. Здѣсь между преподавате-

[1]) Какъ это, такъ и нѣкоторыя другія свѣдѣнія, передаваемыя въ нашей статьѣ, были сообщены намъ въ различное время самимъ М. А. Остроумовымъ.

лями его былъ извѣстный Иванъ Максимовичъ Сладкопѣвцевъ, по тогдашнему, профессоръ философскихъ наукъ. Этотъ самый Иванъ Максимовичъ въ бытность свою преподавателемъ Нижегородской семинаріи произвелъ то глубокое впечатлѣніе на Н. А. Добролюбова, о которомъ Н. Г. Чернышевскій передаетъ въ своихъ „Матеріалахъ“ для біографіи нашего критика.

Сдавъ въ семинаріи экзаменъ въ 1869 г. изъ всѣхъ предметовъ за второй годъ еще на первомъ году своего пребыванія въ богословскомъ классѣ и получивъ аттестатъ объ окончаніи курса, Михаилъ Андреевичъ поступилъ въ Истербургскій университетъ на Историко-Филологическій факультетъ, но оставался здѣсь недолго и вскорѣ перешелъ въ Медико-Хирургическую академію. Однако, тифъ и отсутствіе средствъ къ жизни принудили его уйти изъ нея, хотя любовь къ естественнымъ наукамъ онъ сохранилъ навсегда. По выходѣ изъ Медико-Хирургической академіи, Михаилъ Андреевичъ выдержалъ въ 1870 г. вступительный экзаменъ въ Московскую Духовную академію и опредѣлился на Историческое отдѣленіе ея, которое по своему характеру соотвѣтствовало Историко-Филологическому факультету Университета. Во главѣ Академіи въ то время стоялъ знаменитый А. В. Горскій, а въ числѣ профессоровъ находились Е. В. Амфитеатровъ, Н. И. Субботинъ, Е. Е. Голубинскій, В. О. Ключевскій, архимандритъ Михаилъ, П. С. Казанскій и другія свѣтила старой Московской академіи.

IV.

Окончивъ здѣсь курсъ 11 іюля 1874 г. магистрантомъ, Михаилъ Андреевичъ былъ утвержденъ въ должности преподавателя Всеобщей Церковной исторіи въ Тамбовской Духовной семинаріи 25 августа 1874 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему было поручено преподаваніе Исторіи русскаго раскола и Логики. Попутно на него же возложено было и преподаваніе Всеобщей гражданской исторіи въ Женскомъ Епархіальномъ училищѣ. Какъ ни былъ поглощенъ молодой преподаватель исполненіемъ своихъ прямыхъ обязанностей, однако онъ нашелъ досугъ для того, чтобы въ то-же время составить статью „О полемическихъ собесѣдованіяхъ съ отступившими отъ Православной Церкви“, которая и была помѣщена въ мѣстныхъ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“.

Желаніе быть ближе къ библіотекѣ родной академіи заставило Михаила Андреевича перейти въ Виѳанскую духовную семинарію, близъ Троицкой лавры, въ которой помѣ-

щается Московская Духовная академія. И вотъ 17 сентября 1875 года онъ былъ утвержденъ здѣсь въ должности наставника Психологіи, Обзора философскихъ ученій и Педагогики.

Переходъ свой въ Виѳанскую семинарію Михаилъ Андреевичъ ознаменовалъ устройствомъ при ней Воскресной начальной школы. Дѣло въ томъ, что по уставу семинаріи преподаніе Педагогики и Дидактики сопровождается практическими занятіями въ такой школѣ. Но такъ какъ Виѳанская семинарія находится близъ Виѳанскаго монастыря, около котораго нѣтъ никакихъ селеній, то устройство такой школы было дѣломъ весьма затруднительнымъ. Однако, молодого и энергичнаго преподавателя не остановили трудности, съ которыми сопряжено было открытіе школы и она была заведена, причемъ дѣтей для нея пришлось набирать изъ ближайшихъ селеній: деревни Таракова и села Глинкова, лежащаго уже въ предѣлахъ Владимірской губерніи. Несмотря на такія неблагопріятныя условія, дѣло съ перваго раза пошло хорошо и во вновь основанной школѣ учениковъ постоянно находилось отъ 20 до 30 душъ.

Въ 1878 г. 4 іюля Михаилъ Андреевичъ былъ утвержденъ въ званіи члена педагогическихъ собраній въ семинаріи; въ томъ же году, по старымъ порядкамъ, онъ былъ сдѣланъ помощникомъ инспектора семинаріи. Кромѣ того, его неоднократно назначали членомъ коммиссіи для разсмотрѣнія отчетовъ Духовныхъ училищъ Московской губерніи.

Всѣ эти труды не могли отвлечь молодого наставника отъ дальнѣйшей разработки тѣхъ наукъ, преподавателемъ которыхъ онъ состоялъ. Плодомъ этихъ занятій возникъ его „Обзоръ философскихъ ученій“ (Москва 1879—1880), признанный Св. Синодомъ учебникомъ по этому предмету и удостоенный полной преміи Высокопреосвященнаго Макарія. Въ основу этой книги авторъ положилъ мысль объ „откровеніи“, какъ особомъ гносеологическомъ принципѣ, посредствомъ котораго является человѣческому духу подлинное бытіе вещей. Здѣсь впервые въ русской философской литературѣ была указана граница матеріалистическаго міровоззрѣнія въ ученіи о субъективности нашихъ ощущеній, которымъ такъ широко теперь пользуется неокантіанство. За это-же время была написана замѣтка „О преподаваніи философіи права въ духовныхъ академіяхъ“ (помѣщена въ „Православномъ Обозрѣніи“).

V.

Но по семейнымъ обстоятельствамъ Михаилъ Андреевичъ въ 1881 г. 29 января вышелъ въ отставку, переселился въ городъ Козловъ Тамбовской губерніи и поступилъ на службу въ мѣстное уѣздное земство. Здѣсь онъ сначала былъ сдѣланъ наблюдателемъ за хозяйственной частью начальныхъ училищъ и въ то-же время преподавалъ педагогику въ Козловской женской прогимназіи. Но вскорѣ вслѣдствіе доклада, представленнаго имъ въ томъ-же 1881 г. очередному земскому собранію, въ Козловскомъ уѣздѣ была учреждена должность отдѣльнаго инспектора народныхъ училищъ, по примѣру Елабужскаго земства, съ содержаніемъ отъ земства и съ разъѣздами на земскій счетъ, но съ правами государственной службы. До этого же времени Козловскій уѣздъ вмѣстѣ съ сосѣдними находился въ завѣдываніи правительственнаго инспектора, руководство и надзоръ котораго не могли быть плодотворными уже по той простой причинѣ, что ему одному приходилось разъѣзжать по нѣсколькимъ уѣздамъ и при томъ во время глубокой осени и зимы, когда только и производилось ученье въ школахъ. По новому положенію Козловскій уѣздъ былъ выдѣленъ въ особый 6-ой участокъ, а инспекторомъ сюда согласно ходатайству земства былъ опредѣленъ Михаилъ Андреевичъ, который приложилъ всѣ свои старанія къ тому, чтобы оправдать оказанное ему довѣріе.

Козловское земство, какъ и всѣ остальныя, унаслѣдовало свои школы отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, по распредѣленію его дѣлъ въ 1866 году, въ количествѣ 61 школы. Изъ числа же этихъ послѣднихъ 17 было такъ называемыхъ „палатскихъ школъ“ (ланкастеровскихъ), въ которыхъ по плану графа Киселева обыкновенно приготовлялись волостные писаря и волостные головы. Находились эти школы въ районѣ поселеній государственныхъ крестьянъ, для которыхъ онѣ поставляли низшій административный персоналъ. Остальныя 44 школы возникли по мысли графа М. Н. Муравьева, когда онъ былъ министромъ государственныхъ имуществъ. Школы этого послѣдняго разряда въ общемъ были очень плохи: помѣщались онѣ въ церковныхъ караулкахъ, бюджетъ ихъ былъ ничтоженъ. Духовенство, которое привлечено было къ занятію въ нихъ учительскихъ должностей, неисправно относилось къ своимъ обязанностямъ и вело занятія неправильно, какъ это явствовало изъ ревизіонныхъ отчетовъ чиновниковъ особыхъ порученій для наблюденія за порядкомъ въ волостяхъ.

Въ виду этого земство нашло возможнымъ сократить къ 1881 г. число принятыхъ имъ школъ до 50 въ уѣздѣ, несмотря на то, что въ немъ было до 400 селъ, въ томъ числѣ 118 съ церквами (теперь больше) съ 364.138 человѣкъ населенія на пространствѣ 5888,5 кв. верстъ. Школы за исключеніемъ „палатскихъ", скоро потонувшихъ въ общей массѣ и также пришедшихъ въ упадокъ, не пользовались особеннымъ довѣріемъ населенія и, если и возникали, то скоро и закрывались, не давая никакого положительнаго результата для развитія грамотности въ народѣ. „Была школа, да не принялась",—говорили въ такихъ случаяхъ крестьяне.

Поэтому первой задачей, которую долженъ былъ выполнить новый инспекторъ народныхъ училищъ, состояла въ томъ, чтобъ возвратить школѣ довѣріе населенія и расположить его къ грамотности. И эта задача была блистательно выполнена Михаиломъ Андреевичемъ. Особенно счастливымъ обстоятельствомъ для него въ этомъ случаѣ надо считать то, что во главѣ Козловскаго земства въ то время стоялъ Юрій Александровичъ Ознобишинъ, двадцать пять лѣтъ непрерывно избиравшійся уѣзднымъ предводителемъ дворянства и въ силу этого бывшій предсѣдателемъ земскихъ собраній. Молодой, энергичный, высокообразованный, онъ руководилъ земскимъ дѣломъ въ Козловскомъ уѣздѣ почти съ самаго открытія земства, будучи избранъ въ уѣздные предводители дворянства 27 лѣтъ отъ роду. Вотъ такой то дѣятель согласно „Положенію о начальныхъ училищахъ" состоялъ, по должности предводителя дворянства, предсѣдателемъ училищнаго совѣта съ 1874 г., т. е. со времени изданія самаго „Положенія". Естественно, что новый инспекторъ, являвшійся по тому-же „Положенію" Непремѣннымъ членомъ училищнаго совѣта, нашелъ въ Предсѣдателѣ самую вліятельную опору для осуществленія своихъ плановъ. А согласная дѣятельность Предсѣдателя и Непремѣннаго члена въ училищномъ совѣтѣ привела къ тому, что и Уѣздная Земская управа была привлечена и расположена къ разработкѣ систематическаго плана дѣйствій по развитію народнаго образованія въ уѣздѣ. За Управой же и Училищнымъ совѣтомъ пошло и земское собраніе, которое, начиная съ этого времени, т. е. съ 1881 г., въ продолженіе многихъ лѣтъ ни разу не отказывало своимъ инспекторамъ въ возбуждаемыхъ ими ходатайствахъ, потому что всѣ эти ходатайства клонились къ выполненію принятаго плана.

Согласно этому плану было признано разъ на всегда, что обращеніе земскихъ средствъ на училищныя надобности

въ той или другой мѣстности обусловливается участіемъ самихъ сельскихъ обществъ или даже и частныхъ лицъ данной мѣстности въ расходахъ по содержанію училищъ. Въ случаѣ, если какое нибудь общество или частное лицо желало открыть у себя училище, оно должно было, обращаясь въ Земскую управу съ просьбой о принятіи содержанія его на земскій счетъ, указать, какой взносъ съ своей стороны само ассигнуетъ ежегодно для этой цѣли. Было установлено, чтобы такая просьба удовлетворялась земскимъ собраніемъ только въ томъ случаѣ, если сельское общество или частное лицо соглашалось прежде всего построить училищное зданіе по плану, одобренному Училищнымъ совѣтомъ, причемъ если у сельскаго общества не хватало наличныхъ средствъ, оно могло взять у земства безпроцентную ссуду. Такъ были построены почти всѣ такъ называемыя земскія (въ отличіе отъ сельскихъ) училища. Но кромѣ хорошихъ зданій нуженъ былъ и хорошій составъ преподавателей. Для этого было учреждено земствомъ въ Тамбовскомъ-Нарышкинскомъ учительскомъ институтѣ десять стипендій. А когда была удовлетворена потребность въ учителяхъ для Земскихъ училищъ, ассигнованіе на стипендіи было обращено на награды лучшимъ изъ преподавательскаго персонала. Дальнѣйшей заботой инспектора было снабженіе училищъ учебными пособіями, причемъ впервые по его иниціативѣ, по его смѣтамъ и подъ его наблюденіемъ, эти пособія стали закупаться оптомъ и разсылаться по училищамъ земскою управою. Затѣмъ, по иниціативѣ же инспектора была открыта съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ дѣлъ библіотека для учителей при Земской управѣ, а также составлены были 32 библіотеки при столькихъ же „земскихъ“ (въ отличіе отъ сельскихъ) тогдашнихъ училищахъ. Это былъ первый опытъ заведенія училищныхъ библіотекъ. Возникла затѣмъ мысль о томъ, чтобы устроить ремесленные классы при нѣкоторыхъ училищахъ, но она не могла быть осуществлена по тогдашнимъ мѣстнымъ условіямъ, хотя при женскихъ пригородныхъ училищахъ и введено было преподаваніе рукодѣлія, которое шло весьма успѣшно. Для того, чтобы предотвратить забываніе усвоеннаго въ училищѣ, основаны были, гдѣ оказалось возможнымъ, воскресные повторительные классы съ особымъ вознагражденіемъ учителей за труды. Въ видахъ возбудить соревнованіе между учителями всѣ училища были раздѣлены на нѣсколько разрядовъ, причемъ наиболѣе успѣвающіе учителя переводились изъ низшаго разряда въ высшій съ большимъ окладомъ жалованья. Кромѣ того, тѣмъ учителямъ, у

которыхъ много учениковъ выдерживало экзаменъ на льготу по отбыванію воинской повинности, земствомъ назначаемы были награды изъ особыхъ ассигнованій, опредѣленныхъ для этой цѣли. Наконецъ, усиленъ былъ надзоръ за училищами съ ихъ внутренней стороны, причемъ надзору этому приданъ былъ характеръ не столько ревизіи, сколько руководства, для чего инспекторъ всѣми мѣрами старался сблизиться съ учителями и пособить имъ, по скольку это было въ его силахъ и зависѣло отъ его личнаго вліянія, въ ихъ занятіяхъ, для того, чтобы они легче могли преодолѣть многочисленныя затрудненія, какія имъ приходилось испытывать съ разныхъ сторонъ. Съ этою цѣлью въ тѣ 90—100 зимнихъ дней, когда производилось ученье, инспекторъ по нѣскольку разъ посѣщалъ каждое училище, дѣлая въ зиму по уѣзду болѣе пяти съ половиною тысячъ верстъ.

Всѣми этими мѣрами дѣло народнаго образованія въ Козловскомъ уѣздѣ было поставлено на вѣрный и прочный путь. Зданія и училищная обстановка улучшились; образовался весьма хорошій подборъ учителей, изъ коихъ многіе и по-нынѣ здравствуютъ, украшенные медалями за усердіе; обученіе достигло возможной высоты, такъ что правильное письмо подъ диктовку и знаніе элементарныхъ правилъ русскаго синтаксиса въ старшемъ отдѣленіи стало совершенно заурядным явленіемъ. Довѣріе къ училищамъ возросло въ населеніи и въ соотвѣтствіи съ этимъ школы стали непрерывно умножаться. Въ самомъ дѣлѣ, въ три съ половиною года, въ теченіе которыхъ Михаилъ Андреевичъ служилъ въ Козловскомъ земствѣ, число школъ въ уѣздѣ возросло болѣе, чѣмъ на двадцать, въ то время какъ существовавшія раньше параллельно съ этимъ совершенно преобразились. Между прочимъ слѣдуетъ отмѣтить и тотъ фактъ, что возвышенію авторитета школъ въ глазахъ населенія особенно способствовалъ приданный имъ религіозно-нравственный и патріотическій характеръ, къ чему и земскія партіи относились весьма сочувственно.

Переходъ Михаила Андреевича въ Московскую Духовную академію на каѳедру Исторіи философіи вызвалъ всеобщее сожалѣніе; а тогдашній директоръ Народныхъ училищъ Колосовскій счелъ нужнымъ выразить это сожалѣніе въ особомъ письмѣ къ нему. На прощальномъ же обѣдѣ, который данъ былъ Михаилу Андреевичу учителями, законоучителями и земскими дѣятелями, съ особенной яркостію обнаружилось, какимъ довѣріемъ и любовью пользовался уходящій инспекторъ среди преподавательскаго персонала.

Принятая со времени инспекторства Михаила Андреевича система проводилась въ Козловскомъ земствѣ въ продолженіе болѣе 20 лѣтъ. Да это и понятно, такъ какъ предводителемъ дворянства во все это время былъ тотъ-же Ю. А. Ознобишинъ, а преемниками Михаила Андреевича по должности инспектора были его братья: Алексѣй (теперь помощникъ попечителя Казанскаго учебнаго округа) и Андрей (теперь директоръ Пензенской учительской семинаріи) Андреевичи Остроумовы. Эти лица не отступали отъ разъ намѣченной системы и вели дѣло съ неослабной энергіей. Доказательствомъ же того, что система эта была правильная, могутъ служить достигнутые благодаря ей результаты. Въ настоящее время въ Козловскомъ уѣздѣ 156 народныхъ училищъ (не считая церковно-приходскихъ), изъ нихъ 4 двухклассныхъ училища Министерства Народнаго Просвѣщенія, одно одноклассное, 7 городскихъ приходскихъ и 144 начальныхъ народныхъ. Въ нихъ 412 преподавателей, изъ коихъ 160 законоучителей, и 13.003 учащихся, изъ коихъ мальчиковъ 10.537 и дѣвочекъ 2.466. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ существуетъ по два и даже по три училища, напримѣръ, въ Чурюковѣ. По вычисленію Губернской и Уѣздной Земскихъ управъ для „общедоступности“ начальнаго образованія въ отношеніи къ мужскому населенію въ Козловскомъ уѣздѣ осталось открыть только 20 училищъ. Библіотекъ при училищахъ въ настоящее время насчитывается 70; въ нихъ состоитъ болѣе 19.000 книгъ. Что касается бюджета на народное образованіе, то въ 1903 г. въ Козловскомъ земствѣ онъ достигъ почтенной суммы 105.206 руб. 69 к., тогда какъ въ началѣ дѣятельности Михаила Андреевича для той же цѣли предназначалось, если не ошибаемся, что-то около 15.000 руб. Мало того, удачный опытъ Козловскаго земства, заведшаго своего собственнаго инспектора народныхъ училищъ, вызвалъ подраженія и въ другихъ земствахъ Тамбовской губерніи. Видя достигнутые результаты, они поспѣшили также учредить должности отдѣльныхъ земскихъ инспекторовъ. При исполненіи должности инспектора Михаилу Андреевичу приходилось составлять очень интересные и поучительные доклады очереднымъ земскимъ собраніямъ о состояніи народныхъ училищъ и о состояніи народнаго образованія въ уѣздѣ. Всѣ эти доклады помѣщены въ Журналахъ Козловскаго земскаго собранія за 1881, 1882, 1883 и 1884 гг.

Козловское земство всегда относилось съ большимъ вниманіемъ къ Михаилу Андреевичу и высоко цѣнило его труды даже по оставленіи имъ службы. Такъ, спустя уже десять лѣтъ

послѣ этого событія, а именно въ 1893 году, оно вспомнило своего перваго инспектора и въ знакъ благодарности постановило высылать ему Журналы земскихъ собраній.

VI.

Вступленіе Михаила Андреевича въ число преподавателей Московской Духовной Академіи совершилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Состоя инспекторомъ Народныхъ училищъ въ г. Козловѣ, онъ былъ приглашенъ Академіей въ ноябрѣ 1883 г. принять участіе въ конкурсѣ для занятія каѳедры исторіи философіи, для чего долженъ былъ представить диссертацію pro venia legendi и прочитать двѣ лекціи, одну по собственному избранію, а другую по назначенію Совѣта Академіи. Защита диссертаціи и чтеніе установленныхъ двухъ лекцій происходили 1-го марта 1884 г. Въ Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ въ одномъ изъ первыхъ мартовскихъ номеровъ объ этомъ событіи сообщено было вотъ что. „1 марта въ 11 часовъ утра всѣ профессора и доценты богословскаго отдѣленія въ полномъ своемъ составѣ и масса студентовъ, заранѣе поспѣшившихъ занять мѣста въ ожиданіи молодого ученаго, оставившаго по себѣ добрую память въ Виѳанской семинаріи, гдѣ онъ преподавалъ философію и психологію до своего поступленія на должность инспектора народныхъ училищъ, присутствовали при защитѣ его pro venia legendi. Сначала профессоромъ психологіи А. П. Смирновымъ было предложено нѣсколько возраженій на его разсужденіе на тему: „Введеніе въ исторію философскихъ ученій [1])“ [2]), въ которомъ авторъ выразилъ свой взглядъ на исторію философскихъ системъ какъ на связную живую цѣпь, всѣ звенья которой находятся въ органической связи, въ зависимости одно отъ другого. Въ каждой системѣ, по мнѣнію автора, есть истина, ибо каждая изъ философскихъ системъ трактуетъ объ одномъ и томъ-же предметѣ, но лишь смотритъ на него съ разныхъ точекъ зрѣнія. Съ первыхъ же словъ г. Остроумовъ сумѣлъ завоевать симпатіи своихъ молодыхъ слушателей, которые съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за всѣми перипетіями ученаго спора. Сразу было видно, что г. Остроумовъ—не новичекъ въ избранной имъ области. Его отвѣты на возраженія отличались вѣскостью и оригинальностью, отчетливостью и ясностію мысли. Онъ какъ бы хватадъ на лету возраженія

[1]) Нужно читать: системъ.
[2]) Это сочиненіе затеряно въ рукописи.

оппонента, какъ бы предвидѣлъ каждое изъ нихъ и на каждое давалъ отвѣтъ. По окончаніи преній слушатели наградили восторженными аплодисментами молодого ученаго. Вслѣдъ затѣмъ г. Остроумовъ прочиталъ требуемыя уставомъ двѣ пробныхъ лекціи. Первая (по назначенію) трактовала „О значеніи Сократа въ исторіи философскихъ ученій", гдѣ авторъ ясно опредѣлилъ значеніе Сократа какъ великаго реформатора въ области философской мысли древняго міра. Вторая лекція (по собственному избранію) излагала „Ученіе Канта о разумѣ" [1]). Слушатели остались весьма довольны лекторомъ, сумѣвшимъ соединить въ своихъ лекціяхъ простоту и наглядность съ глубокомысліемъ. Силѣ впечатлѣнія много способствовала ясность и твердость дикціи лектора, а также изящество слога лекцій. По окончаніи чтеній поднялась цѣлая буря рукоплесканій, долго не смолкавшахъ"... „Будетъ очень прискорбно", заключаетъ корреспондентъ, „если академическая корпорація, руководясь какими-либо соображеніями, отклонитъ кандидатуру г. Остроумова"... Послѣ такого успѣха Михаила Андреевича второй конкуррентъ отказался отъ конкурса, а академическая корпорація не оправдала опасеній корреспондента. И вотъ 16 марта 1884 г. Михаилъ Андреевичъ былъ избранъ совѣтомъ на каѳедру исторіи философіи въ званіи приватъ-доцента, 25 того-же мѣсяца утвержденъ въ немъ, а 15 августа переименованъ согласно новому академическому уставу въ исправляющіе должность доцента.

Съ первыхъ же лекцій Михаилъ Андреевичъ началъ развивать свой взглядъ на условія историческаго развитія философіи, при чемъ особенно останавливался на внутреннихъ условіяхъ, опредѣляющихъ самый ходъ развитія и послѣдовательности философскихъ системъ. По его взгляду, въ самой познающей дѣятельности заложены извѣстныя точки зрѣнія, съ которыхъ могутъ разсматриваться вещи въ извѣстной послѣдовательности. Какъ бы разнообразны философскія системы ни казались, онѣ всѣ могутъ быть подведены подъ опредѣленные типы, зависящіе отъ той основной точки зрѣнія, какая господствуетъ въ данное время и съ какой философъ строитъ свое міровоззрѣніе. Особенно яркій примѣръ послѣдовательной смѣны этихъ точекъ зрѣнія и типовъ философскаго міровоззрѣнія, по его мнѣнію, представляетъ греческая философія: три типа собственно философскихъ воззрѣній слѣдовали здѣсь другъ за другомъ въ такой преемственности: въ досократовской фи-

[1]) Нужно читать: о паралогизмахъ чистаго разума.

лософіи господствовалъ типъ космологическій; отъ Сократа начинается антропологическій; а въ неопиѳагореизмѣ и неоплатонизмѣ выразился теологическій; въ первомъ случаѣ господствовала точка зрѣнія представленія, во второмъ—точка зрѣнія понятія и въ третьемъ точка зрѣнія идеи. Параллель развитію древне-греческой философской мысли можно указать въ исторіи новой философіи. Философія, какъ продуктъ познанія, отсылаетъ въ концѣ концовъ человѣческій разумъ къ религіи и такимъ образомъ развивается вмѣсто раціональнаго міровоззрѣнія религіозное, основанное на особомъ отношеніи цѣлаго человѣческаго духа къ бытію и его основѣ. Всѣ четыре момента отдѣляются другъ отъ друга періодами критики, анализа и скепсиса.

Этотъ взглядъ былъ положенъ потомъ Михаиломъ Андреевичемъ въ основу его магистерской диссертаціи, написанной весьма спѣшно въ опредѣленный новымъ уставомъ Академіи двухгодичный срокъ (1884 г.). Диссертація эта носитъ заглавіе: „Исторія философіи въ отношеніи къ Откровенію. Взглядъ на условія историческаго развитія философіи“ (Харьковъ, 1886). Знаменитый профессоръ философіи въ Московской Духовной Академіи В. Д. Кудрявцевъ далъ объ названной книгѣ въ качествѣ оффиціальнаго рецензента въ Совѣтѣ Академіи весьма лестный отзывъ, помѣщенный въ Журналахъ Академіи за 1886 г. Рецензентъ между прочимъ пишетъ: „Что касается философскаго свойства задачи, которую предположилъ себѣ авторъ и которая, какъ мы видѣли изъ общаго очерка содержанія его сочиненія, состоитъ въ указаніи условій, опредѣляющихъ ходъ исторіи философіи въ цѣломъ и частяхъ, то выполненіе ея служитъ новымъ подтвержденіемъ того обширнаго знакомства съ исторіею философіи, того несомнѣннаго философскаго таланта и способности къ отчетливому и стройному изложенію философскаго матеріала, которыми характеризуются и прежнія сочиненія автора, преимущественно его „„Обзоръ философскихъ ученій““. Методъ, которому слѣдуетъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи,—сначала при помощи анализа нашего сознанія указать общіе принципы развитія философіи и главные типы философскихъ системъ, затѣмъ оправдать свои теоретическія построенія фактами—можетъ быть названъ дедуктивнымъ и авторъ владѣетъ этимъ методомъ съ полнымъ совершенствомъ. Хотя приложеніе этого метода къ историческимъ фактамъ и сопровождается нѣкоторою опасностію насильственно подтянуть факты къ a priori, теоретически начертаннымъ схемамъ, но авторъ въ большей части случаевъ

искусно сумѣлъ обойти эту опасность. Вообще, выводъ на основаніи анализа сознанія главныхъ типовъ философскихъ системъ и главныхъ моментовъ въ исторіи философіи отличается остроуміемъ, строгою логическою послѣдовательностію и свидѣтельствуетъ о діалектическомъ искусствѣ автора. Оправданіе этого вывода при помощи обозрѣнія главныхъ моментовъ и новой философіи (историческая часть сочиненія) показываетъ многостороннее знакомство автора съ исторіею философіи, что и даетъ ему возможность избрать изъ обширнаго историческаго матеріала характеристическія черты и факты, подтверждающіе его воззрѣніе, и комбинировать ихъ въ одно сжатое, но стройное цѣлое. Съ особенной яркостію эти свойства таланта автора выступаютъ въ третьей главѣ второго отдѣла его сочиненія, озаглавленной: „„Параллель между новой философіей и древней““.. „Что касается до его теоретическаго воззрѣнія“, продолжаетъ рецензентъ, „на сущность христіанскаго Откровенія и на заключительныя разъясненія объ отношеніи философіи къ богословію, то здѣсь мы не видимъ той ясности, стройности и отчетливости въ теченіи мыслей, которыхъ въ правѣ ожидать читатель, привыкшій видѣть эти качества въ историко-философской части сочиненія автора [1]). Но, несмотря на то, что богословско-философская часть въ сочиненіи автора уступаетъ въ своемъ достоинствѣ чисто философской, и богословъ найдетъ въ немъ много частныхъ содержательныхъ мыслей, имѣющихъ отношеніе къ религіознымъ вопросамъ, цѣнныхъ, иногда въ примѣчаніяхъ разсѣянныхъ, сближеній философскихъ понятій съ положеніями христіанской догматики, свидѣтельствующихъ объ его богословской эрудиціи. Особенно же онъ будетъ благодаренъ за общее направленіе сочиненія, авторъ котораго смотритъ на науку, составляющую предметъ его спеціальныхъ занятій (исторію философіи) какъ на „„методъ приведенія разумнаго міровоззрѣнія къ откровенію какъ высшему матеріальному принципу постиженія бытія““ (стр. 282), а современную задачу философіи, указываемую закономъ историческаго движенія философіи, полагаетъ въ установленіи религіознаго міросозерцанія, „„въ силу котораго все бытіе должно представляться какъ осуществленіе божественнаго Откровенія въ различныхъ его моментахъ, для цѣлей религіозныхъ“ (стр. 281). Нечего и гово-

[1]) Это произошло, потому что разбираемое сочиненіе вслѣдствіе назначеннаго Уставомъ краткаго двухгодичнаго срока его подачи явилось безъ послѣдней заключительной главы, которая должна была спеціально трактовать объ отношеніи философіи къ богословію.

рить, что диссертація Михаила Андреевича послѣ такого благосклоннаго отзыва была допущена до защиты. Диспутъ прошелъ у него блестяще, а потому св. Синодомъ онъ и былъ утвержденъ 29 января 1887 г. въ степени магистра. Въ слѣдующемъ году на конкурсѣ магистерскихъ диссертацій въ Академіи, Академія присудила за эту книгу Михаилу Андреевичу Макарьевскую премію. Пишущій эти строки лично помнитъ также, какъ покойный П. Е. Астафьевъ, извѣстный въ свое время авторъ многихъ выдающихся философскихъ трактатовъ, завѣдывавшій въ то время Университетскимъ отдѣленіемъ въ Лицеѣ Цесаревича Николая, давалъ намъ самый лестный отзывъ объ этой книгѣ, называлъ ее по логическому развитію „стальною“ и горячо рекомендовалъ ознакомиться съ нею.

Развивая свои философскіе взгляды въ лекціяхъ для студентовъ, Михаилъ Андреевичъ долженъ былъ при анализѣ внутреннихъ условій развитія философіи по необходимости касаться генесиса нашего познанія и его предѣловъ съ точки зрѣнія теоріи познанія, а это заставляло его, въ свою очередь, затрогивать современныя теоріи познанія вообще и въ частности развиваемыя физіологической психологіей. Съ другой стороны, въ самомъ изложеніи космологическихъ и психологическихъ философскихъ доктринъ онъ вынужденъ былъ принимать въ соображеніе проблемы современнаго естествознанія. Здѣсь ему помогала его громадная начитанность въ области естественныхъ наукъ, къ которымъ онъ сохранилъ живой интересъ еще со времени своего пребыванія въ Медико-Хирургической академіи, хотя оно и было непродолжительно. Свой взглядъ на психологическій вопросъ онъ высказалъ еще въ 1880 г. въ „Обзорѣ философскихъ ученій“, примкнувъ въ разрѣшеніи его къ „неокантіанцамъ“ въ Германіи. Болѣе подробно тотъ-же взглядъ развитъ имъ уже въ бытность свою въ Академіи въ сочиненіи: „О физіологическомъ методѣ въ психологіи“, вышедшемъ въ 1888 г. Основная задача этого сочиненія состоитъ въ томъ, чтобы выяснить противорѣчіе, въ которое впадаетъ психологическое ученіе современной физіологіи, трактуя вопросъ о происхожденіи сознанія въ общей физіологіи мозга съ одной точки зрѣнія и въ физіологіи органовъ чувствъ—съ другой, совершенно противоположной. Въ общей физіологіи мозга сознаніе, въ томъ числѣ и ощущенія, является функціей мозга, а въ физіологіи органовъ чувствъ самъ мозгъ представляется феноменомъ ощущенія со всѣми его ощущаемыми качествами. Такимъ образомъ получается логическій

абсурдъ: слѣдствіе (ощущеніе и сознаніе) оказывается причиною или условіемъ своей собственной причины (ощущаемыхъ качествъ мозга, подъ видомъ которыхъ намъ мозгъ только и извѣстенъ). Въ то время представленіе объ энергіи, на которомъ теперь пытаются обосновать психологическое ученіе, еще не было развито въ той формѣ, какъ нынѣ, и книга Михаила Андреевича, будучи первымъ опытомъ сочиненія подобнаго рода на русскомъ языкѣ, имѣла большое научное значеніе. По крайней мѣрѣ покойный П. Е. Астафьевъ въ своей рецензіи на эту работу, озаглавленной „Итогъ новой психологіи", писалъ, „что книга эта не можетъ пройти не замѣченною не только въ нашей скудной русской, но и общей философской литературѣ нашего времени". „Стараясь по возможности менѣе выдвигать впередъ свои личные взгляды на предметъ (кромѣ послѣднихъ главъ)", говоритъ рецензентъ", и предоставляя высказываться почти постоянно собственными словами самимъ признаннымъ корифеямъ физіологической психологіи, авторъ шагъ за шагомъ проводитъ читателя черезъ все физіологическое ученіе, само такимъ образомъ, устами собственныхъ творцовъ, раскрывающее этому читателю свое очевидное до комизма, непоправимое самопротиворѣчіе. Благодаря такому пріему, школа физіологической психологіи въ книгѣ г. Остроумова совершенно серьезно и безъ всякихъ натяжекъ сама себя нещадно сѣчетъ и побиваетъ". Съ своей стороны, мы прибавимъ, что въ основномъ своемъ воззрѣніи на выводы физіологической психологіи Михаилъ Андреевичъ несомнѣнно примыкаетъ къ Альб. Ланге въ его „Исторіи матеріализма".

Помимо чтенія лекцій по исторіи философіи Михаилу Андреевичу поручено было опредѣленіемъ Совѣта Академіи, состоявшимся 12 марта 1886 г., также и чтеніе лекцій по вакантной каѳедрѣ „Введенія въ кругъ богословскихъ наукъ" (т. е. прежняго основного богословія). Въ связи же съ предшествующими занятіями богословіемъ появилась его книга о гр. Л. Н. Толстомъ, представляющая разборъ и характеристику богословскихъ воззрѣній писателя (главнымъ образомъ его „Исповѣди") съ христіански-теистической точки зрѣнія. Въ духовномъ мірѣ эта книга, напечатанная сначала въ видѣ журнальныхъ статей (какъ и всѣ почти сочиненія автора), произвела большое впечатлѣніе, какъ первый опытъ ориентировки въ воззрѣніяхъ знаменитаго писателя съ богословской точки зрѣнія, и разошлась въ Москвѣ въ двѣ недѣли. Объ ней оберъ-прокуроръ Св. Синода во всеподданнѣйшемъ докладѣ счелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія покойнаго Императора Алек-

[illegible]ря [illegible] а преосвященный Феофанъ затворникъ въ письмѣ отъ 5[illegible] января 1885 г. изъ Вышенской пустыни къ Елагину, [illegible] рый [illegible] посылалъ ему названное сочиненіе, писалъ: [illegible] идетъ впередъ,—и тѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе [illegible] особенно теперь читаемое—въ ноябрьской кн[illegible] [illegible]—хороша. Помоги ему, Господи!" Однако, по при[illegible] [illegible] книга эта, посвященная имъ памяти [illegible] горячо любимаго младшаго брата Ѳе[illegible] [illegible] слишкомъ субъективно и горячо, [illegible] потому и имѣла характеръ бо[illegible] [illegible] тѣхъ ученый. Къ тому-же и религіозные [illegible] книги гр. Л. Н. Толстого претерпѣли уже съ того [illegible].

[illegible] съ [illegible] и высказавъ въ ней взглядъ на [illegible] философіи. Михаилъ Андреевичъ воз[illegible] [illegible] очерковъ съ изложе[illegible] [illegible] или другой философской системы. [illegible] въ 1887 г. былъ приготовленъ очеркъ подъ [illegible] Климентій", напечатанный въ „Вѣрѣ и Ра[illegible] [illegible] съ передѣлками въ 1902 году. [illegible] и остановилось.

[illegible] дѣятельности Михаила Андрее[illegible] [illegible] можно съ увѣренно[illegible] [illegible] исторіи философіи оставили [illegible] и требаль здѣсь недолго. По край[illegible] [illegible] проф. А. И. Введенскій [illegible] сочиненіяхъ. Такъ, въ своей [illegible] (Сергіева Лавра, 1899) онъ пишетъ: [illegible] предметно-содержательнаго [illegible] Разумъ. Благо), намѣченная [illegible] форму подъ [illegible] отдѣленной книги [illegible] философіи въ отношеніи къ [illegible] историческаго развитія фило[illegible] [illegible]—авторъ съ замѣча[illegible] [illegible] типа есте[illegible] [illegible] антропологиче[illegible] [illegible] совпаденіе [illegible] нравственныхъ [illegible] упомянуть объ [illegible] книги, служив[illegible] [illegible] духовныхъ во[illegible]

бужденій,—тѣмъ болѣе могущественныхъ, что они восприняты въ дни юности" (стр. 73). Почти тоже тотъ же профессоръ говоритъ въ другомъ своемъ капитальномъ сочиненіи: „Религіозное сознаніе язычества" (Москва, 1902 г., I стр. 45). Вообще надо замѣтить, что со времени лекцій Михаила Андреевича въ Московской академіи появляется рядъ молодыхъ преподавателей изъ его учениковъ, которые въ философіи, психологіи и основномъ богословіи считаютъ необходимымъ указывать на данныя положительныхъ наукъ, а не довольствоваться однимъ умозрѣніемъ. Изъ нихъ кромѣ проф. А. И. Введенскаго (философія) мы можемъ назвать еще профессоровъ С. А. Глаголева (введеніе въ кругъ богословскихъ наукъ, бывшее основное богословіе) и П. П. Соколова (психологія).

Едва-ли кому извѣстно, что Михаилъ Андреевичъ принималъ еще косвенное участіе въ возникновеніи мысли объ изданіи русскаго философскаго журнала „Вопросы философіи и психологіи". Извѣстно, что Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ слушалъ лекціи въ Московской Духовной академіи и съ той поры часто посѣщалъ Сергіеву Лавру, пока жилъ въ Москвѣ. Въ одно изъ такихъ посѣщеній чрезъ И. И. Кристи (нынѣ покойнаго, брата Московскаго губернатора), бывшаго слушателемъ Михаила Андреевича, Владиміръ Сергѣевичъ и этотъ послѣдній познакомились и во время пріѣздовъ Владиміра Сергѣевича въ Сергіевъ Посадъ вели частыя вечернія бесѣды въ номерѣ старой лаврской гостиницы, гдѣ обыкновенно останавливался покойный философъ. Въ одну изъ такихъ бесѣдъ Михаилъ Андреевичъ высказалъ ему мысль, что хорошо было бы издавать философскій журналъ, подобный богословскому, издаваемому Московской академіей. А академія въ то время издавала: „Творенія святыхъ Отецъ въ русскомъ переводѣ съ прибавленіями". По мысли Михаила Андреевича можно было бы издавать „Творенія философовъ въ русскомъ переводѣ съ прибавленіемъ философскихъ изслѣдованій". Черезъ нѣкоторое время послѣ этой бесѣды въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" появилась замѣтка объ изданіи психологическимъ обществомъ въ Москвѣ „Вопросовъ философіи и психологіи", написанная В. С. Соловьевымъ. Онъ же помѣстилъ эту замѣтку по совѣту покойнаго профессора философіи въ Московскомъ университетѣ Н. Я. Грота, котораго въ шутку именовали въ интимномъ кружкѣ не „гротомъ", а „пещерою". Н. Я. Гротъ находилъ, что названіе журнала много значитъ и придалъ ему вышеупомянутое заглавіе для того, чтобы заинтересовать будущихъ чи-

тателей. Творенія же философовъ рѣшено было издавать особыми прибавленіями. Въ память этой бесѣды В. С. Соловьевъ подарилъ Михаилу Андреевичу свою книгу „Религіозныя основы жизни“ съ надписью: „Сострадальцу по ереси развитія“. Происходило это 21 ноября 1886 г. Въ 1887 г. нашелся издатель для „Вопросовъ философіи и психологіи“, а въ январѣ 1888 г. вышла уже первая книжка журнала со вступительной статьею Н. Я. Грота. Но въ это время Михаилъ Андреевичъ находился уже въ Харьковскомъ университетѣ и преподавалъ Церковное право.

Я. Денисовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

* * *

Часъ насталъ. Ужъ близко буря.
Тучи небо облегли.
Грозный ликъ надменно хмуря,
Поднимаются они.
Скоро грянетъ громъ надъ нами,
Небо вспыхнетъ все огнемъ,
Но съ подъятыми главами
Мы напора бури ждемъ.
Пусть тростникъ къ землѣ пригнется,
Пусть былинки всѣ дрожатъ,—
Въ сильномъ сердце не сожмется,
Сильный духомъ бурѣ радъ.
Безъ борьбы нѣтъ въ жизни счастья,
Безъ борьбы она пуста,
Лишь въ борьбѣ безбрежной властью
Одаряется душа.
И я вѣрю,—время минетъ,
Туча въ вѣчность улетитъ,
То, что слабо, въ бурѣ сгинетъ,
Что сильно, то устоитъ,
И очищенный отъ суши,
Отъ приростковъ и ліанъ,
Лишь пышнѣе развернется
Нашъ родимый великанъ.

В. Ермоловъ.

Забастовка Духовныхъ Академій.

Забастовала у Троицы-Сергія Духовная Академія! Въ то время, когда бастуютъ учебныя заведенія, считающія своихъ слушателей тысячами, почти шуточнымъ чѣмъ-то является „потуга" немногочисленныхъ слушателей Академическихъ, у Троицы, курсовъ не отстать отъ своихъ свѣтскихъ товарищей. Это дѣйствительно шутка, но шутка очень плохая, ибо она, хотя ничтожна по размѣрамъ, но очень крупна по содержанію. Содержаніе же ея—совершенное непониманіе будущими пастырями и архипастырями (а ученики Академій Духовныхъ таковыми почитаться должны), какъ значенія богословскаго ученія самого по себѣ, такъ и роли церкви въ дѣлѣ религіознаго образованія. Академисты, явно, ставятъ себя на одну ногу со студентами свѣтскихъ наукъ. Но, какъ теперь вообще пробавляются люди одними словами, не стараясь нисколько вникнуть въ смыслъ оныхъ, такъ и здѣсь: въ Университетахъ есть профессора, студенты и курсы; такъ и въ Академіи тоже—профессора, студенты и курсы. Автономія и право забастовокъ для однихъ: какъ же не требовать тѣхъ же право и другимъ?! Хороша или плоха автономія свѣтскихъ школъ—это вопросъ, о которомъ, если не достаточно наличныхъ фактовъ, можно еще разсуждать принципіально, но для школъ церковныхъ какого бы онѣ ранга ни были, вопросъ разрѣшается радикально самимъ понятіемъ о Церкви. Свѣтская наука отрицаетъ догму абсолютную; церковь утверждается на абсолютности догмы. Наука свѣтская свободна по существу: ей принадлежитъ, по словамъ А. С. Хомякова, право „сомнѣнія". Наука церковная „сомнѣнія" не терпитъ, иначе какъ отказавшись отъ понятія о церкви, зиждущейся на безсомнѣнности догмы. Изъ этого вытекаетъ, что въ первомъ случаѣ „свобода" есть принадлежность чистой науки, какъ таковой (мы не говоримъ о регламентаціи и дисциплинѣ школъ—это дѣло особое), за нее никто

не отвѣчаетъ, кромѣ ея личныхъ представителей; во второмъ же наоборотъ: церковная школа учитъ только церковному ученію и за преподаваніемъ церковной истины наблюдаютъ тѣ, коимъ поручено „пасти церковь Господа и Бога“; и за ея правильное преподаваніе они же, какъ представители церкви, и отвѣчаютъ. Гдѣ-же тутъ мѣсто автономіи? Если подъ автономіей понимать хозяйственную, то и тутъ едва-ли она допустима, ибо Академіи едва-ли содержатся на свой счетъ. Требовать же автономіи, т. е. освобожденія академическаго преподаванія отъ іерархическаго контроля, „*абсурдъ*“, съ точки зрѣнія церковной. Но этого именно требуютъ дѣти Левитовъ и будущіе (въ большинствѣ) Левиты и архи-Левиты. Не ясно-ли, что они не имѣютъ понятія о церкви и ея функціяхъ, и они то готовятся руководить ея „земными“ судьбами! Въ хорошихъ же рукахъ судьбы если не православной вообще, то русской церкви въ частности! Для того чтобъ утратить до такой степени „*въ чистую*“ пониманіе того, чему собираются люди служить, не достаточно пройти чрезъ низшія, сбитыя съ толку школы: нѣтъ! надо принадлежать къ средѣ, утратившей это пониманіе издавна, ибо иначе домашнее вліяніе уравновѣшивало бы вредные школьные міазмы. И дѣйствительно, нигдѣ понятія о церкви такъ не сбиты и не искажены, какъ въ самомъ духовенствѣ. Для большинства церковниковъ церковь есть то мѣсто, гдѣ стоитъ алтарь; а отъ алтаря служители онаго, „по Апостолу“,—питаются. Для свѣтскихъ студентовъ Университеты суть только дипломодательныя учрежденія; дипломъ-документъ на питаніе себя на счетъ казны, общества, частныхъ лицъ. Вотъ почему „автономія“, какъ средство къ забиранію въ свои руки фабрики документовъ на пропитаніе, такъ теперь въ модѣ. Но въ дѣлахъ свѣтскихъ, конечно, все болѣе или менѣе вращается около экономическаго вопроса. Можно-ли мириться съ тѣмъ, чтобъ и въ дѣлѣ церковномъ господствовалъ тотъ же исключительно штандпунктъ (т. е. точка зрѣнія): а онъ господствуетъ несомнѣнно; и требованіе автономіи Духовными Академіями есть краснорѣчивое тому доказательство. Вотъ почему мы сказали въ началѣ, что „малый“ фактъ забастовки Троицкой Академіи—крупенъ своимъ внутреннимъ содержаніемъ.

Особенно же онъ крупенъ тѣмъ, что знакомитъ насъ съ внутреннимъ содержаніемъ по церковной части нашего духовенства, того самаго, которое за послѣднее время такъ громко заявляетъ о желаніи своемъ забрать церковь „въ свои руки“. Вопросъ о патріархѣ есть ни что иное, какъ стремленіе клира къ церковному полновластію, хотя бы это послѣднее и скра-

шивалось разными, „сметками“ (это выраженіе охотничье), но опытнаго человѣка сметка со слѣда не собьетъ никогда. Мы конечно не сторонники настоящаго церковнаго распорядка, какъ мы не были и сторонниками нашего правительственнаго распорядка. Но теперешній церковный строй даетъ еще надежду на возможность возвращенія на истинный путь именно своей явной нецерковностью. Стоитъ же только завести лжецерковный строй—сойти съ него уже будетъ нельзя. Это тоже, что и въ области государственной: до учрежденія Думы можно еще было надѣяться на возвращеніе нашего Отечества къ истинно русскимъ началамъ; теперь же о таковомъ не можетъ быть помину. Но государство еще кое-какъ можетъ допустить эклектицизмъ (хотя это болѣе чѣмъ сомнительно). Эклектицизмъ церковный—не мыслимое безъ гибели самой церкви явленіе. Если церковь впуститъ въ себя „органически“ не церковное начало, она не устоитъ. Церковная школа, ставшая на почву „свободы науки“ и всякихъ другихъ свободъ, себя убиваетъ. Любители такой формальной свободы, абсолютно противуположной „свободѣ о Христѣ“, пусть ищутъ себѣ удовлетворенія, гдѣ угодно, только не въ высшихъ школахъ церковнаго любомудрія.

Д. Ѳ.

---

* * *

Тяжело на сердцѣ, больно,
Что то давитъ и гнететъ,
И въ раздумьѣ я невольно
Все гляжу на небосводъ:
Столько свѣта и приволья,
Столько мощи и красы,
Безудержнаго раздолья,
Безконечной синевы.
Утонуть бы въ этой дали,
Въ этой выси голубой
Размести свои печали,
Разорвать съ своей судьбой.

В. Ермоловъ.

Русская революція и еврейская соціалъ-демократія.

(Письмо въ редакцію).

Вся Россія, какъ извѣстно, переживаетъ за послѣдній годъ ужасное и роковое время. Бурнымъ вихремъ захватила ее эпидемія неудержимаго помѣшательства на забастовкахъ, приведшая страну къ всеобщей сумятицѣ и всеобщему разгрому.

Что же это за болѣзнь, откуда она, какія бѣды причинила она организму Русскаго Государства, какъ съ нею быть?

Что это за болѣзнь, какіе ея внѣшніе припадки и симптомы, это всякій Харьковецъ могъ недавно видѣть и наблюдать непосредственно своими глазами: дикія, свирѣпыя лица, буйные крики, угрожающія дѣйствія, красныя знамена съ надписями: „долой Самодержавіе“, „да здравствуетъ соціальная демократія“ и „свобода, равенство и братство“, красные флаги на домахъ, на государственныхъ учрежденіяхъ и на Соборной колокольнѣ, разгромленныя заведенія и магазины, разрытыя улицы, поваленные телеграфные столбы, стрѣльба по войскамъ и по лицамъ посившимъ портретъ Государя, угрозы и покушенія на жизнь всѣхъ и каждаго, кто пробовалъ уклоняться отъ участія въ забастовкахъ или высказывалъ имъ несочувствіе и т. д.

Вотъ въ общихъ чертахъ симптомы русской забастовочной болѣзни—русской революціи.

Что же это за движеніе по своему существу или, точнѣе, по существу тѣхъ причинъ и побужденій, которыя скрыты за завѣсой этихъ внѣшнихъ проявленій? Да, именно „скрытыхъ“, ибо нѣтъ никакого сомнѣнія, что *громадная масса русскихъ людей, принимавшихъ прямое участіе въ забастовочномъ движеніи, совершенно невѣдала и невѣдаетъ, что ею творилось и ради чего она творила то, что творила.*

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ, напримѣръ, то знамя, съ которымъ русскіе забастовочники ходили по улицамъ и тѣмъ громогласно

заявили всему міру, что знамени этому они служатъ, въ него вѣруютъ, даже боготворятъ, ибо водружаютъ его на своей православной церкви рядомъ съ крестомъ... Знамя это цвѣта ярко-краснаго. Что же знаменуетъ собою такое знамя, что символизуетъ собою его красный цвѣтъ?.. Краснымъ цвѣтомъ принято знаменовать цвѣтъ крови, знамя краснаго цвѣта есть символическое изображеніе кроваваго возстанія, буйства, разбоя, грабежа, смерти... Значитъ, шествующіе подъ такими красными знаменами русскіе люди самолично сопричислили себя къ разряду тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которымъ во всякомъ сколько-нибудь благоустроенномъ обществѣ и государствѣ не отводится иной чести, кромѣ разбойничьей, и иного почетнаго мѣста, кромѣ тюрьмы, каторги и висилицы. Однако-жъ ни одинъ изъ красно знаменныхъ русскихъ забастовщиковъ не думаетъ, что онъ сопричислилъ себя къ разбою и уголовнымъ преступникамъ; онъ считаетъ себя „передовымъ“ и „либеральнымъ“ борцомъ „за правду и свободу“, чѣмъ и доказуетъ, что, поднимая красное знамя и шествуя подъ нимъ, онъ въ сущности творитъ, не понимая что.

Не вѣдало, что творило, громадное большинство русскихъ баступовъ и тогда, когда водружало свое красное знамя на Соборной колокольнѣ и орало „долой самодержавіе“ и „да здравствуетъ свобода, равенство и братство“.

Водружать красное знамя бунта, разбоя и грабежа на православномъ храмѣ, увѣнчанномъ крестомъ, это значитъ уподобиться тому буйному разбойнику, который, вися на Голгоѳѣ рядомъ съ распятымъ на крестѣ Спасителемъ нашимъ, издѣвался надъ нимъ и поносилъ его... Такой поступокъ возмутилъ, какъ извѣстно, даже того другого душегуба-грабителя, язычника по вѣрѣ, который также принималъ казнь крестную на Голгоѳѣ одновременно съ своимъ буйнымъ товарищемъ.—„Или ты Бога не боишься,—сказалъ онъ,—что издѣваешься надъ симъ Праведникомъ, который никому не сдѣлалъ никакого зла, тогда какъ мы осуждены по заслугамъ“... И вотъ такое издѣвательство надъ Христомъ повторили русскіе забастовщики, уже не язычники, но считающіеся „христіанами“, поднявши на церкви свой красный флагъ... Нужно, чтобы русскій православный забастовщикъ окончательно потерялъ умъ и совѣсть, отваживаясь святой церковный крестъ, символъ мира и спасенія людей, осквернить краснымъ символомъ преступленія и разбойничества. Такое, опять передъ всѣмъ міромъ христіанскимъ показанное, христіаниномъ отметаніе себя отъ Бога-Спасителя и преклоненіе передъ Духомъ Зла и Погибели—

Сатаною—можетъ быть объяснено только словами же Христа: „не вѣдали бо что творили“!..

„Долой самодержавіе“,—оретъ русскій забастовщикъ,—„да здравствуетъ свобода, равенство и братство“!

„Долой самодержавіе“!.. Что значатъ эти слова въ надлежащемъ ихъ пониманіи?.. „Долой самодержавіе“.. для русскаго человѣка означаетъ долой нашего Государя, долой нашего Царя, котораго русскій народъ искони зоветъ „Царемъ-Батюшкой“, т. е. своимъ Отцемъ. Почему русскій Царь-Батюшка названъ такимъ трогательно-любовнымъ именемъ, мы здѣсь говорить не будемъ. Мы только указываемъ на это названіе, свидѣтельствующее о крѣпкой сердечной, какъ между добрымъ отцомъ и добрымъ сыномъ, связи русскаго Царя съ своимъ русскимъ народомъ, какъ на непреложную истину и историческую, и всякимъ русскимъ сердцемъ живо чувствуемую. И вотъ поэтому именно крики бастуновъ „долой Царя“ въ душѣ всякаго истиннаго русскаго отзываются такимъ же ужасомъ, какимъ содрогается оно при крикахъ „долой“ или „вонъ“ какого-нибудь озвѣрѣлаго негодяя своему отцу. Извиненіе такому негодяю забастовщику можетъ быть только одно: „не знаетъ безумная голова, что мелетъ языкъ“...

А крики: „свобода, равенство и братство“?! Все это слова какъ-будто немудреныя для разумѣнія, но русскіе бастуны хотя и орали ихъ во всю глотку, хотя и расписали ихъ крупными буквами на красныхъ знаменахъ, но все таки смысла и значенія ихъ совсѣмъ не домекали.

Если слово „свобода“ означаетъ позволеніе говорить и дѣлать все, что хочется, то конечно, само собою разумѣется, что на такую свободу позволительно разсчитывать каждому. Но у бастовщиковъ выходитъ такъ: „Я, бастовщикъ, работать не желаю, и препятствовать въ этомъ никто мнѣ не смѣетъ; ты же, не бастующій и желающій работать, поступать такъ по своему желанію не смѣешь, пока я тебѣ не позволю“... Вотъ „свобода“ бастуна. На основаніи такого „свободомыслія“, всѣ мирные люди, желавшіе трудиться въ университетахъ, канцеляріяхъ, заводахъ, мастерскихъ были забастовщиками разгоняемы силой и угрозами смертнаго боя, разгрома аудиторій, канцелярій, мастерскихъ и лавокъ. Очевидное дѣло, что свобода, такъ понимаемая, есть свобода дикаго звѣря, дикаго хищника, есть своеволіе, хулиганство, буйство, разбой, и не домекать этого способенъ только человѣкъ безъ смысла и царя въ головѣ.

Таковыми же безумными, какъ эта свобода, выходятъ у

забастовщиковъ и ихъ „равенство и братство". „Я забастовщикъ, свободно насильничаю, свободно хожу съ краснымъ флагомъ, и могу пустить тебѣ пулю въ лобъ, если увижу въ твоихъ рукахъ портретъ Государя, за что и называю себя „передовымъ" и „либераломъ"; ты же, не бастовщикъ, мирно трудишься, но ходить съ портретомъ Государя, но защищаться отъ меня съ моимъ оружіемъ въ рукахъ ты не моги, иначе ты „черносотенецъ" и „хулиганъ", а если придутъ для твоей защиты казаки или полиція, то это „дикая орда", „дикое самоуправство" и „грубое насиліе надъ личностью гражданина"!

Или еще: „Я забастовщикъ и не работаю, но жалованье мнѣ, но стипендію мнѣ, но пособіе мнѣ изъ сундука казеннаго, общественнаго, земскаго, хозяйскаго—я требую платить аккуратно и въ увеличенномъ размѣрѣ; ты же не бастовщикъ работаешь, чтобы прокормить свою семью и чтобы наполнять тотъ самый земскій или городской сундукъ, изъ котораго непреложно должны быть удовлетворены аппетиты всѣхъ бастующихъ бездѣльниковъ"...

Вотъ „равенство" забастовщиковъ. Оно совершенно тожественно тому, какое бываетъ между беззащитнымъ мирнымъ путникомъ и вооруженнымъ рыцаремъ большой дороги!

Наконецъ „братство"... Но объ этомъ братствѣ между бастунами и мирными обывателями можно не говорить много. Оно ясно уже и изъ того, что сказано только что о забастовочной свободѣ и равенствѣ: на одной сторонѣ кровавое знамя буйства, грабежа, убійства; на другой—христіанскій крестъ мирнаго труда и тихой жизни... Кто не видитъ, что „братство" между этими двумя сторонами есть братство Каина и Авеля...

Итакъ, уже изъ этого краткаго обсужденія симптомовъ забастовочной эпидеміи, поразившей русскій народъ, совершенно ясно, какъ мало осмысленно играли и играютъ въ ней свою роль русскіе люди. Они идутъ по улицамъ и кричатъ слова, которыхъ надлежащаго значенія не понимаютъ. Они совершаютъ буйства и насилія надъ своими же кровными, не зная къ чему, ради чего. Они, проще говоря, представляютъ собою стадо барановъ, слѣпо бредущее по внушенію и указанію своихъ козловъ-вожаковъ, возбудителей и „провокаторовъ" безпорядка и мятежа на русской землѣ.

Кто эти провокаторы и возбудители, этого не скрываютъ они сами и безъ всякаго стѣсненія называютъ прямо себя и въ печати, и на „митингахъ", и на тѣхъ красныхъ знаменахъ, которые сооружаютъ и даютъ въ руки бараньему стаду—

русскимъ забастовщикамъ... Это такъ называемые „соціалъ-демократы"... Красное знамя гражданской междоусобицы и государственнаго разрушенія—это ихъ знамя. Дикіе крики: „свобода, равенство и братство—иначе смерть",—это ихъ боевые крики. Неистовые вопли: „долой Царя", „долой самодержавіе",—это ихъ неустанные вопли. Издѣвательство съ красными флагами надъ крестомъ христіанскихъ церквей, это всегдашнее издѣвательство ихъ, именующихъ себя „соціалъ демократами".

Кто же они, эти соціалъ-демократы? Что это за созданія?

Они заявляютъ, что они миротворцы людей, что намѣрены водворить рай на землѣ. Христіанство, говорятъ они, не дало людямъ ни свободы, ни равенства, ни братства, ни счастья, ни благоденствія, ни удовольствій, ни сытаго брюха. Такой рай земной можетъ дать людямъ одна соціалъ демократія. Трудъ у нихъ будетъ не трудъ, какъ нынѣ, въ потѣ лица, но пріятная забава и пріятное удовольствіе: женщины будутъ блаженствовать счастливо и равноправно съ мужчинами, дѣти будутъ взращены что ангелы небесные, обо всемъ будетъ пектись Государство, все „народное благо" устроится на общій счетъ... Осуществить этотъ рай земной просто и легко: нужно только немножко побезпокоить богатыхъ, нужно повести борьбу съ „*грабителемъ—капиталомъ*" и одолѣть „*тунеядцевъ—капиталистовъ*", въ которыхъ причина причинъ всего зла на землѣ. Способъ борьбы съ „капиталомъ" и „капиталистами" тоже очень простъ и нетруденъ: нужно просто отобрать „награбленные" капиталы у „тунеядцевъ" капиталистовъ и отдать его „трудящимся" классамъ. Разумѣется капиталисты будутъ этимъ недовольны, но удовлетворить ихъ легко на основаніяхъ „свободы, равенства и братства" французской революціи, т. е. прирѣзавши какъ барановъ, а такъ какъ на защиту ихъ обыкновенно возстаетъ царская или буржуазная „тиранія", то предварительно нужно устранить и ее по тому же французскому способу, послѣ чего и капиталы „капиталистовъ" и государственная власть „тирановъ" останутся въ рукахъ „трудящагося", или правильнѣе говорить—разбойничающаго народа. Вотъ почему соціалъ-демократы имѣютъ знамя краснаго народовластія по помянутому французскому образцу. Вотъ почему на красномъ знамени соціалъ-демократіи пишутся: „долой самодержавіе", „долой тирановъ". Вотъ почему они провозглашаютъ всегда свою особую „свободу, равенство и братство", уравнивающіе съ помощью ножей и револьверовъ „имущихъ" съ неимущими, „богатыхъ" съ бѣднымъ, „нетрудящихся тунеядцевъ" и „грабителей" съ трудящимися...

Таково дьявольское во истину ученіе соціалъ-демократизма, неприкровенно проповѣдующаго человѣкоубійство и грабежъ, и вотъ имъ то возбуждено русское забастовочное движеніе, забастовочная революція въ русскомъ Государствѣ!

Мы готовы охотно согласиться даже съ тѣмъ, что русскіе забастовщики, поднимая красное соціалъ-демократическое знамя надъ своими головами, буйствуя съ нимъ на улицахъ, въ казенныхъ зданіяхъ и учрежденіяхъ, прекращая во славу его умственную и экономическую жизнь всего Государства, знакомы съ ученіемъ соціалъ-демократизма въ размѣрахъ даже неизмѣримо большихъ, чѣмъ изложено оно только что выше, но убѣжденно утверждаемъ то положеніе, что въ рукахъ соціалъ-демократическихъ вожаковъ они, наши русскіе баступы, играли роль панургова стада, что *они слѣпо осуществляли чужое дѣло*, не вѣдая совсѣмъ сущности *затаенныхъ мотивовъ* самого „соціалъ-демократизма". А между тѣмъ вся соль соціалъ-демократизма, вся важность его какъ ужаснаго патологическаго общественнаго явленія, заключается именно въ этихъ затаенныхъ мотивахъ его происхожденія, созданія и появленія на свѣтъ Божій, невѣдѣніе и непониманіе которыхъ составляетъ главную причину одурманиванія этимъ ученіемъ многочисленныхъ русскихъ головъ, попадающихъ потомъ въ полновластное распоряженіе главарей адской соціалъ-демократической организаціи [1]).

Первое, что невольно обращаетъ на себя вниманіе при ознакомленіи съ соціалъ-демократическимъ движеніемъ и литературой соціалъ-демократизма, это то, что соціалъ демократія выдумка еврейская и въ жизнь проводится она евреями. Творцы и главные главари ея все звучные еврейскіе боги: *Марксъ, Лассаль, Энгельсъ, Бебель*; многочисленные агенты соціалъ-демократизма, проводящіе его у насъ въ Россіи, какъ это достаточно уже извѣстно, тоже *евреи*.

Второе, къ чему опять приковывается вниманіе въ данномъ случаѣ,—то, что всѣ главари и учителя, теоретическіе и практическіе, соціалъ-демократизма, будучи по происхожденію своему евреями, принадлежа всѣ къ національности, въ рукахъ которой сосредоточены если не всѣ, то во всякомъ случаѣ колоссальнѣйшіе міровые капиталы, вдругъ составляютъ самый злостный заговоръ противъ „капитала", объявляютъ самую непримиримую, самую смертельную войну „капитализму"!

Всѣмъ надъ хорошо извѣстно, что на Европейскомъ кон-

[1]) Къ числу такихъ жертвъ несомнѣнно относятся всѣ политическіе русскіе убійцы Сипягина, Плеве, Великаго Князя Сергія и т. д

тинентѣ „капиталистами“ являются исключительно Ротшильды, Блейхредеры, Мендельсопы и т. д. Имъ принадлежатъ почти всѣ крупныя и мелкія банкирскія конторы и дома. Лишь одни они, еврейскіе капиталисты, оказываются кредиторами всѣхъ государствъ, лишь у нихъ однихъ сосредоточены милліардные долговыя обязательства европейскихъ народовъ. И все это въ такой мѣрѣ, что уже война или миръ между народами и Государствами зависятъ не отъ Государей и правительствъ, но отъ степени вниманія и расположенія къ той или другой сторонѣ Ротшильдовъ и Мендельсоновъ... И вдругъ вотъ эта именно чистокровная „капиталистическая“ еврейская среда выдвигаетъ соціалъ-демократическихъ евреевъ-рыцарей чужаго блага, объявляющихъ войну „капиталистамъ“ и стремящихся овладѣть ихъ несмѣтными богатствами въ пользу народнаго пролетаріата... *не-еврейскаго* происхожденія!.. Что же это за чудо такое: евреи, объявляющіе смертный бой своимъ же евреямъ ради облагодѣтельствованія за ихъ счетъ всѣхъ всего міра?! Какое сверхчеловѣческое самопожертвованіе, какое сверхъестественное самоотверженіе, какая сверхземная любовь къ „бѣдному, изнывающему въ трудѣ и лишеніяхъ“ иновѣрному человѣчеству!.. Какъ это вдребезги разбиваетъ всѣ безчисленные извѣты и обвиненія еврейства въ его исключительномъ себялюбіи и своекорыстіи, въ его безпощадномъ паразитическомъ заѣданіи сожительствующихъ съ нимъ народностей, въ его дьявольскомъ человѣконенавистничествѣ ко всѣмъ и всему, что не евреи и не еврейское! Какъ не положить къ ногамъ такого поражающаго нравственнаго еврейскаго величія преклоненій всего міра, какъ отказать такому благородному еврейству во всѣхъ его безчисленныхъ требованіяхъ и домогательствахъ, какъ справедливый даръ благодарности и признательности? Какъ, наконецъ, не отдаться слѣпо и беззавѣтно въ распоряженіе такихъ величайшихъ соціалъ-демократическихъ благодѣтелей рода человѣческаго и не ринуться буйно, по ихъ приказанію, въ „освободительное“ движеніе всего человѣчества, а русскаго въ особенности?!..

Разрѣшить это поражающее недоразумѣніе возможно, если внимательно вникнуть въ суть того, чему учатъ евреи соціалъ-демократы и куда направлена ихъ соціалъ-демократическая практика.

Передъ нами три брошюры съ рѣчами современнаго Германскаго вожака соціалъ-демократовъ Бебеля [1]). Подобной со-

[1]) Заглавіе этихъ брошюръ: 1) *„Наши цѣли“*, 2) *Покушенія и соціалъ-демократія“*, и 3) *„Грани центра“*. Изданіе еврейскаго книгоиздательства Кольмана въ Одессѣ.

ціалъ-демократической литературой, въ весьма дешевыхъ изданіяхъ еврейскихъ же фирмъ, наводнена теперь вся Россія и засыпается нынѣ весь русскій народъ. И вотъ изучая эти рѣчи главаря соціалъ-демократовъ, оказывается, что „*капиталомъ*“ называются постоянно только *имущественныя владѣнія*—земля, имѣнія, хозяйственный инвентарь, фабрики, заводы,—а въ числѣ „*капиталистовъ*“, подлежащихъ погрому и грабежу, перечисляются лишь *христіанскіе цари, духовенство, помѣщики, купцы*. О *банкирскихъ же* капиталахъ, о владѣющихъ же и *торгующихъ деньгами* капиталистахъ нигдѣ не упомянуто словомъ, и этотъ разрядъ чистаго „капитализма“, капитализма *денежнаго*, самаго, какъ извѣстно, эгоистичнаго, во истину тунеядческаго, безсердечно-грабительскаго и кровожадно-свирѣпаго, алчущаго не только громадныхъ процентовъ роста, но еще и шейлоковскихъ кусковъ мяса съ живого человѣка [1]), капитализма сосредоточеннаго исключительно въ рукахъ евреевъ и въ лицѣ еврейства,—вездѣ тщательно замолчанъ и замаскированъ подстрекательствомъ въ сторону христіанъ и христіанскаго имущества!.. Бебелевскія соціалъ-демократическія рѣчи хорошо раскрываютъ тенденцію еврейскаго соціалъ-демократизма: ученіе это, внушающее и оправдывающее убійство и ограбленіе народными массами родныхъ имъ по вѣрѣ и народности имущественныхъ классовъ, имѣетъ затаенной цѣлью *отвлечь вниманіе христіанскаго народа отъ скопленныхъ, въ его средѣ и за счетъ его достоянія, капиталовъ и богатствъ самими евреями...*

Но несомнѣнна здѣсь и другая цѣль: *обезпечить возможность еще болѣе широкой еврейской эксплоатаціи на будущее время*. Обезпеченіе это возможно въ томъ случаѣ, если евреямъ удастся перешагнуть черезъ различные государственные законы и учрежденія, полагающіе предѣлы еврейскимъ аппетитамъ и стремленію евреевъ къ властнымъ и „командующимъ“ должностямъ—административнымъ, судебнымъ, педагогическимъ и т. д. Отсюда наблюдаемая во всѣхъ государствахъ отчаянная кампанія евреевъ противъ такихъ формально-правовыхъ и моральныхъ ограниченій, именуемыхъ евреями „средневѣковыми предразсудками“, „позорными пережитками времени“

[1]) Американскіе, напримѣръ, евреи банкиры отказали Россіи ссудить ее деньгами,—конечно за хорошіе проценты,—пока евреи не получатъ въ Россіи равноправія, т. е. предоставленія евреямъ права повсюдной эксплоатаціи русскаго народа и права на начальственныя мѣста въ Государствѣ.

и иначе [1]). Чтобы уничтожить такіе, по мнѣнію евреевъ, „пережитки“ и „предразсудки“ въ Русскомъ Государствѣ, еврейская соціалъ-демократія рѣшила воспользоваться моментомъ крайней озабоченности Россіи военными дѣлами и создать въ ней революціонное движеніе силами различныхъ „сіонистовъ“, „Бундовъ“ и другихъ еврейскихъ „боевыхъ“ организацій и „дружинъ“. И это движеніе легко было создано при благосклонномъ содѣйствіи русской интеллигенціи, обезличенной національно, легко по маломыслію думающейся звонкими словами о „либерализмѣ“ и „прогрессѣ“, тугоподвижной и плохо-способной по невѣжеству и лѣни на дѣло, но крайне податливой на сладкія посулы теплыхъ мѣстъ и властныхъ положеній... Для пущаго дураченья русскаго общества, движенію дано наименованіе „освободительнаго“. Оно должно якобы освободить „русскій народъ“ отъ „тиранніи бюрократіи“ и дать якобы совершенную свободу и благоденствіе народнымъ массамъ. Здѣсь, суля этимъ народнымъ массамъ право грабежа имѣній и имущества помѣщиковъ и духовенства, т. е. подводя русскій народъ неминуемо подъ пули войскъ, подъ уголовную отвѣтственность, къ тюрьмѣ и каторгѣ, агитаторы соціалъ демократизма потребовали за это устройства сходокъ, митинговъ и забастовокъ съ непремѣнными резолюціями къ Правительству о „всеобщихъ и равныхъ правахъ... безъ различія вѣроисповѣданія и національности“... И вотъ эти сходки, митинги, резолюціи и забастовки разгромили Россію: *русскіе люди собственными руками обдѣлали чуждое имъ и ненужное имъ еврейское дѣло.*

---

[1]) Вотъ напр что находимъ объ этомъ, у *Карла Маркса* („*Современная борьба классовъ*“, стр. 31—32). Указавъ что соціалъ-демократы, которые именуются Марксомъ также „коммунистами“, въ своемъ стремленіи разрушить *абсолютизмъ, феодальное* (крупное) *землевладѣніе и мелкую буржуазію* (имущественный классъ) примыкаютъ всюду въ Англіи, Сѣв. Америкѣ, Швейцаріи, Франціи, Польшѣ, Германіи—къ разнымъ разрушительнымъ движеніямъ, К. Марксъ заключаетъ такими ужасными строками: „*Однимъ словомъ всегда и всюду коммунисты поддерживаютъ всякое революціонное движеніе, направленное противъ существующихъ общественныхъ и политическихъ отношеній.* Во всѣхъ этихъ движеніяхъ ими выдвигаются *на первый планъ вопросъ о собственности*, который они считаютъ *коренной основой движенія*. . . . . *Считая недостойнымъ себя,*—съ присущей лишь человѣконенавистническому еврейству наглостью восклицаетъ К. Марксъ,—*скрывать свои взгляды и намѣренія*, они открыто заявляютъ, что цѣли ихъ могутъ быть достигнуты *только путемъ насильственнаго ниспроверженія существующаго порядка вещей. Пусть же господствующіе классы трепещутъ въ ожиданіи грядущей коммунистической революціи! Пролетаріямъ страшиться нечего: потерять они могутъ только сковывающія ихъ цѣпи, а выиграть предстоитъ все*“...

Оно принесло „освобожденіе“ евреямъ и только имъ. Русскіе и безъ того имѣли и имѣютъ въ Россіи всѣ права и всѣ свободы,—конечно на то, чтобы дѣлать любое доброе и полезное дѣло; они имѣли и имѣютъ также свободный доступъ и въ командующія сферы—администраціи, суда, школы,—если опять-таки оказываются къ тому способными и пригодными. Русскимъ если и нужно въ чемъ быть поболѣе „передовыми“, если и нужно отъ чего радикально „освобождаться“, такъ это отъ своихъ празднолюбія, лѣни, халатности, невѣжества, податливости на посулы и особливаго пристрастія къ спиритуозамъ, разгулу и увеселеніямъ. Но о такомъ освобожденіи передовые и радикальные русскіе освободители ни разу не упомянули въ своихъ многочисленныхъ „петиціяхъ“ и „резолюціяхъ“; они всегда долбили одно только внушенное имъ: „безъ различія вѣроисповѣданія и національности“. Очевидное дѣло, что слово „освобожденіе“ имѣетъ здѣсь спеціальное значеніе: оно имѣетъ въ виду лишь ту „національность“, которая домогается получить въ Россіи „свободу“ повсюднаго передвиженія и повсюдной эксплоатаціи русской земли и затѣмъ „права“ быть русскими администраторами, судьями, учителями—конечно ради властнаго распоряженія русской землей и судьбами русскаго народа.

Какой результатъ получится отъ такого „освобожденія“ русскаго еврейства отъ всѣхъ стѣсненій ихъ русскими законами и русскими „предразсудками“—это сообразить нетрудно, имѣя передъ собою еврейскую исторію вообще и исторію еврейской свободы въ Польшѣ, Галиціи, Франціи въ частности... Опытъ этихъ странъ, да и самой Россіи тоже, убѣдительно говоритъ, что еврейское „освобожденіе“ для русскаго народа и для Россіи будетъ порабощеніемъ и закабаленіемъ ихъ народу, совершенно чуждому для русскихъ и по складу ума, и по вѣрѣ, и по совѣсти... Насколько чужды русскому и этотъ еврейскій складъ ума, и эта еврейская вѣра, и эта еврейская совѣсть,—это хорошо показываетъ хотя бы недавняя харьковская забастовочная оргія, устроенная еврейской соціалъ-демократіей... Почему, напримѣръ, еврейскій соціалъ-демократизмъ водрузилъ свой красный флагъ рядомъ съ крестомъ на Православной Церкви? Потому, что евреи, не вѣруя въ христіанскаго Бога-Спасителя душъ человѣческихъ, не признаютъ и символа христіанскаго спасенія—православнаго креста. Богъ еврейскаго соціалъ-демократа—Молохъ и Мамона, буйное золото и жадное брюхо, а символъ таковыхъ боговъ—красное знамя грабежа и человѣконенавистничества... Почему опять

этотъ красный еврейскій флагъ на православномъ храмѣ такъ кровно оскорбителенъ для русскаго человѣка? Потому, что для еврея Православная Церковь только большое каменное зданіе, для русскаго же церковный храмъ есть „Церковь-Матерь", гдѣ, какъ ребенокъ на груди у своей матери, онъ привыкъ выплакивать свое горе, каяться въ своихъ грѣхахъ, вымаливать для себя прощеніе у Бога, давать обѣты на лучшую, добрую жизнь... Почему, еврейскіе соціалъ-демократы кричатъ и пишутъ на своихъ знаменахъ „долой самодержавіе", „долой Царя"? Потому что, въ противоположность русскому христіанину, евреи не признаютъ совѣсти и правды *православнаго* Царя, не признаютъ, что эти Царскіе совѣсть и правда основаны на законахъ Правды Божьей, на Заповѣдяхъ Бога. Они признаютъ только резиновую совѣсть своего талмуда и алчную правду своихъ алчныхъ же боговъ и царей: Молоха и Мамоны... Почему евреи всегда пекутся лишь о благѣ „человѣчества" и никогда о благѣ отдѣльныхъ людей и народовъ? Почему они осмѣиваютъ патріотизмъ народный и не признаютъ нигдѣ его существованія? Потому, что евреи, кромѣ своего еврейскаго „человѣчества", не признаютъ никакого другого, а „отечествомъ" считаютъ лишь то мѣсто, гдѣ удается лучше набивать брюхо и карманы.. Ubi bene-ibi patria, „мое отечество тамъ, гдѣ мнѣ хорошо", вотъ ученіе еврея о патріотизмѣ.

Наконецъ, печатныя еврейскія рѣчи Бебелей могутъ окончательно убѣдить русскихъ передовыхъ и либеральныхъ „невѣгласовъ", что для добивающагося „равноправности" и „освобожденія" отъ всякихъ стѣсненій въ Россіи еврейства—дорогія для всякаго истиннаго русскаго человѣка слова „вѣра, царь и родина"—составляютъ предметъ самаго злостнаго презрѣнія и что евреи напрягаютъ всѣ усилія своего злобнаго ума и злого сердца, чтобы задавить, заглушить, вытравить эти слова изъ сердецъ и сознанія русскаго народа своей злой ироніей, злымъ глумленіемъ, злыми издѣвательствами!

Да, революціонное „освобожденіе" будетъ для Русскаго народа нравственнымъ,—о матеріальномъ и говорить нечего,—порабощеніемъ, умственной и нравственной кабалой!

Само собой разумѣется, что русское забастовочное движеніе совсѣмъ неосновательно маскируется громкими словами о „народномъ благѣ" и „прогрессѣ" для русскаго государства.

Дѣйствительность показала, что никакого „прогресса" Россіи забастовки не принесли, никакого блага русскому народу не дали. Забастовки принесли и дали Россіи и русскому народу одинъ позоръ, одно униженіе, одно разореніе,—и, что

ужаснѣе всего, это было не просто опозореніе, но самоопозореніе, не просто униженіе, но самоуниженіе, не просто разореніе, но саморазореніе!

Забастовки опозорили Россію тѣмъ, что ими было разгромлено все русское образованіе и деморализовано, развращено, пріучено къ безсмысленному политиканству и отучено отъ работы, все подростающее молодое поколѣніе, которому вскорости предстоитъ быть руководителями русскаго народа и распорядителями судьбами государства.

Забастовки опозорили Россію предательствомъ и измѣной ея сыновъ своей родинѣ въ то время, когда она вела тяжелую и несчастливую войну. Съ прекращеніемъ работъ на военныхъ заводахъ, верфяхъ и фабрикахъ русская армія лишена была достаточнаго и своевременнаго снаряженія и вооруженія, убита и деморализована нравственно отсутствіемъ патріотизма у себя дома, въ результатѣ чего правительство было вынуждено прекратить войну, не доведя ее до нужнаго успѣшнаго конца.

Забастовки опозорили Россію умственной и нравственной тупостью „передовой" русской интеллигенціи, которая своими забастовками въ университетахъ, своей провокаціей мятежа въ земскихъ и городскихъ собраніяхъ, развратила низшіе рабочіе классы, предавшіеся также забастовкамъ, т. е. бездѣльничанью, а затѣмъ насиліямъ и грабежу.

Забастовки опозорили Россію тѣмъ физическимъ самоубійствомъ, которое явилось послѣдствіемъ прекращенія учебной, фабричной, промышленной и торговой дѣятельности, а наипаче прекращеніемъ желѣзнодорожнаго движенія, остановившаго совершенно въ государственномъ организмѣ „кровообращеніе"—движеніе людей, товаровъ и средствъ пропитанія—чѣмъ всегда организмъ влечется сначала къ „параличу", а затѣмъ къ смерти...

Вотъ въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ „прогрессъ" русскаго государства, вотъ „благо" русскаго народа, которое поднесли своей родинѣ русскіе забастовщики въ обмѣнъ за свою усердную службу еврейскому соціалдемократизму. Этотъ прогрессъ и эти блага совершенно напоминаютъ тридцать сребренниковъ Іуды, полученные ими за свою измѣну и предательство, и имъ, какъ по законамъ человѣческой справедливости, такъ и по законамъ правды Божьей остается только послѣдовать дальнѣйшему Іудину примѣру!..

Въ вышеизложенномъ представлена наша русская революціонная забастовочная горячка, указаны внѣшнія ея симптомы, ея причины видимыя, ея затаенная сущность, ея печальное значеніе для организма русскаго государства, и остается еще по принятому въ медицинскихъ книжкахъ порядку, сказать нѣсколько словъ о „прогнозѣ“ болѣзни и ея лѣченіи.

„Прогнозъ“—prognosis—это соображенія медика о томъ, что получится въ концѣ концовъ отъ даннаго заболѣванія, какое значеніе будетъ оно имѣть для дальнѣйшей жизни и существованія организма, что его ждетъ... Нашъ „паціентъ“ въ данномъ случаѣ—Русское Государство, паціентъ нашъ—Русскій народъ. При наличности такихъ необычайныхъ больныхъ медику христіанину рисковано полагаться на ограниченный свой умъ человѣческій и на слабосильную свою „науку“—созданіе того-же ограниченнаго людскаго ума. Судьбы организмовъ государственныхъ, судьбы народовъ земныхъ находятся въ Рукахъ Божіихъ, направляются Божественнымъ Промышленіемъ, и не грѣшному, ограниченному человѣческому существу проникнуть въ тайны предопредѣленія и воли Творца, Владыки и Промыслителя міра. Ему, человѣку, позволительно только высказать свою догадку, выразить свое впечатлѣніе, и на данный случай оно таково.

Русскій государственный организмъ, какъ и всякій живой организмъ вообще, существуетъ и живетъ на счетъ опредѣленнаго запаса живыхъ силъ, которыя, когда онѣ растутъ и развиваются, способствуютъ росту и развитію организма, когда ослабляются и изсякаютъ, то хиреетъ и клонится къ упадку весь организмъ. Такими живыми силами русскаго государственнаго организма, способствовавшими его устроенію и созиданію, были всегда: христіанская вѣра православная, царево самодержавіе, единодушная любовная дѣятельность народа на пользу своей русской земли. Вопросъ слѣдовательно въ томъ: въ какомъ состояніи обрѣтаются эти созидательныя силы русскаго государственнаго организма въ данный моментъ его существованія? Увы... въ плохомъ! Православная вѣра народа русскаго, эта его *душа* объединяющая, направляющая, руководящая, просвѣщающая, образовывающая и воспитывающая, пришиблена и придавлена еще съ Петровыхъ реформъ и временъ; единомыслія и ревнующей любви русскихъ людей въ отношеніи судебъ своей родины, какъ это обнаружилось во-очію во время военныхъ и революціонныхъ событій послѣдняго года—не существуетъ; Самодержавіе православное

упразднено съ 17-го октября текущаго года вслѣдствіе измѣны и предательства „бастовавшихъ“ сыновъ своей родины и вслѣдствіе то маломыслія, то малодушія живыхъ русскихъ силъ, несобравшихся во-едино для дѣятельнаго и должнаго отпора разлагающему дѣйствію и наступательному натиску враждебныхъ иновѣрческихъ и инородческихъ элементовъ внѣ- и внутригосударственныхъ. Государство русское въ смыслѣ созидательномъ очевидно пошло къ упадку, въ отношеніи же дальнѣйшаго существованія важную роль могутъ сыграть надлежащія *лѣчебныя* мѣры, которыя въ главнѣйшемъ должны сводиться къ пробужденію, оживленію, укрѣпленію и развитію остатка живыхъ силъ государственнаго организма. Русскому человѣку нужно отрезвиться духовно, нравственно и физически подъ попечительнымъ руководствомъ родной своей Матери-Церкви, ему нужно придти въ себя, заняться своимъ самосознаніемъ, придти къ надлежащему сознанію своихъ силъ и возможностей и дѣйствительнаго положенія своего русскаго дѣла, а затѣмъ приниматься за рабату,—такую же любовную, единодушную, напряженную, неустанную... *въ свою пользу*, на пользу своей Россіи и своего русскаго народа, какъ любовно, единодушно, неустанно и напряженно работаютъ среди русскаго народа хотя бы тѣ-же евреи на пользу свою и своего еврейства... Въ этомъ отношеніи и Богъ благословитъ, и полезно будетъ русскому человѣку взять себѣ за образецъ еврея и уподобляться ему!..

Яковлевичъ.

Отклики русскихъ людей на современныя событія [1].

Народный взглядъ на самодержавіе.

При нашемъ ужасающемъ всякую чуткую душу неуваженіи къ человѣку, къ его мнѣніямъ и чувствамъ,—вдобавокъ еще употребляются въ числѣ наиболѣе „убѣдительныхъ“ доказательствъ и руготня съ клеветой (у .. „образованныхъ“) и... „избіеніе“ (у... „темныхъ“,—увы, не по своей винѣ „темныхъ“), какъ только высказываются мысли и чувства не такія, какъ у нихъ. Понятно, поэтому, появленіе иногда предъ публикой анонима-писателя, нежелающаго или зря погибнуть [1]), или видѣть себя „со чады и домочадцы“ оплеванными, обруганными, опозоренными, оклеветанными!

Очень часто, въ особенности въ средѣ молодыхъ людей, какъ только вы несогласны съ ними и имъ противодѣйствуете, первымъ дѣломъ остановятся не на мысли, что несогласные съ ними могутъ исповѣдывать мнѣнія искреннія, выношенныя всею жизнію; тогда, какъ идейное противодѣйствіе—можетъ быть дѣломъ нравственнымъ,—но отдѣлаются утвержденіемъ это де—„подлецы“, „дураки“, „шпіоны“, „черная сотня“ и т. п. Всякая молодежь, а наша тѣмъ болѣе, всегда или очень часто

---

[1]) Редакція „Мирнаго Труда“, всегда стоявшая за свободу мнѣній, получила, наконецъ, возможность, на основаніи закона о свободѣ печати, открыть свои страницы для тѣхъ, кто желаетъ своимъ *откликомъ* содѣйствовать выясненію подлиннаго мнѣнія „большинства благомыслящихъ людей“. Само собою понятно, что не всѣ помѣщаемыя въ этомъ отдѣлѣ статьи являются выраженіемъ убѣжденій самой редакціи, ибо ихъ обнародованіе лишь свидѣтельствуетъ объ ея намѣреніи облегчить исканіе или исповѣданіе истины другими. *А. В.*

[1]) Мы, вѣдь, получаемъ массу писемъ, угрожающихъ и смертью, и разрушеніемъ!

отдастъ и отдаетъ свою душу за святое дѣло, когда оно понятно ею съ очевидностью теоремъ научныхъ! Но, увы, этато очевидность весьма... трудна и сложна, при нашемъ повальномъ неумѣніи мыслить, да и бороться съ предвзятыми... вкусами?!

Все это..., конечно, ужасно!.. и рядомъ съ этимъ ужасомъ, когда его забываешь,... колоссально смѣшно!! Надо же имѣть хоть немного воображенія?! Пусть съ трудомъ, но надо же представить себѣ, что возможны и *иныя* мнѣнія и чувства, а не только однѣ ваши?! возможны, вѣдь, и иные анализы жизненныхъ явленій? Вѣдь, не „только же свѣта, что у васъ въ окошкѣ"? Вспомните хоть то, что многіе величайшіе умы человѣчества были искренно убѣждены и вѣрили и въ Бога, и въ безсмертіе души, и въ Самодержавіе, и т. д. Наши славянофилы Кирѣевскіе, Самарины, Аксаковы, Хомяковы были, вѣдь, не „дураки" и „мерзавцы", а великіе аналитики и были искренно убѣждены, что при Самодержавіи достижимѣе всякія свободы, чѣмъ въ конституціонной Европѣ, гдѣ эти свободы добывались „рѣками" крови и ужасами,—что при немъ вполнѣ возможна свободная жизнь на мѣстахъ,—въ деревняхъ, волостяхъ, уѣздахъ—съ ихъ маленькими Думами и маленькими министрами, а всеобщее единеніе ихъ—въ Государственной Думѣ съ Самодержавнымъ Государемъ. Вы несогласны съ ними?!

Но ваше несогласіе съ ними, господа, не означаетъ, вѣдь, что они, эти великіе умы и часто мученики, „подлецы и мерзавцы"?! А вѣдь именно такъ разсуждаютъ сплошь и рядомъ даже въ наше „просвѣщенное время". Многіе изъ насъ сами слышали такія дикія рѣчи!! „Ты—членъ Русскаго Собранія, ты вѣруешь въ Бога, въ Христа" и т. п.?!... Довольно! ты—негодяй, тебя всячески искоренять надо и дѣлъ съ тобой не будемъ вести!! И ни одной попытки даже посмотрѣть на дѣло не столь... по-дѣтски?!

Авторъ этихъ строкъ не членъ Русскаго Собранія, но увѣренъ, что всѣ конституціи, развиваясь далѣе и далѣе, кончатъ установленіемъ Самодержавія, т. е. тѣмъ, что у насъ есть уже вѣка. Онъ берется доказать аксіомно-теоремно такую мысль: пока люди не святы, пока еще много въ нихъ разныхъ .. „свинствъ",—логичнѣе имъ желать утвержденія законовъ однимъ человѣкомъ, (возвышеннымъ народомъ такъ полно и высоко, что его не подкупятъ никакія наши „прелести"), чѣмъ—при равныхъ прочихъ свойствахъ людей—большинствомъ... волковъ среди овецъ, каковое царствуетъ само-

державно во всѣхъ парламентахъ конституціонныхъ странъ. Эта мысль понятна даже дѣтямъ! и въ эту мысль вѣруетъ сотня милліоновъ нашего народа!

Для того, чтобъ въ обществѣ и печати началось свободное уясненіе этой мысли,—о сравнительномъ достоинствѣ конституціи и Самодержавія,—надо разсуждать о нихъ не какъ объ идеалахъ людской жизни (идеалъ одинъ—Христова жизнь, братство людей), а обсудить, какъ цѣлесообразнѣе могутъ устроиться... „свиноватые люди", чтобы имъ легче было подвигаться къ идеалу Христову. Это настоятельно—нужная работа теперь,—предвидѣнная авторомъ еще пять лѣтъ тому назадъ!

Опровергайте, изслѣдуйте, разъясняйте!! если опровергните, мы отступимся, ибо ничего не хотимъ кромѣ истины! Но если не сможете опровергнуть, то имѣйте совѣсть и разумъ признать и свою ошибку, и нашу мысль. Не относитесь и презрительно... „съ дураками-де и подлецами не стоитъ связываться"! сотня милліоновъ людей *не могутъ быть* сплошь дураками и подлецами! Такое презрительное отношеніе часто—признакъ несостоятельности. Эти милліоны—ваши братья, или точнѣе-ваши кормильцы, а братьями вы ихъ только... въ „торжественныхъ" случаяхъ и на словахъ признаете; такъ и относиться презрительно къ нимъ—невѣжливо, г.г. „вѣжливые интеллигенты"! Это, вѣдь, долгъ вашъ—разъяснять народу—ошибочность его вѣрованій, мнѣній, суевѣрій?! Такъ вотъ, и уясняйте, и опровергайте! теперь уже можете всѣ ваши доводы привести? а не можете, или не хотите „преслѣдованій",—давайте такіе доводы анонимно: мы приведемъ ихъ безъ опасности для васъ.

А выяснить правду крайне важно и нужно! Народъ хотя и позднѣе, но узнаетъ о томъ, что хотятъ верховное право утверждать законы передать... „господамъ", а не оставить его у Самодержавнаго Царя?! И если вы не уясните ему ошибочность этой его вѣры, то раздражите его, и онъ съ дрекольями пойдетъ на города, какъ на мѣстопребываніе „господъ"; и не будетъ тогда возможенъ разборъ правыхъ и виновныхъ, а... камня на камнѣ не оставятъ! Этого ли вы хотите?! Темный народъ, но добрый въ сердцѣ своемъ, живетъ, вѣруя во Христа, обычно, мирно у земли: „Господь повелѣлъ отъ земли кормиться",—говоритъ его мудрость; но когда темныхъ обозлятъ, то и будутъ темныя рѣшенія темно-понятыхъ дѣлъ, темными средствами и темною злобою медвѣдя: отъ раздраженнаго темнаго не ждите джентльменскихъ пріемовъ! Или вы этого не видите? не предусматриваете? Нѣтъ! такая ли или

иная тутъ правда Божья, а—она *должна* быть выяснена и принята!! и сотня милліоновъ людей не дастъ вамъ возможности замазать, подтасовать, запутать: или это теорема—правда, и тогда примите ее, если умѣете мыслить; или это—неправда, и тогда мы примемъ вашу правду Божью, а пока прислушайтесь къ „Голосу изъ Заволжья“ [1]), раздавшемуся еще пять лѣтъ назадъ въ видѣ частнаго письма къ кн. Ухтомскому.

„Наше понятіе о Самодержавіи гораздо возвышеннѣе, чѣмъ у оффиціальныхъ адептовъ его.

Здѣсь часто спрашиваешь себя: почему это никто никогда не говоритъ всей истинной правды и до конца, когда дѣло идетъ о сравненіи Самодержавія съ конституціей,—объ этомъ пресловутомъ „увѣнчаніи зданія“, забывая, какъ дѣти, что никакая форма явленія неспособна „увѣнчивать“ его? Думаю, что не хотятъ сказать всей правды,—одни потому, что не знаютъ ея; другіе потому, что не находятъ это своевременнымъ; третьи потому, что это нецензурно; четвертые... скрывая свои интимныя поползновенія. Эти послѣдніе скрываютъ именно свой алчный аппетитъ: стать самимъ на мѣсто Самодержавной власти, замѣнить ее, дабы вершить дѣла государства въ свою пользу,—какъ это и сдѣлалось во всѣхъ республикахъ и конституціяхъ, подъ обманнымъ видомъ осуществленія воли „державнаго народа“ и обѣщая лучшую жизнь этому столь часто обманываемому народу.

А, между тѣмъ, настоятельно нужно, чтобы легкомысленные не увлекались этимъ обманомъ, а знали всю правду, знали бы, что, желая конституціи, они желаютъ худшаго, а не лучшаго: тамъ на Западѣ уже начинаютъ понимать весь вредъ ея, а у насъ все еще увлекаются ею. Легкомысленные, видя, что заграницей и дороги-то хороши, и свобода-то болтать велика, и т. д, воображаютъ, что это у нихъ—отъ конституціи, а не видятъ того, что все лучшее тамъ только потому, что оно нужно самимъ буржуа, захватившимъ власть въ свои руки. Но попробуйте тамъ агитировать противъ обмановъ буржуа,—противъ того, на чемъ зиждется ихъ власть, тогда они покажутъ свою свободу,—такого „Макара“, или такую „Сибирь“, которые во сто разъ почище нашихъ!

Вѣдь скрываемая часть, самая главная у конституціоналистовъ, и ужасъ для народа въ томъ и состоитъ, что на мѣсто воли самодержавнаго Царя, неподкупнаго, станетъ воля мятущагося, подкупнаго, эгоистическаго большинства парла-

---

[1]) См. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ № 237 за 1899 г

мента: вѣдь попадетъ въ него кто?! Если бы выбирающіе и избранные были всѣ ангелы, то... но тогда бы не было надобности ни въ чемъ внѣшнемъ,—было бы царство Божье на землѣ?! Но мы всѣ воочію знаемъ, кто выборные, ктопролѣзаетъ въ избранники: мы всѣ знаемъ очень хорошо, какъ, имѣя прекрасные уставы, руководителями оказывается всякая „дрянь"?! Да и какъ это можетъ быть иначе?! Богато-подлые (волки) употребляютъ такіе подходы, которые претятъ бѣдно-честнымъ (овцамъ),—и какъ можно даже только подумать, что волки могутъ выбрать овецъ?!?! Если и попадаются между избранными двѣ-три овцы, то онѣ попали или нечаянно, или онѣ нужны самимъ волкамъ (ученые, духовные и т. под.), но неслыханное дѣло, чтобы онѣ составляли большинство...

Что было бы у насъ при конституціи?—Да то же, что и теперь видимъ въ разныхъ думахъ и земствахъ, гдѣ большинство не изъ благомыслящихъ крестьянъ, а изъ .. волковъ! Выйдетъ то, что все бѣдно-честное, весь народъ попадетъ въ кабалу къ богато-подлому. Это-ли не подлинный ужасъ?!?! И за эту похлебку, вкупѣ съ хорошими дорогами и др. частностями, продать возможность согласія самодержавнаго Царя съ благомыслящимъ меньшинствомъ по главнымъ, кореннымъ дѣламъ государства?!

Ни для кого уже не тайна, что крестьяне были бы отпущены на всѣ четыре стороны безъ земли, если бы ихъ освобожденіе рѣшалъ парламентъ, большинство котораго всегда богато-подлое, и что только Самодержавіе Царя дало возможность согласиться съ меньшинствомъ! Да такъ во всей Европѣ, такіе парламенты такъ и *освобождали* народъ, т. е. вырабатали себѣ рабовъ... Въ такомъ рабствѣ въ Европѣ все бѣдно-честное, и тоже будетъ и у насъ, если, Боже спаси! будетъ *дана* конституція. Неужели это неясно даже ребенку?! Я говорю „дана" потому, что русскій народъ самъ никогда не попроситъ.. ярма себѣ на шею. А вотъ есть увлекающіеся ею и только потому, что выставляются мелочи, а самая же суть скрывается... Если въ Европѣ есть и у рабочихъ (тамъ почти нѣтъ „народа, а одни рабочіе, словно рабочіе волы!) что либо лучшее, чѣмъ у насъ, то, вѣдь это не оттого, что у нихъ—конституція, *а несмотря* на нее—несмотря на всю борьбу противъ нихъ большинства въ парламентѣ!

А у насъ, благодаря Самодержавію, если Царь и ошибется, то Онъ же и поправитъ; а богато-подлое большинство парламента всегда будетъ только держаться за „ошибки", столь ему полезныя.

Петръ закрѣпостилъ, а Александръ освободилъ. Въ Европѣ закрѣпощены на вѣки безъ поправки: кто и что заставитъ богато-подлаго уступить изъ своего хоть малость?! Оттого народъ и называетъ царей „Надёжа-Государь": надѣются, что если и было сдѣлано что плохо, то не по тому совсѣмъ, что это—свойство Самодержавія, а потому, что и всѣ люди не совершенны: не знали еще, какъ лучше сдѣлать (объ освобожденіи крестьянъ раздумывали уже Александръ I и Николай I); и народъ терпѣливо всегда ждетъ, и надѣется на своего „Надёжу-Царя", что какъ только узнается лучшее, то и сдѣлается оно,—и сдѣлалось уже! А большинство парламента *всегда* будетъ на сторонѣ богато-подлаго, и никогда не будетъ лучше, доколѣ оно у власти,—все равно, какъ и у китайцевъ неподвижно будетъ: у нихъ, вѣдь, на дѣлѣ богдыханъ не самодержавенъ—онъ шагу ступить не можетъ самостоятельно, а царствуетъ своеобразный парламентъ, большинство чиновниковъ-мандариновъ: поди выберись изъ-подъ ихъ власти! При такомъ парламентѣ нѣтъ уже никакой надежды, чтобы мысль Божья, меньшинства взяла верхъ.

Въ виду угнетенности всего бѣдно-честнаго народа,—настоятельно нужно разъяснить заблуждающимся весь вредъ чаянія конституціи: путь къ лучшей жизни совсѣмъ не этотъ, внѣшній,—не такъ-де разсѣлись! а путь единый, не внѣшній, путь Христовъ: будьте совершенны, ищите прежде всего разума и любви, т. е. царства правды, царства Божьяго,—а остальное все,—и хорошія дороги, и школы и т. д, все это, и больше даже, приложится! Братство людей не возможно безъ братьевъ, какъ ни.. садитесь! А быть братомъ, т. е, христіанномъ, можно всегда и вездѣ: при Самодержавіи возможнѣе даже, чѣмъ при царствующемъ богато-подломъ большинствѣ парламентовъ, задача коего именно не допускать до себя никого?! Вотъ что скрываютъ жаждущіе конституціи!

А защитники лицемѣры Самодержавія тоже скрываютъ свои поползновенія,— весьма близкія, если не тождественныя съ таковыми же первыхъ. И вотъ, въ такомъ всеобщемъ туманѣ, хотятъ, чтобы люди не ошибались...

Лицемѣрные защитники Самодержавія не Царя и народъ хотятъ защищать, а... самихъ себя: они не хотятъ потерять свое мѣсто „средостѣнія" между Царемъ и народомъ, гдѣ имъ такъ.. тепло, да и не всегда слышны жалобы подданныхъ. Благодаря только этому „средостѣнію", законъ Царя и всякая Его милость или вовсе не доходитъ до народа, или доходятъ въ неузнаваемомъ видѣ. „Царскія милости сквозь бояр-

ское рѣшето сѣются",—говоритъ народная мудрость. Оттого сдѣлалось теперь такъ душно душѣ человѣческой, что хоть бѣги, куда глаза глядятъ! Я знаю случаи, когда,—если бы не заступничество Царя,—многіе были бы теперь на сѣверѣ Якутской губерніи: шагу ступить нельзя,—накормить умирающаго съ голода нельзя... жутко, тоскливо стало!!

Понятно, что пользы отъ такихъ защитниковъ немного для Самодержавія: кривотолки никогда не полезны. Если бы они, да и всѣ власть имущіе, при Самодержавіи стремились къ установленію жизни по исповѣдуемому нами ученію Христа, устраняя то, что приближаетъ насъ къ такой жизни, а не отдаляетъ,—то связь между самодержавнымъ Царемъ и народомъ была бы неодолимою!...

Но почему,—часто недоумѣваютъ искренніе люди,—подъ Самодержавіемъ иногда жить трудно, хотя когда самъ Царь настаиваетъ, указываетъ, подаетъ примѣръ? Потому жизнь идетъ по старому и Царскія указанія нерѣдко остаются втунѣ, а мы всѣ задыхаемся въ этой ужасной атмосферѣ. Нужно больше простора Самодержавію,—по пути, указываемому сердцемъ и разумомъ Царя...

— А вотъ же, за границей?.

— Вѣчное и безъисходное рабство тамъ у буржуа всего бѣдно честнаго,—первѣе всего разсмотрите, а не свободу безцѣльно болтать, да хорошія дороги: власть буржуа куда трудно отстранить! Неужели, вы всѣ „гг. искренніе", за эти погремушки хотите закабалить богато-подлому весь народъ?! Да, тамъ, правда, можно свободно ругать Бога и Христа и всѣхъ! удобно богатымъ ѣздить по прекраснымъ дорогамъ и пр. есть пустяки; но попробуйте, повторяю, только задѣть пяту ихъ,—тогда почувствуете, каково буржуазное „равенство, братство и свобода", красующееся на всѣхъ казенныхъ зданіяхъ и отсутствующее въ сердцахъ правящихъ.

Не потому,—*милые вы мои, искренніе.. и весьма немилые лицемѣры защитники*,—тамъ хорошо, что у нихъ конституція, а у насъ плохо, что у насъ Самодержавіе, а именно, надо неустанно повторять,—*несмотря на то и другое!* У нихъ, несмотря на конституцію, богато-подлое большинство, какъ разъ пользуясь конституціей, и не уравняетъ до себя бѣдно-честныхъ; а у насъ, несмотря на Самодержавіе, они уравнены были, освобождены съ землею не на рабство богато-подлымъ, какъ вездѣ въ Европѣ, а на самостоятельную жизнь. И не Самодержавіе виновато, что не укрѣпляется эта самостоятельная ихъ жизнь,—даже по свидѣтельству всеподданнѣйшаго

отчета министра финансовъ,—какъ не Самодержавіе виновато, что вопросъ о прекращеніи войнъ и вооруженій затормаженъ „свободными“ государствами, ибо не сдѣлали свободолюбцы и десятой доли того, что предложилъ имъ Самодержавный“ Царь?! Не бьетъ ли это въ носъ?! Гдѣ имъ присоединиться къ великодушному почину нашего „деспотическаго самодержавія“, когда ихъ деспотическое самодержавное большинство богато-подлыхъ держится не на довѣріи къ бѣдно-честнымъ, какъ у насъ, а на ненависти рабочихъ, противъ которыхъ имъ и нужно увеличивать вооруженія, а не уменьшать,—пока не поймутъ ихъ солдаты, *кого* они защищаютъ...

Именно потому, напротивъ, что у насъ Самодержавіе,—возможнѣе, достижимѣе свобода, равенство и братство,—но Христово, а не буржуазное, обманное! Не Самодержавіе мѣшаетъ лучшей жизни, какъ не конституція помогаетъ въ Европѣ этой жизни, а нѣкоторыя лишь частности!

Вы видите,—все это цензурно?! Также цензурны и эти нѣкоторыя частности! О нихъ говорилъ уже Достоевскій и не только цензура пропускала, а и Царь назначилъ пенсію.. Знать истинныя, неподкупныя, и нелицемѣрныя мнѣнія и нужды народа необходимо,—примѣняя все къ жизни по выбору самодержавнаго Царя, а не по иному выбору: чтобы не было и въ поминѣ, напр., того, что Царь указываетъ расширять образованіе народа, а на дѣлѣ его всячески стѣсняютъ,—да притомъ доходятъ до того, что инспектора, директора, священники и др. оффиціально приказываютъ, на бумагѣ, открыто, не читать въ школахъ Евангелія, а только Псалтырь да Часословъ,—и это послѣ того, какъ по волѣ Царя Евангеліе появилось на русскомъ языкѣ... послѣ того, какъ милліоны Евангелій разошлись въ народѣ,—чтобы и въ поминѣ не было, напр., того, что Царь, видя недостатокъ въ помощи голодающимъ жертвуетъ Свои милліоны, а на дѣлѣ иногда закрываютъ столовыя и не позволяютъ добрымъ исполнить то, что велѣлъ имъ Богъ.

Я не буду распространяться здѣсь о мелочахъ и подробностяхъ,—какъ это сдѣлать? вмѣсто тумана, напускаемаго на публику, отъ котораго она, какъ несмысленное дитя, тянется къ блеску... петли,—къ конституціи,—вмѣсто этого, во сто разъ плодотворнѣе разъяснять мысли Достоевскаго объ этомъ предметѣ въ его „Дневникѣ“, а также всю практику древнихъ царей, созывавшихъ на время земскіе соборы,—и именно, чтобы не было обманныхъ подходовъ при выборахъ, какъ совѣтовалъ Достоевскій,—надо позвать на первый разъ однихъ крестьянъ.

И тогда Самодержавная Россія пойдетъ во главѣ человѣчества!!! Недаромъ инстинктъ и народа нашего, и азіатцевъ называетъ одного только нашего Государя „Бѣлымъ Царемъ“,— т. е., безъ единаго пятнышка.. черноты богато-подлой?!

Я твердо увѣренъ,—знаю близко крестьянъ болѣе 35 лѣтъ,—что если бы написать нижеписанное,—въ видѣ ли письма или прошенія къ Царю, или же въ видѣ статьи о семъ предметѣ,—то милліоны, всѣ крестьяне подкишутъ свои имена отъ всей души. Предположите такое прошеніе къ Царю:

„Защитникъ Ты нашъ, Царь-Батюшка! Надежа-Государь Ты нашъ единственный! Послѣ Бога и Христа—лучшая Ты сила и крѣпость наша къ исполненію воли Божьей во внѣшней нашей жизни! Милостивый Ты нашъ даятель всякихъ благъ! Дозволь, Отецъ Ты нашъ, молвить тебѣ наше слово простое, незлобивое,—слово сердечное, нелицемѣрное, чѣмъ полна наша душа! Вслушайся, Царь-Батюшка, въ наше слово, и не вѣрь Ты клеветникамъ на насъ, будто мы—скотъ несмысленный, ничего непонимающій, да пьяный и лѣнивый; прочитай Ты наши пословицы,—народную мудрость нашихъ предковъ (не баре, вѣдь, ихъ выдумали?), недаромъ назвавшихъ себя христіанами-крестьянами, и разсуди Своимъ свѣтлымъ, неподкупнымъ Твоимъ разумомъ,—можетъ-ли безсмысленный скотъ дойти до такой мудрости? (а вотъ, господа запрещаютъ печатать наши пословицы, чтобы... не развратить тѣхъ, у кого эти пословицы на сердцѣ лежатъ?!?). Тогда увидишь, Отецъ нашъ, что чтитъ простая, крестьянская душа, чему она поклоняется, чего жаждетъ, и отъ чего отворачивается,—тогда Ты полюбишь такія простыя души, а не презришь ихъ, даромъ что они просты еще, неграмотны, не знаютъ наукъ,— вѣдь, не по нашей винѣ—мы невѣжды? Наша вѣдь пословица,— наша невѣжественная, не барская, ученая: „ученье—свѣтъ, неученье—тьма“,—ученые то для ученія не сказали пока своей пословицы, а все нашей же пользуются! Сильна держава Твоя потому, что она чтитъ, а не по тому, много-ли паукъ въ ней да машинъ: все это приложится, до всего дойдемъ,—велъ бы *Ты* насъ по-Божьи, а не богато-подлые или средостѣнники, по своему, заслоняя Твою волю отъ насъ и не подпуская насъ до Тебя; вѣдь, издавна сложилось у насъ: „до Царя, охъ какъ далеко“! Не вѣрь ты, родимый нашъ Батюшка, и другимъ клеветникамъ нашимъ, говорящимъ Тебѣ, что если не держать насъ подъ кнутомъ, то мы пойдемъ бунтовать противъ Тебя или станемъ съ господами требовать конституціи! Это—еще пущая клевета на насъ: *какъ* намъ бун-

товать противъ Того, Кого мы сами призвали, Кого мы почитаемъ, послѣ Бога и Христа, единственнымъ нашимъ заступникомъ, пуще отца родного? противъ Того, отъ Кого мы вѣками и всегда получали милости и защиту; и идти вмѣстѣ съ тѣми, отъ кого мы вѣками и всегда получали лихости, отъ коихъ Ты же защищалъ насъ?! Неужели насъ такъ мало знаютъ (да немудрено,—когда они насъ только презирали, почитая насъ за подлый, низкій народъ), что думаютъ, будто мы такъ уже и не понимаемъ, кто куда гнетъ? Развѣ богато-подлые освободили насъ?! Не богатые-ли притѣсняютъ насъ,—скажемъ мы словами апостола Іакова,—и не они-ли влекутъ насъ въ суды? Не они-ли обезславили доброе имя „бѣдняка", которымъ мы называемся? Не бѣдныхъ ли міра избралъ Богъ быть богатыми вѣрою и наслѣдниками Царствія, которое Онъ обѣщалъ любящимъ Его?! И намъ идти вмѣстѣ съ богато-подлыми, которые не могутъ внити въ царство Божье, доколѣ они—богато-подлы... да и противъ Тебя?!

„Не бунтовать противъ Тебя, нашего единаго благодѣтеля, а жизнь свою отдать готовы, защищая Тебя,—повели только кличъ кликнуть! Когда, встарину, цари наши, опутанные крамолою (а была-ли когда-либо крамола отъ насъ, крестьянъ?! да, когда крестьяне, не могши стерпѣть ига богато-подлыхъ, забывали заповѣдь Христову, не въ силахъ, по грѣховной слабости, дольше терпѣть неистовства надъ собою, кои только теперь стали извѣстны, да и то отчасти,—но и бунтовали-то они подъ видомъ или во имя Царя!), уходили изъ Москвы въ Сергіеву лавру или еще куда и скликали къ себѣ вѣрныхъ,—не собирались-ли сейчасъ же и мы всѣ къ Нимъ, и не опрокидывали ли скоро и легко всяческую крамолу?! Нѣтъ, Надежа-Государь, вѣрь намъ такъ же крѣпко, какъ крѣпко и мы вѣримъ въ Тебя, нашего единственнаго защитника отъ лихостей! Не посрамимъ ни Твою вѣру въ насъ, ни своихъ душъ! Крѣпче каменной горы надѣйся на насъ, какъ и мы на Тебя! А если-бы усомнился кто, то стоитъ опросить насъ,—ни одинъ изъ насъ не отступится отъ Тебя,—развѣ тѣ изъ насъ, кои перешли отъ насъ и стали въ ряды богато-подлыхъ!

„Не только бунтовать противъ Тебя, родного нашего, мы не желаемъ, да и не можемъ желать, а и просить тебя не можемъ дать намъ конституцію: смѣха достойно, что мы будто не понимаемъ, что такое она есть. Вѣдь, о насъ другого разговора и нѣтъ,—какъ изи презрѣніе, или насмѣшка надъ нами,—хотя и знаютъ, что" не будь пахатника, не будетъ и бархатника", и что сладко ѣдятъ и мягко спятъ многіе, только

благодаря тому, что есть кому работать на нихъ: оттого и думка у нихъ одна—держать насъ въ бѣдности и въ нуждѣ, чтобы были дешевыя для нихъ руки, и только одни Цари, да малое число богато-честныхъ помогаютъ намъ выходить изъ этой кабалы,—устроивъ, напр., намъ Крестьянскій банкъ, дозволивъ переселеніе и т. п. Это все—наговоры тѣхъ, коимъ желательно заставить вѣрить имъ, будто мы—скотина несмысленная, да лѣнивая, да пьяная .. Наши ребята-парни и тѣ понимаютъ, что было бы, если бы не нашъ Царь-Заступа сталъ рѣшать нашу жизнь, а тѣ, кои.. пройдутъ въ выборные?! Неужели мы не понимаемъ, какъ и кто проходитъ въ избранные! Неужели мы не поймемъ, что тогда и вовсе заслонятъ отъ насъ наше Солнышко-Царя? И къ кому мы пойдемъ тогда за правдой? Вѣдь тогда,—что постановятъ „они", такъ тому и быть,—на то и просить дальше нельзя будетъ, да и не кому? Не только понимаемъ и понимали прежде, а и сейчасъ на своихъ хребтахъ выносимъ всѣхъ, проскочившихъ не по-Божьи въ выбранные... И только объ одномъ молимъ и просимъ и Бога, и Тебя, Царя-Батюшку: не давай ты насъ въ кабалу богатоподлымъ,—не для того Дѣдъ Твой святой вызволилъ насъ отъ нихъ, чтобы попасть намъ опять въ пущую кабалу!!

„Говорятъ часто: а вы выбирайте не зря, а только хорошихъ людей! И рады бы, Царь-Государь, да не можемъ: видапное ли дѣло овцамъ справиться съ волками?! И бывали такіе вѣдь законы да приказы отъ .. волковъ: „вольна-де тутъ овца, не разбираючи лица, схватить за шиворотъ волка, да въ ближній судъ представить",—да вѣдь все это, Батюшка, насмѣхъ только! гдѣ ужъ овцѣ схватить.. волка: дѣлывали, стало быть, наши предки что либо подобное, коли увидѣли и намъ наказали: „съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись",—тогда-то, должно, и припомнили Христовъ Завѣтъ: терпи—не противься, 7 разъ 70 на дню прощай! И просты-то мы, и малограмотны, не то, что образованы (Ты то говоришь: учите народъ Мой! а имъ-то и нужно, чтобы мы подольше оставались темными!), не поймемъ иной разъ всѣхъ подвоховъ, либо довѣримся, какъ дѣти, обманнымъ обѣщаніямъ,—да и сходы наши мірскіе поддѣлаютъ, всѣхъ хорошихъ хозяевъ отстранятъ и, останутся одни горлодеры да пьяницы! А и хорошіе хозяева хоть всѣ будь,—какъ ты станешь тутъ рѣшать по-Божьи, коли... соберутъ волки овецъ да и говорятъ имъ: ну, ну! мы не станемъ мѣшать вамъ, рѣшайте по совѣсти, свободно, а мы, ужо, поглядимъ, какъ вы... ррразззъ—такіе-то посмѣли рѣшать противъ насъ!! Мы на ихъ подлыя хитрости

не пойдемъ, потому Бога помнимъ, а они на все пойдутъ и выберутъ себѣ своихъ! Не то что и ходу другого вовсе нѣтъ,—ходы есть, да надо, чтобы экое дѣло до Тебя доходило, чтобы „средостѣніе" не мѣшало; надо свободу намъ дать до Тебя доходить, чтобы укладъ новый уставить,—а это одинъ Ты, Батюшка нашъ, можешь повелѣть и услѣдить! А безъ Твоего глаза всегда мы останемся во всей власти у богато-подлыхъ, кои будутъ верховодить всѣмъ,—да еще Твоимъ именемъ!

„Коли бы Ты, Царь нашъ Бѣленькій, повелѣлъ опросить всѣхъ насъ,—хотимъ-ли мы конституцію или самодержавнаго Царя,—всѣ, какъ одинъ человѣкъ, ни минуточки не задумаются, чего ужь думать: вѣка на своихъ хребтахъ чуяли лихость барскую и милость царскую,—всѣ захотятъ одного Тебя, нашего Надежу-Государя!! Очень хорошо мы понимаемъ, что всякого подкупить можно,—не тѣмъ, такъ другимъ; только одного самодержавнаго Царя подкупить нельзя ничѣмъ, и только Онъ одинъ рѣшаетъ по чистой совѣсти, какая у Него есть: какъ и чѣмъ Его можно подкупить, когда мы охотно и радостно предоставляемъ все, что только—онъ захочетъ; не только тѣла наши, но и жизнь нашу?! Не только охотно и радостно предоставляемъ все, что ему взбрендится, а даже такъ понимаемъ, что это такъ и слѣдуетъ, что сколько бы и чего бы Онъ ни захотѣлъ, все будетъ мала отъ насъ благодарность Ему,—нѣтъ такой цѣнности, чтобы возблагодарить Его за Его руководительство по завѣту Христа, за Его заступничество за всѣхъ обиженныхъ, униженныхъ, оскорбленныхъ, бѣдно-честныхъ противъ богато-подлыхъ *(богато честные,—тѣ только добро творятъ и суть слуги Божьи, какъ и бѣдно честные)*. Никто,—ни одинъ министръ, ни одинъ милліонеръ,—никто, кромѣ одного самодержавнаго Царя, не можетъ брать всегда и все, что захочетъ; а коли не можетъ, такъ вотъ его и можно подкупить тогда, когда онъ захочетъ вотъ этого самаго... Не то мы думаемъ, что Цари всѣ святы или, словно боги, непогрѣшимы, а то, что коли люди—еще не святые братья, и много еще между ними свиней,—то всякое устройство между такими будетъ не свято-ангельское, а много худшее,—и изъ всего худшаго, пока люди не святы, самодержавный Царь—самое лучшее изъ всѣхъ таковыхъ устройствъ: не то, опять, что такой Самодержецъ, что ни сдѣлаетъ, все будетъ святое, безгрѣшное,—ибо это можетъ только Богъ и святые,—а то, что онъ сдѣлаетъ наилучшее изъ всего, что возможно. И мы, поэтому, будемъ всячески цѣпляться за Него, сколько животы наши вытянутъ!!! Неодолѣешь крамолу богато-подлыхъ,—по примѣру

предковъ Твоихъ, кликни кличъ по всей Руси святой,—тогда увидишь вокругъ Себя силу несмѣтную!

„Какая польза,—училъ насъ Христосъ,—если и весь міръ пріобрѣтешь, а душу свою потеряешь?“ И мы по Его слову такъ и понимаемъ: какая польза, если черезъ конституцію пріобрѣтемъ и хорошія дороги, и школы, и свободу болтать и ругать Бога, и пр. и пр., а закабалимъ навѣчно всѣхъ бѣдно-честныхъ богато-подлымъ?! Видно, не знаютъ, легкомысленные, что за мука—жизнь бѣдныхъ заграницей, когда они предпочитаютъ умирать съ голода на улицахъ, лишь бы не идти въ „благотворительные“ рабочіе дома?! Стало быть, ужъ очень хороша „благотворительность“ у богато-подлыхъ благотворителей?! Не того-ли и у насъ инымъ хочется?! И въ особенности тогда, когда при Самодержавіи можно достигнуть и больше того и скорѣе,—именно потому, что самодержавный только Царь можетъ останавливать богато-подлыхъ, а въ конституціяхъ они—полные самодержцы и препонъ имъ нѣтъ! Все при Самодержавіи можетъ быть лучше,—лишь бы Ты, нашъ Надежа-Государь вѣрилъ намъ хоть на половину такъ, какъ мы вѣримъ Тебѣ!

„1 марта отъ того сталось, что свободу-то не ту и не такъ дали, да и верховодили-то ею богато-подлые: гдѣ крестьяне орудуютъ, тамъ не та свобода имъ нужна, не такія имъ школы нужны, кои доводятъ до анархіи, не тѣ имъ книжки надо, не тѣ дѣла, словомъ, имъ нужны, кои богато-подлые устраиваютъ, ругаясь на Бога и на ученіе Христа,—какъ во Франціи!—Вотъ отчего такое дѣло сталось—вотъ къ чему можетъ идти, къ ужасу нашему, коли не будутъ вести жизнь по тому, что народъ чтитъ, чему онъ поклоняется, чего жаждетъ .. Онъ больше всего хочетъ жизни трудовой, мирной, спокойной,—словомъ жизни по ученію Христа,—и всѣ пословицы наши можно поставить супротивъ Евангелія, замѣсто его,—а такая смирная, братская, любовная жизнь никогда не доведетъ до... ужасъ вымолвить даже!.. до убійства своего же благодѣтеля...

„Царь далъ тогда свободу,—а управились съ ней не по вѣрѣ крестьянъ, а по... своей вѣрѣ .. вотъ и довели?! А ужъ мы бы управили эту свободу по вѣрѣ Христовой, и было бы благо, а не убійства! Мы бы и не просили такой свободы, а просили, повторяемъ, одной бы свободы: зналъ бы да вѣдалъ самъ нашъ Царь—Отецъ нашъ всю правду о нашей жизни, всѣ наши жалобы и нужды,—да, главное, *самъ бы* рѣшалъ ихъ самодержавно! Вотъ только этого намъ и надо... Это вродѣ вотъ того, какъ если бы самъ Богъ сидѣлъ на Царскомъ Пре-

столѣ: понятно всякому, что, вѣдь, людямъ бы только и надо, чтобы каждый могъ дойти до Бога со своей нуждой,—вѣдь, ужъ всякій понимаетъ, что рѣшеніе будетъ Божье, наилучшее,—вотъ и тутъ, словно бы, тоже самое! Чего же больше людямъ и желать?! Министерствъ разныхъ много, а надо бы, Царь-Батюшка, еще одно, да большое, такое, которое бы могло и успѣвало, по Царскому указу, слѣдить за всѣмъ укладомъ Россіи,—исполняется ли все по закону Царскому,—вродѣ контрольнаго Царскаго министерства,—да гласно всѣмъ, да сильно и правдиво, во имя Христа и Царя!

„Не въ свободѣ дѣло, а нужно, чтобы управлялъ ею не кто другой, а самодержавный Царь, который почитаетъ насъ дѣтьми Своими, а не скотами-пьяницами; Онъ видитъ насъ ежедень въ солдатахъ Своихъ и говоритъ имъ: „спасибо, братцы"! Не можетъ самодержавный Царь надъ „братцами" повести свободу не по вѣрѣ Христовой, не по нашей вѣрѣ, да противъ Себя,—а вотъ путаются тутъ, либо богато-подлые, либо средостѣніе, да и просѣваютъ сквозь свои рѣшета все, исходящее отъ Тебя".

Развѣ все это нецензурно?! Не можетъ этого быть... Нецензурно, можетъ быть, по взгляду средостѣнниковъ или конституціоналистовъ?! Къ сожалѣнію это—часто такъ! Но, думается, не только одни эти взгляды и царятъ?! Я стою далеко отъ житейскаго водоворота, не знаю близко этихъ дѣлъ, но все же думаю, что возможно и правду сказать?!

Казалось бы,—не только должно быть цензурно, а настоятельно необходимо вопить, кричать, всюду обьяснять обманъ, вести полемику (эхъ, какъ бы я охотно „разобралъ по косточкамъ" всякую статью „ихъ",—указать бы только мнѣ на нее) и заставлять снимать маски! Къ чему стыдятся иные говорить всю правду объ этомъ насущномъ дѣлѣ? Это было бы еще понятно,—хотя неоправдательно,—если бы дѣло это было сомнительное, боялись бы проиграть,—а тутъ можно вести все на чистоту: камня на камнѣ можно не оставить, какъ бы хитро они ни прикрывались... Пусть даже все свободно говорятъ: разбить ихъ легко, да и не прятались бы они тогда за цензуру,—„не позволяютъ-де все сказать",—а тогда бы всѣ увидѣли, что имъ и нечего больше сказать, а все сказанное вышло бы, послѣ разбора, или дѣтски-глупое, или подлое...

Не подумайте, ради Бога, что въ выраженіи „богато-подлые" [1]) скрывается вражда къ „господамъ" и „богачамъ"... При-

[1]) Подъ однимъ словомъ „богато подлое" я собралъ все отрицательное, противоположное всему хорошему, всему Божьему, а подъ „бѣдно-честное"—наоборотъ,—все это хорошее, Божье, а не то, что только одни богатые и бѣдные...

помните у Достоевскаго въ „Дневникѣ“,—у меня нѣтъ сейчасъ подъ рукой его,—какъ онъ объясняетъ, что у крестьянъ нѣтъ ни малѣйшей вражды вообще, а если бы ихъ опросили однихъ, а мы бы—по совѣту Достоевскаго—стояли въ сторонкѣ и прислушивались къ ихъ сужденіямъ, то услышали бы даже неожиданности, до того они-де отнесутся справедливо ко всѣмъ „господамъ“, признаютъ ихъ знанія, воспользуются всѣмъ, чѣмъ могутъ, попросятъ ихъ службы и вознаградятъ даже не по своему масштабу,—такъ что вы *не читайте между строкъ, а принимайте только тотъ точный смыслъ, который имѣютъ всякое подлежащее и сказуемое...*

N. N.

Отмѣнимо-ли Самодержавіе?

„Если бы Александръ, вдохновенный великодушною ненавистью къ злоупотребленіямъ самодержавія, взялъ перо для предписанія себѣ иныхъ законовъ, кромѣ Божескихъ и совѣсти, то истинный гражданинъ россійскій дерзнулъ бы остановить его руку и сказать: Государь, ты преступаешь границы своей власти. Наученная долговременными бѣдствіями, Россія предъ Святымъ алтаремъ вручила самодержавіе Твоему предку и требовала да управляетъ ею верховно, нераздѣльно. Сей завѣтъ есть основаніе твоей власти: иной не имѣешь. Можешь все, но не можешь законно ограничить ее“.

Таковы слова знаменитой записки Н. М. Карамзина, поданной имъ своему Государю во времена, предшествовавшія декабрскимъ событіямъ. А вотъ голосъ другого добраго стольца за благо родины: „Самъ Монархъ не могъ бы умалить полноту правъ своихъ. Онъ властенъ не пользоваться ими, подвергая тѣмъ себя и государство опасности, но онъ не могъ бы отмѣнить ихъ, если бы и хотѣлъ!!“

Такъ писалъ М. Н. Катковъ наканунѣ печальной памяти событій, закончившихся первымъ мартомъ.

Съ чувствомъ горести сердечной, среди разразившейся надъ нами политической бури, въ ясномъ предвидѣніи грозящаго крушенія тысячелѣтіемъ сложившагося русскаго строя, дерзаемъ и мы теперь, слѣдуя уроку учителей, сказать свое слово:

Верховная власть ни Царемъ, ни народомъ, но Божіею милостію на Руси установлена, а потому ни Царь, ни народъ въ сей власти не вольны, и за устраненіе ея не другъ передъ другомъ, но предъ Самимъ Богомъ, какъ за грѣхъ

отверженія Его къ себѣ милости, отвѣтственны. Послы соборные молили перваго Романова не о томъ, чтобы онъ не прекословилъ состоявшейся о немъ волѣ народной, но о томъ слезно молили, чтобы онъ „воли Божіей съ себя не снималъ", той воли, которая назнаменовала его въ Цари черезъ соглашеніе на его имени всѣхъ дотолѣ враждовавшихъ межъ собою изъ за власти людей.

Какъ изначала Русь правилась „Божіею милостію, а не многомятежнымъ народа хотѣніемъ", такъ и нынѣ она можетъ быть правима и управляема не большинствомъ или меньшинствомъ, а—соборно всею землею чтимою волею непререкаемаго единаго надъ всѣми вождя и третейскаго во всѣхъ дѣлахъ судіи. Россіею править и управлять можетъ только свободная отъ абсолютизма власть единаго истиннаго Самодержца,— то есть перваго исполнителя закона, подъ каковымъ разумѣется неизмѣнное Царское слово.

Вѣрный присягѣ Дворянинъ.

Октябрь 1905.
Курскъ.

Что намъ дѣлать въ эти тревожные наши дни[1])?

„Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго, всѣхъ насъ заступи!

Вотъ молитвенный вопль, съ какимъ триста лѣтъ назадъ обратилась бѣдствующая Москва, а съ нею и вся Русь Православная къ Матери Божіей въ тяжкую годину междуцарствія,— обратилась, и Москва была освобождена отъ Поляковъ и гнѣвъ Божій былъ преложенъ на милость. Близится день, когда Москва благодарственно воспоминаетъ это великое заступленіе Царицы Небесной, но какъ благопотребно и сегодня не только Москвѣ, но и всей Русской землѣ съ слезами покаянія, съ горячею мольбою воззвать къ Матери Божіей: „Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго, всѣхъ насъ заступи!..."

Сердце обливается кровью, когда видишь, что творится вокругъ насъ... Уже не Поляки, не внѣшніе враги, а свои же,

---

[1]) Слово, произнесенное въ московскихъ храмахъ 16 го октября 1905 года, по распоряженію высшей Московской Епархіальной власти и напечатанное одновременно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" № 275. За это слово Московскіе адвокаты, ярые поборники „свободы слова и печати", постановили привлечь Митрополита Московскаго Владиміра къ церковному и свѣтскому суду, какъ виновника расправы „черной сотни" съ „крамольниками".

русскіе люди, потерявъ страхъ Божій, довѣрившись крамольникамъ, держатъ нашу первопрестольную столицу какъ-бы въ осадѣ. И безъ того тяжело жилось намъ по грѣхамъ нашимъ: то неурожаи, то болѣзни, то несчастная война, а теперь творится нѣчто доселѣ неслыханное на Руси: какъ будто Богъ отнялъ разумъ у русскихъ людей. По приказу подпольныхъ крамольниковъ, начались всюду стачки и забастовки, и на фабрикахъ, и на заводахъ, и въ школахъ, и на желѣзныхъ дорогахъ. И вотъ, дошло до того, что прекратился подвозъ жизненныхъ припасовъ, и съ каждымъ днемъ они становятся дороже; несчастныя семьи, питающіяся почти однимъ хлѣбомъ, теперь должны жить впроголодь, ибо хлѣбъ дорожаетъ; а сколько тысячъ грудныхъ младенцевъ, сколько несчастныхъ страдальцевъ, больныхъ, теперь томятся голодомъ и жалуются Богу на этихъ жестокихъ забастовщиковъ, прекратившихъ всякій подвозъ молока! Сколько больныхъ остается безъ помощи, потому, что забастовщики не позволяютъ готовить лѣкарство въ аптекахъ. Не нынѣ—завтра можно ожидать, что эта ужасная эпидемія забастовки охватитъ городскихъ рабочихъ, и вся столица останется безъ воды, безъ освѣщенія улицъ и домовъ, безъ движенія дешевыхъ конокъ... О, еслибы знали наши несчастные рабочіе, кто ими руководитъ, кто подсылаетъ къ нимъ смутьяновъ-подстрекателей, то съ ужасомъ отвергнулись бы отъ нихъ, какъ отъ гадинъ ядовитыхъ, какъ отъ зачумленныхъ животныхъ! Вѣдь это—такъ-называемые „соціалъ-демократы“, это—революціонеры, давно отрекшіеся отъ Бога въ дѣлахъ своихъ, они отреклись, а можетъ быть и вовсе не знали вѣры христіанской, поносятъ ея служителей, ея уставы, издѣваются надъ ея святынями. Главное гнѣздо ихъ заграницей; они мечтаютъ весь міръ поработить себѣ; въ своихъ тайныхъ секретныхъ протоколахъ они называютъ насъ, христіанъ, прямо скотами, которымъ Богъ далъ, говорятъ они, образъ человѣческій только для того, чтобъ имъ, якобы избранникамъ, непротивно было пользоваться нашими услугами... Съ сатанинскою хитростью они ловятъ въ свои сѣти людей легкомысленныхъ, обѣщаютъ имъ рай земной, но тщательно укрываютъ отъ нихъ свои затаенныя цѣли, свои преступныя мечты. Обманувъ несчастнаго, они толкаютъ его на самыя ужасныя преступленія, якобы ради общаго блага, и дѣйствительно обращаютъ его въ послушнаго себѣ раба. Они всячески стараются вытравить изъ души или по крайней мѣрѣ извратить святое ученіе Христово: такъ, заповѣдь Христова говоритъ: не укради, не пожелай себѣ ничего чужого, а они говорятъ: все—общее,

бери у богатаго все, что тебѣ нравится. Заповѣдь Христова говоритъ: дѣлись съ ближнимъ твоимъ послѣднимъ кускомъ, послѣдней копѣйкой, а они учатъ: отнимай у другихъ все, что тебѣ надобно. Заповѣдь Христова говоритъ: воздадите Кесарева Кесареви, Бога бойтеся, Царя чтите, а они говорятъ: никакого царя не нужно, царь—тиранъ... Заповѣдь Божія говоритъ: въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши, а они говорятъ: въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое. Заповѣдь Христова велитъ полагать души свои за други своя, а они учатъ губить людей, ни въ чемъ неповинныхъ, убивать ихъ только за то, что они несогласны съ ними, не идутъ на разбой, хотятъ честно трудиться и готовы до смерти стоять за законъ, за Царя, за Церковь Божію..

Вотъ каковы эти обманщики, изверги рода человѣческаго... Берегите же себя, возлюбленные братія, берегите себя и дѣтей своихъ отъ этихъ льстецовъ ради Бога, ради вашего вѣчнаго спасенія берегитесь ихъ! Горе міру отъ соблазнъ,—говоритъ Спаситель,—но еще большее горе тому, чрезъ кого соблазнъ приходитъ. Смотрите сколько горя—цѣлое море слезъ разливается по лицу родной земли отъ этихъ соблазнителей-крамольниковъ: судите же сами, какое страшное горе, какой строгій судъ Божій ждетъ этихъ несчастныхъ злодѣевъ и ихъ сообщниковъ. Пора намъ одуматься, пора перестать быть равнодушными къ этому великому бѣдствію на Руси, пора стряхнуть съ себя духовную лѣность и больше не подпускать къ себѣ и къ дѣтямъ нашимъ этихъ опасныхъ зачумленныхъ людей. Прочь лесть ихъ и обманъ, прочь коварное діавольское навожденіе! Оградимъ себя крестнымъ знаменіемъ, взглянемъ опасности прямо въ глаза. Вѣдь, еще немного и—люди превратятся въ хищныхъ звѣрей, станутъ громить жилища наши, грабить храмы Божіи, убивать другъ друга, какъ дѣлаютъ безумцы... Говорятъ, что человѣкъ, потерявшій страхъ Божій и совѣсть, человѣкъ, которому законъ не писанъ, который потерялъ и страхъ человѣческій, такой человѣкъ хуже всякаго лютаго звѣря. И намъ грозитъ бѣда, что въ такихъ лютыхъ звѣрей и обратятся всѣ эти одичавшія толпы разныхъ забастовщиковъ, коими руководятъ безбожные анархисты. Вотъ этого-то и желаютъ, этого-то и добиваются всячески наши заклятые враги, подпольные наши крамольники и ихъ заграничные руководители. Братья, ужели мы допустимъ это? Ужели и теперь будемъ безучастно смотрѣть на всѣ эти безобразія?

Но что же дѣлать?—что дѣлать?—вотъ вопросъ, неотступно терзающій душу.

Что дѣлать?—Очнуться, проснуться надо. Сознать всю опасность надо. Оглянуться вокругъ надо: не заразила ли эта нравственная чума кого изъ близкихъ нашихъ? Заглянуть въ свое сердце надо: чѣмъ оно живетъ, ради чего и для кого оно бьется? Къ совѣсти своей прислушаться надо. Она подскажетъ, Ангелъ Божій, хранитель нашъ, черезъ совѣсть нашу заговоритъ съ нами о томъ, что надо дѣлать. Онъ скажетъ намъ, что прежде всего—надо принести Богу искреннее, слезное, всенародное покаяніе. Оно, это покаяніе, очиститъ насъ, обновитъ наше сердце, нашего внутренняго человѣка Оно положитъ начало благое новой, быть можетъ, еще намъ невѣдомой, или давно нами забытой духовной жизни, жизни по заповѣдямъ Божіимъ. Оно сдѣлаетъ насъ мужественными, бодрыми среди великихъ испытаній, оно сдѣлаетъ насъ способными положить съ радостью души свои за братій своихъ, если это будетъ Богомъ суждено. Это—въ самихъ себѣ. А затѣмъ—около насъ. Молитвою за несчастныхъ, одержимыхъ духомъ смуты, гордыни и противленія, *да вразумитъ ихъ Господь ими же вѣсть путями*,—словами любви и братскаго увѣщанія къ нимъ попытаемся, приложимъ всѣ усилія вразумить ихъ, на путь истины обратить. Это—святое христіанское дѣло. *Обращивый грѣшника отъ заблужденія пути его*, говоритъ слово Божіе, *спасетъ душу отъ смерти и покрыетъ множество грѣховъ*,—и его, и своихъ.—А затѣмъ—каждый изъ насъ есть сынъ родной земли, вѣрный подданный своего Царя. Можетъ ли сынъ быть равнодушнымъ къ стонамъ своей страдалицы-матери? А вѣдь она, наша родная, нѣкогда святая, а нынѣ столь предъ Богомъ согрѣшившая, она стонетъ, измученная, терзаемая своими же дѣтьми—нашими несчастными братьями. Что сдѣлалъ бы ты, любящій сынъ, еслибы твой умалишенный братъ сталъ бить, мучить вашу общую мать, издѣваться надъ нею, позорить ее? О, конечно, самая природа возопила бы въ тебѣ словами заповѣди Божіей: чти, люби, береги свою мать! Защити ее отъ безумца брата, лиши его возможности вредить ей!—Если бы твой, лишенный ума, потерявшій совѣсть братъ сталъ издѣваться, какъ Хамъ, надъ отцемъ вашимъ, ужели ты сталъ бы равнодушно смотрѣть на эти издѣвательства? Ужели ты не заставилъ бы молчать этого брата-безумца?—Но вотъ, смотри: твою дорогую мать, родную твою Русь ея несчастныя безумцы-дѣти терзаютъ, собираются на части разорвать, хотятъ отнять у нея завѣтную святыню—Вѣру Православную, въ грязь топчутъ все, чѣмъ она доселѣ жила, крѣпла, красовалась... Твоего Батюшку-Царя поносятъ,

рвуть Его изображенія, хулятъ Его царскія повелѣнія, издѣваются надъ Нимъ: можетъ ли твое сердце быть спокойнымъ при этомъ, *Русскій* человѣкъ? Не горько ли тебѣ, не больно ли все это переносить? Не кипитъ ли ревностью твое сердце, не потрясается ли отъ негодованія, справедливаго негодованія, все твое существо? Что же тебѣ дѣлать?...

Опять спроси у своей совѣсти. Она напомнитъ тебѣ вѣрноподданническую твою присягу. Она скажетъ тебѣ: будь любящимъ сыномъ родной земли, будь беззавѣтно преданнымъ слугою своего Царя. Исполняй то, чего отъ тебя потребуютъ слуги Царевы, что скажутъ тебѣ пастыри Церкви. Будь готовъ умереть за Царя и за Русь. Вспомни, какъ предки твои безтрепетно за Него умирали. Вспомни, какъ простой посадскій человѣкъ, по нынѣшнему мѣщанинъ, Козьма Мининъ Сухоруковъ поднялъ Нижній, а за нимъ и всю Русь на защиту Родной Земли. Посмотри, какъ онъ на своемъ памятникѣ, благородно-энергически показываетъ на родной, завѣтный, столь священный для русскаго сердца Кремль болящему князю Димитрію Михайловичу Пожарскому. Вспомни, какъ вѣчнопамятный Костромичъ, крестьянинъ Иванъ Сусанинъ, съ радостью и мужествомъ положилъ душу свою за Царя, въ куски изрубленный врагами-Поляками. Не всѣмъ судилъ Богъ быть такими героями, но всѣмъ заповѣдывалъ: чти отца твоего и матерь твою. Царя чтите, братство—народъ возлюбите! Самъ Христосъ Спаситель подалъ намъ трогательный примѣръ человѣческой любви къ своему родному городу, родному народу. Вспомните, какъ Онъ плакалъ—рыдалъ, смотря на Іерусалимъ и предсказывая его гибель въ тѣ торжественныя минуты, когда народъ Іерусалимскій кричалъ Ему громкое *Осанна*. Намъ ли не любить земли отцовъ своихъ? Вѣдь она вся русскою кровью полита, ею спаяна; вѣдь и сами мы, костьми нашими, въ ней же ляжемъ, смѣшавъ прахъ свой съ прахомъ предковъ нашихъ...

Братья возлюбленные! Чада Русской земли! Въ тѣ дни, когда мы вспоминаемъ, какъ Матерь Божія, по молитвамъ предковъ нашихъ, спасла землю Русскую въ тяжкую годину междуцарствія, какъ освободила Она нашу первопрестольную Москву Своею иконою Казанскою отъ нашествія Поляковъ и Литовцевъ—сегодня прольемъ предъ Нею и Ея Божественнымъ Сыномъ пламенныя мольбы о спасеніи Родной Земли нашей отъ крамольниковъ. Попла̀чемъ предъ Нею о грѣхахъ нашихъ. Помолимся Ей о несчастныхъ братьяхъ нашихъ, смутою увлеченныхъ на погибельный путь...

Владычице, помози, на ны милосердовавши! Потщися, погибаемъ отъ множества прегрѣшеній! Не отвратн Твоя рабы тщи, Тя бо едину надежду имамы..."

Современныя впечатлѣнія.

I.

Кто разрушилъ, кто погубилъ старый строй? Совмѣстная, дружная работа революціонеровъ со многими изъ его дѣятелей и защитниковъ. Съ пѣной у рта они защищали увѣчья и неполности, смѣшивая ихъ съ сущностью защищаемыхъ идей; защищали всякихъ мерзавцевъ и дураковъ, смѣшивая обвиненія, возводимыя на нихъ съ покушеніемъ на измѣненіе основъ. Они забыли или не поняли идею и пытались спасать загрязненныя формы. Въ обществѣ слагалось воззрѣніе, что воровство и выдвиганіе бездарныхъ людей—неизбѣжные спутники самодержавнаго строя. Существовали томы законовъ и они нарушались тѣми, кто былъ поставленъ слѣдить за ихъ выполненіемъ,—и самодержавіе смѣшивали съ беззаконіемъ и полицейскимъ произволомъ. Прикрывая свои гнусныя дѣлишки, многіе „дѣятели" давили всякую гласность, со своими обличителями расправлялись, какъ съ государственными преступниками,—и получалось впечатлѣніе, что при самодержавномъ строѣ невозможна гласность и должна царствовать безнаказанность. Цѣлый рядъ людей, облеченныхъ на гибель и того достойныхъ, ухватились за царскій тронъ; отъ грязи ихъ рукъ потемнѣлъ его блескъ; толпа, шедшая на нихъ, невольно шатала тронъ; у нихъ не хватало чести и мужества отдѣлить свои позорныя имена отъ чистой святыни царской власти. Бездарность, мошенничество, тупость и халатность создали ужасныя событія войны и позорное ея окончаніе. Ц что-бы тамъ не говорили,—соціалъ-революціонеры стоятъ во главѣ движенія, созданнаго оскорбленнымъ національнымъ чувствомъ русскаго народа. Сюда, конечно, не замедлила присоединиться вся свора друзей Россіи: „жиды", „жидовствующіе", прочіе инородцы, русскіе выродки—холопы либеральныхъ фразъ и пр. Здѣсь же не знающіе русскаго народа и его исторіи фанатики-идеалисты, петербургскіе старающіеся всюду насаждать свои теоріи. Сюда, въ концѣ концовъ, примкнула вся „интеллигентная" толпа холоповъ террора. На „верхахъ" работали господа, отуманенные личнымъ честолюбіемъ и исканіемъ популярности до забвенія чести и долга присяги Самодержцу...

II.

Помню этотъ день—18 октября. Что-то надломилось, что-то порвалось. Какой-то сумбуръ, какой-то бредъ.. Толпа. Красные флаги. Другая толпа. Флаги бѣлые и національные: „Да здравствуетъ свобода и Царь!“.. Толпы сходятся. „Пафъ, пафъ“... изъ толпы красныхъ флаговъ поднимаются дымки. Патріоты бѣгутъ. Какая-то лохматая рожа въ студенческой фуражкѣ въ слѣпой злобѣ рветъ зубами русскій флагъ... Ура-а!.. Черносотенцы!.. Дерутся... „Это все жиды“—говорятъ въ толпѣ... Въ ресторанѣ шумно,—цѣлуются и пьютъ за свободу... „Спасибо вамъ, мерзавцы-студенты, продали Россію жидамъ! Господа, за матушку-царицу, за Матильду!..“ „Долой самодержавіе! Витте президентъ!“—несется съ улицы. Всѣ спѣшатъ къ окнамъ... „Ему Россія ничто, онъ—человѣкъ честолюбія“—говорятъ за сосѣднимъ столикомъ... Снова толпа: „Да здравствуетъ самодержавіе!“ „Долой конституцію!“... На Думской лѣстницѣ стоитъ студентъ и что-то говоритъ. Слышно только по временамъ: „товарищи!..“ „товарищи!..“—и въ концѣ: „Да здравствуетъ соціалъ-демократическая республика!“ Городовой, стоя на посту, безсмысленно-растерянно смотритъ по сторонамъ, а гостинодворскіе прикащики хватаются, заколачивая окна магазиновъ ставнями; кругомъ суетятся блѣдные хозяева ..

III.

Ночь. Темные, тяжелые, порою до мельчайшихъ подробностей ясные, порою зловѣще-туманные сны... Не то сны, не то бредъ на яву... Я видѣлъ Москву, Кремль, кремлевскіе соборы, Грановитую палату, славной памяти Красное Крыльцо. На Крыльцѣ стоитъ Царь. На Немъ царская порфира, на головѣ—корона, въ рукахъ—скипетръ и держава. Онъ читаетъ манифестъ къ своему народу. Кругомъ, на площадяхъ кремлевскихъ, вкругъ Кремля, на Московскихъ улицахъ толпы народа,—стоятъ, не шелохнутся, слушаютъ Царя напряженно-внимательно. И среди гробовой тишины Его голосъ далеко разносится по Москвѣ. Царь внятно читаетъ: „Божіей милостію Мы, Императоръ и Само...“ Его голосъ прервался. Дрогнула толпа, дрогнула—и вновь замерла, оцѣпенѣла,—смотритъ на своего Царя глазами, полными ужаса, отчаянія и... состраданія. Что съ Нимъ? Отчего такъ блѣдны Его щеки? Отчего текутъ слезы изъ Его потупленныхъ глазъ? Отчего такъ дрожатъ Его блѣдныя губы?.. Мигъ всеобщаго,

мертваго молчанія. Изъ дрожащихъ рукъ Царя выпала держава и звонко гремя покатилась по каменнымъ ступенямъ. Упалъ и разбился царскій скипетръ. И чьи-то смятенныя тѣни витали надъ славнымъ Кремлемъ и чьи-то уста, подобно рокоту прибоя, затаенно и многогласно, шептали: Боже!.. спаси!.. вразуми!.

Народъ все стоялъ и смотрѣлъ на Царя. Вдругъ какой-то демонскій вихрь пролетѣлъ надъ Москвой, чья-то злобная рука сорвала съ блѣднаго царскаго чела корону и увѣнчала его вѣнцомъ терновымъ, и густыя капли крови потекли по золоченой порфирѣ... „Батюшка!.. Мученикъ нашъ Святой!..“— шептали въ толпѣ. Новый порывъ вихря и... чудо: съ тяжкимъ ревомъ сорвался съ насиженнаго мѣста Царь-колоколъ и взвился въ вышину и, ставъ надъ Кремлемъ Московскимъ, онъ часто и мѣрно трижды ударилъ и замеръ. Въ этихъ трехъ ударахъ всѣ ясно слышали слово: „из-мѣ-на!“ Печальные отзвуки, рыдая мѣдными переливами, зловѣще текли надъ Москвой... Палъ колоколъ съ вышины, палъ и разбился на тысячи кусковъ, и обломки его скрыла разверзшаяся земля... Дрогнулъ воздухъ—то выстрѣлила и разорвалась Царь-пушка. Всколыхнулись стѣны Московскія, покачнулись соборы старинные, попадали на земь золотыя маковки. Громко вскричали и тихо слетѣли съ башенъ двуглавые орлы и, поднимаясь въ широкихъ кругахъ, скрылись въ небѣ. А послѣ всего снялся крестъ, съ доселѣ крѣпко стоявшей колокольни Великаго Ивана, плавно и величественно трижды осѣнилъ рыдающую Москву и сталъ тихо, тихо уходить въ вышину... вотъ ужъ онъ чуть-лишь виденъ... вотъ одна точка осталась... вотъ и она скрылась.. Рухнулъ Великій Иванъ,—и стихло все: умерла Москва...

Я видѣлъ старинныя развалины. Онѣ лежали подъ снѣгомъ и заунывно пѣла надъ ними вьюга. Настала весна. Побѣжали молодые ручьи. Оголились покрытые сѣдымъ мхомъ, сѣрые камни. Запестрѣли въ расщелинахъ цвѣточки, зазеленѣли захудалыя березки. Была ночь тихая, теплая, лунная. Охваченные грустной истомой дремали славные старики-каменныя громады. Гдѣ-то по обрыву надъ рѣкой Москвой запѣлъ соловей. Я слушалъ эту пѣсню съ какой-то тревогой, —на нее откликалось мое сердце. Я вспомнилъ, вспомнилъ былое и... дальше, дальше!..

...Скоро полночь. Слабо теплятся лампады въ соборѣ Петра и Павла. Часовой задремалъ у дверей. Тихо. Но... чу!—какъ-будто кто-то стонетъ глухо и протяжно. Гдѣ это?..

Тамъ.. внизу... подъ землей... Отчего дрогнула эта мраморная гробница, точно... кто-то подъ ней перевернулся? Подойдемъ ближе.. Но она опять стоитъ недвижно. На ней начертано: „Императоръ Александръ III“... Тихо сдвигаются плиты, неслышно вылетаютъ тѣни и плавно слетаются посреди собора вкругъ чей-то свѣжей могилы. Простая гранитная плита, высокій желѣзный крестъ. Кто нашелъ себѣ вѣчный покой здѣсь, среди Самодержцевъ Земли Русской? Тѣни столпились вкругъ креста и стараются разсмотрѣть надпись, начертанную на плитѣ. Впереди стоитъ могучая, головой всѣхъ выше, тѣнь; она ниже всѣхъ склонилась надъ плитою, и вдругъ... видно она что-то разобрала,— молніей блеснулъ ея взоръ и озарилъ плиту: всѣ прочли,—„Святая Русь“.. Пробила полночь. Мгновенно исчезли тѣни. Неподвижно стали плиты. Только какой-то зловѣщій вздохъ пролетѣлъ по собору, какъ будто кто-то рыдалъ и бился подъ землей,—но это лишь мигъ: все стихло... Вздрогнулъ проснувшійся часовой и перекрестился: видно не добрый сонъ видѣлъ...

Святая Русь? Такъ неужели она умерла?

Я видѣлъ степь, голую, знойную и пыльную степь, покрытую пересохшей сѣрой травой. Толпа за толпой уныло бредутъ полоняники, мѣрно звеня кандалами. Кто они? Знакомыя, родныя лица. Русскія рубахи, армяки, сарафаны... Щелкнулъ бичъ, и на рѣзвой лошадкѣ съ длиннымъ кнутомъ въ рукѣ проскакалъ погонщикъ. Я его видѣлъ мелькомъ: черный съ поволокой, хищный взглядъ, желтоватые навыкатъ бѣлки, крючковатый носъ, рѣдкая, крючкомъ бородка и вьющіеся пейсы.. о, я его мгновенно узналъ!..

Боже! какой ужасъ, какое горе!..

Но нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Встань, воскресни, заклинаю тебя Богомъ живымъ, моя милая, моя дорогая Русь!.. Въ моемъ сердцѣ умираетъ жизнь, потому что умираютъ вѣра, любовь и надежда: безъ нихъ же жизнь невозможна... Что это? Передо мной стоитъ мужичекъ,—простой, сѣрый, русскій мужичекъ. Одѣтъ онъ въ домотканыя рубаху и шаровары, на плечо накинутъ армякъ, ноги обуты въ лапти, на головѣ потасканный картузъ. Лицо? Его мы всѣ хорошо знаемъ. Такое простое, волосатое, добродушно-покойное. Черты правильныя, крупныя; изъ-подъ лохматыхъ бровей глаза смотрятъ плутовато весело. Ничего не говоритъ мнѣ мужичекъ, а только стоитъ, ухмыляется, бороду поглаживаетъ... Смотрю я на него и вдругъ слышу, какой-то голосъ меня спрашиваетъ: „вѣришь?“—а изнутри другой голосъ нашептываетъ: „вѣрь, вѣрь!..“

Посмотрѣлъ я еще на мужичка, да и сказалъ громко и твердо: „вѣрю!“ А какъ сказалъ, вдругъ свѣтло, свѣтло мнѣ на сердцѣ сдѣлалось, легко такъ и покойно. Повернулся я на другой бокъ и крѣпко заснулъ; сны меня больше въ ту ночь не тревожили.

IV.

Что бы тамъ не толковали еврейскія и еврействующія газеты о происках полиціи и администраціи, объ организаціи „черныхъ сотенъ“, онѣ сами въ душѣ должны сознаться, что это или нѣкое самоутѣшеніе или „пріемъ“ борьбы. Слишкомъ дружно, слишкомъ стихійно разразились событія по опубликованіи Манифеста 17-го октября, чтобы здѣсь можно было признать исключительно злонамѣренное подстрекательство темной толпы или подкупъ, тѣмъ болѣе, что Манифестъ явился неожиданностью. Грозная кровавая волна прокатилась по Руси отъ Архангельска до Одессы, отъ Варшавы до Томска. Странный отвѣтъ на „милость“!

„Поднявшій мечъ отъ меча погибнетъ“—красный цвѣтъ есть символъ крови. И въ кострахъ Ѳеодосіи и Томска и кровавыхъ избіеніяхъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи носители красныхъ флаговъ получили зловѣщее предупрежденіе: повидимому они его еще не поняли. Отуманенные слѣпой страстью, они лѣзутъ въ пасть звѣря. Они затронули народную массу, они оскорбили ее въ ея лучшихъ чувствахъ, они подняли мечъ народнаго гнѣва и сами гибнутъ отъ того же меча. „Русскій бунтъ безсмысленный и безпощадный“. Развернувшаяся русская натура не знаетъ предѣла своего размаха. Боже! чѣмъ все это кончится? Горе правительству, думающему опереться на элементы общества, которымъ не довѣряетъ народъ! Народъ проснулся и напряженно прислушивается: берегитесь-же оскорбить его чувства! А что если ужъ онъ поднимается? Тогда все поздно! Тогда спасется лишь тотъ, кто будетъ съ нимъ, ибо всѣ, кто противъ него погибнутъ. Погибнутъ виновные и невинные, погибнутъ мучительно и ужасно. Горе водящимъ классамъ, которые задумали играть съ многомилліонной массой, какъ съ неразумнымъ младенцемъ, говорить съ народомъ, какъ съ рабомъ, навязывать ему свои взгляды въ замѣнъ его тысячелѣтняго уклада!..

V.

Свобода—святая сила. Да, именно, сила, озаряющая душу человѣческую и въ ней живущая. Ее нельзя устроить, ее нельзя привить. Она—плодъ чистоты душевной, порожденіе твердой вѣры, пламенной любви и свѣтлой надежды. Свободны были

христіанскіе мученики, когда стояли скованные предъ своими мучителями. Свобода есть исключительное достояніе духа и духъ, озаренный свободой, есть высшій даръ неба человѣку, высшая ступень человѣческаго совершенства. Свободный духъ не стѣсненъ порабощеніемъ тѣла. Но что такое свободное тѣло при порабощенномъ духѣ?—Слѣпая игрушка страсти, поработавшей духъ. Свобода слова, свобода личности, свобода совѣсти! Чудныя, святыя посланники неба! Предъ нами область нравственныхъ законовъ, выполненіе которыхъ ведетъ къ личному совершенству, и обладаніе которыми достигается совершенствованіемъ личности отдѣльныхъ людей. Ихъ нельзя привить силою, ихъ нельзя провести внѣшними мѣрами, какъ нельзя устроить государство, гдѣ бы всѣ непремѣнно любили другъ друга. Жалкія мечты отуманеннаго человѣчества! Чѣмъ суровѣе обстановка тѣла, тѣмъ крѣпче сила духа; чѣмъ свободнѣе тѣло, тѣмъ распущеннѣе духъ. Свобода достояніе душъ сильныхъ. Для злодѣя свобода личности—свобода дѣлать зло, для безсовѣстнаго свобода совѣсти—свобода торговать убѣжденіями, для лжеца и раба свобода слова—свобода лгать и льстить. Лишь чрезъ Церковь Христову, чрезъ насаждаемую съ дѣтства вѣру, при дисциплинировкѣ тѣла, дабы пріучить его повиноваться духу,—достигаются всѣ эти свободы въ отдѣльныхъ людяхъ, и лишь чрезъ совершенствованіе отдѣльныхъ людей проникаютъ они въ жизнь общественную. Иного пути нѣтъ. Внѣшнее ихъ насажденіе даетъ какъ разъ противоположные результаты. Это такая же утопія, какъ достиженіе равенства всѣхъ людей чрезъ внѣшнее уравненіе имущества, положенія и пр. Для умнаго человѣка это будетъ угнетеніе, потому что есть люди глупые; сильнаго духомъ тогда нужно казнить, ибо онъ будетъ невольно господствовать надъ слабыми, и т. д. Нѣтъ, господа, великую ложь вы проповѣдуете!..

VI.

Россію раздѣляютъ, презирая мнѣніе народное, забывая русскую кровь, цѣпою которой присоединены окраины; Финляндія воспользовалась тяжелымъ положеніемъ правительства и провозгласила полный разрывъ съ русскимъ народомъ. При дѣятельномъ и благосклонномъ участіи генералъ-губернатора кн. Оболенскаго, все разыграно, какъ на парадѣ, и довольный представитель русской власти лобызалъ предводителя вооруженныхъ силъ, возставшихъ противъ Россіи. Вѣчная память мученикамъ русскаго дѣла, ген. Бобрикову и др.! Ихъ послали на смерть, предали и надъ памятью ихъ надруга-

лись!.. Кавказъ объятъ кровавымъ междоусобіемъ,—завѣдуетъ дѣломъ усмиренія кн. Воронцовъ-Дашковъ. Повидимому, онъ хитрый политикъ—ждетъ, когда кавказскіе народцы перерѣжутъ другъ друга, и чрезъ то наступитъ замиреніе Кавказа... О Польшѣ слухи расходятся: оптимисты ждутъ, что ее всю объявятъ на военномъ положеніи (конечно до Всемилостивѣйшаго Манифеста объ открытіи сейма въ Варшавѣ), прочіе толкуютъ объ учрежденіи тамъ намѣстничества съ сеймомъ, и кандидатомъ на постъ намѣстника называютъ гр. Бекендорфа, нашего посла въ Лондонѣ Отчего не адмирала Небогатова? Это было бы вполнѣ послѣдовательно. Доблестный его поступокъ въ Цусимскомъ бою, повидимому, служитъ примѣромъ для дѣятельности всего русскаго правительства. Онъ пожалѣлъ 2000 жизней и погубилъ славу Андреевскаго флага, созданную подвигами и смертями десятковъ тысячъ героевъ, считавшихъ честь дороже жизни. Такъ и правительство съ „гр. Полусахалинскимъ“ во главѣ: оно забыло честь Россіи, оно забыло ея тысячелѣтнюю исторію, оно забыло о существованіи русскаго чувства въ сердцахъ милліоновъ русскихъ людей, чувства, ради котораго они не пожалѣютъ жизни!..

VI.

Небогатовской политики держится и Святѣйшій Синодъ, въ своемъ успокоительномъ посланіи: онъ побоялся сказать правду предъ лицомъ своей паствы, давъ невѣрное освѣщеніе событію 17 октября. „Свобода всякаго союза и общенія братскаго на дѣланіе мирное, на подвигъ любви и служенія Отечеству“—о, какъ подходятъ подъ это опредѣленіе соціалъ-революціонные митинги! „Милость“—вынужденная всеобщей забастовкой, рядомъ убійствъ и возстаній! Ни слова объ опасности для Родины, объ измѣнѣ Царю! Но вѣдь это „успокоительное“ посланіе,—о, да: цѣль оправдываетъ средства...

VIII.

Есть пастыри Церкви, которые благославляютъ идущее подъ кровавымъ флагомъ движеніе. Мало пастырей, которые твердо и громко осмѣливаются поднять противъ него свой голосъ. „Черносотенцовъ“? Да, если называть „черносотенцами“ Святителя Гермогена Московскаго и иноковъ Троице Сергіевской лавры, не убоявшихся мученій для себя и пролитія крови, разъ миръ можно было купить лишь сдѣлкою съ совѣстью, признаніемъ власти, враждебной русской вѣрѣ и старинѣ Московской. Не вѣрю, чтобъ и теперь не было на Руси святите-

лей русскихъ, безбоязненныхъ и нелицемѣрныхъ? Гдѣ вы? Отзовитесь!..

IX.

Два слова о гр. Витте или, какъ его называютъ направленныя противъ него прокламаціи „Сергѣй Іудовичъ Витте, графъ Полусахалинскомъ". Говорятъ о немъ много. Говорятъ, что онъ въ бытность свою министромъ финансовъ раззорилъ русскую деревню тяжелыми налогами, выдавалъ изъ казны милліонныя субсидіи и вспомоществованія еврейскимъ компаніямъ на устройство заводовъ и фабрикъ, отбилъ множество русскихъ людей отъ земли, превратилъ ихъ въ бездомный рабочій пролетаріатъ. Говорятъ, что онъ всегда былъ защитникомъ свободы и во имя свободы провелъ въ 1900 г. временныя правила объ отдачѣ непокорныхъ студентовъ въ солдаты, въ 1901 г. написалъ докладную записку объ уничтоженіи земства и, опираясь на министра Сипягина, отнялъ у земства продовольственное дѣло. Говорятъ, что онъ построилъ по китайской землѣ русскую желѣзную дорогу, стоившую намъ 500 милліоновъ руб. и городъ Дальній (съ проспектомъ имени Витте), стоившій намъ 60 милліоновъ руб., а крѣпость Портъ-Артуръ оставилъ недостроенной якобы за отсутствіемъ денегъ. Обвиняютъ его и въ томъ, что онъ, когда русская армія собралась съ силами (300,000 при Мукденѣ и 800,000 къ сентябрю 1905 г.), хорошо вооружилась и получила опытнаго и талантливаго вождя (отступленіе отъ Мукдена безъ потерь, съ музыкой и пѣснями) и готова была разбить японцевъ, чего не рѣшался отрицать самъ Ойяма, — заключилъ миръ, покрывшій позоромъ Россію и много способствовавшій смутѣ; говорятъ, что Витте получилъ графскій титулъ за уступку Сахалина. Пишутъ въ газетахъ, что Витте подсунулъ Государю конституцію, когда во дворцѣ циркулировалъ ложный слухъ о бунтѣ Черноморской эскадры. Мало ли что говорятъ и пишутъ?.. А гр. Витте правитъ Россіей изъ Зимняго дворца, назначаетъ и увольняетъ министровъ, принимаетъ доклады отъ министровъ и разныхъ сановниковъ и шлетъ по губерніямъ приказы. Графъ Витте принимаетъ различныя депутаціи и много и картинно съ ними говоритъ, у многихъ, какъ напримѣръ, еврейскихъ газетчиковъ явно заискиваетъ, вѣря въ дисциплину русской арміи, позволяетъ имъ ее при себѣ оскорблять. Промелькнула замѣтка о какихъ-то 5 креслахъ, которыя къ услугамъ графа. Эта замѣтка опровергнута. Но вотъ о чемъ графъ, повидимому, забылъ: объ одномъ тронѣ, предъ которымъ добровольно

склоняется русскій народъ и предъ которымъ должны стоять всѣ окружающіе...

X.

Да здравствуетъ еврейская равноправность! Да здравствуетъ крестьянская свобода! Крестьяне свободны продавать надѣлы! а евреи ихъ скупать. Евреямъ открытъ доступъ въ среднія и высшія учебныя заведенія, содержимыя на крестьянскія деньги; бѣднымъ крестьянамъ онъ закрытъ. Да здравствуютъ евреи министры, евреи—купцы, евреи—инженеры евреи—адвокаты, евреи—чиновники, евреи—генералы!.. Братья! наступаетъ еврейское иго!..

XI.

Братья! приблизились дни роковые, —
Стонетъ надъ Русью кровавый набатъ.
Братья! откликнитесь,—братья родные!—
Васъ призываетъ разбуженный братъ.
Или не слышите зова тревожнаго?
Или разсудокъ вамъ ужасъ затмилъ?
Помните, нѣтъ для Руси невозможнаго,
Русь никогда и никто не сломилъ!
Помните, братья, что съ русскою силою
Намъ не страшны легіоны враговъ,
Русскій не долженъ блѣднѣть предъ могилою.
Русь не допуститъ краснѣть за сыновъ!
Грозно вздымается знамя кровавое,
Грозной громадой подходятъ враги,
Слышатся пѣсни надменно-удалыя,
Русь нашу старую топятъ въ крови..
Братья, къ оружію! часъ приближается:
Быть или не быть разрѣшитъ намъ лишь бой.
Сѣверъ и югъ пусть въ дружины сбираются.
Къ бою готовятся съ думой святой.
Наши знамена поднимемъ трехцвѣтныя,
Крестъ православный пойдетъ впереди,
И на всѣ вызовы наша отвѣтная
Пѣснь будетъ: „Боже, Царя сохрани!“
Братья! спѣшите же: день промедленія
Смерти подобенъ для многихъ изъ насъ..
Братья! въ единствѣ лишь наше спасеніе!
Братья, къ оружью! приблизился часъ...

30 октября *М. Б.*

Уроки жизни.

Поклонникамъ „прямого, равнаго, тайнаго и всеобщаго голосованія", надлежитъ вдуматься въ смыслъ, происходящихъ у насъ на Руси кровавыхъ событій Вѣдь развѣ не производится своеобразное *„всеобщее голосованіе"*, когда 40,000 человѣкъ плотной стѣною окружаетъ горящее зданіе, куда укрылись, вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми, сторонники „осводительнаго движенія", обреченные на мучительную и неизбѣжную гибель, когда многочисленная толпа разбиваетъ дома, предаетъ пламени помѣщенія, признаваемыя ею очагомъ смуты, увѣчитъ и терзаетъ ея поборниковъ, когда жители цѣлаго города и окрестныхъ деревень заставляютъ „блѣдныхъ, перепуганныхъ студентовъ" становиться на колѣни въ грязь Соборной площади передъ портретомъ Государя и приносить ему новую присягу, когда евреи поютъ „Боже, Царя храни" подъ страхомъ немедленнаго избіенія и ихъ раввинъ, вытребованный народомъ, отбираетъ клятву въ вѣрности Царю Самодержавному? Это безспорно *голосованіе* не записками и шарами, а поступками. Надо также принять во вниманіе, что толпа всюду состоитъ изъ „людей разнаго званія",—т. е. представляетъ собой море народное, въ которомъ исчезаетъ капля „интеллигентно мыслящей Россіи". Значитъ, въ рядѣ мѣстъ опредѣляется настроеніе *большинства*, предъ которымъ вѣдь *надо* преклоняться. Имущій и бѣднякъ, мужчины и женщины *равно* принимаютъ участіе въ дикой расправѣ и безъ всякихъ посредствующихъ ступеней *прямо* подаютъ свой голосъ. Правда, эта подача происходитъ не *тайно*, но или при яркомъ свѣтѣ дня или въ сумракѣ ночи, озаренномъ пламенемъ горящихъ зданій. Но значеніе этого открытаго голосованія необходимо постичь каждому. Въ самомъ дѣлѣ, если „темный народъ" рядомъ дѣяній обнаруживаетъ свое несочувствіе „освободительному движенію", если крестьяне заявляютъ, что всякія „свободы" нужны „господамъ", а имъ нуженъ стоятель за правду и вѣру православную, Самодержавный Царь, да земля для пропитанія семействъ и добросовѣстнаго несенія службы государству, то прибѣгающіе къ „всеобщему голосованію" играютъ съ огнемъ: а что какъ тайная подача голосовъ дастъ такихъ представителей, которые скажутъ: „пусть всѣ смутьяны и недовольные нашимъ государственнымъ строемъ убираются себѣ по добру, по здорову въ тѣ края, гдѣ процвѣтаютъ всѣ свободы, а люди умираютъ *ежедневно* на улицахъ большихъ городовъ *отъ голода*, гдѣ правителямъ привозятъ телѣги, нагру-

женныя истощенными нуждой дѣтьми, и требуютъ для нихъ куска хлѣба, ибо конституція есть узаконенное *экономическое* порабощеніе слабыхъ бѣдняковъ богатымъ. Къ чему народу „гражданскія и политическія свободы", если ими, *по экономическимъ, жизненнымъ условіямъ*, могутъ пользоваться *только немногіе*, свободные отъ добыванія въ потѣ лица ежедневнаго пропитанія?"

И народъ это понимаетъ, онъ выдвигаетъ совершенно правильно на первое мѣсто пожеланіе улучшенія *своего экономическаго положенія*. Въ этомъ вся суть и крестьянскаго и рабочаго и служилаго вопросовъ въ странѣ, гдѣ лишь 19% кореннаго населенія грамотно! Очевидно, что оно можетъ имѣть лишь весьма отдаленную потребность во всѣхъ модныхъ свободахъ и радикальная печать недаромъ вложила въ уста гр. Витте такое признаніе: „въ Россіи ясно сказалась неподготовленность къ провозглашеннымъ реформамъ общества. Русское общество совсѣмъ не желаетъ никакихъ свободъ. Мы ясно теперь видимъ, что это желаніе кучки революціонеровъ". Нѣтъ ничего удивительнаго, если наше правительство прійдетъ къ заключенію, что „Россія вовсе не переросла существующій строй", какъ ошибочно думали всего нѣсколько дней назадъ, и совершенно не „нуждается въ правовомъ порядкѣ", но, наоборотъ, жаждетъ проявленія сильной власти государственной, при которой немыслимы ни проповѣдь дикой разнузданности, слывущая за „свободу слова и печати", ни разрушительная дѣятельность враговъ всякой общественности, прикрывающаяся „свободой союзовъ и собраній", ни насиліе надъ, огромнымъ большинствомъ, мирнаго, желающаго работать и дѣлать свое маленькое дѣло населенія, тогда какъ его держитъ въ страхѣ кучка „дѣятелей", попирающихъ законъ и требующихъ для себя безнаказанности и попустительства подъ предлогомъ „неприкосновенности личности".

Великая страна успокоится только тогда, когда правительство перестанетъ заискивать передъ „представителями радикальной печати", просить „братцевъ-рабочихъ" о довѣріи и терпѣніи и прибѣгать къ содѣйствію иностранныхъ газетъ, твердящихъ о необходимости всѣмъ поддерживать графа Витте, которому у насъ почти никто не вѣритъ. Жизнь ясно показываетъ, что г. Предсѣдатель Совѣта Министровъ идетъ по ложному пути, не одобряемому страной, забываетъ, что Манифестъ 17 октября *„установилъ незыблемымъ правиломъ, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы"*. Зачѣмъ же правительство гр. Витте спѣшитъ съ такимъ изобиліемъ указовъ, рѣшающихъ важные вопросы объ амнистіи

политическимъ преступникамъ, объ улучшеніи положенія крестьянъ, о финляндской автономіи и проч. и проч.? Вѣдь, пожалуй, эти вопросы нашли бы себѣ болѣе обстоятельное и болѣе согласное съ нуждами русскаго общества разрѣшеніе, если бы подверглись предварительной разработкѣ въ Думѣ, а не были изготовлены въ канцеляріяхъ различныхъ министровъ. Спѣшатъ и пастыри наши, въ Синодѣ засѣдающіе, съ измѣненіемъ молитвъ о Царѣ въ „конституціонномъ духѣ“ — вѣдь Синодъ призналъ необходимость Церковнаго Собора — пусть же этотъ Соборъ и разъяснитъ вѣрующимъ сынамъ Церкви Православной, связаны ли они присягой, данной на Крестѣ и Евангеліи *Самодержавному Царю*, ибо до снятія духовной властію сей клятвы совѣсть наша обязываетъ стоять даже до смерти за Самодержавіе. Перемѣна молитвъ, произведенная бюрократическимъ путемъ, сулитъ лишь усиленіе смуты, равно какъ задуманное объясненіе, *отъ Писанія*, преимуществъ конституціи: вѣдь русскій народъ вѣками привыкъ молиться такъ, какъ молились наши предки, вѣками воспитывался въ мысли, что помазанникъ Божій, Самодержецъ—его исконный и единственный нелицепріятный защитникъ. Развѣ такія вѣрованія, впитавшіяся въ существо наше, изглаживаются по одному почерку пера, развѣ міровоззрѣніе народное мѣняется словно платки носовые? Уроки прошлаго и настоящаго показали, какъ опасно насиловать душу народную и тѣмъ ввергать въ соблазнъ „малыхъ сихъ“, сохраняющихъ доселѣ глубокую вѣру въ свои святыни. Вѣдь теперь выяснилось, что безоружный народъ, разстрѣливаемый бунтарями, стихійнымъ напоромъ разгонялъ вооруженныя шайки.. Зачѣмъ же обрекать Русь святую на ужасы усобицы потворствомъ насильникамъ?

Русскій.

Книги, поступившія въ редакцію журнала „Мирный Трудъ“ по 20 октября 1905 года.

Изданія Одесскаго Отдѣла Русскаго Собранія. № 5. „Къ русскимъ людямъ о выборахъ въ Государственную Думу“. № 6. „Къ русскимъ воинамъ“. Одесса. 1905

„Къ вопросу о реформѣ общеобразовательной школы въ царствѣ польскомъ“. М. 1905.

Сикорскій проф. „Психологическія основы воспитанія“. Кіевъ 1905. Цѣна 20 к.

Соколовъ Н. „Второй сборникъ стихотвореній“. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Стасовъ В. „Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій. Его жизнь, творенія, письма и статьи“. Спб. 1905. Ц. 4. р.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Табурно І. „Правда о войнѣ". Спб. 1905 г. Цѣна 1 руб.

Авторъ этой очень живо и интересно написанной книги пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ въ дѣйствующей арміи и собралъ рядъ цѣнныхъ, вполнѣ самостоятельныхъ наблюденій. Не скрывая темныхъ сторонъ дѣйствительности, онъ воспроизводитъ и отрадныя явленія, задаваясь добросовѣстнымъ стремленіемъ нарисовать картину истиннаго положенія дѣлъ. Въ общемъ онъ сознается, что отрицательныхъ чертъ онъ встрѣчалъ *больше*, чѣмъ положительныхъ, и это признаніе объясняетъ намъ причины столь неудачно закончившейся войны. Не оправдывая ген. Куропаткина, онъ рѣшительно осуждаетъ образъ дѣйствій ген. Гриппенберга, который своимъ поведеніемъ нарушилъ субординацію и вселилъ въ войскахъ недовѣріе къ главному начальнику. Но главной причиной нашихъ неудачъ г. Табурно усматриваетъ въ томъ, что мы имѣли лишь одну коммуникаціонную линію, не построили на самомъ театрѣ войны необходимыхъ желѣзныхъ дорогъ, хотя имѣли для этого и время и возможность. Прикленвшись къ Китайской жел. дорогѣ мы связали свободу дѣйствій, которой мѣшалъ и черезъ чуръ большой обозъ, переполненный всякой домашней утварью, „необходимой" лишь для *комфортабельной жизни* на позиціяхъ. Всѣ командующіе, за исключеніемъ генерала Линевича, жившаго въ фанзахъ, обитали въ поѣздахъ, снабженныхъ всяческими удобствами, а потому и операціи создавались съ разсчетомъ не покидать желѣзной дороги, т. е. великолѣпнаго жилища. Генералъ Гриппенбергъ желалъ непремѣнно ѣздить въ своемъ поѣздѣ къ главнокомандующему, чѣмъ тормозилъ срочное движеніе. Генералу Штакельбергу была прислана изъ Россіи дойная корова, причемъ лакею генерала показалось неудобнымъ мѣсто, отведенное вагону съ коровой въ поѣздѣ, и почти половину дня другіе поѣзда не могли войти на станцію, пока

переставляли нѣсколько разъ вагонъ съ коровой... Отступленіе обоза отъ Мукдена не было во время произведено потому, что къ помощнику главнокомандующаго, которому приказано было приступить къ отправкѣ обозовъ на сѣверъ, пріѣхала молодая жена и упоенный свиданіемъ съ нею онъ вмѣсто утра 24-го февраля лишь въ 8 часовъ вечера отдалъ приказъ объ отступленіи... Далѣе, множество боевыхъ единицъ было разобрано начальствомъ въ прислугу, которой насчитывалось болѣе 40,000 при 11—12 тысячахъ офицеровъ. Кавалерія также была разобрана большею частью на конвой, такъ что ее не хватало даже на необходимыя развѣдки, что было вдвойнѣ пагубно, такъ какъ шпіонство у насъ было совершенно не организовано, а къ донесеніямъ развѣдчиковъ господствовало сковывающее починъ недовѣріе. Это недовѣріе было возведено въ систему, начальники не довѣряли подчиненнымъ, подчиненные начальникамъ. Господствовало механическое выполненіе приказовъ, не вѣдая ни ихъ цѣли, ни ихъ смысла. Система генерала Куропаткина—распоряжаться самому, всѣмъ мѣшала проявлять личную иниціативу и самостоятельность, хотя война выдвинула рядъ талантливыхъ генераловъ. Подъ вліяніемъ недовѣрія къ плану генерала Куропаткина его заставили перейти въ наступленіе, отступить отъ намѣченнаго образа дѣйствій и получилось полное крушеніе, обусловленное и тѣмъ, что начальники не знали своихъ частей благодаря ихъ смѣшиванію. Техника наша стояла ниже японской, въ особенности сказывалась недостача пулеметовъ; дисциплина солдатъ не стояла на должной высотѣ; присылка запасныхъ была крупной ошибкой, такъ какъ они отвыкли отъ военнаго дѣла. Между штабными и строевыми офицерами была рознь, такъ какъ „храбрецы изъ первыхъ, не нюхавшіе пороха, получали ордена съ мечами, а послѣдніе за дѣйствительную храбрость награждались съ трудомъ. Войскамъ не была разъяснена цѣль и смыслъ войны, а потому въ ихъ рядахъ не было необходимаго для побѣдъ воодушевленія, не было связи между офицерами и солдатами. Въ довершеніе и преждевременная сдача Портъ-Артура усилила японцевъ, которые подъ Мукденомъ стрѣляли по нашимъ войскамъ изъ нашихъ орудій и нашими снарядами...

Съ тяжелымъ чувствомъ читается книжка г. Табурно, но правдѣ надо смѣло смотрѣть въ глаза, чтобъ избавиться отъ новыхъ, еще большихъ невзгодъ!

Н. Чернявскій.

довъ изъ 1000 летятъ въ пустое пространство". Приступая къ изложенію этой ужасной болтовни, „газеты того времени вынуждены были производить всякаго рода операціи: обрѣзывать „глупости" и выпускать воду изъ надутаго и страдающаго водянкой стиля. Пресловутыя засѣданія большею частью сводятся къ пустословію и воплямъ. „Тамъ слышалось, говоритъ одинъ журналистъ, гораздо больше криковъ, нежели разсужденій; казалось, собранія должны скорѣе закончиться драками, а не декретами... Двадцать разъ, выходя изъ залы, я признавался себѣ, что если что нибудь могло бы остановить или задержать революцію, то именно безпощадно и точно нарисованная картина этихъ засѣданій... Я всѣми силами старался передать истину, не дѣлая ее ужасной. Изъ того, что было только сумятицей, я создавалъ картину... Я передавалъ всѣ ихъ чувства, но далеко не всегда въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ. Ихъ крики я превращалъ въ слова; ихъ яростные жесты въ позы: когда я не могъ внушить къ нимъ уваженія, я старался взволновать читателя".

Нѣтъ средствъ избавиться отъ этого зла, тѣмъ болѣе, что кромѣ отсутствія дисциплины есть еще одна глубоко лежащая тайная причина неурядицы. Всѣ эти люди *слишкомъ чувствительны*. Это—французы и притомъ французы XVIII вѣка, воспитанные на любезностяхъ утонченнѣйшей вѣжливости, привыкшіе къ услужливымъ пріемамъ, къ постоянной предупредительности, къ взаимной угодливости: они были такъ пропитаны требованіями свѣтской обходительности, что ихъ обращеніе для иностранцевъ [1]) казалось почти приторнымъ.

И вдругъ они разомъ переносятся на тернистую дѣловую почву, оказываются среди рѣзкихъ споровъ, возраженій, дѣлаемыхъ въ упоръ, злобныхъ доносовъ, продолжительныхъ поношеній, открытой брани, попадаютъ въ пылъ тѣхъ схватокъ всякимъ оружіемъ, которыя представляютъ суть парламентской жизни, гдѣ даже закаленные ветераны съ трудомъ сохраняютъ хладнокровіе.

Подумайте сами о воздѣйствіи этихъ условій на нѣжные нервы новичковъ, на свѣтскихъ людей, пріученныхъ къ осторожному и пріятному обращенію законодателями всемірной

[1]) Ар. Юнгъ I, 46: „Выправленная, элегантная, вылощенная, куча пустыхъ ходячихъ идей не можетъ ни повредить, ни просвѣтить. Вся сила мысли должна пропасть въ привычномъ выраженіи. Тамъ, гдѣ характеры такъ обезличены, нѣтъ мѣста пренію" Cabinet des Estampes. Современные эстампы Моро, Пріе, Монне изображаютъ открытіе генеральныхъ штатовъ. Всѣ фигуры граціозны, элегантны и миловидны.

учтивости. Они сейчасъ же выходятъ изъ себя, тѣмъ болѣе, что ожидали не сраженія, а праздника, нѣкоей грандіозной отрадной идиліи, гдѣ бы всѣ, взявшись за руки, умились бы у трона и обнимаясь спасли бы родину.

Самъ Неккеръ отдѣлалъ залу для засѣданій Собранія на подобіе театра [1]): „онъ не хотѣлъ представить себѣ собраніе Штатовъ иначе, какъ въ видѣ мирнаго, внушительнаго, торжественнаго, священнаго представленія, которымъ наслаждался бы народъ"; когда же пастораль немедленно обращается въ драму. то онъ такъ встревоженъ, что помышляетъ о паденіи, о разрушеніи сруба зданія въ теченіи этой ночи. Въ моментъ соединенія Генеральныхъ Штатовъ всѣ—въ восторгѣ: они вѣрятъ, что обрѣли землю обѣтованную.

Во время процессіи 4-го мая „слезы радости текли изъ глазъ моихъ, говоритъ маркизъ де-Феррьеръ... Погруженный въ сладчайшее волненіе... я видѣлъ Францію, опирающуюся на религію и призывающую насъ къ согласію. Эти священные обряды, это пѣніе, эти пастыри, облаченные въ ризы, эти благовонія, этотъ балдахинъ, это солнце, переливающее цвѣтами радуги въ драгоцѣнныхъ камняхъ... Я вспоминалъ слова пророка: „мой Господь, моя родина, мои сограждане сдѣлались мною самимъ". Во время засѣданій разъ двадцать внезапно сказывается эта чувствительность и вызываетъ постановленіе, о которомъ не думали. Иногда, пишетъ американскій посолъ [2]), среди обсужденія подымается какой нибудь ораторъ, произноситъ великолѣпную рѣчь по постороннему вопросу и заключаетъ ее хорошенькимъ предложеньицемъ, которое проходитъ при восторженныхъ крикахъ. Напримѣръ, во время обсужденія внесеннаго Неккеромъ проекта о національномъ банкѣ, одинъ депутатъ забралъ себѣ въ голову предложить, чтобъ всѣ депутаты отдали свои серебряныя пряжки. Это предложеніе было немедленно принято, почтенные депутаты кладутъ на столъ свои пряжки и затѣмъ возвращаются къ очереднымъ дѣламъ".

Поддаваясь такъ легко возбужденію, они утромъ не знаютъ, что будутъ дѣлать вечеромъ, и находятся во власти всевозможныхъ случайностей. Разъ ихъ обуялъ энтузіазмъ, помѣшательство охватываетъ всѣ скамьи: всякое благоразуміе разстраивается, исчезаетъ всякая дальновидность, подавляется вся-

---

[1]) Marmontel кн. XII, 237; Malouet I, 261; Ferriéres I, 19.

[2]) Gouverneur Morris, 24 янв 1790. Точно также (Ferriéres I, 71) проходитъ постановленіе объ упраздненіи знати. Оно не стояло на очереди въ порядкѣ дня и было внесено совершенно внезапно.

кое возраженіе. Въ ночь на 4 августа [1]) „никто не владѣетъ собой... Собраніе представляетъ зрѣлище пьяной толпы, забравшейся въ магазинъ дорогой мебели и взапуски бьющей и ломающей все, что ни попадется подъ руки". Предложенія, говоритъ одинъ свѣдующій иностранецъ, требующія по меньшей мѣрѣ года осторожныхъ размышленій, вносились, обсуждались и голосовались путемъ всеобщаго одобренія. Уничтоженіе феодальныхъ правъ, десятины и провинціальныхъ привиллегій, три пункта, обнимавшіе, по ихъ мнѣнію, цѣлую систему правосудія и политики, вмѣстѣ съ десяткомъ или дюжиной другихъ, были порѣшены въ болѣе короткій срокъ, сравнительно съ тѣмъ, какой потребовался бы въ англійскомъ парламентѣ для перваго чтенія билля незначительной важности".

„Вотъ наши французы, говорилъ еще Мирабо, они цѣлый мѣсяцъ спорятъ о какихъ-нибудь слогахъ и въ одну ночь ниспровергаютъ весь старинный монархическій строй [2])". По правдѣ сказать, они вели себя, словно нервныя женщины, и ихъ возбужденіе то и дѣло ростетъ въ теченіе всего года революціи: какъ пьяница, разъ онъ захмѣлѣлъ, тянется къ графинчику съ крѣпкими напитками, такъ и они не только являются возбужденными, но и ощущаютъ потребность возбуждаться безъ конца.

Можно, пожалуй, сказать, что они усиленно стараются изгнать изъ своихъ головъ послѣдніе остатки хладнокровія и здраваго смысла. Они любятъ напыщенность, реторику со всѣмъ ея трескомъ, разныя декламаторскія и сентиментальныя разглагольствованія: таковъ стиль почти всѣхъ ихъ рѣчей. Они такъ сильно пристрастились ко всему этому, что уже не удовлетворяются своей собственной болтовней: Лалли и Неккеръ выступали въ Думѣ съ „трогательными и великолѣпными" рѣчами [3]), Собраніе хочетъ, чтобъ онѣ были повторены для него: вѣдь оно—сердце Франціи и каждое сильнее ощущеніе всѣхъ французовъ должно быть имъ перечувствовано. Это сердце должно непрерывно, и насколько только возможно, сильно биться—такова его обязанность и, ему день въ день

---

[1]) Ferriéres I, 189; Dumont, 146.

[2]) Письмо Мирабо къ Сіейсу 11 іюня 1790. „Наша обезьянья нація обладаетъ глоткой попугая". Dumont 146 „Сіейсъ и Мирабо были всегда весьма плохого мнѣнія объ Учредительномъ Собраніи".

[3]) Moniteur I, 256. 431. (16 и 31 іюля 1789 г.) Journal des dèbats et décrets I, 185 (16 іюля). Какой то членъ требуетъ, чтобъ г. де-Лалли записалъ свою рѣчь. „Все Собраніе повторило это требованіе".

доставляютъ эти желанныя потрясенія. Почти каждое засѣданіе начинается всенароднымъ чтеніемъ восторженныхъ адресовъ или угрожающихъ доносовъ. Нерѣдко сами просители являются лично и читаютъ свои изступленныя изліянія, повелительные совѣты и разрушительныя доктрины Сегодня выступаетъ отъ имени Парижа Дантонъ со своей бычачьей физіономіей и голосомъ, напоминающимъ призывающій къ мятежу набатный колоколъ, завтра—побѣдители Бастиліи или какая-нибудь другая шайка, сопровождаемая оркестромъ, играющимъ на своихъ инструментахъ до самой залы. Засѣданія перестаютъ уже быть дѣловыми собесѣдованіями, превращаясь въ какія-то патріотическія оперы, гдѣ смѣшиваются эклога, мелодрама, а подчасъ и маскарадъ, пересыпаемые рукоплесканіями и одобрительными кликами [1]). Собранію представляютъ 120-лѣтняго крѣпостного изъ Юры и одинъ изъ членовъ его свиты, директоръ какой-то патріотической школы г. Бурдонъ, требуетъ, чтобъ ему было разрѣшено завладѣть этимъ почтеннымъ старцемъ, дабы за нимъ ухаживали молодые люди всѣхъ сословій, особенно же дѣти отцовъ, убитыхъ при взятіи Бастиліи [2])". Всеобщій восторгъ и дикіе крики одобренія! Вся сцена точно скопирована у Беркена съ прибавкой торгашеской рекламы: однако на это никто не обращаетъ вниманія и Собраніе, подъ давленіемъ трибунъ, соглашается претерпѣвать рядъ базарныхъ выходокъ. Шестьдесятъ бродягъ, нанятыхъ по двѣнадцати франковъ каждому, одѣтые испанцами, голландцами, турками, арабами, триполійцами, персами, индусами, монголами и китайцами, подъ предводительствомъ пруссака Анахарсиса Клотца, въ качествѣ пословъ отъ всего человѣчества, произносятъ рѣчи противъ тирановъ, и этимъ проходимцамъ оказываютъ почетный

---

[1]) Moniteur 11 марта 1790 г. „Какая-то монахиня изъ St-Mondé, подойдя къ барьеру, благодаритъ Собраніе за декретъ, открывающій монастыри, и разсказываетъ о хитрыхъ уловкахъ и даже насиліяхъ, къ которымъ прибѣгаютъ въ обителяхъ съ цѣлью помѣшать выполненію декрета". Ib. 29 марта. Чтеніе различныхъ адресовъ: „Въ Лангонѣ одна мать собрала своихъ десятерыхъ дѣтей и поклялась съ ними передъ Богомъ въ вѣрности націи, закону, королю", Ib. 5-го іюня. „Г. Шабру добился чтенія письма сборщика податей въ Ланьонѣ (въ Бретани) къ одному кюре, члену Національнаго Собранія. Онъ умоляетъ передать Собранію свою гражданскую присягу, таковую же *всей своей семьи, равно готовой взять въ руки кадило, плугъ, вѣсы, шпагу и перо*". Когда прочитали значительное количество подобныхъ адресовъ, казалось, что Собраніе превратилось въ вспомогательное заведеніе по сбору объявленій.

[2]) Moniteur, 23 октября 1789.

пріемъ на засѣданіи. На этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, маскарадъ служилъ ударомъ, направленнымъ съ цѣлью нагрубить и вынудить уничтоженіе дворянства [1]). Въ другіе разы онъ происходитъ почти безпричинно и его смѣшная сторона оказывается ни съ чѣмъ не сравнимой, такъ какъ этотъ фарсъ разыгрывается съ полнымъ убѣжденіемъ въ важности совершаемаго, словно происходитъ распредѣленіе наградъ въ деревнѣ.

Такъ напримѣръ, дѣтей, приготовлявшихся къ первому причащенію у присягнувшаго епископа, трое сутокъ водили по Парижу, заставляя ихъ повторять у Якобинцевъ тотъ вздоръ, которымъ обременили ихъ память, а на четвертый день ихъ допускаютъ въ Собраніе и тамъ ихъ ораторъ, двѣнадцатилѣтній малюкъ, произноситъ съ трибуны свою рѣчь словно обученный попугай, оканчивая ее обычной присягой, причемъ всѣ его спутники тоненькими голосами кричатъ: „клянемся ее соблюдать“. Въ довершеніе всего предсѣдатель, важный юрисконсультъ Трельярдъ, совершенно серьезно отвѣчаетъ этимъ малышамъ въ такомъ же стилѣ, уснащая свою рѣчь метафорами и олицетвореніями, всѣми обычными пріемами педанта, возсѣдающаго на своей каѳедрѣ: „вы заслужили раздѣлить славу съ создателями свободы, такъ какъ вы готовы пролить за нее свою кровь“.

Рукоплесканія лѣвой и галлереи, постановленіе напечатать рѣчи предсѣдателя и дѣтей; пожалуй эти послѣдніе хотѣли скорѣе пойти поиграть, но волей не волей имъ приходится принять предложеніе присутствовать при торжествахъ засѣданія [2]).

Таковы питочки, импрессаріо и сторожа, при помощи которыхъ приводятъ въ движеніе политическихъ куколъ. Равнымъ образомъ чувствительность, разъ она признана законной силой, дѣлается орудіемъ интриги и принужденія. Въ виду же того, что Собраніе принимало эти театральныя выходки, когда онѣ б ли еще искренни и серьезны, оно вынуждено терпѣть ихъ и тогда, когда онѣ являлись искуственными и шутовскими.

Устроивъ этотъ великій національный банкетъ, на который была приглашена, при широко раскрытыхъ дверяхъ, вся Франція, Собраніе было сперва опьянено благороднымъ виномъ, но затѣмъ, чокаясь съ чернью, оно постепенно снизошло

[1]) Ferrières II, 65; (10 іюня 1790 г.) Montlosier I, 402: „одинъ изъ этихъ фигурантовъ является на слѣдующій день за своей долей уплаты къ графу Бипланкуру, принявъ его за герцога Ліанкура, и говоритъ ему: „Сударь, это я вчера былъ халдейцемъ“.

[2]) Buchez et Roux X, 115. (16 іюня 1791 г.)

подъ давленіемъ своихъ собутыльниковъ до поддѣльныхъ крѣпкихъ напитковъ, вызвавшихъ грубое, нездоровое опьяненіе, особенно зловредное и смѣшное, такъ какъ они упорно продолжали принимать себя за дѣйствующихъ въ здравомъ умѣ.

2. О, если бы по крайней мѣрѣ разумъ хоть въ свѣтлые промежутки возвращалъ свою власть! Но для его преобладанія надо, прежде всего, чтобы онъ существовалъ, между тѣмъ ни въ одномъ французскомъ Собраніи (кромѣ двухъ послѣдующихъ), не было такъ мало политическихъ умовъ.

Разумѣется, строго говоря, при усиленныхъ поискахъ въ 1789 году во Франціи можно было найти пять или шесть сотъ опытныхъ людей: таковы прежде всего интенданты и военные начальники, въ каждой провинціи. Затѣмъ прелаты, управлявшіе большими діоцезами, и члены парламентовъ, обладавшіе, по своему вѣдомству, кромѣ судебной, частью административной власти; наконецъ, всѣ виднѣйшіе члены провинціальныхъ собраній, обладавшіе вѣсомъ и здравымъ смысломъ, имѣющіе навыкъ въ обращеніи съ людьми и съ дѣлами; почти всѣ они—люди гуманные, либеральные, умѣренные, способные одинаково хорошо понять и трудность и необходимость великой реформы. Въ самомъ дѣлѣ, ихъ переписка, полная фактовъ, предусмотрительности и точности, представляетъ весьма разительную противоположность доктринерской болтовнѣ Собранія. Къ сожалѣнію, большинство этихъ свѣтильниковъ остается подъ спудомъ; лишь только нѣкоторые изъ нихъ проникаютъ въ Собраніе; здѣсь они горятъ, не освѣщая, и скоро тухнутъ подъ напоромъ бури. Здѣсь нѣтъ ни стараго Мапо, ни Малэрба, нѣтъ бывшихъ министровъ, ни маршаловъ, ни единаго изъ интендатовъ, кромѣ Малуэ, по превосходству котораго, какъ человѣка, самаго разсудительнаго въ Собраніи, можно заключить, какія услуги оказали бы его товарищи. На 291 представителя духовенства [1]) мы едва находимъ 48 епископовъ и архіепископовъ и 35 аббатовъ или канониковъ; но они въ качествѣ прелатовъ, обладающихъ большими доходами, вызываютъ зависть у другихъ членовъ своего сословія и являются генералами безъ солдатъ. Тоже зрѣлище представляетъ и дворянство: большинство, провинціальные дворяне, было избрано ради противовѣса придворнымъ вельможамъ. Между тѣмъ ни придворные вельможи, занятые свѣтской жизнью, ни провинціальные дворяне, погруженные въ

[1]) См. печатный списокъ депутатовъ, съ обозначеніемъ округа, ихъ званія, положенія и занятія

частную жизнь, не знакомы съ веденіемъ общественныхъ дѣлъ. Изъ нихъ только небольшая группа изъ 28 магистратовъ, да какихъ нибудь три десятка высшихъ чиновниковъ, вѣроятно имѣетъ, въ качествѣ людей управлявшихъ и начальствовавшихъ, представленіе объ общественной опасности; но именно поэтому самому они кажутся отсталыми и остаются безъ вліянія.

Изъ 577 членовъ третьяго сословія лишь десять занимали высшія должности, какъ напр. интенданта, государственнаго совѣтника, главнаго сборщика, намѣстника полиціи, управляющаго монетнымъ дворомъ и др. въ этомъ родѣ. Подавляющее же большинство состоитъ изъ неизвѣстныхъ адвокатовъ, мелкихъ судейскихъ, нотаріусовъ, „королевскихъ прокуроровъ", поземельныхъ коммиссаровъ, мировыхъ судей и засѣдателей уѣзднаго суда, бальи и ихъ помощниковъ, простыхъ кандидатовъ, по своей молодости, замкнутыхъ въ узкомъ кругу посредственной юрисдикціи и бумажной рутины, не знающихъ даже присущихъ молодости шалостей, кромѣ философскихъ прогулокъ черезъ воображаемыя пространства, подъ руководствомъ Руссо или Рейналя. Такового качества—373 человѣка; къ нимъ можно присоединить 38 земледѣльцевъ и хлѣбопашцевъ, 15 врачей и, въ средѣ торговцевъ, промышленниковъ и рантьеровъ, 50—60 человѣкъ, равныхъ имъ по политической подготовкѣ и способностямъ. Изъ средней буржуазіи тамъ—едва лишь полутораста собственниковъ [1]). Прибавите къ этимъ 450 депутатамъ, состояніе, образованіе, освѣдомленность и собразительность которыхъ давали имъ лишь возможность быть хорошими приказчиками, коммунальными нотаблями, почтенными отцами семействъ и, въ лучшемъ случаѣ, провинціальными академиками—208 подобныхъ имъ кюрэ; на 1118 депутатовъ это составляетъ 650, то есть вѣрное большинство, увеличиваемое еще полсотней благородныхъ философовъ, не считая слабовольныхъ людей, слѣдующихъ общему теченію, и честолюбцевъ, преклоняющихся передъ успѣхомъ.

Не трудно предвидѣть, что можетъ сдѣлать Палата, такъ составленная. Опытные люди [2]) заранѣе предсказываютъ это: въ Національномъ Собраніи, пишетъ американскій министръ, есть нѣсколько способныхъ людей: „но лучшія головы не терпятъ воздѣйствія опытности на ихъ выдумки и такихъ къ не-

[1]) Bouille 75; король говоритъ, читая впервые списокъ депутатовъ: „что сказала бы нація, если бы я такъ составилъ Нотаблей или мой Совѣтъ?" (Buchez et Roux, IV, 89).

[2]) Morris, 31 іюля 1789.

счастью много, притомъ богато одаренныхъ воображеніемъ, но имѣющихъ мало знаній, мало благоразумія и вдумчивости".

Это все равно, что поручить 1100 провинціальнымъ нотаблямъ изъ внутренней провинціи перестройку стараго фрегата: они, съ чистой совѣстью, разрушатъ его, а построенный ими вмѣсто него потонетъ, не выходя изъ гавани.

Если бы они, по крайней мѣрѣ, посовѣтовались съ лоцманами и строителями-спеціалистами! Ихъ такъ много вокругъ! и они не могутъ вызвать подозрѣній, такъ какъ большею частью они иностранцы, рожденные въ свободной странѣ, безпристрастные, доброжелательные и къ тому же единодушные. Министръ Соединенныхъ Штатовъ [1]) пишетъ за два мѣсяца до созыва Генеральныхъ Штатовъ: „я, республиканецъ, такъ сказать вчера вышедшій изъ этого Собранія, выработавшаго одну изъ самыхъ республиканскихъ между всѣми республиканскими конституціями, не перестаю проповѣдывать почтеніе къ королю, уваженіе къ правамъ дворянства и умѣренность не только въ выборѣ, но и въ преслѣдованіи цѣли". Тоже самое говоритъ и радикальный демократъ Джефферсонъ. Во время клятвы въ Мячной залѣ онъ съ удвоенной настоятельностью приглашаетъ Лафайета и другихъ патріотовъ „войти въ соглашеніе съ королемъ и обезпечить свободу печати, вѣроисповѣданія, судъ присяжныхъ, неприкосновенность личности, или *habeas corpus*, и національное законодательство, т. е. провести мѣры, *которыя были бы имъ навѣрное одобрены*, затѣмъ вернуться по домамъ и предоставить этимъ новымъ учрежденіямъ воздѣйствовать на положеніе народа, пока они не сдѣлаютъ его способнымъ къ дальнѣйшему прогрессу, будучи увѣренными, что непремѣнно представятся случаи предоставить ему большее". „Я считалъ бы, говоритъ онъ, что только это ваши соотечественники способны поддерживать съ умѣренностью и пользой для самихъ себя". Артуръ Юнгъ, столь добросовѣстный наблюдатель деревенской жизни и столь строгій изобразитель старинныхъ злоупотребленій, не въ состояніи постигнуть поведеніе Общинъ: „отвергнуть навыки, положиться всецѣло на теоріи, желая создать равновѣсіе интересовъ и обезпечить свободу въ государствѣ съ двадцати-пяти-милліоннымъ населеніемъ"—мнѣ кажется верхомъ неблагоразумія и квинтъ-эксенціей заблужденія. Но, надо надѣяться, что теперь, безъ сомнѣнія, Собраніе, будучи всемогущимъ, станетъ разсудительнѣе. Я никогда не

[1]) Morris 25 февр. 1789 г.; La Fayette, „Mémoires" V. 492. Lettre de Jefferson 19 февраля 1715 г.; Arthur Young, 27 и 29 іюня 1789.

позволилъ бы себѣ думать, что представители могли бы хоть на минуту забыть свой долгъ передъ французской націей, человѣчествомъ и собственной честью, что непримѣнимыя воззрѣнія, химерическія системы и безумная мечта о воображаемомъ совершенствѣ свернутъ ихъ старанія съ правильнаго пути и ввергнутъ въ случайности смутъ вѣрныя блага, уже бывшія въ ихъ рукахъ. Я не могу себѣ представить, чтобы люди, имѣвшіе въ рукахъ вѣчную славу, превратили въ игорную ставку это богатое наслѣдіе, *рискуя быть проклятыми, какъ самые необузданные пройдохи, которые когда либо составляли позоръ для человѣчества*".

По мѣрѣ того, какъ обрисовывается ихъ планъ, предостереженія становятся болѣе ясными и всѣ опытные судьи указываютъ имъ на важность тѣхъ колесиковъ, которыя они уничтожаютъ съ предвзятымъ намѣреньемъ.

„Такъ какъ [1]) до сихъ поръ они слишкомъ часто испытывали на себѣ примѣненіе власти отъ имени ихъ королей, то теперь они тѣмъ усиленнѣе жаждутъ всяческаго ограниченія этой власти. Не испытавъ до сихъ поръ неудобствъ слишкомъ слабой исполнительной власти, они не подозрѣваютъ о безпорядкѣ, какой можетъ причинить анархія".

Они хотятъ американской конституціи съ королемъ вмѣсто президента [2]), не подумавъ, что у нихъ нѣтъ американскихъ гражданъ для выполненія этой конституціи... Если у нихъ хватитъ здраваго смысла дать дворянству, какъ таковому, частичку національной власти, то ихъ свободная конституція вѣроятно просуществуетъ долго, въ противномъ случаѣ она выродится или въ чистую монархію или въ обширную республику, въ демократію. Можетъ ли эта послѣдняя прочно существовать? Не думаю; я увѣренъ даже, что нѣтъ, если только не переродится цѣлая нація". Немного позже, когда они отказались отъ парламентской монархіи ради замѣны ея королевской демократіей", имъ немедленно объяснятъ, что введеніе подобнаго строя во Франціи вызоветъ апархію и приведетъ къ деспотизму.

Нигдѣ еще [3]) не водворяли свободы безъ пожертвованія ея крайностями, безъ преградъ ея всемогуществу... При такомъ жалкомъ правительствѣ... народъ, уставшій отъ смуты и лишенный законной защиты отъ своихъ развратителей или угне-

---

[1]) Morris, 1 іюля 1789.

[2]) Ibid 4 іюля 1789.

[3]) Mallet du Pan Mercure 26 сент. 1789.

тателей, сокрушитъ кормило правленія или же самъ передастъ его рукѣ, достаточно смѣлой, чтобъ завладѣть имъ".

Съ каждымъ мѣсяцемъ событія подтверждаютъ предсказанія, а предсказанія становятся все мрачнѣе и мрачнѣе. „Они мечутся [1]), точно перепуганная стая птицъ: нельзя указать навѣрное, гдѣ она сядетъ, такъ какъ онѣ всѣ летаютъ въ разсыпную. Эта несчастная страна, сбившаяся съ дороги въ погонѣ за метафизическими химерами, представляется разсудительному взору лишь обширными развалинами. Собраніе, господинъ и рабъ одновременно, сумасбродъ по своимъ теоріямъ и новичекъ въ практикѣ, присвоило себѣ всѣ функціи, не будучи въ состояніи выполнить хотя бы только одну, и совершенно сняло съ дикаго, озлобленнаго народа узду религіи и уваженія. Такое положеніе вещей не можетъ продолжаться долго... Славный случай пропущенъ и, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, *революція не удалась*".

Изъ отвѣтовъ Вашингтона видно, что его впечатлѣнія совершенно одинаковы. А по ту сторону пролива искуснѣйшій практикъ Питтъ и глубочайшій теоретикъ политической свободы Боркъ выносятъ такой же приговоръ. Въ концѣ 1789 г. Питтъ говоритъ, что „французы прошли мимо свободы", а Боркъ въ 1790 году въ своей книгѣ [2]) одновременно пророческой и написанной въ высшей степени мастерски, предсказываетъ въ концѣ революціи военную диктатуру и наиболѣе абсолютный деспотизмъ, какой только „когда либо появлялся подъ небомъ".

Ничто не помогаетъ! За исключеніемъ небольшой безсильной группы, соединившейся возлѣ Малуэ и Мунье, всѣ остальные либо принимаютъ равнодушно, либо отвергаютъ съ презрѣніемъ предостереженія Морриса, Джефферсона, Ромильи, Дюмона, Маллэ дю-Пана, Артура Юнга, Питта, Борка, всѣхъ вообще людей, знакомыхъ по опыту со свободными учрежденіями. Наши новые политики не только бездарны, но и мнятъ себя способными и ихъ неспособность отягчена ихъ пристрастіемъ. „Я часто говорилъ, пишетъ Дюмонъ [3]), что, если бы остановить сто любыхъ прохожихъ въ Лондонѣ и сто въ Парижѣ и предложить имъ взять на себя управленіе страной, то въ Парижѣ 99 приняли бы это предложеніе, а въ Лондонѣ 99 отказались бы... Французъ считаетъ себя въ состоя-

[1]) Morris 24 янв. 1790, 22 ноября 1790.

[2]) См. Burke Reflections on the Revolution in France. Такимъ же непримиримымъ противникомъ революціи Боркъ выступаетъ и въ Thoughts on a rigicide peace. 1796.

[3]) Dumont, 38, 58, 62

пін справиться со всякими трудностями съ весьма малой долей разсудка; Мирабо былъ докладчикомъ комитета рудной промышленности, не имѣя о ней ни малѣйшаго представленія". Словомъ, большинство ихъ берется за политику по примѣру того господина, который на вопросъ: „умѣете ли вы играть на клавикордахъ, отвѣтилъ: „не знаю, что вамъ сказать, право, я еще ни разу не пробовалъ: а вотъ мы сейчасъ посмотримъ".

Собраніе, *особенно же мѣвая его*, было такого высокаго мнѣнія о себѣ, что охотно взялось бы за составленіе свода законовъ для всѣхъ націй... Никогда еще не приходилось видѣть, чтобы такое множество людей воображало себя законодателями, призванными сюда для исправленія всѣхъ ошибокъ прошлаго, для избавленія отъ всѣхъ заблужденій человѣческаго разума и обезпеченія счастья будущихъ вѣковъ. Въ ихъ душѣ не было мѣста для малѣйшаго сомнѣнія и они постоянно считали непогрѣшимыми свои противорѣчивыя постановленія".

Это происходитъ отъ того, что у нихъ есть теорія, освобождающая, по ихъ мнѣнію, отъ спеціальныхъ знаній. Они глубоко вѣрятъ въ это и смѣло отрекаются отъ обычнаго пути. До сихъ поръ конституцію строили или чинили, какъ корабль, придерживаясь либо съ колебаніями либо точно образца сосѣднихъ кораблей. Прежде всего заботились о томъ, чтобы судно могло плавать и приспособляли его устройство къ его назначенію; его строили такъ или иначе, соотвѣтственно матеріалу, имѣвшемуся въ распоряженіи, стараясь, предварительно испытать его твердость, вѣсъ и сопротивленіе.

Теперь все это—дѣло отсталое: насталъ вѣкъ разума и Собраніе слишкомъ просвѣщенно, чтобы слѣдовать подобной рутинѣ. Сообразно современнымъ привычкамъ, оно дѣйствуетъ *по дедукціи*, на подобіе Руссо, примѣнительно къ отвлеченнымъ понятіемъ права, государства и общественнаго договора [1]). Слѣдуя этимъ путемъ можно, при помощи политической геометріи, создать идеальное судно; такъ какъ оно идеально, то

---

[1]) Sir Samuel Romilly Memoirs I, 102 „Они обыкновенно *декретировали предварительно принципы*, ставя редактированіе закона на второе мѣсто. Вліяніе этого метода на ихъ пренія и рѣшенія было изумительно" Ibid, I, 354. Письмо Дюмона отъ 2 іюня 1789. „Они предпочитаютъ собственныя глупости всѣмъ результатамъ британской опытности. Они возмущаются при мысли о позаимствованіи чего либо изъ вашего государственнаго строя, оплеваемаго здѣсь, какъ позоръ для человѣческаго разума; хотя они признаютъ, что у васъ есть два—три хорошихъ закона, но для нихъ невыносимо то, что вы раньше ихъ имѣли конституцію".

оно будетъ плавать гораздо лучше, чѣмъ всякое судно, построенное опытнымъ путемъ.

На основаніи этого принципа они законодательствуютъ и не трудно себѣ представить, чѣмъ могутъ быть ихъ пренія. Нѣтъ ни установленныхъ фактовъ, ни точныхъ доказательствъ: невозможно даже вообразить, что говорящіе призваны сюда для упорядоченія реальныхъ отношеній.

Рѣчь за рѣчью продолжается цѣлая цѣпь пустыхъ отвлеченій, возобновляемыхъ до безконечности, какъ будто идутъ занятія въ классѣ упражняющихся учениковъ реторики или развлекается общество старыхъ ученыхъ. По вопросу о veto „каждый ораторъ поочередно вооружается тетрадкой и читаетъ цѣлую диссертацію, ничего общаго съ предыдущей не имѣющую. Все это напоминаетъ по виду ученое засѣданіе, съ безконечной вереницей брошюръ, ежедневно возобновляемое въ теченіи нѣсколькихъ дней". По вопросу о Правахъ человѣка выступаетъ пятьдесятъ четыре оратора: „я вспоминаю, какъ смертельно скучное время, говоритъ Дюмонъ, эти безконечныя пренія, длившіяся цѣлыми недѣлями; эти безплодныя препирательства изъ за отдѣльныхъ выраженій, это метафизическое пустословіе, наборъ словъ, эту надоѣдливую болтовню: Собраніе точно превратилось въ Сорбонну" и это въ то время, какъ замки горятъ, городскіе дома разграблены, суды не смѣютъ болѣе засѣдать, хлѣбъ не подвозится и общество разлагается; ну точь въ точь какъ богословы Византійской имперіи съ ихъ спорами о невещественномъ свѣтѣ на Ѳаворской горѣ, въ то время какъ стѣны Константинополя рушились подъ выстрѣлами пушекъ Магомета II! Безъ сомнѣнія наши спорщики—другіе люди, они молоды сердцемъ, искренни, воодушевлены, даже великодушны, прилежны, трудолюбивы и подчасъ не лишены рѣдкихъ дарованій. Но ни усердіе, ни трудъ, ни дарованія не приносятъ пользы, когда они не употреблены на служеніе истинной идеѣ; мало того, находясь въ порабощеніи у ложныхъ идей, чѣмъ они крупнѣе, тѣмъ больше приносятъ зла.

Къ концу 1789 года въ этомъ нельзя сомнѣваться, такъ какъ образовавшіяся къ тому времени партіи обнаружили уже размѣры своей самонадѣянности, своей недальновидности, неспособности и непреклонности. Ихъ три въ Собраніи, пишетъ американскій посланникъ [1]). Первая—аристократическая—состоитъ изъ высшаго духовенства, бывшихъ членовъ парламентовъ и той части дворянъ, которая хотѣла бы засѣдать, какъ особое сословіе".

[1]) Моггіз, 24 января 1790.

шенныя опытнаго балласта онѣ увлекаются чистой логикой и только увеличиваютъ стадо теоретиковъ.

Эти послѣдніе составляютъ третью партію, такъ называемыхъ „бѣшеныхъ, которые по прошествіи шести мѣсяцевъ становятся самыми многочисленными". „Эта партія, говоритъ Моррисъ, состоитъ изъ людей, которыхъ у насъ въ Америкѣ зовутъ „породой крючковъ", не считая толпы священниковъ, да еще множества тѣхъ людей, которые во всѣхъ революціяхъ становятся подъ знамя нововведеній, потому что или чувствуютъ себя плохо, или находятся въ скверномъ положеніи. „Эта послѣдняя партія вошла въ тѣсный союзъ съ чернью, что даетъ ей большую власть, и она уже все расшатала. На ея сторонѣ всѣ сильныя страсти, т. е. не только раздраженіе народа, мучимаго нищетой и подозрѣніями, не только себялюбіе и запосчивость буржуа, возставшаго противъ стараго порядка, но и застарѣлая злоба и доказательства, обдуманныя столькими страдающими душами и мятежными умами, протестантами, янсенистами, экономистами, философами, вродѣ Фрето, Рабо-Сентъ-Этьена, Вольнея, Сіейса, которые скрывая длинную груду злобы или надежды, только и ждутъ удобнаго случая для примѣненія своей системы со всей непримиримостью догматизма и вѣры.

Для подобныхъ умовъ прошлаго не существуетъ, примѣръ не имѣетъ силы; реальныя вещи (отношенія) не принимаются ими въ соображеніе: они живутъ лишь своей утопіей. Сіейсъ, наиболѣе разсудительный изъ нихъ, полагаетъ, что вся англійская конституція—шарлатанство, навязанное народу [1]); онъ смотритъ на всѣхъ англичанъ, какъ на дѣтей въ вопросѣ о конституціи, и думаетъ, что онъ способенъ дать Франціи гораздо лучшую". Дюмонъ, видѣвшій первыя собранія у Бриссо и Клавьера, покидаетъ ихъ съ тревогой и отвращеніемъ. „Не возможно, говоритъ онъ, изобразить смѣшеніе представленій, разстройство воображенія, шутовскую нелѣпость народныхъ понятій; можно подумать, что это міръ на слѣдующій день послѣ его сотворенія".

Собственно говоря, они предполагаютъ, что человѣческое общество не существуетъ и они призваны создать его: „точь въ точь, какъ если бы послы враждующихъ народностей, имѣющихъ противоположные интересы, взялись бы устраивать ихъ судьбу, предполагая, что не существуетъ ничего въ прошломъ.

Никакихъ колебаній! они увѣрены, что все это пустяки и что любой встрѣчный можетъ все довести до конца при по-

[1]) Dumont 83, 58, 62.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ,

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ,

„Южный Край"

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

Выходитъ ежедневно безъ предварительной цензуры.

Редакція ежедневно получаетъ извѣстія изъ столицъ и провинцій отъ собственныхъ корреспондентовъ.

Корреспонденціи изъ Франціи, Англіи, Германіи, Австро-Венгріи, Италіи, Турціи, Швейцаріи, Персіи, Малой Азіи и другихъ странъ.

Въ „Южномъ Краѣ" помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политиканжи, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ

Подписная цѣна на 1905 годъ:

Съ доставкою въ Харьковѣ:

На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
10 —	9 50	9 —	8 25	7 50	6 75	6 —	5 25	4 50	3 40	2 40	1 20.

Съ пересылкою иногороднимъ:

11 —	10 50	10 —	9 20	8 50	7 80	7 —	6 —	5 —	—	3 —	1 50.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ конторой. Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край" на Сумской ул., въ домѣ А. А. Іозефовича, № 18.

Южный Край" печатается на ротаціонной машинѣ Маринони, полученной изъ Парижа которая даетъ до 20,000 оттисковъ въ часъ.

Редакторы: А. А. Іозефовичъ.
Н. Н. Окуловъ.

Издатель А. А. Іозефовичъ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ 1905 г. „МИРНЫЙ ТРУДЪ“ ГОДЪ ТРЕТІЙ 1905 г.

(повременное научно-литературное и общественное изданіе)

выходитъ десять разъ въ годъ (за исключеніемъ Іюля и Августа) ежемѣсячными выпусками не менѣе 100 листовъ въ годъ.

Признавая мирный трудъ единственнымъ средствомъ для осуществленія столь необходимыхъ общественныхъ преобразованій, редакція ставитъ своей задачею посильное содѣйствіе пробужденію чуждаго всякой нетерпимости, *русскаго національнаго самосознанія*, усиленію *культурнаго общенія со славянствомъ*, изученію *созидательной* работы Запада и росту *общественной самостоятельности*, оцѣнивающей свое и чужое, независимо отъ партійныхъ соображеній и указокъ.

Въ журналѣ принимаетъ постоянное участіе рядъ профессоровъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Романы, повѣсти, разсказы и стихотворенія, 2) Беллетристическія новости, 3) Литературная критика, 4) Искусство, театръ и музыка, 5) Вопросы воспитанія и обученія, 6) Внутреннее обозрѣніе, 7) Политическая лѣтопись, 8) Статьи по разнымъ отраслямъ наукъ, 9) Обозрѣніе научныхъ журналовъ, 10) Дѣятельность ученыхъ обществъ, 11) Научныя мелочи, 12) Критическій разборъ научныхъ изслѣдованій, 13) Библіографія, 14) Объявленія.

Постоянно сообщаются свѣдѣнія о **дѣятельности Русскаго Собранія и его Отдѣловъ**, усматривающихъ въ сознательномъ служеніи творческимъ началамъ Православія, Самодержавія и Народности основу благоденствія и развитія Россіи, залогъ избавленія отъ внѣшнихъ и внутреннихъ опасностей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: для городскихъ (харьковскихъ) подписчиковъ 5 руб. въ годъ, для иногороднихъ съ пересылкой 6 руб. на полгода 3 р. Отдѣльная книжка 1 р. съ пересылкой.

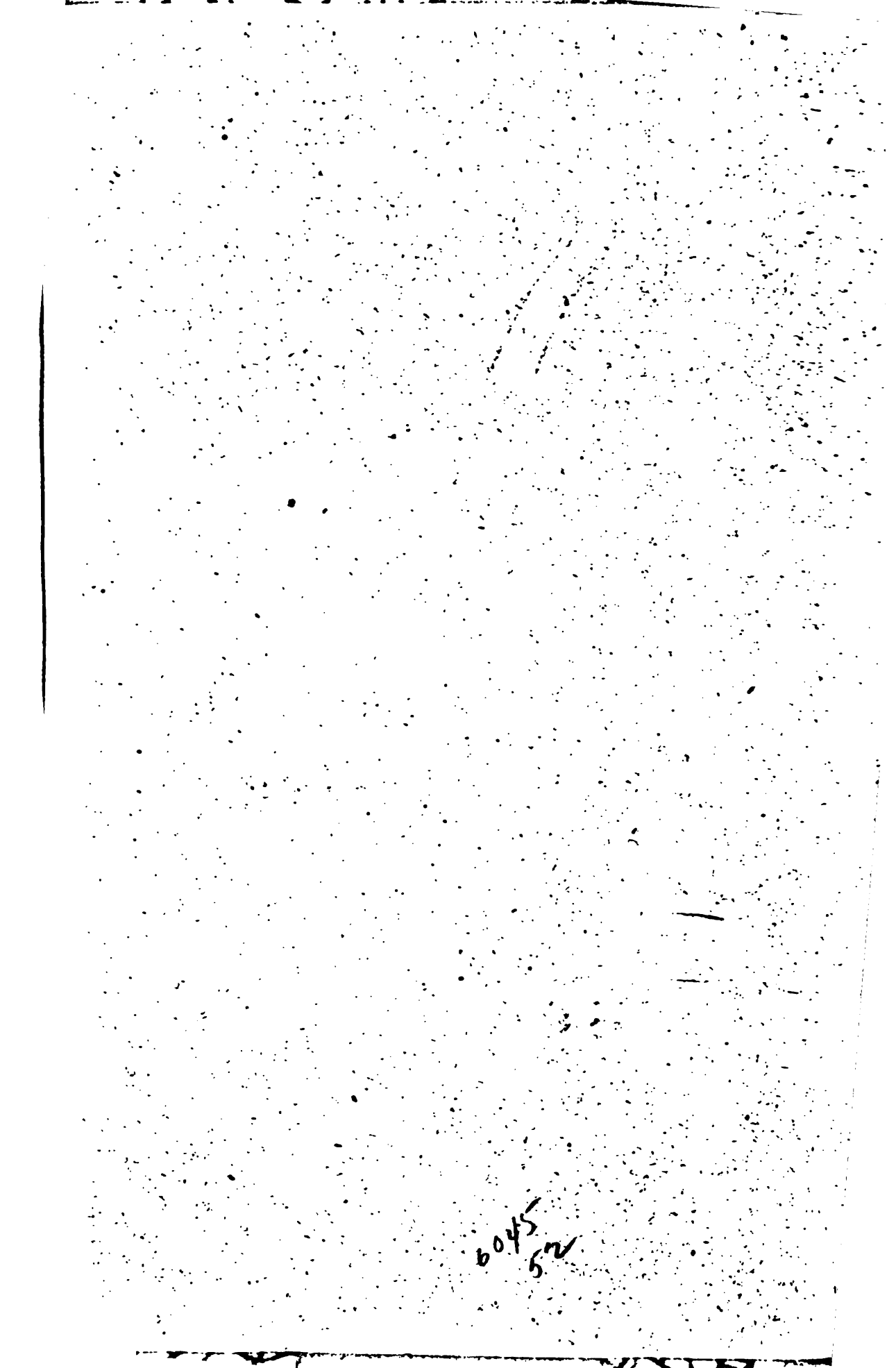
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ, удерживающихъ за коммиссію и пересылку денегъ по 30 коп. съ годового экземпляра, и въ редакціи журнала (Дѣвичья, № 14. Харьковъ).

Плата за объявленія: 20 рублей за полную страницу, 10 руб. за половину и 5 руб. за четверть страницы. Въ редакціи продаются книжки „Мирнаго Труда“ за 1902—3 г. (первый годъ изданія) и за (второй) 1904 г. по 5 руб. съ пересылкой за годовой экземпляръ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 годъ.

Редакторъ-издатель проф. *А. Вл[illegible]*



2044 092 939 826